АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Б 68-12/79 2 вып

Е. А. АЛЕКСЕЕНКО

КЕТЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1967

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Б. О. Долгих*

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени В. И. Ленина
1968 г. 7575

1-6-2
62—68 (I пол.)

ВВЕДЕНИЕ

Кеты — одна из самых малочисленных народностей Сибирского Севера. По данным переписи 1959 г., их насчитывается 1017 человек (Итоги Всесоюзной переписи, 1963, стр. 302).

Расселены они в северной части Красноярского края (рис. 1). Большинство кетов сосредоточено на территории Туруханского района. Там они располагаются компактными группами по притокам Енисея — Елогую, Сургутихе, Пакулихе и Курейке. Центром елогуйских кетов является пос. Келлог, сургутинских — Сургутиха, курейских—Серково.[1] Отдельные семьи кетов живут и среди русского населения во многих приенисейских поселках Туруханского района (Ворогово, Сумароково, Бахта, Лебедь, Мирное, Кангатово, Алинское, Верещагино и др.). Подкаменнотунгусская группа (центральная усадьба — пос. Суломай), согласно современному административному делению, входит в Байкитский район Эвенкийского национального округа. Несколько семей живет в Енисейском (пос. Ярцево) и Игарском районах Красноярского края.[2]

Таким образом, отдельные группы народности удалены друг от друга на значительное расстояние, северные кеты (курейские) находятся более чем за полторы тысячи километров от южных своих соплеменников.[3]

---

[1] Центром пакулинской группы недавно стал приенисейский пос. Бакланиха (вместо пос. Пакулихи), но основными угодьями остается бассейн р. Пакулихи.

[2] Эти же основные группы были зарегистрированы переписью 1897 г. (Патканов, 1912, стр. 107—108).

[3] При переписи 1959 г. небольшая группа кетских (р. Кеть, село Маковское) и сымских (р. Сым, пос. Сым) селькупов была ошибочно записана «кетами». Ошибка произошла от того, что этноним *селькупы* (самоназвание северной группы) не привился среди южной группы этой народности, ме-

Большая часть территории, где живут кеты, входит в зону тайги. Левобережные районы и южная часть правобережья изобилуют смешанными хвойными лесами (кедр, ель, лиственница), которые являются ценными охотничьими угодьями. В северной части района тайга уступает место лесотундре и тундре. Енисей является главной связующей артерией района, а реки Подкаменная Тунгуска, Елогуй, Бахта, Сургутиха, Пакулиха наряду с крупными озерами (Налимье, Мундуйское и т. д.) — основными рыбопромысловыми водоемами.

Название «кеты» происходит от слова *кет* — «человек». Оно утвердилось в русском языке с 20-х годов текущего столетия. До этого кеты были известны под наименованиями «остяки», «енисейские остяки», «енисейцы». Остяками кетов называли русские служилые люди в XVII в. по аналогии с угроязычными обскими остяками — хантами. Так же именовали и самодийскоязычных селькупов (которых в научной литературе называли еще и остяко-самоедами). Такое распространение одного этнического термина на три разных народа вносило путаницу в научную литературу, мешало практической работе на местах (Тугаринов, 1927, стр. 5; Долгих, 1934, стр. 41, 42). В настоящее время старый этноним — *остыган* сохраняется в качестве самоназвания среди части пожилых людей, подавляющее же большинство их именует себя кетами.[4]

В зависимости от местожительства по отношению к течению Енисея кеты называют себя «низовскими» (*тыγырең*) и «верховскими» (*утэрең*).[5] Кроме того, отдельные группы именуются своими соплеменниками по названию реки, около которой они живут: *кол'лдең* (подкаменнотунгусские), *қомыjдең* (сургутинские), *елукдең* (елогуйские) и т. д. Первым компонентом в таких названиях является собственное наименование реки, вторым — слово *дең* — «люди». Названия могли отражать и какие-либо природные особенности местожительства данной группы: *кас'дең* — «жившие

стные же самоназвания были забыты, и до 1959 г. селькупы назывались «остяками». А так как старое название кетов было «остяки», селькупов записали «кетами».

[4] В Туруханском районе до настоящего времени употребляется неправильное название народа — *кето* (звательная форма от слова *кет*). Одно время это название вошло и в литературу (Финдейзен, 1929).

[5] Кроме букв, обозначающих соответствующие русские звуки, при полевых записях были использованы следующие знаки: *æ* — гласный звук, промежуточный между *а* и *э*; *j* — среднеязычный; *қ* — заднеязычный глухой согласный; *γ* — заднеязычный; *ң* — заднеязычный носовой; *и* — увулярный дрожащий; ω — губной звонкий; ' — смягченность согласного; ‘ — придыхание; черточка над буквой — долгота гласного. В лингвистических терминах, взятых из словарей М. А. Кастрена и К. Доннера, сохранена их транскрипция. В отдельных случаях использованы записи собирателей кетских коллекций, что отмечено сокращениями: А. — Анучин, Д. — Долгих. К. — Каргер.

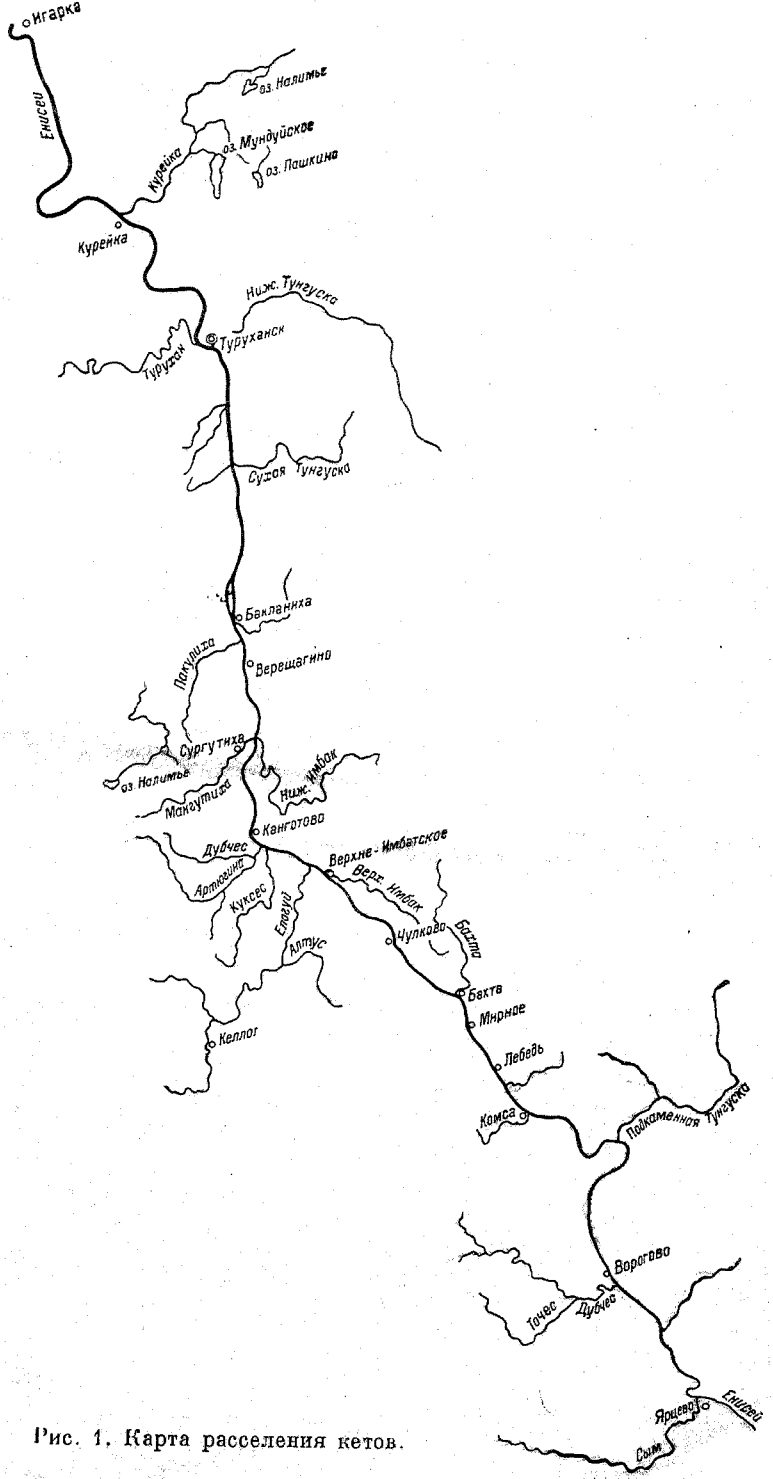

Рис. 1. Карта расселения кетов.

на песке», *қајбаңдең* — «жившие на яру».[6] Кроме того, кеты в конце XIX—начале XX в. выделяли в своей среде «береговых» (живших постоянно на побережье Енисея) и «лесовых» (находившихся преимущественно на отдаленных угодьях).

Соседями кетов на территории их современного расселения издавна были русские, а также коренное население Енисейского Севера — селькупы, энцы, ненцы, эвенки. Для всех них у кетов имеются названия. Русских кеты называют *кын'с'* и *сыран* (последний термин характерен для потомков сымских кетов), селькупов — *лак* (ед. ч.), *лаген*, *л'агын* (мн. ч.).[7] Эвенки известны кетам под названием *хœмган* (мн. ч.), *фомбан* (сым.); их называли также *тыүс'дең* — «каменные люди».[8]

Для ненцев существовало название *дыүыдең* и *ды* (Долгих, 1934, стр. 41), а кеты, жившие в близком соседстве с селькупами (современные сургутинские и пакулинские), заимствовали у последних их название ненцев: *кœлең* (*кылык*).[9] Есть основания предполагать, что первым именем (*дыүыдең*) кеты называли и энцев. Близость языка и материальной культуры обоих народов, а также характер отношений (те и другие выступали как враги кетов) могли обусловить для них общее название.[10] Современным сургутинским и елогуйским кетам, поддерживающим связь с коренным населением верховьев Таза (селькупами, эвенками), зна-

---

[6] Необходимо подчеркнуть, что этнонимы такого рода представляют собой название одной группы другой и, как правило, не являются самоназванием. Это обстоятельство надо иметь в виду при анализе этнонимов, известных из ранних источников, и выявлении родовых самоназваний.

[7] Селькупы называли кетов *конак*. Возможно, этот этноним происходит от родового самоназвания кетов Қонинь. Представители рода Қонинь были непосредственными соседями северных (баишенских и туруханских) селькупов. Б. О. Долгих (устное сообщение) предполагает, что это название может быть связано с селькупским *канзнг* — «берег» (ср. наименование части кетов — «береговые»). В источниках XVIII в. этноним *кöннийнг* записан в качестве самоназвания кетов (Дульзон, 1961а, стр. 176).

[8] Ср. с легендарными *тыстаді*, нападавшими на кетов (Анучин, 1914, стр. 4). Общим названием остяков у енисейских эвенков было *дяндри* (по-видимому, от кетского *дең* — «люди»), но отдельные группы имели и самостоятельные наименования: *дюкун*, *дюкундри* (выдра) — сымские кеты; *нюмнякан*, *нумнякиль* (гуси) — елогуйские; *кеткан*, *кеткар* — выходцы с Кети (Василевич, 1931, стр. 134; Долгих, 1950, стр. 92).

[9] Ср. с враждебным кетам племенем — *килики* (Анучин, 1914, стр. 4).

[10] Ненцы называли енисейских кетов *'енся'хаби* в отличие от тазовских селькупов (*тасу'хаби*) и обских угров (*хаби*). Термин *хаби* имел также самостоятельное значение — «раб», «невольник», «зависимый» (Хомич, 1966, стр. 23). Общность названия для разноязычных народов свидетельствует, видимо, об одинаковых исторических судьбах (преимущественном подчинении их предкам современных ненцев при военных столкновениях); ненцами, по-видимому, была подмечена и определенная культурная общность этих народов (вспомним также общее русское название — остяки — для хантов, селькупов и кетов), вызванная историческими связями и сходными условиями жизни.

комы соседи последних — ханты. Название хантов у кетов — *лаңа*, видимо, селькупского происхождения.[11]

Кетский язык занимает изолированное положение и не входит ни в одну родственную группу языков Северной Азии.[12]

Он агглютинативно-аффиксального типа со слабым проявлением внутренней флексии. Своеобразие языка состоит в том, что слово- и формообразование в нем происходят не посредством какого-либо одного приема аффиксации (суффиксов, префиксов или инфиксов), а почти в равной степени всеми тремя способами. Другой особенностью кетского языка, отмеченной лингвистами начиная с М. А. Кастрена, но детально изученной только в последнее время, является способ выражения грамматического рода в виде трех именных классов — мужского, женского и класса вещей. Наконец, следует отметить третью особенность языка: исключительное многообразие глагольных форм (Дульзон, 1962д; Крейнович, 1961, 1963а).

Еще М. А. Кастрен выделил в кетском языке два диалекта (имбатский и сымский), значительно отличающихся друг от друга в области фонетики, морфологии и лексики (Castren, 1858). Эта классификация не утратила своего значения до настоящего времени. В современных лингвистических исследованиях утверждается, что подавляющее большинство кетов в настоящее время говорит на имбатском диалекте, который подразделяется на говоры в зависимости от места проживания их носителей (говор курейской, елогуйской, сургутинской и других групп). Сымский диалект сохраняется у очень небольшого числа кетов (поселки Ярцево и Ворогово). Лингвисты отмечают интенсивное смешение различных говоров внутри территориальных групп, вызванное значительными перемещениями семей и отдельных лиц за последние десятилетия (Дульзон, 1964б; Вернер, 1966в).

Согласно переписи 1959 г., кетский язык назвали родным 786 человек (Итоги Всесоюзной переписи, 1963, стр. 302). Большинство кетов хорошо владеет русским языком, многие, кроме того, знают селькупский и эвенкийский.[13]

---

[11] О народе *лаңај* кетам было известно, что они живут на Язевой речке (сельск. *лаңајкы*), что волосы у них светлые и что женщины у них прежде закрывали лицо платком.

[12] Еще недавно язык кетов, равно как и кетоязычных коттов, асанов, аринов (см. ниже), относили к западной группе палеоазиатских языков (Объяснительная записка, 1929). Однако такая классификация была чисто условной, так как никаких типологических сходств языки палеоазиатские и кетский не обнаруживают. Лингвистические исследования последнего времени все чаще обращают внимание на общие черты в основных принципах построения кетского языка с некоторыми языками кавказских горцев, басков и североамериканских индейцев (Collins, 1954; Tailleur, 1958; Дульзон, 1962д; Крейнович, 1961, 1965).

[13] Подробнее о развитии современного кетского языка, его взаимодействии с языками соседнего населения будет сказано при характеристике современных этнических процессов.

Кеты издавна привлекают внимание широкого круга ученых. Интерес к кетской проблеме обусловлен прежде всего особенностями языка, его изолированным положением. Было высказано немало гипотез о происхождении народа. Первоначально этногенетические теории строились исключительно на лингвистическом материале. Значительно позже стали анализироваться этнографические данные. И только в самое последнее время сделаны попытки комплексного исследования проблемы с привлечением антропологии, археологии, топонимики. Этот процесс постепенного расширения источников хорошо заметен при хронологическом сопоставлении научной литературы.

Ниже дается краткий обзор источников и истории изучения кетов.

Наиболее ранними источниками являются официальные исторические документы XVII в., периода проникновения и утверждения русских на территории обитания предков кетов: отписки воеводских канцелярий, ясачные ведомости, донесения, грамоты и др. С появлением в русских поселках церквей и началом крещения коренного населения такими источниками становятся церковные документы (метрические книги и пр.). Эти материалы содержат сведения о расселении, численности, родовых и территориальных названиях отдельных групп, взаимоотношениях с другими народами и этническими группами. Большое значение они имеют для изучения родо-племенной культуры, экзогамии и прочих сторон социальной жизни народа.[14]

Предметом специального изучения сибирские народы становятся с начала XVIII в. В числе первых путешественников, отправленных Петром Первым для естественноисторического изучения Сибири, был Д. Г. Мессершмидт, который, в частности, проехал от Енисейска до Туруханска и собрал сведения (этнографические и лингвистические) о кетах, живших в начале 20-х годов XVIII в. в районе рек Елогуя и Бахты, а также о южных кетских (енисейских) группах.[15] При жизни ученого эти материалы не увидели света, но впоследствии извлечения из его дневников вошли в сочинение П.-С. Палласа (Pallas, 1782), публиковались И. Клап-

[14] Очень большая работа по выявлению и изучению архивных материалов, проливающих свет на раннюю историю кетов (северных и южных), проделана Б. О. Долгих. Эти данные вошли в ряд опубликованных им работ (Долгих, 1949а, 1949б, 1950) и главным образом в обобщающую монографию, посвященную родо-племенному устройству сибирских народов в XVII в. (1960). Кроме того, многочисленные данные о южносибирских кетах XVII—XVIII вв., их исторических судьбах введены в научный оборот Л. П. Потаповым (1952, 1953а, 1957) и С. В. Бахрушиным (1955).

[15] Кетские словарные материалы из рукописей Д. Г. Мессершмидта, равно как и из других источников XVIII в. (рукописных и печатных), охарактеризовал и опубликовал А. П. Дульзон (1961а). Общее описание этих источников ранее было осуществлено И. С. Вдовиным (1954). Этнографические и исторические данные из дневников Мессершмидта частично вошли в работы Л. П. Потапова (1952, 1957).

ротом (Klaproth, 1823) и В. В. Радловым (1888). В настоящее время Академия наук ГДР осуществляет полное издание материалов Д. Г. Мессершмидта (Messerschmidt, 1964). Предполагается, однако, что некоторые его лингвистические записи, в том числе и по кетским наречиям, остаются еще невыявленными (Вдовин, 1954, стр. 14; Дульзон, 1961а, стр. 153).[16]

Вместе с Мессершмидтом в качестве его помощника путешествовал по Сибири Ф. И. Табберт (Страленберг), опубликовавший сведения о народах Сибири, в том числе о южных кетоязычных группах (коттах, аринах), относящиеся к началу 20-х годов XVIII в. (Stralenberg, 1730).

Ценные этнографические данные о коттах, аринах и близких им по культурно-бытовому и хозяйственному укладу тюркоязычных качинцах содержат «сказки» служилых людей Красноярской воеводской канцелярии, составленные в ответ на известный вопросник В. Н. Татищева. Эти материалы представляют исключительный сравнительно-исторический интерес для изучения кетов.[17]

Наиболее значительным источником историко-этнографического исследования сибирских народов XVIII в. (и среди них кетов) являются многочисленные сведения, собранные участником 2-й Камчатской экспедиции Беринга (1733—1743 гг.) Г. Ф. Миллером.[18] Кроме собственных наблюдений и опросных сведений, материалы Миллера (его «портфели») включают разнообразные документы, извлеченные ученым из архивов сибирских городов, в том числе Красноярска, Енисейска и т. д.[19] Большое место в исследованиях Миллера занимала работа по составлению так называемых вокабуляриумов, словарей сибирских народов, среди них кетского (енисейско-остяцкого), коттского, асанского и аринского.[20] Сравнительный характер построения обеспечил особую значимость этих источников для изучения языка, носители которого (южносибирские группы) уже к началу прошлого столетия растворились в иноязычной среде.[21]

В середине XVIII в. в Германии было издано сочинение еще одного участника 2-й Камчатской экспедиции — И. Г. Гмелина (Gmelin, 1751—1752). Основываясь на сходстве языка последних

---

[16] О Д. Г. Мессершмидте см.: Новлянская, 1966.

[17] Опубликованы А. И. Андреевым (1936) и Л. П. Потаповым (1957).

[18] См.: Воробьев, 1964, стр. 198—222.

[19] В 1750 г. вышел первый том «Описания Сибирского царства» Миллера. Первый и второй тома «Истории Сибири» были опубликованы в 1937 и 1941 гг. Рукописные материалы его «портфелей» постоянно привлекают внимание историков, а продолжающаяся публикация делает их достоянием широкого круга исследователей (Потапов, 1957; Долгих, 1960а).

[20] О значении материалов Г. Ф. Миллера для кетского языкознания см.: Вдовин, 1954; Дульзон, 1964б.

[21] Рукописные путевые заметки ученого, сделанные им во время переезда из Томска в Красноярск, частично приведены в книге Л. П. Потапова (1957).

с наречиями «красноярских татар» — асанов, котовцев коттов) и аринов, Гмелин высказывает положение о родстве этих групп.

Исторические и, главное, лингвистические материалы Г. Ф. Миллера были использованы его современником и соучастником по экспедиции историком И. Фишером. Ему принадлежит, в частности, обоснование особого этнического места кетов среди прочих народов, именуемых остяками (современных хантов, манси, селькупов), и их родства с кетоязычными аринами, коттами, асанами, а также смешанными по своему составу койбалами (Фишер, 1774).

Источниками второй половины и конца XVIII в. являются известные труды участников академической экспедиции 1768—1774 гг. П.-С. Палласа (1787, 1788) и И. Г. Георги (1799).

Широкую известность получили сравнительные словари П.-С. Палласа. Собственно кетский язык (язык инбаков) в них правильно объединяется с языком асанов, котовцев, пумпоколов (кетское население верхней Кети; см. ниже), но отнесен к самоедской группе. Георги повторяет данные Гмелина о сходстве языка кетов с южносибирскими группами, отмечает близость хозяйственного и культурно-бытового уклада енисейских и обских остяков (угров, — *Е. А.*), говорит о кузнечном мастерстве кетов и т. д.

Таким образом, ранние источники образуют обширный материал для изучения прошлого кетов.

Вышеназванный материал, в значительной степени уже выявленный и исследованный советскими учеными, представляет большой интерес и ждет дальнейшего сравнительного анализа с данными современной кетской этнографии.

Началом научного изучения истории и языка кетов и первых этногенетических гипотез явился XIX в. Уже в первой половине XIX в. (1823—1831 гг.) губернатором вновь образованной Енисейской губернии А. П. Степановым было осуществлено подробное описание губернии. Во второй части сочинения выделен особый этнографический раздел о народах ее населяющих.

Используя исторические и лингвистические данные предшественников (Страленберга, Фишера, Спасского), Степанов подчеркивает языковую специфику енисейских остяков-кетов среди соседнего населения Западной Сибири и выдвигает гипотезу об их уйгурском происхождении. В доказательство своей теории Степанов приводит записанное им предание о продвижении кетов с запада на р. Таз: «от заката солнца на восток» (1835, стр. 41).[22] В работе называются четыре волости кетов, а также родовые подразделения сымской группы. Кроме того, Степанов (правда, в очень общей форме) говорит о хозяйственно-бытовом укладе кетов того

[22] Есть, однако, основание предполагать, что предание А. Степанову было рассказано селькупским старшиной, о чем свидетельствует селькупский компонент *куб* (*куп* — Е. А.) — «человек» в этнониме Тшвотшибыкубы (мн. ч.).

времени, свадебном обряде, одежде и т. д. Несмотря на малочисленность, эти данные представляют несомненный исторический интерес. Некоторые из них были повторены затем в изданиях, появившихся во второй половине и конце XIX в., в частности в известной книге М. Ф. Кривошапкина.

Прежде чем перейти к этим работам, остановимся на характеристике научной деятельности и ее роли для изучения прошлого кетов широко известного финского ученого М. А. Кастрена.[23]

В течение нескольких лет (1845—1849 гг.) Кастрен занимался сбором материалов по ряду северных и южносибирских народов. Около двух лет ученый находился в непосредственной близости от Туруханска и работал среди кетов в поселках Анциферово, Назимово, Бахте и Верхне-Имбатском. В Южной Сибири особое внимание Кастрена привлекло население Агульского улуса (на притоке Кана), где ему удалось выявить нескольких человек, говоривших по-коттски.

Обширный материал позволил Кастрену подготовить первую (и долгое время — единственную) грамматику и словарь кетского языка, словарь и грамматический очерк языка коттов, а также сравнительный кетско-коттский словарь, опубликованные посмертно А. Шифнером (Castren, 1858).

Со времени Кастрена становятся известными два основных диалекта кетов — сымский и имбатский; этой же классификации придерживаются и современные лингвисты. Языковый материал, дополненный фольклорными и историческими данными, Кастрен использовал для обоснования южного происхождения туруханских кетов и их родства с южносибирскими аринами, коттами, асанами (1860, стр. 362). Впервые четко сформулированная гипотеза о южном происхождении кетов стала на долгие годы основополагающей для последующих исследователей и в общей форме сохраняет свое значение до настоящего времени. Известность получило также положение Кастрена о флективном характере кетского языка (там же, стр. 361).[24]

Можно с уверенностью признать, что именно со времени Кастрена проблема генетических связей кетского языка, как и в целом кетского этногенеза, начинает привлекать особое внимание ученых — историков и лингвистов. Причем материал Кастрена долгое время остается главным источником для построения этих гипотез.

Во второй половине и конце XIX в. было издано несколько работ по Енисейскому Северу. Среди них следует отметить книги И. А. Кострова (1857), А. Мордвинова (1860), М. Ф. Кривошапкина (1865), П. И. Третьякова (1869), А. Ф. Миддендорфа (1869), Н. В. Латкина (1892). Особую ценность представляют материалы,

[23] См. также: Вдовин, 1954, стр. 95—97; Дульзон, 1964б, стр. 4.
[24] См. также указанные ниже сочинения Г. Рамстедта, К. Доннера и т. д.

явившиеся результатом личных наблюдений авторов. У М. Ф. Кривошапкина, например, интересны тщательные описания некоторых кетских орудий труда и процессов обработки кожи, бересты, изготовления лодки-долбленки и т. д. Сведения об одежде, обрядах (Кривошапкин, Латкин, Третьяков), семейных отношениях (Кривошапкин, Третьяков) интересны, несмотря на краткость, для сравнения с более поздними этнографическими данными. Публикации Кострова, Третьякова и Миддендорфа включают и некоторые языковые материалы (записи кетских слов и выражений, числительных). Миддендорф, Кривошапкин и Третьяков пишут об ужасающей нищете, голодании и вымирании целых семей, произволе по отношению к ним местных купцов.[25]

Начало специального этнографического изучения кетов относится к первым годам XX в. и связано с деятельностью образованного в 1902 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. По поручению комитета к кетам был командирован В. И. Анучин, который в течение нескольких лет (1905—1908 гг.) занимался сбором этнографического, лингвистического и антропологического материала.

Анучин собрал также крупные по количеству и разнообразию вещевые и иллюстративные коллекции, составившие основу кетских собраний Музея антропологии и этнографии им. Петра Первого (Ленинград).[26]

Наибольшую известность получила первая в литературе специальная этнографическая работа — «Очерк шаманства у енисейских остяков» (Анучин, 1914). Однако обширный материал, опубликованный в книге, выходит далеко за пределы не только шаманских представлений, но и религиозной идеологии в целом. До настоящего времени отлично иллюстрированная публикация Анучина остается важным источником для изучения мировоззрения и народного творчества кетов, в ней содержатся также ценные сведения, характеризующие иные стороны жизни народа. Недостатком работы является некоторая искусственность иерархического размещения персонажей сверхъестественного мира; ошибочными оказались высказывания Анучина об отсутствии у кетов комплекса обрядовых действий по случаю добычи медведя («мед-

---

[25] Трижды, в 1894, 1895 и 1898 гг., через весь Туруханский край проплыл на лодке географ В. С. Передольский. Поездки были организованы на его личные средства. Передольскому принадлежат беллетристические очерки о быте кетов (1908). В печатных и публичных выступлениях Передольский пытался обратить внимание на крайне тяжелое положение этого народа, его вымирание. Он организовал судебные процессы против наиболее зверствовавших в крае торговцев, добился через губернатора выделения хлеба из запасных магазинов нескольким семьям. Однако Передольский понимал, что в условиях существующего режима все эти временные меры не могли ничего изменить.

[26] МАЭ, колл. 1048, 1238, 1311, 1227, 1196, 1622.

вежьего праздника»), рождения детей, почитания умерших предков и некоторые другие моменты.

Об остальных этнографических и антропологических материалах В. И. Анучина известно из очерка Н. А. Синельникова (1911). Кроме того, Анучин записал свыше двадцати валиков фонограмм шаманских песен. Судя по отчетам, им были также собраны значительные текстовые и словарные материалы.[27]

Интерес к проблеме происхождения кетов в связи с особенностями их языка, возникший еще со времени Кастрена, не ослабевает и в первом десятилетии нашего столетия. В 1907 г. появляется статья Г. Рамстедта (Ramstedt, 1907), где говорится о родстве языка кетов и языков народов Юго-Восточной Азии (тибетского, бирманского).[28] Однако гипотеза построена только на небольшом числе примеров словарного сходства без какого-либо сопоставления грамматической структуры.

Этой же точки зрения придерживался и финский исследователь К. Доннер (Donner, 1916—1920, 1930), сопоставивший кетский словарный материал с тибетским и индокитайскими языками, а также с языками, известными из рукописей, обнаруженных П. К. Козловым в тангутском городе Хара-Хото. Во время поездки на Енисейский Север (1911—1913 гг.) Доннер собрал значительный материал по кетской этнографии и лингвистике.[29] Этнографические сведения представлены в специальной работе, подготовленной преимущественно по сообщению и рисункам кета И. Ф. Дибикова (Кукушкина) и дополненной личными наблюдениями автора (Donner, 1933).

Особо следует отметить, что Доннер, характеризуя ту или иную форму быта, хозяйственной деятельности или обычаи кетов приводит сравнительный селькупский материал.

Исследования К. Доннера в области кетского языка (изучение грамматического строя, фонетики, словарного запаса) явились продолжением и дополнением к изысканиям М. А. Кастрена.[30]

Кеты оказались в числе тех народов, которые сразу же после победы социалистической революции на Севере привлекли внимание советских ученых.

В 1921 г. на Подкаменной Тунгуске работала экспедиция под руководством А. Я. Тугаринова. Цель ее — комплексное изуче-

---

[27] Фонограммы, не изученные до настоящего времени, хранятся в фонограммархиве АН СССР. См. также: Вдовин, 1954, стр. 148, 164; Дульзон, 1964б, стр. 4.

[28] См. также: Дульзон, 1964б, стр. 4.

[29] Материалы Доннера опубликованы в основном посмертно А. И. Йоки. Последние публикации осуществлены в недавнее время (Donner, 1955, 1958). См. также: Hamp, 1960.

[30] О роли К. Доннера в истории кетского языкознания см.: Дульзон, 1964б, стр. 5.

ние реки и прилежащей местности.[31] Экспедицией, в частности, обнаружена первая неолитическая стоянка вблизи дер. Подкаменная Тунгуска.[32] Было проведено также антропологическое обследование 54 кетов (Тугаринов, 1924).

В 1925 г. изучением северных селькупов занимался Г. Н. Прокофьев. Попутно он собрал и кетский материал, включенный в качестве сравнительного в статью о селькупах (Прокофьев, 1928; Богораз, 1928а). Г. Н. Прокофьев отмечает большую общность в культуре, хозяйственно-бытовом укладе, общественном строе и идеологии кетов и селькупов. Ему же принадлежит гипотеза о двух группах аборигенных племен (*тян* и *куп*), с которыми столкнулись саянские самоедские племена в своем продвижении на север. Восточная группа (*тян*), по Г. Н. Прокофьеву, нашла отражение в кетском *деӈ* — «люди» (Прокофьев, 1940).

Одним из первых советских специалистов по кетам был Н. К. Каргер. В 1928 г. он по заданию Академии наук выехал в Туруханский район. Цель его поездки заключалась в изучении этнографии, языка, хозяйственного и культурного положения кетов. Собранный лингвистический материал дал ему возможность составить краткий очерк грамматики кетского языка, а также подготовить букварь (Каргер, 1934). Н. К. Каргер произвел также значительные фонографические записи, включающие песни и шаманские камлания (Дульзон, 1964б, стр. 6). Ему же принадлежит обстоятельная статья о кетском оленеводстве, в которой, кроме характеристики системы и состояния этой отрасли хозяйства, даны практические рекомендации (Каргер, 1930).

К сожалению, другие этнографические материалы Н. К. Каргера остаются неизвестными. Но о том, что он был глубоким и знающим исследователем, говорят его очень полные вещевые и иллюстративные собрания, хранящиеся в МАЭ.[33] Эти коллекции являются одним из основных музейных источников для всех, кто изучает этнографию кетов.

Материалы Н. К. Каргера были использованы В. Г. Богоразом и включены в статью, посвященную памяти М. А. Кастрена. Характеризуя значение материалов Кастрена для выявления южно-сибирских связей кетов, В. Г. Богораз называет и возможный путь продвижения (р. Кеть — совпадение гидронима и названия народа). В. Г. Богораз связывает кетов с динлинами исходя из самоназвания *денг* (*динг*) — «люди» (1927а, стр. 94). Динлинская теория происхождения кетов, известная из более ранних работ (Деникер, 1902; Грум-Гржимайло, 1909, 1926) и получившая поддержку В. Г. Богораза, до настоящего времени

---

[31] В составе экспедиции работали также этнограф М. А. Дмитриев, антрополог Ф. Ф. Душ и художник Д. И. Каратанов.

[32] Материалы опубликованы Р. В. Николаевым (1960а).

[33] Колл. 4034, 1193, 1268.

еще фигурирует в исследованиях отдельных специалистов (см. ниже).

В течение полутора лет (1927—1928 гг.) в Туруханском районе работал командированный Берлинским музеем народоведения этнограф Х. Финдейзен. Им был собран в основном этнографический и некоторый словарный материал, опубликованный впоследствии в ряде статей (Findeisen, 1929а, 1929б, 1931, 1937—1938, 1940, 1941).[34] Финдейзен справедливо ставил вопрос о необходимости комплексного (лингвистического, этнографического и антропологического) материала для изучения кетского этногенеза (Финдейзен, 1929, стр. 126).

Незадолго до Великой Отечественной войны этнографическим обследованием подкаменнотунгусской группы занимался Г. М. Корсаков. Результатом его полевой работы (лето и осень 1938 г.) явилась статья «Кеты Подкаменной Тунгуски». Корсаков погиб во время блокады Ленинграда, а публикация его появилась в 1941 г. лишь в сигнальном экземпляре журнала «Советский Север» и, таким образом, осталась недоступной для широкого круга читателей.[35] Меж тем материалы Корсакова вызывают большой интерес, а статья представляет собой первый опыт этнографического очерка по изолированной группе. Наиболее ценны сведения Корсакова по вопросам общественного строя (родовой состав, пережитки родовых отношений в производстве и распределении) и особенно первые в кетской этнографии данные по системе родства. Известно также, что Г. М. Корсаков располагал значительным лингвистическим материалом. К сожалению, архив ученого не обнаружен.

Некоторые сведения о подкаменнотунгусских кетах попутно собрал в 1938 г. исследователь самодийских народов Г. Д. Вербов.[36]

Лингвистическое изучение кетов в предвоенное десятилетие представлено статьей Э. Леви, в которой он развивает положение о сино-тибетских и кетских языковых параллелях (Lewy, 1933), а также первой работой К. Боуды по кетскому языку (Bouda, 1937).[37] Н. Я. Марр сближал кетский язык с языками яфетической группы (1926).

Большая роль в изучении кетской истории и этнографии принадлежит советскому исследователю народов Севера Б. О. Долгих.

Начало его деятельности относится еще к 1926—1927 гг., когда Б. О. Долгих принял участие в подготовке и проведении переписи среди коренного населения Туруханского района. Материалы переписи и личные наблюдения, дополненные этнографическими

---

[34] См. также: Jakobson, Hüttl-Worth, Beebe, 1957.

[35] Рукопись работы хранится в архиве ИЭ (Ленинград).

[36] Архив ИЭ, ф. 2, дневник 1938 г. (весна—лето).

[37] См. о них: Дульзон, 1964б, стр. 7. О дальнейших исследованиях К. Боуды см. ниже.

и историческими данными, послужили основой опубликованной в 1934 г. первой сводной работы по кетам. В книге представлен большой статистический материал по отдельным группам, характеризующий хозяйственно-бытовое положение народа к началу социалистического переустройства. Этим данным предпосланы исторический очерк и некоторые общие сведения (названия, численность, родовой состав, положение среди других народов и т. д.). Во время последующей полевой работы (конец 40-х годов), а также многолетнего изучения архивных источников Долгих собрал очень обширный и ценный материал по истории и этнографии кетов. Результатом работы явились публикации, посвященные отдельным элементам материальной культуры, идеологии и общественного устройства народа (Долгих, 1950, 1952а, 1952б, 1961). Всех их отличает широкое привлечение сравнительного материала и этногенетический аспект исследования.

Кетский материал Б. О. Долгих использовал также в ряде работ по общим проблемам этнографии и истории коренного населения Севера (1949а, 1949б, 1952в, 1960). Особо следует отметить большую роль Долгих в разработке одного из труднейших вопросов — родо-племенного устройства и социальной истории кетского народа. Над этой темой Б. О. Долгих продолжает работать и в настоящее время.

В 1948 и 1949 гг. у подкаменнотунгусских кетов собирал этнографический материал С. И. Вайнштейн.[38] В дальнейшем он опубликовал ряд статей по традиционной и современной культуре (Вайнштейн, 1951а, 1951б, 1954), а также подготовил этнографический очерк об этой группе народа.[39] Кетские параллели Вайнштейн привлекал при историко-этнографическом исследовании других народов, в частности тувинцев (1958, 1959, 1961, 1964). В статье о кетском этногенезе (1951б) Вайнштейн уточняет известную еще со времени Кастрена теорию о южном происхождении кетов и так же, как это сделал Г. Н. Прокофьев для самодийцев, выделяет в составе кетов, кроме южного, пришлого, компонента (им, согласно С. И. Вайнштейну, могли быть тагарские племена Среднего Енисея — динлины), аборигенный пласт неизвестной этнической принадлежности.

Последнее десятилетие отмечено резко возросшим научным интересом к кетской проблеме у нас в стране и за рубежом, а также накоплением новых материалов по этнографии, языку, антропологии. Впервые было начато археологическое обследование территории современного расселения кетов. В научный оборот введены также новые материалы для изучения прошлого кетов — данные топонимики.

---

[38] В составе студенческого отряда, руководимого Б. О. Долгих, в 1948 г. работали также Д. М. Коган и Н. Е. Овсянникова.

[39] Рукопись очерка хранится в архиве ИЭ АН СССР (Москва).

Видная роль здесь принадлежит крупному советскому ученому, лингвисту и археологу А. П. Дульзону. Изучением кетского языка он занимается с конца 40-х годов. В результате многолетней полевой работы среди всех групп кетов Дульзон и руководимые им участники экспедиций собрали очень большой грамматический, лексический, словарный и текстовой материал. Это позволило Дульзону опубликовать ряд статей (1957, 1962д) и подготовить первую в науке обобщающую монографию — «Очерки по грамматике кетского языка», первая часть которой вышла в 1964 г.[40]

Осуществленная А. П. Дульзоном публикация кетских сказок служит главным источником для изучения кетского фольклора (1962ж, 1964а, 1964б, 1966а, 1966б).

Важное значение как для лингвистического, так и для историко-этнографического изучения кетов имеет публикация А. П. Дульзоном словарных материалов по кетским наречиям из источников XVIII в. (1961а). Исторические записи автор дополняет данными современных говоров (елогуйского и курейского). Дульзоном выявлены также фонетические и морфологические особенности и сходство этих наречий (1962в).

С исчерпывающей полнотой А. П. Дульзон записал у кетов терминологию родства и свойства, результатом чего явилась специальная работа на эту тему (1959а).

Знание живого кетского языка позволило ученому воспользоваться очень важным материалом — данными топонимики. Для кетов это имеет особо важное значение, так как все другие источники о далеком прошлом этого народа крайне скудны. Дульзон разработал убедительную методику этимологического анализа кетских гидронимов, которая позволила ему выявить кетские топонимы на очень широкой территории, неизвестной по письменным источникам (бассейн Томи, верховья Иртыша, Средняя Обь, Хакассия, Северная Тува), а также высказать ряд интересных соображений о направлении и возможной хронологии миграций предков кетов (1959б, 1960, 1961б, 1962а, 1962б, 1962г, 1962е, 1962ж, 1963, 1965).

Большой труд в области кетского языкознания проделан за последние годы исследователем юкагирского языка Е. А. Крейновичем. Результатом многомесячной работы в течение нескольких полевых сезонов были статьи Е. А. Крейновича, где тщательно изучаются такие особенности кетского языка, как «именные классы» и «классы вещей» (выражение категории неодушевленности, структура кетского глагола и т. д.) (1961, 1963а, 1963б, 1965). Крейнович располагает также обширным лексическим и тек-

[40] Вторая часть книги, посвященная кетскому глаголу, должна выйти в скором времени.

стовым материалом. В настоящее время он подготовил обобщающую монографию по глаголу, самому сложному и многообразному элементу кетской морфологии.

Изучением звуковой системы сымского диалекта кетского языка в последние годы занимается Г. К. Вернер (1965, 1966а—1966в). Особый интерес к сымскому диалекту обусловлен тем, что он образует как бы переходную ступень от современного языка кетов (имбатские говоры) к исчезнувшим наречиям, а также тем, что среди его носителей, обрусевших сымских кетов, осталось лишь несколько человек, владеющих языком.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров (1964) выступили с попыткой восстановления элементов древнего праенисейского языка и культуры предков кетов, а также выявления их связей с другими культурами.[41] Им же принадлежит разработка реконструкции кетского эпоса и мифологии методом семиотики (Иванов и Топоров, 1962а, 1962б). Эти безусловно очень интересные начинания, представленные пока что в самой общей форме, требуют дальнейшего изучения.[42]

Внимание зарубежных лингвистов в последнее время особенно привлекает выявление словарных сходств языка кетов и других групп народов. Здесь следует назвать исследование К. Боуды, где, кроме грамматического очерка кетского языка, приведены словарные параллели из самодийских, финно-угорских, эвенкийского и русского языков (Bouda, 1957). К. Боуда обнаруживает также 13 родственных кетским (коттским) слов в языке нивхов (Bouda, 1960).

Изучением древних кетско-самодийских языковых связей занимались также Л. Лигети (Ligeti, 1950), А. Йоки (Joki, 1946), П. Хайду. Последний пытается также определить место и время взаимодействия народов: Иртыш и территория к востоку и юго-востоку от него, II в. до н. э.—II в. н. э. (Hajdu, 1953).

Лингвистические материалы, и прежде всего словарные сходства, продолжают служить основой для теорий о древних генетических и историко-культурных связях кетов. Н. Коллинз видит в кетах остаток древнего тибетского населения, от которого произошли североамериканские индейцы-атабаски (Collins, 1954). О. Тайер выступил с гипотезой о родстве кетского языка с баскским и иберийско-кавказскими (Tailleur, 1957). Наконец, было высказано предположение, что язык древних гуннов был близок кетскому. Автор теории, английский ученый Е. И. Паллиблэнк, строит ее на сходстве нескольких известных из китайских источников гуннских слов с кетскими (Pulleyblank, 1963).

---

[41] Оба автора работали в Туруханском районе летом 1962 г. в составе экспедиции по лингвистическому и этнографическому изучению кетов, организованной Институтом славяноведения АН СССР.

[42] В настоящее время участники экспедиции подготовили сборник, посвященный лингвистическим вопросам кетского этногенеза.

Из этнографических работ современных зарубежных ученых следует назвать публикацию исследователя древних промысловых верований Н.-И. Р. Папрота о медвежьем празднике у кетов (Paproth, 1962).

За последние годы резко продвинулось антропологическое обследование народа. Своеобразие внешнего облика кетов по сравнению с соседним коренным населением — большая европеоидность, сходство с американскими индейцами — неоднократно отмечалось в литературе (Кастрен, 1860; Мордвинов, 1860; Прокофьев, 1928; Финдейзен, 1929; Долгих, 1934). Такую же характеристику (американоидность в сильном смешении с монголоидностью и европеоидностью) предложил Г. Ф. Дебец, обследовавший в 1941 г. 79 елогуйских кетов (1947).

Изучение народов Сибири и накопление новых данных по кетам позволило уточнить как само понятие американоидности, так и антропологическую характеристику изучаемого народа.

Первый краниологический материал (4 черепа) был получен в конце 40-х годов Д. М. Коганом и С. И. Вайнштейном.[43] Дальнейшее накопление антропологического материала относится к 60-м годам. В 1960 г. И. И. Гохман собрал краниологическую серию в 20 черепов, а также данные о распределении групп крови у елогуйских кетов по системе АВО и MN. И. И. Гохман относит кетов к уральскому антропологическому типу, хотя допускает, что их предки могли обладать иным комплексом признаков (1963). Особенности же уральского типа, возможно, сложились в течение двух-трех столетий в процессе смешения с самодийскими народами, и прежде всего с селькупами. Сопоставление кетских, селькупских и ненецких черепов обнаруживает большое сходство между ними. Следует отметить также краниологическое сходство кетов с хантами, хакасами-бельтирами (там же, стр. 110—112).

В 1965 г. Институтом этнографии АН СССР был организован отряд по антропологическому обследованию русского и коренного (прежде всего кетского) населения Енисейского и Туруханского районов Красноярского края.[44] В программу работ, помимо антропологических признаков, входило изучение целого ряда групп и факторов крови, измерение артериального давления, сбор данных по ладонным и пальцевым узорам и др. Экспедиция работала почти во всех пунктах, где имеется кетское население (за исключением пос. Серково и Мундуйского озера), и обследовала 256 человек. Собранные материалы в настоящее время находятся в процессе научной обработки. По предварительным данным, намечаются различия между северными и южными кетами. Последние обра-

[43] Опубликован В. П. Алексеевым (1955).

[44] В составе отряда работали антропологи Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман, Г. М. Давыдова, В. К. Жомова, препаратор В. И. Гохман, фотограф В. И. Платонов.

зуют локальную группу, тяготеющую генетически к некоторым южносибирским народам. Северные кеты более сходны с селькупами. В 1967 г. отряд обследовал оставшиеся группы.

В 1958 г. Р. В. Николаевым было проведено первое специальное археологическое обследование (маршрутная разведка) Туруханского района. До того с указанной территории поступали лишь случайные предметы (Николаев, 1960а).

О древнем заселении Нижнего Енисея свидетельствует находка каменного скребка верхнепалеолитического типа (Сухая Тунгуска). Неолит представлен каменными орудиями со стоянок Серково, Подкаменная Тунгуска и случайными находками из г. Енисейска. Согласно Р. В. Николаеву (1960а), все эти неолитические орудия из долины Енисея свидетельствуют о связи с неолитом Прибайкалья, изученным А. П. Окладниковым (1950). Неолитическим временем Р. В. Николаев предположительно датирует и найденные фрагменты керамики (Подкаменная Тунгуска; Сургутиха). Находки эпохи бронзы — нож (Сухая Тунгуска), керамика (Серково; Сургутиха, I и II типы) — Николаев увязывает с карасукской и тагарской культурами Хакасско-Минусинского юга.

Образцы керамики с гусенично-гребенчатым орнаментом (I тип из Сургутихи) находят широкие территориальные аналогии: от Большеземельской тундры до Красноярска, от Оби до Ангары и Прибайкалья.[45] Очень широко и время распространения этой керамики: с конца неолита до железного века.

Носителей карасукской культуры Николаев связывает с самодийским этническим пластом, а тагарской — с кетским (1960б, стр. 68). Последнее положение он развивает в специальной статье, где пытается обосновать гипотезу о динлинском происхождении тагарцев-кетов (Николаев, 1962).

Невзирая на малочисленность, эти археологические данные имеют безусловное значение для изучения как докетского периода Красноярского Севера, так и древней истории предков кетов (в частности, вопроса о связи с культурами Минусинской котловины).

Активный интерес широкого круга исследователей смежных наук к кетской проблеме приближает то время, когда загадка кетского этногенеза будет наконец раскрыта.

---

[45] Р. В. Николаев (1963а, стр. 130) отмечает, что, по мнению А. П. Окладникова (1957, стр. 54), территория распространения этой керамики совпадает с территорией расселения предков финно-угров (в частности, самодийцев). О культурных связях между обским и енисейским населением в I в. до н. э. и начале н. э. свидетельствует очень интересное ажурное медное изображение лося, полученное С. И. Вайнштейном у местного населения пос. Суломай (1951б, рис. 2, стр. 5—6). Оно однотипно характерным кулайским находкам Среднего Приобья (Мягков, 1927, 1929; Ураев, 1956).

Большая роль здесь принадлежит лингвистам. Обнаруженные исследователями словарные параллели кетскому языку представляют большой интерес, однако все они пока что очень немногочисленны или даже единичны. Использовать их для решения генетических вопросов можно только при условии дальнейшего накопления словарного материала и при учете типологии и грамматического строя сопоставляемых языков. Интенсивное изучение советскими учеными кетского языка позволяет надеяться, что в недалеком будущем вопрос типологической характеристики будет полностью решен. Дальнейшее накопление словарного материала, исследование кетского глагола (выявление в нем древних слов — корней) даст возможность приступить к широкому сравнительно-историческому исследованию словарного запаса кетского языка и сделает лингвистические данные одним из главных источников по этногенезу.

В скором времени в научный оборот войдут и новые антропологические материалы. Однако, чтобы разрешить вопрос о времени и происхождении антропологических особенностей современных кетов, необходимы, во-первых, достаточно полные данные по современным соседним народам, а также южносибирским группам, с которыми обнаруживаются исторические связи. Во-вторых, необходимо дальнейшее накопление раннего краниологического материала, и прежде всего с южной территории расселения кетов в прошлом (рр. Кеть, Сым, Дубчес и т. д.).

В археологическом отношении территория современного и прежнего расселения кетов остается почти неизученной. Очень важным было бы установление преемственности местных культур до собственно кетской. Выше уже говорилось о необходимости обследования Сыма, Дубчеса, Кети, окрестностей современного Енисейска, где еще 3—4 столетия назад жили кеты. Во многих местах (рр. Кеть, Сым) сохранилась память о прежнем жительстве кетов (топонимика, предания, остатки землянок), а также кетские традиции в конструкции некоторых элементов материальной культуры.

Цель настоящей работы — дать этнографическую характеристику хозяйства, культуры и быта кетов конца XIX—начала XX в., ввести в научный оборот этнографический материал, собранный за 1956—1965 гг.[46]

Систематическое описание важнейших сторон культуры народа представляется необходимым ввиду отсутствия обобщающей работы такого характера. Между тем этнографические данные

[46] Полевая работа была организована Институтом этнографии АН СССР. В составе Туруханского отряда, кроме автора, работали этнограф Р. Ф. Итс (4 полевых сезона), антрополог И. И. Гохман (1960 г.), художник А. И. Крылов (1960 г.), переводчик К. Х. Бальдина (1960 г.). В составе этнографической части Енисейского антропологического отряда (1965 г.) работали автор и Л. Л. Левизи.

(наряду с лингвистическими, антропологическими и археологическими) являются источником для разрешения проблемы этногенеза. С другой стороны, кеты до недавнего времени сохраняли наиболее архаичные формы производства, культуры и общественной жизни, поэтому кетские этнографические материалы могут представить интерес как в более широком, общесибирском, плане, так и в теоретическом.

Исходя из этого, публикация новых данных по кетской этнографии является в известной степени целью настоящей работы.

При описании отдельных элементов культуры делалась попытка проследить их историю, а также сравнить их с соответствующими материалами, полученными у других сибирских народов.

Хронологические рамки обусловлены самим материалом и в основном не выходят за пределы этнографической действительности, так что изучение наиболее ранних форм шло от бытовавших у кетов в конце XIX—начале XX в.

Не все стороны кетской культуры могут быть освещены в работе равномерно. Наиболее изученной можно считать материальную культуру, хотя для определения генезиса отдельных ее элементов необходимы археологические параллели. В более общей форме дана религиозная идеология, новый материал здесь представлен в меньшей степени, что объясняется сложностью получения сведений в этой области, а также тем, что с каждым годом остается все меньше лиц, которые могли бы объяснить значение тех или иных верований, обрядов. Вопросы социальной истории рассматриваются лишь в самой общей форме.

В работе преобладают материалы, относящиеся к дореволюционному прошлому. В заключительной части основное внимание уделяется начальному этапу социалистического переустройства, периоду, ставшему уже историей.

Кроме опубликованной научной литературы, полевых материалов, при написании работы были использованы музейные и архивные данные.[47]

---

[47] МАЭ и ГМЭ (Ленинград), ККМ, ГАКК, ЕГА. Иллюстративный материал (фото), не отмеченный ссылками, собран участниками Туруханского отряда и хранится в МАЭ; рисунки и чертежи выполнены А. И. Крыловым, Т. Л. Юзепчук, К. Б. Харитоновой, Л. Л. Левизи, В. А. Быковым.

Часть I

КЕТЫ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

В конце XVI в. восточным пределом присоединенной к Московскому государству Сибирской земли был бассейн Оби. Новый этап в продвижении русских на восток — освоение Енисея и прилежащих к нему территорий — относится уже к началу XVII в. Путей продвижения было несколько, и они отмечены появлением опорных пунктов — острогов.

Первый таким пунктом был г. Мангазея, выстроенный в 1601 г. в низовьях р. Таза. Оттуда русские служилые люди по речным протокам и волокам достигли р. Туруханa, в устье которого в 1604 г. образовали Туруханское зимовье, и вышли на Енисей. Другой путь с Оби проходил по р. Кети, далее волоком до рек Каса или Кеми, впадающих в Енисей. Опорными пунктами здесь были остроги Кетский (1602—1605 гг., верховья Кети), Маковский (1618 г., в начале перехода с Кети на Кас, совр. село Маковское) и, наконец, Енисейский (1619 г., совр. г. Енисейск). Кроме того, отряды русских казаков переправлялись волоком с р. Тыма на Сым, с Ваха на Елогуй и т. д.[1]

В числе других народов, предков современного коренного населения Енисейского Севера (энцев, нганасанов, эвенков), русские встретили и кетов, которых они называли остяками.

Одновременно с северными районами происходило освоение более южных территорий, заселенных многочисленными тюркоязычными, самодийскоязычными и кетоязычными племенами и группами. Продвижение там шло из Кетского острога к Енисейскому и затем вверх по Енисею. В устье р. Качи в 1628 г. для сбора ясака с коренного населения и для защиты русских владе-

[1] Сведения по истории освоения Енисейского края см.: Фишер, 1774; Пестов, 1833; Третьяков, 1869; Латкин, 1892; Чудновский, 1885; Буцинский, 1893; Тарасенков, 1930; Потапов, 1957; Долгих, 1960; Сериков, 1962.

ний от нападения енисейских киргизов был возведен острог Красноярский.

Основная масса предков современных кетов вошла в состав Мангазейского уезда. Территория его к середине XVII в. на юге охватывала бассейн Енисея от р. Дубчеса, на востоке — бассейны Подкаменной и Нижней Тунгусок, а на севере — бассейны Пясины, Таймыра и Хатанги. Западная граница проходила по водоразделу Таза и Пура.[2]

Кеты, как и все коренное население, были обложены ясаком, поставками пушнины. Для сбора ясака служилые люди разъезжались по ясачным зимовьям, к которым приписывалось податное население. Предки современных кетов в пределах Мангазейского уезда в XVII в. числились в Инбатском (совр. Верхне-Имбатское; упоминается в 1607 г.) и Закаменном зимовьях (по предположению Б. О. Долгих, последнее находилось близ устья р. Дубчеса; известно с 1626 г.). Позднее Закаменное зимовье было перенесено выше устья Подкаменной Тунгуски и стало называться Подкаменным или Шайхинским.[3]

Западными соседями кетов в то время являлись селькупы и ханты (бассейн Ваха), северными — предки тундровых и лесных энцев (бассейн Таза и Туруханa, долина Енисея), северо-западными (бассейн Пура) — ненцы, восточными — эвенки. В середине XVII в. в результате отхода энцев к северу верховья Таза были заняты селькупами (из Сургутского уезда), во второй половине XVII в. они уже продвинулись по Тазу и вышли на р. Туруханa, а затем на Верхнюю и Нижнюю Баиху, где образовали впоследствии Баишенскую волость.[4] В середине XVII в. в состав Мангазейского уезда вошли ненцы.

Кеты, платившие ясак в Инбатском зимовье (инбатские кеты), были записаны русскими под тремя названиями: инбаки, земшаки и богденцы. Инбаки занимали бассейн Елогуя и побережье Енисея в районе Инбатского зимовья. Это была, по-видимому, самая северная компактная кетская группа XVII в. Выше по Ени-

---

[2] В конце XIX—начале XX в. территория бывшего Мангазейского уезда (уезд еще в XVIII в. даже после перенесения в 1668 г. его центра на место Туруханского зимовья по старой памяти назывался Мангазейским) обычно именовалась Туруханским краем. Административно Туруханский край входил в Енисейскую губернию. В начале XX в. центром края стало село Монастырское (на месте слияния Нижней Тунгуски и Енисея), переименованное в Туруханск (официально его называли Ново-Туруханском в отличие от прежнего центра, который с этих пор зовется Старо-Туруханском). В основных своих границах территория бывшего Мангазейского уезда просуществовала до 1930 г., когда уже от Туруханского района Красноярского края отделились Таймырский и Эвенкийский национальные округа. В 40-х годах долина р. Таза была включена в состав Тюменской области.

[3] Приводимые здесь и ниже данные почерпнуты из: Долгих, 1950, 1960.

[4] Баишенские селькупы были связаны с кетами постоянными соседскими и взаимобрачными отношениями, что было отмечено еще в середине XIX в. Кастреном, а затем и другими исследователями.

сею, в районе устья его правого притока Бахты и в низовьях этой реки, расселялись богденцы. Самой южной группой, приписанной к Инбатскому зимовью, были земшаки, жившие в низовьях и районе устья Подкаменной Тунгуски. Всего в этих трех группах, по данным Б. О. Долгих, насчитывалось до 720 человек, но эпидемия оспы (1623 г.) привела к сокращению их численности до 480 человек (Долгих, 1960, стр. 144).

Источники второй половины XVII в. (1681) среди инбаков выделяют уже следующие подразделения: собственно Инбатский род, Хонигетский, Булванский и Хентянский. Богденцы сохраняют свое название без изменения, а земшаки именуются Зашатским родом.[5]

В конце XVIII в. известно несколько территориальных групп инбатских кетов, свидетельствующих о их постепенном продвижении вниз по Енисею (с юга на север): шайхинские, бахтинские, елогуйские, кангатовские, пиганские, нижне-инбатские, черноостровские и «остяки сургутской породы» (вероятно, среди них были селькупы).[6] Последние три группы поселились на территории, занятой в XVII в. энцами (там же, стр. 145).

В результате перемещения происходило смешение состава отдельных групп. Так, выходцы с низовьев Подкаменной Тунгуски (земшаки) составили основу нижнеинбатских кетов, они же вошли в состав кангатовской группы, где, кроме них, были потомки инбаков XVII в.; последние в основном образовали в XVIII в. группу елогуйских кетов. Потомки бокденцев и земшаков XVII в. в XVIII в. составили группу бахтинцев. Наоборот, часть инбаков в конце XVIII в. переселилась в более южные районы и оказалась приписанной к шайкинцам, предками которых являлись земшаки XVII в. В эту же группу вошли частично и кеты, в XVII в. числившиеся в Закаменном зимовье (там же).

Кетское население, платившее ясак в Закаменном зимовье Мангазейского уезда, объединялось русскими под общим названием

---

[5] Б. О. Долгих считает инбаков, богденцев и земшаков XVII в. племенной группировкой (1950, стр. 87; 1960, стр. 182), что подтверждается также общим для них (имбатским) диалектом (Кастрен, 1860; Дульзон, 1964б). Согласно Б. О. Долгих, инбаки составляли одну экзогамную половину, а земшаки и богденцы — другую. Название рода Хентянский прослеживается в современном родовом этнониме Қэн'тăн (см. стр. 34 настоящей работы). Потомками Булванского рода XVIII в. были, видимо, фамилии Булэпэнгит (Тыгановы; Долгих, 1934), Буленгит (Корсаков, 1941, стр. 108). Этноним *богденцы* восходит к родовому самоназванию Боқдэдеӈ, сохранившемуся до наших дней. Земшаками XVII в., повидимому, назывались предки будущего рода Қониӈ, выделившегося из Боқдэjгет.

[6] Потомками этих кетов явились основные территориальные группы и образованные в соответствии с ними волости (управы), существовавшие до начала XX в: Подкаменнотунгусская, Верхне-Инбатская, Нижне-Инбатская и Карасинская (кетско-селькупская).

«закаменные остяки».[7] Они и занимали бассейн Дубчеса, большую часть бассейна Сыма (кроме верхнего течения). Среди этой группы, согласно документам XVII в., выделяются роды Бискиев (Боксиев), Илипчеев, Бунгулев. Кроме того, там же иногда платили ясак сымско-касские кеты Енисейского уезда — дюканы.[8] В XVIII в. выходцы из этой группы, называвшиеся «вороговскими», продвинулись в низовья р. Дубчеса.[9]

Численность «закаменных остяков» (700 чел. в 1628 г.) резко сократилась к началу XVIII в. (до 40 чел.). Особенно резкое сокращение наблюдалось в 1627—1628 гг., а также в период с 1654 по 1682 г. Главной причиной были, очевидно, эпидемии (там же, стр. 147—148).[10]

Известно также, что часть «закаменных кетов» спустилась по Енисею в пределы инбатской группы и вошла плательщиком в соседние Енисейский, Сургутский и Нарымский уезды, слилась в бассейне Таза с тымско-караконскими селькупами (Долгих, 1960, стр. 147). На опустевшей территории в бассейне Сыма, Каса, отчасти и Дубчеса поселились эвенки, перешедшие сюда с правобережья Енисея (Василевич, 1931, стр. 134).

За пределами Мангазейского уезда кеты XVII в. платили ясак в Енисейском уезде. Здесь ясачные зимовья отсутствовали, податное население было включено в так называемые окладные ясачные волости.[11] В Енисейском уезде числилось несколько кет-

---

[7] Часть их платила ясак в Сургутском уезде (Долгих, 1960, стр. 145, 149).

[8] Б. О. Долгих «закаменных остяков» считает племенной группой наряду с инбатскими и сымско-касскими дюканами (1950, стр. 87; 1960, стр. 148, 149), а их наименованием — Кайволдын, восходящее к Хаіваŋ-кеt (ед. ч.) М. А. Кастрена (Долгих, 1958, стр. 171). Этноним Хаjбаŋ, Хаjбаŋдеŋ сохраняется до наших дней. В переводе он означает «люди гористой (*хаj*, *қаj* — «яр») земли». Так, в частности, называют кетов Имляковых, Савенковых, но это не их самоназвание. Возможно, данный термин объединял территориальную группу кетов и селькупов, живших на р. Дубчесе.

[9] Потомки этих кетов в XVIII—XIX вв. входили в Сымско-Касскую волость Енисейского уезда, а в настоящее время живут в поселках Ярцево (Енисейский район) и Ворогово (Туруханский район). Северные кеты выделяют их под особым названием *юги* (*дюгунъ*). Сымские эвенки (их предки поселились на Сыму после кетов) называют их *дюкун*, *дюкундри* (общее название для кетов у эвенков *дяндри*). По-видимому, этноним *юг*, *юги* (*ёхонъ*, *дюгунъ*, *дюканы*) происходит от племенного самоназвания носителей сымского диалекта кетского языка.

[10] Сымские эвенки до наших дней сохранили воспоминание о страшном море среди кетов, когда в землянках не оставалось ни одного живого, а лодки, на которых пытались спастись люди, выплывали с притоков на Енисей никем не управляемые, полные трупов.

[11] Очень важным для изучения общественного строя кетов в прошлом является раскрытие содержания того или иного названия кетских волостей и других этнонимов, известных из ранних источников. Они давались по месту жительства группы, имени ее главы, самоназванию или названию ее соседним населением и т. д. За этими терминами могли стоять родо-племенные, территориальные и семейные группы, точное определение которых возможно

ских волостей. Сымско-Касскую волость (до 1623 г. существовали раздельно Сымская и Касская волости) составляли кеты-дюканы, жившие в низовьях Сыма и Каса и на побережье Енисея, в районе их устья (как уже говорилось, предки кетов Сымско-Касской волости XIX в.).[12]

Перечисленные группы Мангазейского и Енисейского уездов и охватывают то население XVII в., в котором можно видеть непосредственных предков современных кетов. Остальные кетоязычные группы того времени, чьи выходцы несомненно находились в составе упомянутых выше предков данной народности, в течение последующего времени вошли в состав других народов и племен и перестали существовать самостоятельно.[13]

Южнее кетов-дюканов, в районе Енисейского острога, жили так называемые кузнецкие кеты, а у слияния Ангары и Енисея — близкие им кипанцы (кинильцы), составившие в 1623—1628 гг. единую Кузнецкую волость.[14] В том же Енисейском уезде платили ясак кунгопцы и кадцы (Долгих, 1960, стр. 186—189), кетоязычное население Натско-Пумпокольской волости, расположенной в верховьях Кети. В верховьях Кети и истоках Кеми значились три очень малочисленные волости (роды или большие семьи): Ямышская, Макуцкая и Кемских вершин. Население среднего и нижнего течения Кети XVIII в. было селькупоязычным, но встречались фамилии и кетского происхождения, например Коргет Кизин (там же, стр. 92).[15] Большинство кетоязычного

только в каждом отдельном случае. Большое место изучению этих вопросов уделяли Б. О. Долгих (1950, 1960) и Л. П. Потапов (1957), однако здесь еще требуется дальнейшее специальное исследование.

[12] Небольшая группа кетов с верховьев Сыма платила ясак в Сургутском уезде. Среди этой группы был, например, Лефинкет Даншин (Долгих, 1960, стр. 86). Возможно, его потомками явились кеты Левинковы, числившиеся в составе Сымско-Касской волости с конца XVIII до конца XIX в. (ГАКК, ф. 198, оп. I, д. 2; ф. 427, оп. I, д. 1, л. 18; ф. 725, оп. I, д. 2). Известен также кет Ловенк Тапаев среди кузнецких кетов (Долгих, 1960, стр. 188). Часть верхнесымских кетов, по-видимому, ушла на Таз, где слилась с селькупами, о чем, как было отмечено Б. О. Долгих, свидетельствует селькупская фамилия кетского происхождения: Дедегит (там же, стр. 83). В составе Тымской волости Сургутского уезда еще в 1828 г. числился остяк Молгетов (ГАКК, ф. 182, оп. I, д. 19, л. 1).

[13] Изучение материалов, относящихся к этим некогда кетоязычным группам, представляет огромный интерес как для выявления ранних этнических процессов, так и непосредственно для кетского этногенеза и должно стать темой специальных исследований. В рамках настоящей работы сведения о них приводятся лишь в сравнительном плане.

[14] Возможно, выходцами из кипанцев были кеты Чипкан (Чипкановы), встреченные Кастреном среди сымской группы (Долгих, 1950, стр. 95).

[15] Следы кетского влияния обнаруживаются в некоторых элементах материальной культуры современного русского населения села Маковского (в окрестностях бывшего острога, по историческим документам, жили кунгопцы; Потапов, 1957, стр. 74; Долгих, 1960, стр. 188): у них до сих пор бытуют ручные нарты характерной кетской конструкции, а также шалаши из гнутых прутьев. Дорусское население Кети старожилы называют «чудью»

населения верхней Кети забыло свой язык и перешло на селькупский к середине XIX в. Однако какая-то группа с Кети перешла на Енисей и слилась с сымскими кетами (об этом говорят предания и этноним Тымдыгет, где *тым* — название Кети, *гет* — «человек»).

Среди множества разноязыких родо-племенных групп и народностей, встретившихся русским в бассейне Среднего Енисея, кеты известны под названием аринов, коттов, асанов, ястынцев, буклинцев (байкотовцев), тинцев, кайдинцев и т. д.[16] Кетоязычность всех этих групп была установлена учеными-путешественниками XVIII в. (Д. Г. Мессершмидт, П. И. Страленберг, Г. Ф. Миллер, П.-С. Паллас, И. Г. Георги) и подтверждена в середине XIX в. исследованиями М. А. Кастрена. Однако уже исторические документы первой половины XVII в. отражают наличие языковой общности, родственных связей между отдельными группами. Об этом свидетельствуют материалы, выявленные и опубликованные Л. П. Потаповым и Б. О. Долгих: использование русскими аринов в качестве переводчиков при походе к коттам, бегство кузнецких кетов от эвенков к аринам под Красноярск, родственные отношения между кетоязычными группами верхней Кети и енисейскими аринами и т. д. (Потапов, 1957, стр. 74, 80; Долгих, 1960, стр. 99).

Эта общность сохранялась к XVII в., несмотря на чрезвычайную раздробленность отдельных кетских групп, вызванную сложной политической ситуацией, сложившейся здесь. Большинство южных кетов к приходу русских находилось в долголетней политической и экономической зависимости от енисейских киргизов и других тюрко- и монголоязычных соседей. Исторические документы свидетельствуют о значительных перемещениях кетов вместе с тюрко- и самодийскоязычными группами, участии их в общих военных действиях и т. д. Длительная совместная историческая жизнь закрепляла политические отношения слиянием

и связывают с ним топонимику (совр. Пировский район), старые захоронения (Тарховский бор) и остатки землянок. Сохраняются легенды, что чудь, не желая подчиниться русским (в других вариантах — татарам), подрубала опорные столбы своих землянок и оказывалась заживо погребенной. То же самое рассказывают в Сухобузимском районе близ Красноярска (территория прежнего расселения кетоязычных аринов). Там с чудью связывают многочисленные большие курганы (вероятно, тагарские), принимая их за засыпанные жилища. Основой для легенд, возможно, послужили особенности захоронения у тагарцев: срубные погребальные камеры с большим количеством костяков (Николаев, 1963б).

[16] В отличие от названных выше групп Мангазейского и Енисейского уездов, ближайших предков современных кетов, их условно можно называть южными. Котты и асаны расселялись к востоку от Енисея, выше устья Ангары (рр. Усолка, Она, Кан), арины — в долине Енисея, преимущественно к северу от Красноярского острога. В правобережье, против острога, жили ястынцы, в верховьях Енисея — яринцы и байкотовцы (буклинцы) и т. д. (Долгих, 1960, карта).

языка и культуры. Все это вело к растворению малочисленных кетских групп в иноязычной среде, и прежде всего тюркской (Потапов, 1957).

Указанные процессы уже имели место к моменту появления русских, о чем говорит, в частности, то обстоятельство, что одни из кетоязычных групп в документах XVII в. именовались «остяцкими волостями», а другие — «татарскими улусами» (то и другое в значении окладной ясачной единицы).

Исследователи XVIII в. зафиксировали завершение процессов языкового и культурного слияния кетов с соседним населением. При Г. Ф. Миллере и И. Г. Гмелине (30-е годы XVIII в.) арины не отличались от тюркоязычных качинцев, свой язык в то время помнили лишь некоторые старики. Асаны к этому времени почти полностью растворились среди эвенков и русского крестьянства.[17] Байкотовцы (буклинцы, буктинцы) еще говорили по-коттски, но уже к XVIII в. И. Г. Георги отмечал, что буктинцы не отличаются от качинцев, а котты, как и кетоязычные яринцы, сблизились с русским крестьянством и теми же качинцами. Котты дольше других, до второй половины XVIII в., сохраняли свой язык, но в середине XIX в. М. А. Кастрен встретил лишь 5 человек, говоривших по-коттски.

Кетские элементы приняли участие в формировании хакасов, северных алтайцев, шорцев, тувинцев, о чем свидетельствует существование у них этнонимов (в основном родовых) кетского происхождения. (Потапов, 1953, стр. 155, 1957, стр. 180, 216; Долгих, 1960, стр. 236; Вайнштейн, 1958, стр. 92—93, 1961, стр. 22).

Изучение этих материалов представляет большой самостоятельный интерес. Здесь же хотелось отметить, что некоторые названия южных кетов, восходящие к родовым самоназваниям, обнаруживают сходство с родовыми этнонимами северных кетов. Так, например, название «буклинцы» (бохтинцы и особенно Вик-Тjiн П.-С. Палласа), возможно, аналогично наименованию Боқдең (богденцы) северных кетов.[18]

Буклинцы (бохтинцы), по-видимому, представляли собой родовые группы, входившие в состав и коттов, и аринов; еще при Миллере буклинцы говорили по-коттски. Бохтинская волость была

[17] Потомками эвенков, в состав которых вошли асаны, были эвенки рода Кима, переселившиеся во втором десятилетии XVIII в. на Сым (Долгих, 1960, стр. 206). Современные сымские эвенки обнаруживают некоторые черты сходства с кетами (см. ниже).

[18] К этому же этнониму, по-видимому, восходят названия Бокчетаев улус, Погурская волость, населением которых были буклинцы (Долгих, 1960, стр. 233, 236). Интересно, что южные бохтинцы XVII в. сохранили свое название в наименовании села Бахты, расположенного выше Красноярска. Северные бокденцы XVII в. дали такое же название притоку Енисея (р. Бахта), впоследствии в устье реки появился станок Бахта (см. также: Потапов, 1957, стр. 92—93).

известна как соседняя асанам (коттам) [19] и неоднократно числилась в составе Аринской земли.

Название Улеготского улуса коттов XVII—XVIII вв. можно сравнить с родовым этнонимом Ул'гыт северных кетов.[20]

Коттское название аринов — *hanna'чеен* (Дульзон, 1961а, стр. 158) — сопоставимо с Кaŋ-deäŋ (мн. ч.), Kanas-ket (ед. ч.), записанным М. А. Кастреном у северных кетов в значении «енисейские остяки» (Castren, 1858, стр. 166). В том и другом случае, очевидно, имеет место не самоназвание, а родовой этноним, сходный с Қэн'тāн северных кетов.[21]

Наличие в составе северных и южных кетов одних и тех же родовых этнонимов является еще одним доказательством их единства.

Обратимся, однако, снова к Мангазейскому уезду, коренное население которого (в том числе и предки современных кетов) в 30-х годах XVII в. было окончательно присоединено к России.

В присоединении и хозяйственном освоении новых районов основную роль сыграло проникновение сюда русского населения (главным образом из Поморья).[22] На первом этапе этот процесс носил характер стихийного промыслового предпринимательства, но уже с 1640 г. большинство жителей — переселенцы.[23] Рассе-

---

[19] О единстве коттов и асанов уже писал Б. О. Долгих (1960, стр. 296). Об этом же говорят общее самоназвание *коттуен* (Дульзон, 1961а, стр. 158, 170), а также сведения ученых XVIII в., что асанами коттов называли арины и эвенки (Klaproth, 1823, стр. 158; см. также: Потапов, 1957, стр. 136). По-видимому, одна из коттских групп имела самоназвание *ас* (*аз*), и оно было перенесено (эвенками, кетами-аринами и русскими) на часть коттов. Может быть, к группе *ас* восходят и так называемые *ашкиштымы* (*азкиштымы*), кетоязычность которых установлена Палласом (1788, стр. 523) и которых еще в XIX в. выделяли в особую группу среди соседнего тюркоязычного населения (Патканов, 1912, стр. 65). Любопытно отметить, что среди старожилов дер. Остяцкой (ниже г. Енисейска) есть семьи Киштымовых. Они до наших дней сохранили память о прежнем жительстве здесь остяков. Архивные материалы свидетельствуют о браках Киштымовых с кетами (ГАКК, ф. 394, оп. I, д. 17, л. 118). В составе киргизов отмечены родовые подразделения *асан* и *ӱсӧн* (Абрамзон, 1946, стр. 3; см. также: Hajdu, 1953, стр. 93).

[20] Улеготский улус (род Улюгут) был известен с начала XVIII до середины XIX в. среди так называемых коттов-корчунов, подвергшихся бурятизации (Долгих, 1960, стр. 256).

[21] По документам XVII в., извлеченным Б. О. Долгих (1960, стр. 188), в 1623 г. в Енисейский уезд платил ясак «аринский мужик» Тап (Тапа). Сородичи его, Тапаевы, зафиксированы в 1629 и 1631 гг. в составе Кузнецкой волости. Тапковы были известны среди потомков земшаков (род Қонин) в составе Верхне-Инбатской волости (Долгих, 1950, стр. 95). Группа Тапковых, переселившихся на Дубчес, подверглась уже в XIX в. влиянию сымских эвенков; потомков ее в настоящее время называют «дубчесскими эвенками». Кеты Тапковы живут сейчас также в составе сургутинской группы.

[22] Проблема происхождения русского населения на Енисее, его этнического состава и роли в хозяйственном освоении края в последние годы исследована В. А. Александровым (1960, 1961, 1962а, 1962б, 1963).

[23] К началу XVIII в. русские уже значительно превосходили по численности коренное население Мангазейского уезда (Александров, 1963, стр. 13).

ление происходило в соответствии с хозяйственным укладом последних и природными условиями их жительства. В северных районах края, в зонах тундры и тайги, обосновались выходцы из северных районов Поморья. И здесь они продолжали вести промысловое хозяйство, основными отраслями которого являлись охота и рыболовство. Наоборот, сельскохозяйственное население Енисейского края (территория к югу от Енисейска) составили уроженцы центральных областей русского Поморья. В районах, где складывалось земледельческое хозяйство, процесс образования русского оседлого населения протекал быстрее, чем в северных, промысловых, районах, где не возникало и крупных населенных пунктов. На всем протяжении современного Туруханского района на расстоянии 20—30 км друг от друга были образованы почтовые станции (станки), состоящие первоначально из одного-двух домов. Постепенно вокруг них селилось русское промысловое население, но до конца XIX в., за исключением нескольких деревень (Ворогово, Верхне-Имбатское), населенные пункты были очень малочисленны.[24]

Одновременно со служилыми и промышленными людьми в населенных пунктах появлялись торговцы. Енисейские и мангазейские купцы снабжали кетов и других коренных жителей медными котлами, топорами, тканями и готовой одеждой. С конца XVII в. снабжение северных промысловых районов почти целиком шло из более южных областей края.

Торговые и обменные отношения стимулировали развитие тех отраслей хозяйства коренного населения, которые стали товарными, и прежде всего пушного промысла. Кеты научились у русских пользоваться новыми ловушками, постепенно происходило внедрение огнестрельного оружия. Однако эти процессы протекали крайне медленно в силу особо низкого экономического уровня народа (даже по сравнению с соседним коренным населением — эвенками, ненцами и т. д.). Одной из причин такого положения могло быть и то, что до конца XVIII в. главное значение на рынке имел соболь, распространенный преимущественно на территории эвенков (бассейны Подкаменной и Нижней Тунгусок). Добываемая кетами белка и другие мелкие пушные животные были очень дешевы.[25]

---

[24] Даже центр уезда, Туруханск, именовавшийся городом, в 1910 г. представлял малонаселенный пункт, в котором имелось «до 40 домов или, иначе сказать, лачужек, за исключением 3—5 домов, принадлежащих большей частью местным „торгующим“» (ГАКК, ф. 117, оп. I, д. 282, л. 7).

[25] В 1629 г. на территории Мангазейского, Енисейского и Красноярского уездов было добыто более 100 тысяч соболей (более половины из них — в Мангазейском), в тот же год мангазейская таможня зарегистрировала всего 20 шкурок белок. С конца XVII в. количество добываемого соболя в Мангазейском уезде сократилось до 1000, а беличьих шкурок в 1697 г. было сдано уже 12 480 штук. С этого времени белка становится основным

Часть добытой пушнины кеты сдавали в качестве ясачной повинности, другую отдавали «торгующим» в обмен на продукты, боеприпасы и прочие товары.[26] Выплата ясака до начала XX в. оставалась натуральной. В торговле у кетов также обменные отношения преобладали над денежными до самого начала социалистического переустройства.

Отрезанный от центральных районов Туруханский край, глухая провинция, место ссылки, где не только среди коренного, но и основной массы русского населения царили бедность, болезни, невежество, являлся прекрасной ареной для произвола торгового капитала. Вся административная и судебная власть в крае была сосредоточена в руках пристава, на станках заправляли торговцы и смотрители казенных хлебозапасных магазинов. И более других жителей края страдали кеты. Все побывавшие в конце XIX—начале XX в. на Туруханском Севере отмечали их ужасающую нищету, обездоленность и вымирание.

Административно кеты с XVIII в. объединялись в волости (управы), возглавлявшиеся старшиной («князцом»).[27] В официальных документах и научной литературе конца XIX—начала XX в. волость (управа) обычно называлась родом, а глава ее — родовым старостой, хотя каждая из волостей объединяла представителей разных экзогамных родов и родовых групп (Латкин, 1892, стр. 130; Еленев, 1893, стр. 75; Тугаринов, 1927, стр. 2).

Старшину волости (*куй, кый*) выбирали раз в три года на общих сходках (сугланах); последние обычно приурочивались к весенним и осенним ярмаркам. Однако выборность была чисто формальной. Как правило, кандидатуры назначались русской администрацией; главное условие — знание русского языка. Основной обязанностью избранника был сбор ясачных податей и долгов «в казну» за взятые из хлебозапасных магазинов продукты и боеприпасы.[28] В случае невыплаты долг раскладывался на всех членов волости по принципу круговой поруки.

промысловым зверем, но стоимость ее оставалась незначительной (Нумеров и Павлов, 1962, стр. 141—142, 144—145).

[26] По данным, относящимся к 1890 г., ясак равнялся 5 руб. или 40 беличьим шкуркам (Еленев, 1893, стр. 77).

[27] Как уже отмечалось, волости соответствовали территориальным группам (что, однако, не означало постоянного пребывания всех числящихся в волости в пределах именно этой территориальной группы). В конце XIX—начале XX в. было четыре кетские волости: Сымско-Касская (Дубчесская), Подкаменнотунгусская, Верхне-Инбатская и Нижне-Инбатская. Часть северных кетов входила в Карасинскую (в основном селькупскую) волость.

[28] ГАКК, ф. 117, оп. I, д. 20, 133, 231, 235, 245, 261, 401, 402. Магазины содержали запасы муки, а также других продуктов (чай, табак) и боеприпасов на случай неурожайных промысловых лет или недостаточного завоза торговцами. Кеты числились постоянными должниками центральных магазинов — Верхне-Инбатского и Туруханского, а также их отделений — Подкаменнотунгусского, Баишенского, Усть-Курейского и др.

Старшине предписывалось и осуществление некоторых судебных функций (например, наказание за неуважение к старикам, разрешение территориальных споров). При решении этих и некоторых других внутренних вопросов старшина опирался на так называемый родовой совет, который составляли главы отдельных семей и семейно-родовых групп.

На сходках также выбирали людей для отправки пушнины в Енисейск и для доставки товаров в запасные магазины.[29]

Таким образом, волостное управление, являвшееся искусственно созданной административной единицей, несло в себе некоторые черты родовых отношений. Этому способствовал тот факт, что волость была административным выражением реально существовавшей территориальной группы, значительная часть населения которой связана кровным родством и родовыми отношениями.

Вопросы общественного устройства (и прежде всего связанные с проблемой рода у кетов) в настоящей работе затронуты лишь попутно.[30] Однако, в связи с тем что многие черты родовой организации проявляются при рассмотрении некоторых социально-экономических сторон жизни народа (отношений производства и распределения, пользования угодьями и орудиями труда, наследования и т. д.), семейных отношений и особенно идеологии, представляется необходимым здесь предпослать некоторые самые общие сведения по данному вопросу.

Все кетское население в конце XIX—начале XX в. жило семьями, большими (до 40 чел.) и малыми (3—7 чел.).[31] Кеты считают, что их фамилии происходят от имен (прозвищ) предков, например: Лама — Лямич, Имла — Имляковы, Коүэт — Когоновы, Баллна — Балнины (Балдины) и т. д. Некоторые фамилии были топонимического характера и отражали прежнее расселение группы: Кетских (кетск. Тымдец — «люди с Кети»). Фамилия могла отражать и родовое самоназвание (от родового этнонима Ул'гыт, Ол'гыт, по-видимому, произошла фамилия Уленевы, Олоновы).

Несколько больших и малых семей, связанных кровным родством по отцовской линии, составляло родовую группу (патронимию). Члены такой патронимии могли жить вместе и разбросанно, иногда они входили в разные волости.[32] Члены родственных семей, живших в пределах одной территории (волости), были связаны постоянно общей производственной жизнью, отноше-

[29] ГАКК, ф. 400, оп. I, д. 78, лл. 2, 6.

[30] Обширный материал по этой теме собран Б. О. Долгих. Им готовится к печати специальное исследование, посвященное родо-племенному прошлому кетов (см. также: Долгих, 1934, 1950, 1960).

[31] См. об этом ниже.

[32] Разрастание семей (по Б. О. Долгих — родов) и выделение из них новых хорошо прослеживается с XVII в. (Долгих, 1950).

ниями коллективизма и взаимопомощи. Мужчины одного поколения называли друг друга *бисебо* — «брат» (звательная форма), а все вместе они объединялись под названием *бис'нимдең* — «братья». Так же именовали родственников, живших за пределами данной территории.[33] С последними связывало чувство кровного родства, экономические же отношения проявлялись лишь в периодических подарках и длительном пребывании у них в гостях (угодья при этом использовались совместно), но эти отношения не были постоянными, они могли прерываться на много лет или отсутствовать совсем.

Все семьи, составлявшие кетское население Подкаменнотунгусской, Верхне-Инбатской, Нижне-Инбатской и Карасинской волостей, входили в одно из двух экзогамных объединений (*кус'хуγотпыл'*): Боқдәjгет (Боқдәдең) и Қэн'тāн (Қэн'тадең) или в одно из подразделений этих объединений: Қониң (подразделение Боқдәjгет) и Ол'гыт (подразделение Қэн'тāн).[34] Эти этнонимы известны из документов XVII в. в качестве названий отдельных кетских групп (см. выше). Этнонимы Қониң и Ол'гыт (Ул'гыт) в конце XIX—начале XX в. были более распространены среди северных групп (Нижне-Инбатская и Карасинская волости).[35]

В составе кетов самой южной волости (Сымско-Касской) с конца XVIII в. прослеживаются родовые этнонимы Кэнденг и Ульденг, видимо, однозначные Қэн'тāн и Ул'дең (Ул'гыт) северных групп конца XIX в. (Долгих, 1950, стр. 95). Об этом, в частности, свидетельствует и отмеченное Б. О. Долгих обстоятельство, что сымские Кэнденг не заключали браков с инбатскими Кэнтаденг. Қэн'тāн и Ул'дең, как уже говорилось, составляли одно экзогамное подразделение. По-видимому, на Сыму прежде жили и представители другой экзогамной половины: на это указывает самоназвание патронимии Бунеевых (род Боқдәjгет или Қониң) — Сымдең (сымские люди). Самостоятельные экзогамные группы составляли, вероятно, кеты, пришедшие с Кети, по фамилии Кетских (Тымдыдең),[36] а также Имляковы,

[33] Например, подкаменнотунгусские Коротких так обращались к Коротких елогуйским.

[34] О существовании у кетов двух основных экзогамных половин, к которым можно свести все кетские фамилии (их чаще называли родом), писали Б. О. Долгих (1934, 1950), Г. Н. Прокофьев (1928), Х. Финдейзен (1929), Г. Д. Вербов (1936). По Б. О. Долгих (1950, стр. 91), Конинг выделились из Кэнтаденг.

[35] Связь этих подразделений с основными легко обнаружить. Брачные отношения между ними были запрещены, представители новых подразделений сохранили воспоминание о былой принадлежности к тому или другому основному экзогамному объединению.

[36] Тымдыдең, возможно, были потомками натско-пумпокольских кетов (Долгих, 1950, стр. 95). Предание о побеге их с Кети не забыто до наших дней. В языке сымских кетов отмечены особенности, характерные для пумпокольского диалекта (Дульзон, 1962в, стр. 70).

Савенковы — ассимилированные кетами селькупы.[37] Территориальное название этой группы, видимо, Хайбаңдең.

Таким образом, в составе каждой территориальной группы были представители обеих экзогамных половин.[38] Общее экзогамное самоназвание являлось для них свидетельством одного происхождения и признаком невозможности брачных отношений. Оно давало право на совместное пользование промысловыми угодьями и коллективными ловушками (например, котцами). Но осуществлялось это право в конце XIX—начале XX в. практически только внутри каждой отдельной территориальной группы. Значительно более ярко представление об общности происхождения всех членов данного экзогамного подразделения отражалось в идеологической сфере. Территориальное различие тут не имело значения. Все Қэн'тăн, равно как и Боқдэjгет (независимо от того, жили ли они на Подкаменной Тунгуске или Курейке), знали своих легендарных шаманов; их связывала вера в общих семейных покровителей (культы огня и алэлов) и предков, а также запрет передавать последних представителям другого экзогамного подразделения; у них были свои священные места, которые наследовались по мужской линии только внутри данного экзогамного объединения и т. д. (см. об этом в соответствующих разделах настоящей работы).

Обычно семья (или несколько родственных семей) жила в парном союзе с семьями противоположного экзогамного подразделения, с которыми ее объединяли отношения свойства и постоянные производственные связи.[39] Количество соседящих на стойбище

[37] Савенковых до сих пор называют *лаген* (селькупы), хотя они считают себя кетами, а своим родным языком — кетский.

[38] Пофамильные списки кетов разных волостей по их основным экзогамным подразделениям на 1926—1927 гг. опубликованы Б. О. Долгих (1950). Материалы, собранные за последние годы, отражают разрастание и переселения отдельных семей, а также пополнение подразделений Қониц и Ол'тыт за счет выходцев из Боқдэjгет и Қэн'тăн. В составе Подкаменно-тунгусской волости в конце XIX в. числились Каменские, которые не входили ни в одну из двух экзогамных групп. О их потомках, современных Каменских, и в настоящее время говорят, что они «совсем особый народ» и могут жениться на Қэн'тăн и Боқдэjгет (по другим данным, они могли брать жен только из Боқдэjгет). Б. О. Долгих выводит Каменских из «закаменных остяков» XVII в., составлявших третье экзогамное подразделение, равно как Ириковых (Верхне-Инбатская волость) и Хозовых (Нижне-Инбатская волость). В настоящее время все Ириковы, живущие в Туруханском районе в соседстве с кетами (рр. Елогуй, Сургутиха), считают себя селькупами и говорят по-селькупски. Верхнетазовские Ириковы (пос. Ратта) сохранили воспоминание о своем кетском происхождении.

[39] Елогуйские кеты, например, в начале XX в. расселялись следующим образом: в верховьях Елогуя жили на одних стойбищах Тыгановы и Хальвины (здесь и далее первая фамилия — представители Қэн'тăн, вторая — Боқдэjгет), Бальдины и Коротких; по Келлогу — Максуновы и Коротких; Колдобе — Бердниковы и Лямич; угодья по Точесу осваивали Тыгановы и Коротких. На Подкаменной Тунгуске чаще всего кочевали Толстых вместе с Лямич; на Сургутихе — Липаткины с Дорожкиными, Пешкины с Тапковыми.

семей регулировалось характером производственной деятельности в тот или иной промысловый сезон.

Таким образом, в конце XIX—начале XX в. главной сферой проявления прежних родовых отношений оставались родовая солидарность и религиозные верования. Постоянные социально-экономические и производственные связи между сородичами осуществлялись почти исключительно в пределах каждой отдельной территориальной группы. Но и здесь родовые отношения тесно переплетались с отношениями соседскими, территориальными.

Курейские Пешкины жили в постоянном соседстве с Ламбиными. Среди курейских кетов исключение составляла более обособленная группа Серковых (Ол'гыт). Они помнили свою принадлежность к Кэн'тăн, но кровными родственниками считали только Серковых. Эта группа представляла собой разросшуюся семью, которая в условиях территориальной изоляции приняла характер самостоятельного рода. Тому способствовала и определенная хозяйственная обособленность Серковых — относительно большое для кетов количество оленей, требовавшее специальных кочевок.

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Хозяйство кетов до прихода русских на берега Енисея было натуральным. Основные его отрасли — охота, рыболовство; подсобное значение имело собирательство. Охотились кеты почти круглый год. Охота давала мясо в пищу и шкуры, используемые в основном для шитья одежды и обуви. Важное значение имел промысел диких копытных — лося (сохатого), оленя. Большим подспорьем для питания являлась охота на водоплавающую и боровую дичь, особенно в период линьки. Кеты рыбачили главным образом летом и осенью, добывая рыбу, необходимую как для каждодневного питания, так и для заготовок впрок на долгие зимние месяцы (приготовление рыбьего жира, порсы, юколы).[1] Летом женщины и подростки занимались собирательством.

Охота и рыболовство при низком уровне развития производительных сил ставили человека почти в полную зависимость от природы. Миграция животных, климатические невзгоды, наконец, просто неудачная охота или рыбная ловля обрекали на голод.

С приходом русских и обложением ясаком произошли изменения в кетском хозяйстве. Если раньше рыболовный и охотничий промыслы развивались в равной степени, а их интенсивность определялась только потребностью в продуктах промысла, то теперь основным занятием становится охота, точнее — пушной промысел. Пушнина превратилась в основное средство существования: ею платили дань служилым людям, за пушнину кеты получали у купцов ставшие необходимыми промышленные товары и продукты. Отступив на второй план, сохранялась и по-

[1] Порса — размельченная в порошок сухая рыба; юкола — вяленая рыба (см. раздел о пище).

Название месяца	Елогуйские	Кангатовские	Сургутинские
Опадения листвы	*öндок*	*öндоқ*	*оңдоқ*
Замерзания земли	*баңтоил'*	*баңтоил'*	*баңтöл'*
Пешей охоты *	*ташыjин*	*ташоjин*	—
Коротких дней	*хол'оңоқ*	*хол'оңоқ*	*хол'оңық*
Больших дней	*қœзп*	*кœчоп*	*боγол'*
Сохатого	*қаjетын*	*қаjетын*	*қаjетын*
Орла	*диңып*	*диңып*	*диеңып*
Бурундука	*конуп*	*конуп*	*конуп*
Нереста щуки	*куршол'*	*куршыл'*	*кутбул'*
Налогов, ярмарки	*қаллœс*	*қаллыс*	—
Котцовый	*ыданэ*	*ыдэнтыj*	*ытдобтаj*
Линьки уток (востроxвост, красноголовые, чирок)	*кубэнэ*	*кубэнэ*	*кубэнэ*
Линьки водяных уток (гоголь, крохаль, лебедь, гусь) **	*ул'бэнэ*	*ул'бэнэ*	*ул'бэнэ*
Половины лета	—	*сил'*	*с'усил'*
Неводьбы нельмы	*сулос*	*сулос*	—

* Есть основание предполагать, что следующее у М. А. Кастрена (Castren, 1858, стр. няемое автором как «месяц спаривания оленей» (Renntierbrunst-monat), но не переводимое

** У К. Доннера (Donner, 1955, стр. 75) записано название *obəñi-gip*, переведенное как (*ул'бэнэ кып'*).

требительская охота, главным образом на копытных и пернатую дичь. Рыболовство по-прежнему было натуральным; лишь у северных кетов (курейских и живших поблизости от Туруханска) оно благодаря наличию рыболовных угодий, изобилующих рыбой ценных пород, а также рынка в больших русских деревнях, расположенных неподалеку, получило впоследствии товарный характер (Долгих, 1934, стр. 92). В целом же рыболовство до социалистической реконструкции не развивалось, наоборот, сократились его сроки за счет охоты на белку в осенний период (раньше в осенние месяцы добывали рыбу подледно). Не развивалась и третья отрасль кетского хозяйства — оленеводство.[2]

Удаленность и разобщенность отдельных групп кетов, разные географические условия, наконец, взаимодействие с соседними народами обусловили некоторые локальные различия в их хозяйственном укладе в конце XIX—начале XX в. Так, для северных кетов, как отмечалось, было характерно товарное рыболовство. Охота составляла главную отрасль, но основным объектом пушного промысла являлся песец, отстрел белки играл меньшую роль. Оленеводство, носившее транспортный характер, имело свои особенности: заимствованный у эвенков верховой

[2] Оленеводство у кетов появилось, по-видимому, не ранее XVII в. (см. ниже). К приходу русских на Енисей кеты (в основной массе) были пешими охотниками и рыболовами (Долгих, 1960, стр. 180).

ца 1

Пакулинские	Курейские	Имбатские (по М. А. Кастрену)	Сымские (по М. А. Кастрену)	По К. Доннеру
ондоқ	*ондоқ*	*êdok-ġîp*	—	*ə̄ŋdok*
баңтбл'	*баңтол'*	*baŋ-teäġal-ġîp*	*baŋ têger xîp*	*bə̂ŋ–tə̂'ə̄lг*
тыбыэң	—	—	—	—
хыны холең	*хыны холоңақ*	—	—	—
боɣол'	*кœ холоңақ*	*keaġap*	—	—
қајетэң	*қајатэң*	*kaijat-қaŋdeä-ġîp*	—	—
диɣуп	*диɣуп*	*dî'e-ġîp*	*dî'e ġîp*	*ḍiè-ḍip*
коɣуп	*коɣуп*	—	—	—
кудэбыл'	*курубыл'*	—	*xûdebel xîp*	*kodebəl-gip*
—	—	—	—	—
ынданҭај	—	*yddantei-ġîp*	—	—
кубэнэ	—	*kûbenaŋ-ġîp*	—	*qubəñi-gip*
ул'бэнэ	*олбаңтаң*	*ulbenaŋ-gîp*	—	—
—	*сусел'*	*sîla-ġîp*	—	—
—	—	*suleŋ tâŋ-ġîp*	—	—

247) за месяцем замерзания земли название *tâbalap-hîp* (имб.), *talbelep xip* (сымск.), объяс- так из кетского языка, является вариантом названия месяца пешей охоты (*mawojuн қып'*). «август»; сходство названий дает возможность думать, что это месяц линьки водяных уток

способ езды при преимущественном использовании нартяной упряжки. Подкаменнотунгусские кеты, наоборот, представляли собой группу с чисто охотничьим, безоленным хозяйством. Пешая охота на пушного зверя составляла основу их хозяйства. Для левобережных кетов (живших по притокам Енисея: Дубчесу, Елогую, Сургутихе, Пакулихе) также характерны таежная охота на белку и транспортное санное оленеводство. Рыболовство, как и у подкаменнотунгусских, было чисто натуральным, потребительским. Названные хозяйственне локальные группы можно выделить лишь в общем плане. Только подкаменнотунгусские кеты составляли особую группу за счет ярко выраженного пешего характера их охотничьей культуры, и в этом смысле их можно считать типичными для характеристики традиционного хозяйственно-бытового уклада народа. Во всех остальных группах наряду с оленными хозяйствами существовали хозяйства, не имевшие оленей.

Исконность пешего быта кетов, специфическая направленность таежных охотников и рыболовов проявляются в их народном календаре (см. табл. 1).[3]

[3] Сведения о народном календаре получены по время полевой работы у елогуйских, сургутинских, пакулинских, курейских кетов и кетов, живущих в пос. Кангатово; использованы также данные из словарей М. А. Ка-

При общей основе у одной и той же группы в ряде случаев записано несколько вариантов названий.

Отсутствие в календаре некоторых названий у отдельных групп еще не говорит, что их не было совсем. Они могли быть забыты, например, из-за несоответствия новой хозяйственной деятельности. Так, у курейских кетов не сохранилось месяца «пешей охоты», возможно, потому, что пешая охота для них стала нехарактерна. Именно у этой группы было больше всего оленей, а традиционная ручная нарта давно вышла из употребления. Название данного месяца сохранилось, однако, у левобережных (елогуйских, пакулинских) кетов, имевших оленей в меньшем количестве. У той же курейской группы отсутствует «котцовый» месяц: северной границей этого способа рыбной ловли был бассейн р. Сургутихи. В результате экономических отношений с русскими появились в календаре такие названия, как месяц «налогов», «ярмарки». По-видимому, случайными являются единичные термины, записанные М. А. Кастреном и К. Доннером.

В основе же своей народный календарь у всех групп кетов одинаков и хорошо отражает их промысловый хозяйственный уклад.

Однако в календаре не нашло отражения оленеводство, что свидетельствует о его позднем появлении.[4]

Хозяйственно-бытовой годовой цикл у кетов складывался следующим образом. В месяце «опадения листвы» они жили стойбищами из нескольких чумов по берегам небольших речек или Енисея.[5] В этот период кончалась рыбалка котцами и неводами на Енисее. Где-нибудь поблизости от жилья, в тихой курье (старице) или на озерке, ставили сети-пущальни и добывали необходимую для каждодневного питания рыбу. Темными ночами выезжали на лодках-долбленках лучить рыбу острогой на порожистые места маленьких речек. Днем мужчины изготовляли и чинили лыжи, нарты, ставили в кедровых борах ловушки (пасти) на глухарей, которых подстерегали также на берегах и отмелях, куда они выходили за мелкими камушками. На озерах добывали водоплавающую дичь. Женщины, подростки и дети собирали орехи,

---

стрена и К. Доннера (Castren, 1858; Donner, 1955). Кроме перечисленных в таблице названий, у М. А. Кастрена и К. Доннера имеются не встретившиеся больше нигде названия месяцев: «зимний», «маленький», «белый» (Castren, 1858, стр. 247), «весенний», «высокой воды» (Donner, 1955, стр. 42, 97).

[4] Многие названия кетского календаря совпадают с названиями месяцев у северных селькупов: «замерзания земли» (*тэттэ мапса ирэт*), «орла» (*лимбыл' ирэт*), «бурундука» (*себей ирэт*), «нельмы» (*мынде ирэт*). Интересно, что сходны не только названия, отражающие общие природные явления, но и такие, как название самого короткого месяца (кетск. *хол'оӈоқ қып'*), которое переводится как месяц «пальца на рукавице» (за короткий день в этот период женщина едва успевает сшить палец рукавицы). В селькупском календаре ему соответствует *нопэндэ коӈал' ирэт* с таким же значением.

[5] Этот месяц назван первым условно, сами кеты связывали наступление нового года с окончанием охотничьего сезона весной.

ягоды, выкапывали съедобные корни, запасали лекарственные травы, кору.

В начале следующего месяца («замерзания земли») откочевывали с берегов подальше в лес, где были не так сильны осенние ветры. Передвигались вверх по притокам Енисея на илимках — больших лодках с крытой жилой «каютой». На месте осеновки — *когдақ баң* (*когдақ* — «осень», *баң* — «земля») — первое время жили в чумах, но постепенно общими усилиями жителей стойбища

Рис. 2. С волокушей и ручной нартой на охоту.

строили землянки.[6] В этот период мужчины продолжали подготавливать зимнее оборудование, добывали пролетающую и боровую дичь. На озерах ловили рыбу. Женщины до снега собирали ягоды. Оленные кеты в конце срока отправлялись в тайгу собирать оленей; сначала отыскивали нескольких, запрягали их и собирали остальных.

Следующий месяц был началом пушного промысла («малая» или «временная ходьба»). Женщины, дети, нетрудоспособные оставались дома, остальные ежедневно выходили охотиться на белку (по мелкому еще снегу — пешком, потом на камусных лыжах). Вечером возвращались к семьям, но, освоив ближайшие

[6] О составе населения стойбища, его количестве см. ниже.

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

угодья, уходили все дальше и все реже возвращались на ночевку в землянку. Все необходимое тащили с собой на волокуше из шкуры лося (оленя) или ручной нарте (рис. 2). Ночевали в снежных ямах, под прикрытием берестяного заслона, в получуме. На несколько ночевок ставили чум. Обычно объединялись 3—4 охотника (чаще родственники и свойственники), семьи которых оставались на месте осеновки. Ночевали вместе, а утром расходились каждый своей дорогой. Через 4—5 дней охотники переходили на новое место, ставили чум и охотились поблизости от него. При перекочевках с одного места на другое поочередно шли впереди и прокладывали лыжную колею. Оленные кеты переезжали на нартах, но охотиться каждодневно выходили на лыжах, с ручной натрой. В этот период неглубокого снега промышляли белку с собакой. Попутно охотились на медведя.

Оставшиеся в землянках женщины заготавливали дрова, добывали на озерах подледно рыбу. Вместе с подростками ходили высматривать ловушки (пасти) на глухарей, зайцев. Добытых глухарей складывали на лабазы-настилы и хранили в мороженом виде. Вечерами женщины выделывали заячьи шкурки, камусы и шили зимнюю одежду, обувь.

В начале следующего месяца («коротких дней») охотники возвращались с «малой ходьбы». Недлинный световой день, сильные морозы не давали возможности продолжать промысел. К тому же белка в это время редко выходила из гнезда. Люди пережидали морозы, питались сухим и мороженым мясом, заготовленными летом рыбными продуктами. К концу месяца у многих кончалась купленная в долг у купцов мука. Оленные кеты выезжали в русские поселки, сдавали им первую пушнину (свою и сородичей, оставшихся в тайге), некоторые семьи отправляли посланцев за мукой в хлебозапасные магазины.

Долгими зимними вечерами все обитатели стойбища собирались в одном жилище, пили чай, рассказывали сказки.[7] Чтобы ослабить морозы, рассказывали особые сказки магического характера (*усес' ас'кет*). Рассказчиком мог быть лишь тот, кто родился в теплое время (весной, летом). Тогда же шаманы проводили камлания. Цель их — обеспечить удачную охоту в период «большой ходьбы», который начинался в следующем месяце («большой месяц», месяц «больших дней»).

В начале месяца «больших дней» кеты оставляли свои землянки и отдельными семьями или группами из нескольких родственных семей отправлялись охотиться на свою «дорогу».[8] В безоленных семьях каждый взрослый тащил сам или с помощью

---

[7] Обычай запрещал рассказывать сказки в другое («рабочее») время года, например летом (на рыбалке, в пору охоты).

[8] «Дороги» — угодья, на которых из года в год охотилась определенная (семейно-родовая) группа.

собаки груженую нарту.[9] За день проходили 8—10 км; вечером ставили чум. При очень сильных морозах оставались на одном месте день, другой. Охотились до выхода на свои угодья мало. Дойдя до них, продвигались дальше по ним. Сделав переход (аргиш),[10] останавливались, ставили чум и в течение 4—5 дней охотились в окрестностях. Переход с одного места на другое осуществлялся следующим образом. Впереди налегке (на их нарточках были только тиски — берестяные покрышки от чума) шли мужчины и лыжами утрамбовывали глубокий рыхлый снег (прокладывали дорогу). К вечеру они останавливались в подходящем для стоянки месте (основным условием было наличие валежника) и ставили чумы. Женщины с нагруженными продуктами и имуществом нартами шли на лыжах по протоптанному следу. Тащить тяжелые нарты им помогали собаки. Детей до 5 лет везли на нартах, остальные шли на лыжах самостоятельно. Часть груза оставляли на старом месте или на пути к новому.

На другой день, когда мужчины уходили на охоту, женщины, оставив детей под присмотром старух, возвращались и перетаскивали оставшийся груз на новое место.[11] Иногда приходилось возвращаться два и три раза. Если в окрестностях нового стойбища белки не оказывалось, через день-другой трогались дальше, и женщины, не успев передохнуть, снова начинали свой тяжкий труд. Если дорога проходила в неудачном для промысла месте (участки горелого леса), то в день проходили «большой аргиш» (до 15 км), останавливаясь лишь для ночлега.[12] Величина «стана» (пути за день) зависела также от того, насколько был глубок снег, сколько людей прокладывали путь и т. д.

В этот период из-за глубокого снега охотились без собак. Питались преимущественно тушками добытых животных.

Следующий месяц («сохатого») также целиком был занят охотничьим промыслом. Название месяца отражает начало важнейшего для существования промысла копытных (лося, оленя).[13] Охотники ежедневно уходили от стана, оставаясь в тайге по нескольку дней. Кроме копытных, охотились на белку, соболя.

---

[9] Специально ездовых собак у кетов не было. При необходимости запрягали тех же собак, с какими охотились.

[10] Аргиш — санный поезд, состоящий из нескольких упряжек. Аргишить — переезжать (переходить) с одного места на другое. У кетов, как и у других северных народов, а также у местных русских, вошло в жизнь понятие «аргиш» в качестве расстояния между двумя стоянками. В таком же значении употреблялось слово «стан». И аргиш и стан — по-кетски *итан*.

[11] Часть муки и других продуктов (на обратный путь) оставляли в свайных лабазах (обычно ими пользовалось несколько родственных семей).

[12] Оленные кеты, как и пешие, также сначала выходили на свои дороги и аргишили по ним. Их аргиш (стан) был, естественно, больше (20—25 км), но характер перекочевок не отличался от такового у пеших.

[13] Кеты объясняли происхождение названия также тем, что в это время солнце уже пригревало настолько, что на березе можно было отодрать кусок бересты, по величине равный уху сохатого.

К концу месяца кеты проходили уже большую часть своей «дороги», а иногда подходили к ее концу. Здесь обычно устраивали более длительную стоянку и жили весь следующий месяц («орла»). Охотники на несколько дней уходили от стойбища (делали «маленькую дорогу», как осенью, в начале охотничьего сезона). Охотились на копытных, белку, соболя. Женщины ставили и осматривали ловушки (черканы) на мелких пушных зверей.

В конце месяца устраивали небольшой отдых. В это время не охотились, ели мясо добытых животных, а в начале следующего периода (месяца «бурундука») начинали обратный путь.[14] В это время уже на снегу появлялся наст, идти было легко, поэтому и аргиш делали длиннее (до 15 км в день). На обратном пути почти не охотились (только на бурундуков). К концу месяца приходили на место осеновки, к землянкам, ставили поблизости от них чумы, а через несколько дней отправлялись на берега рек и озер весновать (*дырақ* — «весновка»). Пока еще был наст, заготавливали дрова, вырубали доски для лыж-голиц, весел, рубили осины для лодок-долбленок, илимок. Стволы оставляли в лесу, на берегу, и мужчины ежедневно ходили туда строить лодки. Для изготовления илимок объединялись все мужчины стойбища и поочередно делали илимки каждой семье. Оленные кеты в это время отпускали оленей в тайгу. Месяц «бурундука» (особенно его вторая половина) был тяжелым, голодным периодом: рыхлый мокрый снег не давал возможности отойти от стойбища, кончалось мясо добытых в прошлом месяце копытных. С нетерпением кеты ждали появления первых пропарин на озерах, речках, когда можно было подкараулить пролетающую дичь и поставить ставную сеть (пущальню) в ожидании первого улова.

В первой половине следующего месяца («щуки») готовились к рыболовному сезону: чинили и вязали сети, изготовляли лодки, весла. В середине его на маленьких речках, озерках ставили первые пущальни, начинался рыболовный сезон. Одновременно охотились на пролетающих гусей, уток. Женщины и дети на очистившихся от снега пригорках собирали прошлогоднюю бруснику, а на болотах выбирали из-под снега мерзлую клюкву.

Название следующего месяца («котцовый») определяет основное занятие в этот период. Как только подсыхала земля, кеты на лодках перебирались на свои летние рыболовные угодья, ставили чумы и налаживали маленькие котцы (рыболовные ловушки; см. ниже). Женщины, кроме того, собирали березовый сок, сарану, черемшу.

В середине месяца многие семьи выезжали на лодках-илимках с притоков на Енисей, где поблизости от крупных деревень (вблизи дер. Подкаменная Тунгуска, в устье Елогуя, неподалеку

[14] Месяц «бурундука» считался первым месяцем года.

от Верхне-Имбатского, в Селиванихе) устраивались ярмарки. Каждая территориальная группа кетов тяготела к определенной ярмарке, но нередко на ту или иную ярмарку съезжались кеты из разных территориальных групп. В районе ярмарки разбивали стойбище в несколько десятков чумов (или ночевали в илимках).

Сдавали пушнину сборщикам ясака, расплачивались с купцами и снова брали у них в долг под будущую пушнину товары и продукты. Здесь же совершались подряды и наем беднейшей части кетов к русским на сезонную работу (покос, неводьба, заготовка дров и т. д.). К ярмаркам приурочивали свою деятельность среди иноверцев священники: совершали обряды (чаще всего заочные) крещения родившихся в течение года, отпевания умерших и т. д. На ярмарке решались некоторые общественные (выборы родовых старост, суд и пр.) и семейные вопросы (договаривались о свадьбах) и т. д. После ярмарки одни семьи оставались рыбачить на Енисее (это было характерно главным образом для подкаменнотунгусской и курейской групп), другие поднимались вверх по притокам и ставили в излюбленных местах большие котцы.

Этот период был очень важным в жизни кетов: именно котцовым способом добывали большое количество мелкой рыбы, из которой заготавливали впрок продукты для себя и собак. Оленные кеты устраивали в тайге дымокуры для оленей, спасающие их от гнуса. Решающим фактором при выборе места, как правило, было наличие удобных для рыболовства угодий.

Затем наступал период (два месяца) охоты на линяющую водоплавающую дичь. Для этого ходили на ближайшие от котцов озера. Добытую дичь сушили, вялили на солнце, вытапливали жир. Одновременно на озерах и реках пущальнями добывали рыбу для постоянного питания.

Следующий месяц («нельмы»), последний месяц лета, также занимались в основном рыболовством: неводили, ставили самоловы (то и другое преимущественно на Енисее), котцами, сетями добывали рыбу на озерах и небольших речках. Охотились на водоплавающую и боровую дичь. Женщины начинали сбор дикорастущих (ягод, орехов).

Таков был традиционный хозяйственный цикл кетов в конце XIX—начале XX в.[15] Основные черты его, характерные для комплексного охотничье-рыболовческого хозяйства, сохранялись до начала социалистического переустройства.

---

[15] Несколько иным был хозяйственный цикл у самых южных оседлых кетов (дюгунь, юги). Охотились они, как правило, только в период «малой ходьбы» (выходили с ручной нартой, волокушей). Котцовый способ для них нехарактерен. В период линьки водоплавающих ходили на ближайшие от деревень (Ярцево, Ворогово) озера. Значительную роль играла работа по найму у русского населения.

Остановимся теперь более подробно на характеристике основных и подсобных отраслей кетского хозяйства: охотничьего промысла, рыболовства, оленеводства, собирательства.[16]

Главное внимание при изучении промысловой деятельности уделено способам и приемам добычи зверя, птицы, рыбы, орудиям промысловой деятельности; оленеводство кетов рассматривается здесь с точки зрения системы и ее происхождения.[17]

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ

Несмотря на то что основу охоты у кетов в конце XIX—начале XX в. составлял пушной промысел, имевший товарное значение, важную роль в жизни народа сохраняла добыча крупных животных (прежде всего копытных) и дичи (водоплавающей и боровой). Именно эти промыслы наряду с рыболовством были основным источником питания подавляющей массы населения.

Охота на крупных животных (лося, дикого оленя, медведя). На дикого оленя (*сел'*, *ес'сел'*) охотились в каменистых хребтах правобережья, главным образом в северной части современного Туруханского района.[18] Лося (*қај*) больше всего добывали по тундрам в бассейнах Елогуя, Таза, Туруханa, а также на Подкаменной Тунгуске.[19]

Кеты не убивали оленя, лося, если семья имела достаточные запасы мясной пищи; стельных важенок старались вообще не убивать.

Способы и приемы добычи лося и оленя в основном были одинаковыми: охота гоньбой и с помощью ям-ловушек; у северных групп, кроме того, отмечена охота скрадом, а у подкаменно-

---

[16] Собирательство в настоящем разделе только упомянуто, так как о нем удобнее говорить при характеристике пищи. Сведения о домашних хозяйственных занятиях имеются в соответствующих разделах работы (об обработке шкур — в разделе «Одежда», дерева, бересты — в описании утвари, средств передвижения и т. д.).

[17] О транспортном использовании оленеводства у кетов говорится при характеристике средств передвижения.

[18] Название дикого оленя *ес'сел'* (букв. «небесный», «божий олень») аналогично селькупскому *нум атэ* (*нум* — «небо», «бог», *атэ* — «олень»; см. также: Castren, 1855, стр. 262). Слово *ес'сел'* у кетов употреблялось и в значении «дикий зверь», «добыча» вообще; от *сел'* (мн. ч. *сен*) производно *асенно* — «охотиться».

[19] Терминологические параллели кетскому названию лося также свидетельствуют о древности охотничьей культуры народа: *ка* — «лось» у южных самодийцев, моторов и койбалов (Potapov, 1957, стр. 42—79); *коу* — у энцев; *која* в значении «олень» — у коттов; *коиа* — у асанов (Дульзон, 1961а, стр. 75); *коукаш* (*куудай*) — у тувинцев; *кауік* — общетюркское название дикого оленя. Котты и асаны словом *кой* (*кай*) называли овцу, барана (Дульзон, 1961а, стр. 158, 175). *Куудай* у тувинцев употреблялось и в значении «серый конь» (Вайнштейн, 1961, стр. 32).

тунгусских — коллективная охота на переправах через речки (Долгих, 1934, стр. 89).

Охота гоньбой была наиболее распространенным способом добычи копытных.[20] Она требовала от человека большой физической выносливости, ловкости. Обнаружив следы (тропу) животных, охотник возвращался в стойбище и частыми ударами посоха о лыжу извещал остальных. Число принимавших участие в гоньбе зависело от количества выслеженных зверей (обычно 2—4 охотника, преимущественно родственники, свойственники).[21] Один из охотников, известный своей ловкостью и удачливостью, считался ведущим. Он всегда бежал первым, налегке. Остальные, кроме своих ружей, несли топоры, продукты, выделявшиеся каждой семьей. Их обязанностью было поднимать сброшенную разгоряченным охотником одежду и т. д. При гоньбе животных старались направить с открытых мест в лесистые участки, где снег был наиболее глубоким. В то же время пытались направить их в сторону стойбища (чтобы потом было ближе перетаскивать добычу). Преследование лося, оленя иногда продолжалось несколько дней (ночевали в снежных ямах).

Отставшее животное били из ружья (а до его появления — из лука), закалывали отказом (см. ниже). Ведущий охотник (как правило, он и убивал загнанного зверя) бежал дальше, а остальные обдирали шкуру, разделывали наскоро (пока не замерзла) тушу. Если охотники находились недалеко от стойбища, а добыча была большой, то разделывать туши приходили женщины.

Разрубленное мясо складывали отдельными кусками, покрывали ветками и снятой шкурой, затем постепенно перетаскивали на волокуше, ручных нартах. Если не хватало людей (например, охотились одной семьей), то на месте перерабатывали продукты, чтобы было легче вывезти. Тут же в лесу сооружали небольшой лабаз-настил, под которым разводили костер. Мясо рубили на мелкие кусочки и сушили на настиле. Кости вываривали в котле (вытапливали жир).

Ямы на лося (оленя) выкапывали на их тропах (например, неподалеку от берега маленьких речек, куда животные выходили кормиться тальником), маскировали сверху пихтовыми ветками (Финдейзен, 1929, стр. 127). Попавших в яму животных забивали отказом. Этот древний способ охоты сохранялся у кетов до конца XIX в.

У северных кетских групп (к северу от р. Сургутихи), живших в условиях начинающейся лесотундры, существовала охота

---

[20] Описание такой охоты на дикого оленя дано в статье Б. С. Семенова (1919, стр. 97).

[21] Как исключение в охоте на крупных копытных принимали участие женщины. В конце XIX—начале XX в. специально для охоты на крупных животных объединялось несколько связанных родством семей (до трех) и выходило на угодья (см. ниже).

на дикого оленя со щитком-скрадом, под прикрытием которого охотник подползал к животному на расстояние выстрела. При охоте скрадыванием охотник одевал светлую парку из оленьего меха, а вместо обычной обуви с камусной головкой и суконными голенищами надевал обувь, целиком сшитую из оленьих камусов также светлого тона, чтобы быть как можно неприметнее на фоне белого снега. Отсутствие специального названия для щитка (его называли *лим'* — «доска», *ас'лең лимас* — «лыжи с доской»), использование его только при ружейной охоте говорит о позднем заимствовании этого способа у северных соседей.[22]

На медведя (*коj*) охотились обычно в осенние месяцы («малой ходьбы»), по мелкому снегу.[23] Выслеживали медведя с собакой, искали его по следам, царапинам на деревьях (зверь когти точил). Если охотник находил берлогу, то, приметив место, возвращался в стойбище и оповещал остальных об этом, ударяя посохом о лыжу.[24] Охота на медведя у кетов сопровождалась ритуальными действиями, связанными с культом этого животного. Охотились коллективно, причем все участники (сородичи или соседи) вызывались добровольно.[25] Находящегося в берлоге зверя тревожили пальмóй (*ус'*; см. ниже). Охотники становились в определенном порядке (впереди были наиболее ловкие и опытные). Все внимательно наблюдали друг за другом. Если охотились с ружьем, метили между глаз, если с пальмóй, старались попасть наконечником в горло зверя. Право первого удара имел охотник, выследивший медведя, или кто-нибудь из его кровных родственников. В исключительных случаях первым стрелял наиболее смелый охотник. Иногда (если никак не удавалось выманить медведя) раскапывали берлогу, завалив предварительно входное отверстие. Убив медведя, тушу оттаскивали и разделывали: отрубали голову, лапы, снимали шкуру, вынимали внутренности. Желудок, легкие, потроха тут же зарывали. Затем тушу разрубали, отделяя целиком позвоночник, ребра, бедренную часть.

Охота на боровую и водоплавающую дичь. Охотой на боровую дичь кеты занимались практически круглый год. Специально на боровую дичь (глухарей, пальников, рябчиков, куропаток) охотились весной, во время токования.[26] На лыжах-голицах шли к месту токования и, подкравшись, бросали в птиц палки-

---

[22] Зимняя охота на дикого оленя скрадыванием была характерна для долганов (Попов, 1958, стр. 27).

[23] Для медведя существовали многочисленные подставные названия («дядя», «старик», «отец», «мачеха» и т. д.).

[24] Как было отмечено, этим же способом, но более частыми ударами оповещали о выслеженном лосе. Частые удары означали, что необходимо быстро собираться, пока зверь не ушел далеко

[25] На медведя вырывали также ямы, аналогичные ловушкам такого типа на копытных. Подробные сведения о них отсутствуют.

[26] Глухарь — *дит'*, тетерев — *ҷуп*, рябчик — *сиу*, куропатка — *асуп*.

колотушки (*аγул'*) с утолщенным передним концом.[27] Этот архаический способ сохранялся до начала нашего века (им добывали птицу подростки). Кроме того, на токах вырывали ямы-ловушки. В остальное время на глухарей охотились попутно. В борах ставили пасти, широко использовали силки.

На линяющую птицу (уток, гусей) охотились с собакой. Водоплавающая дичь в период линьки скапливалась на мелководных озерах, так как там над водой выступала трава, которой утки кормились. Кеты заранее высматривали озера, где собиралась птица. На охоту за линяющей птицей объединялось несколько человек.

Простейший способ заключался в следующем: одни охотники плыли в ветках по озеру и выгоняли уток на берег в кусты, там их ловили другие охотники, хватали собаки.

Если птица оказывалась на двух озерах, соединенных узкой протокой, то ее загоняли с озер в эту протоку и загораживали с двух сторон сетями (использовали старые рыболовецкие ставные сети). Сети ставили так, чтобы птица не могла ни перелететь их, ни поднырнуть под них. Иногда узкую часть озера отгораживали сетью и, оставив узкий проход, загоняли туда дичь; один человек оставался на ветке в проходе, остальные вылавливали добычу. В темные августовские вечера загоняли линяющую птицу в сети, расставленные на одном конце озера. Если озеро соединялось с курьей, то птицу загоняли из озера в курью и ждали, когда она начнет выходить на берег. Собака или сама приносила хозяину дичь, или лаем указывала место, а человек бил ее из лука.

На узких озерах, по сообщению сургутинских кетов, ставили котцы на уток. Котцы устраивали и на озерах, соединенных речкой. На речке ставили загородку и котец. Оставив свободной одну сторону загородки, из большого озера гнали через речку уток в другое озеро (устье котца было направлено в его сторону). Загнав дичь в озеро, отверстие в загородке закрывали. Охотники переходили на другое озеро и постепенно загоняли уток в котец. Котцы были такими же, как и для ловли рыбы, только более крупными. Весной охотились на пролетавших водоплавающих птиц. Как только появлялась вода в устьях речек, выходили караулить дичь. На месте устраивали скрады — загородки из тальниковых веток — и там поджидали. При шуме пролетающей стаи подзывали птиц, подражая их крику. Наиболее меткие стреляли в летящих птиц. Охотясь на водоплавающих, кеты наиболее долго использовали традиционное оружие — лук и стрелы.

Пушной промысел. Основу охотничьего промысла в конце XIX — начале XX в. составляла добыча пушных животных.

---

[27] Такими же колотушками били линяющую водоплавающую дичь (главным образом гусей).

Первое место в пушном промысле занимала добыча белки (*сақ*).[28] По отдельным группам она давала от 80 до 98% стоимости всей пушной продукции (Долгих, 1934, стр. 86). Больше всего белки добывали подкаменнотунгусские, а также левобережные (рр. Елогуй, Сургутиха, Пакулиха) группы кетов.

Кеты по праву считались лучшими бельчатниками среди соседнего коренного населения. В средний по «урожайности» год

Рис. 3. Охотники в тайге.

охотник добывал до 1000 белок. Однако миграция белки, частые изменения ее количественного состояния делали неустойчивыми заработки охотников, ставили их в полную зависимость от стихии «урожайности» животных.

Охотничий сезон на белку начинался в месяце «малой» (пешей) охоты, в середине октября, и кончался в конце месяца «орла» (март), продолжаясь в целом немногим более пяти месяцев.

Осенью охотились на белку с собакой (рис. 3). Собака выслеживала зверька, охотник шел на лай и стрелял. Зимой из-за глубокого снега собака не могла пройти. Охотник отмечал при-

[28] Особое значение промысел белки приобрел еще с конца XVIII в., когда пала соболиная охота в крае (Нумеров и Павлов, 1962).

меты: упавшие на снег кусочки коры, обломанные веточки (белка шла верхом). Найдя беличье гнездо, он выпугивал зверька, царапая по стволу дерева железным крюком (*коксул*), прикрепленным к верхнему концу лыжного посоха. Обычно белка сразу выходила, но иногда приходилось рубить дерево, так как, стреляя в гнездо, можно было испортить шкурку. Если дерево с гнездом было очень толстое, подрубали растущее рядом более тонкое, чтобы оно упало и стряхнуло гнездо.

Весной, с образованием наста на снегу, опять брали с собой собаку.

До появления огнестрельного оружия охотились на белку с помощью лука и ловушки (черкана). Чтобы не испортить шкурку, при охоте на белок использовали специальные стрелы с тупым деревянным или роговым наконечником (*томар*); применяли также так называемые пустоголовые стрелы с отверстиями в деревянном наконечнике. Добытых белок охотник привязывал к своему поясу, чехлу от ружья. При удачной охоте он возвращался весь обвешанный тушками белок.

Охота на соболя (*ер'*) в конце XIX—начале XX в. не получила широкого распространения (запасы соболя, как и в других районах Сибири, на Туруханском Севере были истреблены уже к XVIII в.). Охотились на него преимущественно попутно во время белкования. Соболь иногда попадал в черканы, установленные на колонка и горностая. Специально соболиным промыслом занимались обруселые кеты, жившие в русских поселках. Охотились в каменистых хребтах правобережья. Наиболее распространен был промысел соболя обметом.[29] Обнаружив след (охотились на соболя осенью, по мелкому снегу), шли по нему. Если след был свежий, шли особенно осторожно, поджидали, когда зверек отойдет подальше. Находили место, куда он «нырнул» (около валежника, в корневища и т. д.), и оставляли возле ямки в снегу рукавицы (чтобы соболь не выскочил, пока обметывали место). Обмет (*ер'œŋ* — «соболиная сеть», *хœŋaj* — «сетевой мешок» чаще всего из старых рыболовных сетей длиной до 100 м и более, высотой 1.5—2 м) верхним концом тетивы привязывали за дерево, а затем огораживали им вокруг место, где залег соболь. Нижнюю тетиву засыпали с внутренней стороны круга снегом, чтобы при ударе соболя о сеть она не поднялась. Верхний край обмета поддерживали 15—20 прутьев, воткнутых в снег на равном расстоянии. В тех местах, в которых обмет был невидим, караульному подвешивали 3—4 колокольчика. Тревожили зверька, постукивая по колоде или засовывая в отверстие палку. Если соболь прятался в корнях дерева, его выкуривали дымом (поджигали пихтовые ветки). Зверек покидал убежище, бросался в сторону

[29] Описание этого способа охоты имеется у М. Ф. Кривошапкина (1865, стр. 112—113).

и запутывался в сети. Охотник ловил его руками (в рукавицах). Стреляли в зверька лишь тогда, когда он сразу бросался не в сторону обмета, а на дерево и мог уйти верхом. Охотники поджидали выхода соболя в снеговой яме, для тепла разводили в ней костер.

Во время охоты на белку попутно добывали зайцев (если находили свежий след). Специально на зайцев (*бэс'*) охотились в том случае, если семья нуждалась в заячьих шкурках (они шли преимущественно на подклад зимней одежды).

Если нужно было добыть много зверьков и встречалось подходящее место (мелкий осинник, бугорки), останавливались дней на 15—20, ставили пасти (до 20 шт.) и ежедневно их осматривали. Для приманки вблизи ловушек разбрасывали осиновые сучья, иногда их поливали соленой водой. Найдя свежий заячий след, рубили осину и поблизости поджидали. Наилучшим временем охоты на зайцев был месяц «больших дней». Кроме пастей, зайцев добывали покупными капканами. Заячьи шкурки служили обменным товаром между отдельными группами.

Охота на других пушных животных (колонка, горностая, росомаху, лисицу) не имела существенного значения и проводилась тоже попутно.[30] Промысел песца (преимущественно пастями, отравленной стрихнином приманкой) был известен только туруханско-курейским кетам и сложился не ранее XIX в. под влиянием соседнего населения (русских старожилов, эвенков).

Снаряжение и орудия охоты

Отправляясь на промысел, охотник одевал короткую распашную парку из оленьей шкуры, легкую обувь с камусной головкой и суконными голенищами, голову повязывал легким платком (чтобы лучше слышать). На спине охотника в чехле (*богдомдоил'*), сшитом из двух камусов мехом наружу, висело ружье. К лямкам чехла с помощью ровдужных ремешков был подвешен мешочек с пищей (сухим мясом, рыбой и т. д.), рядом свисали свободные ремешки, к которым потом прикрепляли добытых белок.

К подпоясывавшему парку тонкому ремешку прикрепляли нож в ножнах, скобу для топора (*тоγас*), мешочек для мелких вещей и т. д. Застегивали его с помощью костяной закладки, продевавшейся в железное кольцо на другом конце. Такие пояса были непременной принадлежностью каждого мальчика (их изготовляли как только ребенок начинал ходить). Нож привязывали к поясу двумя ремешками, и он висел горизонтально, рукоятью назад, но всегда с правой стороны. Ножны могли быть верхним

[30] См. об этом ниже. Колонок — *кыт'*, горностай — *кулеп*, росомаха — *кун'*, лисица — *кōн*, песец — *айган*.

концом прикреплены ремешками к поясу, а нижним — к бедренной части правой ноги (эвенкийский способ).

Ножны (*уна*) делали из березового дерева, верхнюю часть (более широкую) оклеивали плотной берестой, а нижнюю для прочности иногда оклеивали ровдугой.

Кетские ножи (*дон'*) прямоспинные, с узким заостренным клинком (*дон'тис'*) длиной до 12 см и широкой деревянной рукоятью (*дон'дул'*).[31] Использовали их как универсальное орудие труда. Во время промысла ножом добивали раненое животное, разделывали тушу, с помощью ножа чинили неисправности на лыжах, ручной нарте, им вырезали рожны для приготовления пищи и мн. др. Топоры (*ток*) кетов отличались от русских меньшими размерами рабочей части. На промысле топор был необходим для рубки дров, шестов при устройстве укрытия, веток для подстилок и т.д. Мешочек охотника обычно шили из шкурки, снятой с подбородка лося. Его подвешивали к поясу на ровдужном ремешке или закладывали за пояс. В мешочке хранили кремень (*боқтер'оқс'*), огниво (железный брусок с отогнутыми концами), трут (березовый нарост — *бол'ша*), игольник, чай и т. д. К поясу прикрепляли (или закладывали за него) кисет (*сал'аj*). Его делали из кожи с лап лебедя, шкурок с утиных голов и т. д. Такие кисеты не пропускали влаги.

Через плечо охотник одевал другой пояс — «натруску», необходимый предмет снаряжения при ружейной охоте. Этот пояс делали из кожи, обшитой цветной материей, или плотной ткани. К поясу на ровдужных ремешках подвешивали пороховницу, мерку для пороха, пистонницу, мешочек для дроби, пуль. Изготовляли их по образцу русских изделий.[32] Деревянные пороховницы и мерки для пороха (деревянные и роговые) украшали резным орнаментом.

Оклеенные камусом широкие лыжи, посох, ручная нарта (или волокуша из лосиной шкуры) с лямкой дополняли снаряжение охотника-кета.

В охотничьем промысле кеты пользовались как орудиями активного лова, так и самоловными.

Огнестрельное оружие (кремневые, пистонные и шомпольные ружья) получило широкое распространение только в XIX в. Ружья (*боқдом*; *боқ* — «огонь»), покупаемые у русских, были дороги и длительное время оставались недоступными для многих семей. В связи с этим у кетов более долго, чем у других сибирских народов, основным орудием охоты являлся лук.[33]

[31] Женские ножи отличались от мужских (см. раздел об утвари).

[32] Характерны и названия: *пистолол'* — «пистонница», *доробаj* — «мешочек для дроби» и т. д.

[33] Согласно Л. Н. Доброво-Ядринцевой, еще в 1917 г. 33% кетских хозяйств пользовались луком как основным орудием (1925, стр. 47). До 30-х годов нашего века лук оставался главным средством добычи водоплавающей дичи.

Кетский лук (*қыт*) славился на всем Енисейском Севере и являлся предметом обмена с другими народами (Попов, 1958). Лук был сложным, из двух частей (верхней березовой и лиственничной крени), скрепленных осетровым клеем и оклеенных берестой. Такое сочетание обеспечивало ему особую гибкость и прочность. Размер лука определяли расстоянием между вытянутыми в стороны руками. Лук делали узким в средней части рукояти, с изогнутыми концами. На концах приклеивали накладки с зарубками для тетивы. Рукоять и накладки для прочности обматывали и оклеивали черемуховой корой.[34]

Для тетивы использовали спинные сухожилия копытных (лося, оленя), а также крученую конопляную веревку, пропитанную осетровым клеем. При изготовлении лука упругость его определяли с помощью специального приспособления (*қатэл'оқс*) — палки с развилкой на нижнем конце и семью зарубками. Развилкой палку упирали в середину лука, а тетиву оттягивали и последовательно закрепляли на зарубках. Стрелы имели различные наконечники, в зависимости об объекта охоты (рис. 4). Так, у стрел на белку (*суом*) наконечник был тупой, овальный (до 8 см), вырезанный вместе с древком.[35]

Для прочности конец древка перед наконечником обматывали сухожильными нитками и промазывали осетровым клеем. Иногда вместо деревянного наконечника насаживали роговой, такой же формы (стрелы тогда называли *қоқ суом*; *қоқ* — «рог»). Тупые наконечники не портили шкурки.[36] При охоте на белку кеты пользовались также стрелами для вспугивания зверька. Называли их «пустоголовыми» (К. *қottol kəiga*). Овальный деревянный наконечник у этих стрел был выдолблен изнутри. На поверхности его имелись сквозные отверстия. При полете стрелы воздух, попадая в отверстия, вызывал свист, который пугал и выгонял из гнезда спрятавшуюся белку.

Для охоты на крупных и мелких животных, на боровую и водоплавающую дичь использовали стрелы с железными черешковыми наконечниками различной формы; на лося, медведя, оленя — стрелы (*кγам*, *кугам*) с ланцетовидными, листовидными, ромбовидными наконечниками, а также с наконечниками, имеющими развилку на верхнем и нижнем концах и т. д. Наконечники стрел на крупного зверя достигали 13—15 см. Черешок, насаженный в утолщенный передний конец древка, закрепляли сверху

[34] МАЭ, колл. 4919-1 (собиратели С. И. Вайнштейн, Б. О. Долгих, Д. М. Коган). Такие же луки распространялись у южных самодийцев — камасинцев и коттов в XVIII в., которые снабжали луками и стрелами качинцев (Потанов, 1957, стр. 184, 218).

[35] Древко кетских стрел было длиной до 80 см, из ели, с приклеенным хвостовым оперением (обычно тройным) из перьев орла и небольшой выемкой (ушком) для упора тетивы.

[36] Стрелы с тупыми наконечниками использовали при стрельбе по цели во время состязаний, а также в качестве детских игрушек.

обмоткой из жильных ниток.[37] На мелкого пушного зверя (бурундука, колонка) применяли стрелы (*коуэн*) с наконечником-жальцем. Такая стрела, вонзаясь в животное, падала вместе с ним. Наконечники стрел на водоплавающую и боровую дичь (*кγам*) имели развилку вместо острия.[38]

Стрелы и заготовки (древка) хранили в колчанах (*катос*), длинных узких коробках, выдолбленных из ели, с откидной крышкой, прикрепленной ремешками (рис. 5).[39] На промысел охотник брал с собой колчан из оленьих камусов (мехом внутрь).

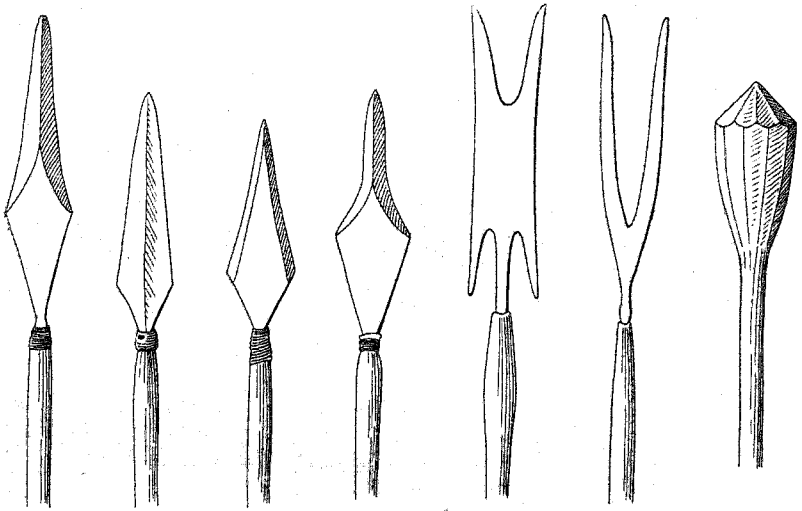

Рис. 4. Наконечники стрел (МАЭ, колл. 1196-23, 24).

По форме он представлял собой узкий, расширяющийся книзу мешок. Дном служила дощечка неправильной овальной формы, прикрепленная с помощью сухожилий. В дне колчана имелись сквозные отверстия, чтобы не скапливался снег с поднятых и положенных в колчан стрел. Колчан носили на спине. Для этого к нему пришивали ремни из сыромятной кожи. Снаружи украшали меховой аппликацией, кожаными кисточками.

Необходимой принадлежностью при стрельбе из лука являлось приспособление для защиты руки от удара тетивы (*кэйла*) —

---

[37] Такого же рода наконечники имелись и на боевых стрелах (*кал'кγам*).

[38] Аналогичные кетским стрелы с деревянным утолщенным наконечником (*согун*), с железными наконечниками (ромбической формы, с жальцем и т. д.), а также «свистунки» были распространены у качинцев XVIII в. Последний тип стрел широко употреблялся древними тюрками Саян (Потапов, 1957, стр. 184).

[39] На древках стрел и крышках колчанов вырезали тамги. В конце XIX—начале XX в. это были почти исключительно изображения лука и стрел.

небольшая выгнутая пластина (обычно из кости мамонта). В средней части боковых краев были просверлены отверстия, а в них пропущен тонкий ровдужный ремешок, образующий посредине вогнутой стороны петлю для продевания руки. Пластинку одевали на запястье левой руки.

Распространенным орудием охоты на крупных животных (лося, оленя, медведя) была пальма́ (*ус'*).[40] Она представляла собой нож с широким лезвием (длиной 25—35 см), насаженным черешком на деревянную рукоять (длиной до 1.5 м). Кетская пальма́ не отличалась от эвенкийской. Такого же рода оружие имелось у ваховских хантов, селькупов.

Северные кеты на крупного зверя (главным образом на медведя) охотились чаще не с пальмо́й, а с отказом (*аттэс*). Отказ

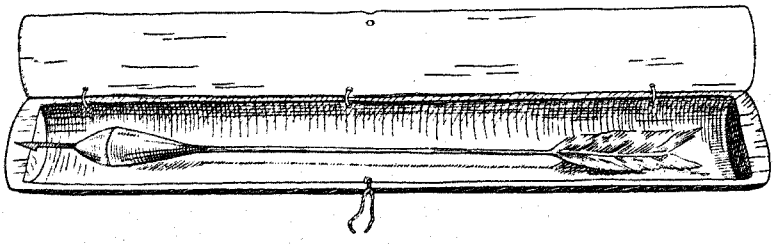

Рис. 5. Колчан со стрелой.

состоял из втульчатого ланцетовидного наконечника и рукояти. Аналогичное оружие характерно для эвенков, лесных ненцев, северных якутов.

Среди самоловных орудий охоты наибольший интерес представляют такие архаичные формы ловушек, как ямы, ловчие доски.

Ямы (*қот*) выкапывали на крупных животных (медведя, лося, оленя), а также на глухарей, линяющих гусей. В конце XIX в. этот вид ловушек у кетов встречался редко. Ямы глубиной до 3 м (ширина их зависела от объекта охоты) сверху перегораживали тальниковыми прутьями и закрывали ветками. Вокруг медвежьей ловушки (*қонно баңул'*) раскидывали приманку (внутренности мелких животных и т. д.). Ямы на лося, оленя рыли на их тропах к водопою, глухариные — на токах, гусиные — по берегам рек.[41]

Другой вид простейшей ловушки кетов — ловчая доска на медведя (*ансес'*). Воспоминание о ней до наших дней сохранилось у курейских кетов. По их описанию, ловушка представляла

[40] В преданиях пальма́ упоминается и как боевое оружие.

[41] Описание ям на диких оленей имеется у М. Ф. Кривошапкина (1865, стр. 91—92).

собой толстое, расколотое пополам бревно, забитое с плоской стороны железными стержнями с жальцем на остром конце.[42] Ловушку оставляли на медвежьей тропе, замаскировав травой. Медведь наступал на бревно, завязал сначала одной, а потом, пытаясь выбраться, и остальными лапами. Попавшегося зверя охотник добивал ударом толстой чурки по голове.

Очень широко были распространены у кетов силки (*ӧк*). Ими в конце XIX—начале XX в. ловили исключительно боровую дичь — глухарей, куропаток.[43] Делали их из жильной нити. Простейшие силки имели следующее устройство. Конец нити завязывали петлей, через нее продевали сложенную вдвое часть той же петли, получалась подвижная петля. Свободный конец нити привязывали к кусту, а петлю закрепляли на некотором расстоянии от земли с помощью тонких наклонных палочек. Ставили такие силки на птичьих тропках, пространство по обе стороны загораживали ветками. Птица видела свободное место, просовывала голову, путалась, петля соскакивала и затягивалась на шее. Осенью такие силки ставили на глухарей, зимой — на куропаток.[44]

Постоянные ловушки давящего действия — пасти (*ки*) — распространились у кетов под влиянием русской охотничьей культуры. Их ставили на росомах (особенно вблизи лабазов с запасами продуктов), зайцев, глухарей, песцов (северные группы).

Пасти на росомах достигали 5 м (рис. 6). На двух поперечных поленьях устраивали настил из трех расколотых пополам бревен. Стенки пасти составляли уложенные друг на друга стволы, зажатые двумя-тремя парами вбитых в землю кольев. Стенки и настил образовывали как бы узкий коридор. Между стенками в наклонном положении устанавливали давок — ствол дерева, направленный комлевой стороной вперед (или 2 бревна, соединенные двумя-тремя поперечинами). Задним концом давок опирался на землю (на бревно или невысокую перекладину на двух кольях и т. д.). Передний его конец при настораживании приподнимался в уровень с верхним краем стенок горизонтальной рейкой. Один конец ее лежал на вбитом в стороне от пасти вильчатом суку, а другой, более короткий, служил опорой, удерживающей давок в приподнятом положении, и в свою очередь опирался на спусковое устройство. Приманка (тушки утки) находилась в ловушке. Ее продевали на поперечину (насторожку), конец которой выходил через отверстие в стенке и был зацеплен спусковым крючком.

---

[42] См. также: Кривошапкин, 1865, стр. 91—92.

[43] Силки как составная часть боевой ловушки из согнутого растущего дерева (или двух деревьев) упоминаются в фольклоре.

[44] Варианты силковых ловушек различались лишь способом закрепления петли (на двух колышках, с помощью веревки, прикрепленной к стойкам, имеющим развилки на концах и т. д.).

Стоило росомахе тронуть наживку, как вся спусковая система приходила в действие, бревно-давок падало и давило животное.

Пасти на зайца были без загородки и настила. К спусковому устройству в этих ловушках прикрепляли прочную жильную нить (симку), другим своим концом привязанную к тальниковым кустам. Заяц, обгладывая тальник, задевал нить и попадал в ловушку.

Пасти на глухарей имели настил из тонких поперечных планок и стенки (загородка) из вертикальных колышков. Планки

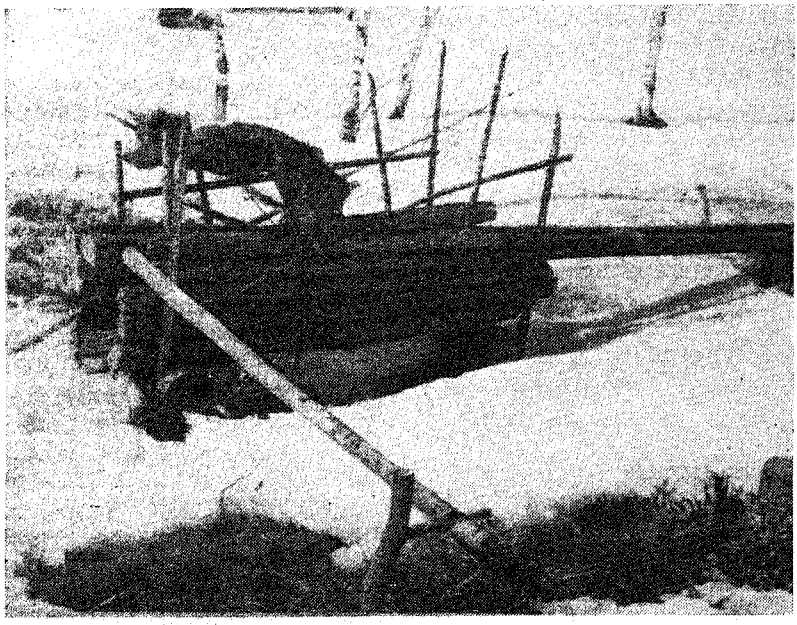

Рис. 6. Ловушка на росомаху.

настила укладывались наклонно, верхние концы их опирались на горизонтальную рейку. Остальное устройство было таким, как и в других ловушках этого типа, только действие спускового механизма, поддерживающего давок, зависело от горизонтальной рейки. На настил насыпали приманку (песок, гальку). Глухарь, попадая на настил, продавливал его, рейка соскакивала и бревно падало.

На лисицу, росомаху, песца ставили клепцу (*қын'тоқс'*), ловушку ударного действия. Основу ее составляло выдолбленное внутри березовое полено. С помощью туго скрученных оленьих сухожилий, закрепленных внутри выдолбленной основы,

перпендикулярно к ней была прикреплена ударная часть — плаха с железными зубцами на верхнем конце. Ее оттягивали до горизонтального положения и закрепляли с помощью сторожевого механизма. От него протягивали скрученную из сухожилий веревочку (симку), прикрепленную другим концом к дереву (колышку). Симка проходила над приманкой (рыба, мясо), которую раскладывали симметрично концу ударной плахи с противоположной стороны основы. Зверь, съедая приманку, наталкивался на нить, механизм срабатывал — и плаха с зубцами падала.

Широко были распространены у кетов черканы (*деримоқс'*), ловушки ущемляющего действия. Такие ловушки ставили на горностая, колонков; иногда в них попадала белка и даже соболь. Основу ловушки составлял стан — сук-развилка или согнутый пополам толстый черемуховый прут с заостренными (для втыкания в землю) концами, соединенными поперечной дощечкой. Выше ее, в концах, имелись длинные продольные вырезы. В средней части стана перпендикулярно ему прикрепляли лучок из лиственницы с сухожильной тетивой. Тетива привязывалась к костылю — плоской палке, оканчивавшейся поперечной планкой, концы которой подвижно входили в продольные прорези развилок стана. К верхнему концу стана на веревке были последовательно прикреплены курок (вилообразная палочка) и сторожок (заостренная книзу палочка с зарубкой на верхнем конце).

Ловушку устанавливали у норки. Курок оттягивал тетиву, сторожок закреплялся выступом за нижнюю поперечную планку. Зверек при выходе касался сторожка, который легко соскальзывал, приводя в действие курок, последний соскакивал, ослабевшая тетива отпускала костыль, и он придавливал зверька.

РЫБОЛОВСТВО

Рыболовство — вторая основная отрасль хозяйства кетов. Рыба и рыбные продукты (порса, юкола, рыбий жир) были не менее важны для пищевого рациона, чем мясная продукция охотничьего промысла.[45] Навыки изготовления предметов домашней утвари из рыбьей кожи, отражение промысла в народном календаре, духовной культуре (фольклор, религиозные верования) свидетельствуют также о традиционности рыболовства у кетов. Товарное значение промысел имел только у туруханско-курейских групп и у кетов, живших постоянно вблизи русских поселков на берегах Енисея.

---

[45] Интересно, что для мяса и рыбы у кетов существовало одно название — *ис'*. Этот же компонент вошел в термин *илеңис'* — «пища». У кетоязычных аринов мясо называлось *is*. Близки также коттские *ir*, асанское *ir*, *iri*, пумпокольское *zir* — «мясо» (Klaproth, 1823, стр. 173).

Добывали рыбу весь период открытой воды, а также подо льдом (главным образом с осени, пока лед еще можно было прорубить).[46] В целом подледный лов не был широко распространен.[47] Для кетов характерно речное и озерное рыболовство. Излюбленными угодьями являлись небольшие речки, курьи, озера. На самом Енисее промышляли рыбу преимущественно на продажу.[48]

Слабое развитие рыболовства у кетов в конце XIX—начале XX в. объясняется не только ограниченностью места сбыта, но и недостаточным промысловым оборудованием.[49] До начала социалистического переустройства в кетском рыболовстве были распространены преимущественно простейшие рыболовные орудия. Для каждодневного питания кеты ловили рыбу ставной сетью, плетенной из прутьев ловушкой, удочкой, лучили острогой. С целью заготовки рыбных продуктов впрок устраивали загородки (котец).[50] Невод, равно как и крючковые снасти (самоловы, переметы), кеты использовали преимущественно при ловле рыбы на продажу.

Важная роль котцового способа рыбной ловли в хозяйственной жизни нашла отражение в народном календаре («котцовый месяц»). Именно при этом способе, как уже отмечалось, кеты получали улов, дававший возможность заготовить рыбные продукты впрок.

Котцами (*коγшэ*) добывали рыбу большую часть лета, осенью (до начала охоты), а также местами и зимой (в период нереста налима).[51]

Котцы ставили из года в год в одних и тех же местах (на «своих песках»). Здесь собиралось несколько (чаще всего связанных родственными отношениями) семей и жило одним стойбищем весь период промысла.[52] Наиболее удобными местами были устья маленьких речек, впадавших в озеро, реку, протоки, старицы. При выборе места учитывали направление хода рыбы, возможный спад воды и т. д.

Ловушка состояла из загородки (жердочки из елового дерева длиной до двух метров, переплетенные кедровым корнем) — *тол'тэӈ* и собственно котца с плетеной мордой (*боқ*) из ивовых

---

[46] Это был период, когда кеты жили в землянках.

[47] Высокий показатель (59 из 100 обследованных семей кетов) занимающихся зимним рыболовством (Исаченко, 1915) объясняется тем, что обследовались семьи, которые не уходили зимой с берегов Енисея в тайгу на охоту; рыболовный промысел имел для них некоторое товарное значение.

[48] Названия рыб у кетов: щука — *кӯр*; окунь — *т'оγ*; язь — *ҷолл'*; нельма — *с'ул'*; чир — *таҳтэ*; пелядь — *хагдэ*; муксун — *ҷылл'гуп*; осетр — *ук*; таймень — *тӯт*; елец — *ҷāҳ* и т. д.

[49] См.: Исаченко, 1915, стр. 36.

[50] В значении «котец» употреблялись также слова «старийа» (местн. «курья»), «протока» (местн. «виска» — *доба*).

[51] Для осеннего и зимнего лова котцы устраивали заранее.

[52] В конце XIX—начале XX в. отдельные семьи ставили также «маленькие котцы», уловом которых пользовалась только эта семья.

прутьев (рис. 7).[53] Загородкой перегораживали речку, а со стороны хода рыбы оставляли узкий проход в отгороженную полукругом часть котца. Рыба попадала туда через широкое отверстие конусообразной морды и скапливалась. Поочередно все семьи стойбища осматривали ловушку — подъезжали на долбленке и вынимали рыбу специальным черпаком (*ат'ɨэн'*). Зимой такими черпаками очищали котец от расколотого льда. Летом, в жару, осматривали

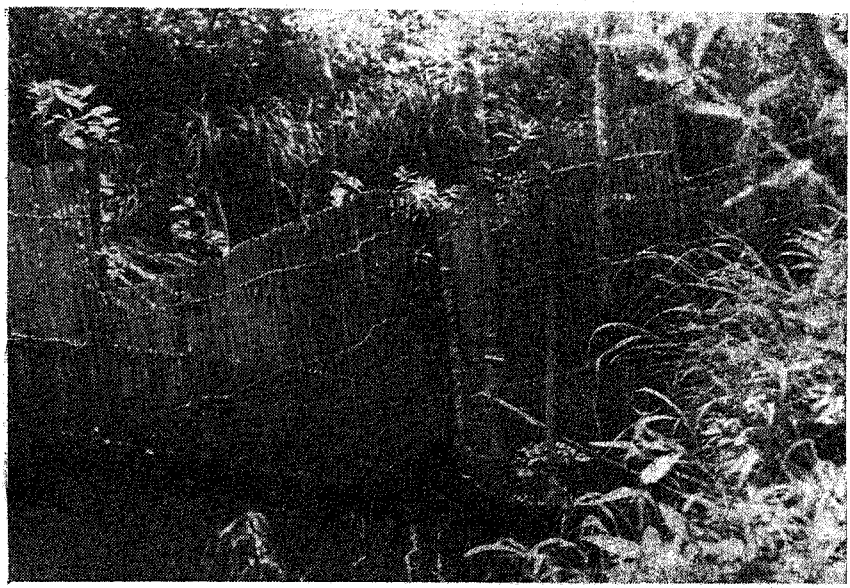

Рис. 7. Рыболовная ловушка — котец.

котец много раз в день. Здесь же на стойбище перерабатывали улов. Язей, щуку сушили на юколу, из мелкой рыбы (ельца) делали порсу для себя и собак (в последнем случае ее не очищали от внутренностей).

Котцовый лов до начала XX в. более всего был распространен у левобережных групп и почти не использовался на Курейке. Отражение этого способа лова в народном календаре позволяет предположить давнее его существование у кетов. Принимая во внимание аналогии финно-угорского запорного рыболовства, можно представить, что и у кетов сначала были простые загородки, дополненные на определенном этапе котцом и мордой (Васильев, 1962б).

---

[53] Сургутинские кеты сообщали, что в далеком прошлом котцы делались из крупных камней.

Собственно плетеная ловушка (морда) использовалась и как самостоятельное рыболовное орудие. Кетское название находит аналогии в языке северных селькупов (*war-pok*) и, по-видимому, восходит к общесамодийскому названию рыболовных орудий (Castren, 1855, стр. 256). Можно предположить, что морда появилась у кетов под влиянием самодийскоязычных соседей.[54] Остается открытым вопрос, когда и где это произошло. Близость названия к селькупскому позволяет думать, что кеты заимствовали ее в условиях Енисейского Севера у непосредственных своих соседей — северных селькупов. С другой стороны, В. И. Васильев (1962б), исследовавший происхождение орудий рыболовства угорских народов, доводит существование плетеных ловушек у предков современных самодийских и угорских народов до III—II тыс. до н. э., так что заимствование могло произойти в отдаленное время контакных отношений кетоязычных и угро-самодийских групп на более южной территории.

Сетные орудия лова были двух видов — ставные сети (пущальни) и невод. Вязали их из крапивы (*кит'*),[55] которую собирали осенью, когда она начинала вянуть. Крапиву сушили, мяли, а затем скручивали из нее волокна на веретене (*хыл'гом*). Вязание сетей было мужским делом. Необходимыми принадлежностями этого занятия являлись дощечка-мерка (*хаӈэл'ам'*) и игла (*дамбок'*). То и другое вырезали из соснового дерева. Дощечка на одном конце имела полуовальный вырез, на другом — отверстие, которым она надевалась на мизинец левой руки. Величина мерки зависела от необходимого размера ячеи (*унеӈ дес'* — «глаза сети»). Игла представляла собой длинную пластинку с закруглением на переднем конце и развилкой (вырезом) на заднем. Дугообразная прорезь на переднем конце иглы образовывала длинный отросток. Нить наматывали на иголку (через прорезь и развилку на конце).[56]

Готовые пущальни окрашивали отваром лиственничной коры (чтобы сделать ее менее заметной в воде и отбить запах).

Пущальни (*ун'аӈ*) имелись в каждой семье (иногда их было несколько). Ими добывали рыбу на небольших реках (в спокойных местах), озерах.[57]

Ставили сети поблизости от берега на двух вешках, к ним привязывали концы верхней веревки (кляч). Снизу сеть оттягивали грузила, на поверхности воды ее обозначали поплавки.

---

[54] К. Боуда (Bouda, 1957, стр. 70) сравнивает кетское *боӄ* с ненецким названием плетеной ловушки и сети (*роӈа*), названием сетей у энцев (*foga*, *fuga*), селькупов (*роӈа*, *роӈо*, *роӈ*, *рок*).

[55] С этой же целью покупали у русских коноплю, а также старые мешки, из которых выдергивали нити.

[56] Подобные орудия изготовления сетей были широко распространены у всех рыболовческих народов.

[57] Обычный размер пущален: длина 10 м, высота (ширина) 1 м; размер ячеи (от двухперстной до шестиперстной) зависел от объекта промысла. Наиболее распространены были сети с трехперстной ячеей.

Поплавки (*лимэң*) были обычно круглые, из прошитой в несколько слоев бересты.

Сургутинские кеты употребляли поплавки из свернутой тугим рулоном плотной бересты. Встречались также поплавки в виде круглой дощечки с отверстием посредине.

Грузила (*тœре*) представляли собой камни, закрепленные в обруче из тальника. Камень закрепляли с помощью кедрового лыка. Кольца не давали камню запутаться в ячее сети.[58]

Летом пущальни осматривали с лодки два человека (один рулил на корме). По утонувшим поплавкам узнавали о добыче. Сеть приподнимали за кляч и выбирали рыбу. В жаркую погоду проверяли сети несколько раз в день.

Пущальнями добывали рыбу и в первые зимние месяцы. Их ставили на реке или на речной протоке при выходе из озера.

Неводом в конце XIX—начале XX в. добывали рыбу почти исключительно на Енисее (во время хода нельмы, сельди, тугуна). Более всего такой способ был характерен для северных групп, где рыболовство имело некоторое товарное значение. Здесь встречались большие невода, у южных групп — маленькие (на частиковую рыбу).[59] Многие кетские семьи вообще не имели неводов, иногда, правда, они пользовались неводом соседа по стойбищу.

Невод (*хœң*) [60] состоял из мотни (*aj* — «мешок») и двух крыльев, одно из которых (береговое) было короче другого (речного). Крылья сшивались из отдельных сеток (столбов), причем сетки, примыкавшие к мотне, имели одинаковый с ней размер ячеи (обычно двухперстные), а по мере приближения к концу ячея сеток увеличивалась (до четырехперстных). Конец речного крыла невода был несколько шире берегового.[61]

Невод, судя по всему, появился под влиянием русской рыболовческой техники. В этом плане интересно записанное М. А. Кастреном и сохраняющееся до наших дней второе (описательное) название невода — *ajaң* (*ai-fan*), производное от *aj* — «мешок» и *хœң* — «сеть» (Castren, 1858, стр. 248). Название ставной сети (*ун'аң*) также состоит из двух компонентов: *ун* (*ūŋ*) — «садиться» и *хœң* — «сеть» (Donner, 1955, стр. 97). Термин *хœң*, общее название сетных орудий рыболовства у кетоязычных групп (ср.:

---

[58] У кетов также были грузила из просверленного камня, но они к концу XIX в. уже вышли из употребления.

[59] Согласно В. Л. Исаченко, в 1913 г. из 100 обследованных семей, рыбачивших на Енисее, в районе станка Верхне-Имбатского большой невод встретился только в одной семье, частиковые неводы имелись в двадцати одной (по одному неводу); у кетов, рыбачивших в районе Нижне-Имбатского, большие невода обнаружены в трех семьях, частиковые — в двенадцати (также по одному неводу на семью). У подкаменнотунгусских кетов неводов не было совсем (Исаченко, 1915, стр. 36).

[60] Описание невода см.: Исаченко, 1915.

[61] Обычный размер невода-частика (по В. Л. Исаченко): общая длина свыше 50—100 м, длина мотни 1.5—2.5 м.

сымск. *faŋ*, коттск. *fuŋ*), по-видимому, заимствован из самодийских языков (ср.: камас. *phaŋa*; сельк. *poŋa*, *poŋo*, *pon*; ненецк. *poŋa*; энецк. *foga*, *fuga*; Castren, 1855, 1858). Эти названия сетных орудий производны от угро-самодийского *fon*, *pon* — «плести», «сучить» (Васильев, 1962б, стр. 146, 147). Однако наряду с названиями, восходящими к данному общеуральскому корню, у угорских и самодийскоязычных народов были и совсем иные наименования сетей. Все это дает возможность предположить, что сетные орудия рыболовства существовали у кетов в период их контактных отношений с угро-самодийскими народами еще в период этно-культурной общности последних.

Ловля рыбы с острогой (*эл'*) в прошлом была известна всем группам кетов.[62] Острогой (трезубый железный наконечник с жальцем на зубцах, насаженный втулкой на длинную рукоять) добывали тайменя, хариуса, налима, щуку.[63] На ловлю выезжали вдвоем в темные осенние вечера. Предварительно заготавливали бересту для факела: нарезанные полосы бересты бросали в горячую воду, где она сворачивалась в рулон. Заготовки держали в лодке в берестяном коробе.

Подъехав к порожистому мелкому месту, рулон бересты (*турыj*) продевали на один из отростков раздвоенного на конце факела (*дур оқс'*) и поджигали. Для защиты глаз от яркого света одевали берестяные козырьки (*кыj ды'*; *қыj* — «береста», *ды'* — шапка). Один из рыбаков освещал воду, другой бил острогой замеченную рыбу.

Из крючковых снастей следует назвать уду (*дуп*) — орудие лова с берега и так называемый тангруп (*тāңгуп*; *тāң* — «тащить») — орудие лова при движении лодки. Основу снасти составляли крючок (иногда дву- и трезубый) и свинцовое грузило, припаянное к крючку. В тангрупе веревочная леска была намотана на узкую дощечку с выемками на концах. В качестве приманки к крючку прикрепляли клочок светлой оленьей шерсти, красный лоскуток. При движении лодки рыбак с кормы забрасывал уду, разматывая леску, и тащил ее за собой. Тангрупом ловили хищную рыбу: щуку, окуня, тайменя.

«Красную рыбу» на Енисее и в устьях некоторых его притоков ловили с помощью самолова (*самалов*) и перемета (*дуптэ*). Перемет представлял собой бичеву (длинник), к которой на коротких поводцах были привязаны остроконечные крючки (без жальца). К крючкам у основания прикреплялись поплавки из сосновой коры. Перемет лежал на дне (к концам длинника были привязаны камни). Благодаря поплавкам крючки стояли вертикально.

[62] В конце XIX—начале XX в. этот способ сохранялся у подкаменнотунгусских и елогуйских кетов.

[63] В преданиях курейских кетов упоминается острога в виде палки из хорошо просушенного дерева с трезубым (естественные сучки) передним концом.

На них и напарывалась рыба. Самоловы также состояли из длинника и прикрепленных к нему на поводцах крючков (от 20 до 50 шт.). В отличие от перемета эту снасть закрепляли крючками вниз (с помощью грузил). К крючкам иногда прикрепляли приманку (вьюнов). Оба вида снасти были заимствованы кетами у местных русских.

ОЛЕНЕВОДСТВО

Оленеводство у кетов являлось подсобной отраслью.[64] Оленей использовали исключительно как транспортное средство во время зимнего охотничьего промысла.

Стада оленей были немногочисленны, везде рядом с оленными встречались безоленные семьи, а у подкаменнотунгусской группы оленей не было совсем. Небольшое количество оленей у кетов отмечено еще в XVIII в. (Георги, 1799, стр. 22). Малочисленность стад и полное отсутствие оленей у части народности явилось, по-видимому, причиной того, что в некоторых литературных источниках (в частности, у М. А. Кастрена) вообще отсутствует какое-либо упоминание о кетском оленеводстве. Первые цифровые материалы о нем относятся к 1912—1913 гг.

По данным В. Л. Исаченко, из 83 обследованных им хозяйств оленей имело только 19, всего оленей насчитывалось 201, так что на семью приходилось немногим более 10 голов (Исаченко, 1915, стр. 34—35).

Стада до 100 голов были для кетов исключением, владельцами их являлись обычно большие семьи, состоявшие из нескольких брачных пар и их детей.

Десяти-двадцати оленей едва хватало для перекочевок. В аргише семьи шло 5—8 упряжек, в каждой упряжке было по два (редко по три) оленя. «В работе» обычно находилось все стадо, включая стельных важенок. Сплошь и рядом оленей не хватало для всей семьи, в таком случае на оленях переезжали мужчины-охотники, старики, а подростки и женщины перебирались с места на место с ручной нартой, используя в помощь собак.

Ручные нарты и волокуша из шкуры лося (дикого оленя) имелись не только у безоленных кетов, они сосуществовали с оленьими нартами почти в каждой оленной семье.

Разработанного цикла кочевок с учетом мест, удобных для выпаса, отела, гона, не было. Маршруты зимних перекочевок определялись в первую очередь потребностями охоты и частично рыболовства (подледно рыбу добывали до конца декабря). Не-

[64] Л. Н. Доброво-Ядринцева неправильно считала оленеводство основным, исконным занятием коренного населения Туруханского края, а охоту и рыболовство подсобными, развившимися под влиянием рынка. Хозяйство кетов при такой постановке вопроса рассматривалось как деградирующее из-за отхода от оленеводства (Доброво-Ядринцева, 1925, стр. 23).

большое количество оленей всегда позволяло обеспечить их ягельником.

На стойбище олени паслись поблизости, выкапывая ягельник из-под снега. Весной, перебравшись на места рыбной ловли, оленей отпускали. Если позволяли ягельники, часть их оставалась недалеко от стойбища, но часть сразу же уходила далеко в тайгу.[65]

К началу периода комаров недалеко от стойбища для оленей устраивали дымокуры. Они представляли собой загородку из вбитых по окружности высоких (более 2 м) кольев. В центре находился тлеющий дерн, хвойные ветки, сырые сучья.[66]

У курейских кетов загородка была прямоугольной, слеги ее закреплялись на столбах. Рядом с дымокурами иногда сооружали сараи — *сенус* (букв. «олений чум»), в которых животные ночью спасались от комаров (рис. 8).[67]

К дымокурам и в сараи приходила лишь часть стада. Чтобы удержать животных поблизости от стойбища до наступления периода комаров (особенно важенок с новорожденными телятами), применяли колодки — *бул'оқс'* (*бул'* — «нога», *оқс'* — «палка»).[68] Колодка представляла собой массивный деревянный брусок с развилкой на одном конце. Одевали ее на переднюю ногу оленя; выемка развилки закреплялась на ноге с помощью поперечной палочки, вставленной в просверленные на концах развилки отверстия. Другой вид колодки (более легкой) приведен на рисунке кета И. Дибикова в книге К. Доннера (Donner, 1933, рис. 32, стр. 67).

После периода комаров олени до осени оставались в тайге. Собирали их по первому снегу. За лето животные дичали, уходили далеко от стойбища, так что собрать их было нелегким делом.

Существовавшая у кетов система вольного летнего выпаса неблагоприятно отражалась на состоянии поголовья стад. Потери были очень велики. Сокращение стад шло в первую очередь за счет гибели молодняка. К моменту отела олени обычно уже находились на воле. Новорожденные телята (иногда весь приплод) гибли от хищников, от комаров, тонули во время весеннего половодья, терялись. За лето нередко сокращалось и поголовье взрослых

---

[65] Выбор специальных пастбищ для весенней и летней пастьбы практиковали лишь редкие многооленные семьи или несколько родственных семей, объединявших на лето стада. Оставшимся с оленями (обычно это была супружеская пара) выделяли осенью часть заготовленных за лето продуктов. Если не имелось возможности выделить пастухов из родственников, их нанимали. Обычай сдавать оленей на лето под присмотр пастухам был характерен для северных (в целом более оленных) групп кетов (Долгих, 1934, стр. 79).

[66] Такие же дымокуры устраивали лесные энцы (Васильев, 1962а, стр. 69).

[67] Сараи строили коллективно, пользовалось ими несколько семей.

[68] Применение колодок характерно для оленеводства таежной полосы Сибири, оно было известно селькупам, энцам, ненцам (Васильев, 1962а, стр. 71).

оленей: они гибли от эпизоотий, хищников, часть их прибивалась к диким оленям и т. д. О потерях в своем стаде кеты узнавали только осенью, собирая оленей.

Какой-либо подкормки животных не существовало. Весь уход сводился к домашнему «лечению» заболевших особей. При любых заболеваниях оленей поили отваром болотной травы «моровчанки». Захромавшему делали надрез в ноге и выпускали «плохую» кровь. При укусе змеи животное били по крупу и т. д. Лечение, как

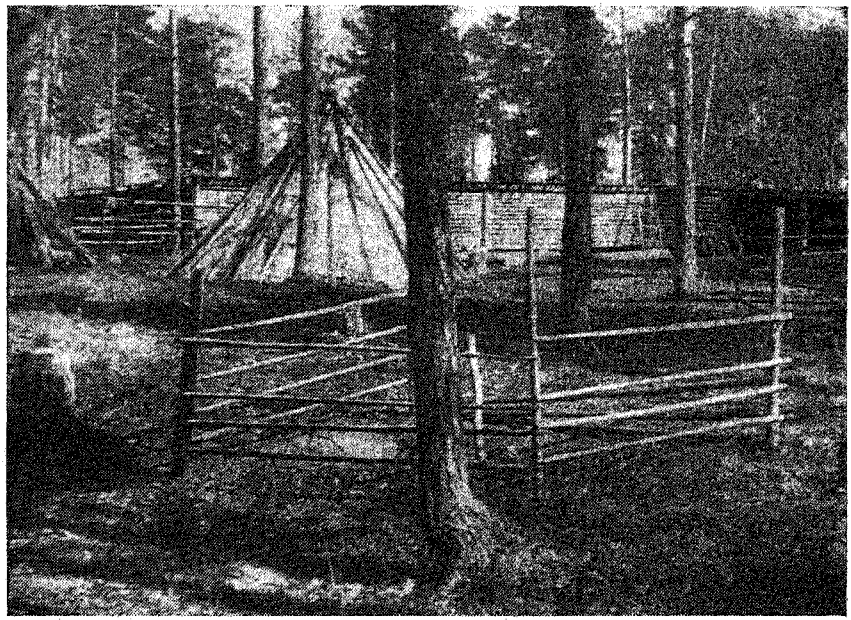

Рис. 8. Оленеводческий стан.

и кастрацию, проводили мужчины. Кеты кастрировали оленей так называемым кровавым способом (разрез мошонки и вырывание семяпроводов).[69]

Для кетов в целом характерно санное, нартенное, передвижение на оленях. Левобережные (сургутинские и пакулинские), а также курейские группы сохранили до наших дней воспоминание о существовании у них в конце XIX в. наряду с санным верхового оленеводства.[70]

[69] Такой способ кастрации, аналогичный кастрации лошадей у скотоводов, из оленеводов был известен лишь самодийскоязычным народам, тофаларам и тувинцам-тоджинцам (Василевич и Левин, 1951, стр. 76—77).

[70] Косвенно о существовании у кетов вьючно-верховой езды упоминает Г. Н. Прокофьев. В описи к доставленному им экземпляру вьючного седла

Название седла, обшивка полос седла, применение посоха и некоторые другие черты верхового оленеводства у кетов свидетельствуют о позднем заимствовании его у эвенков.[71]

Кетские олени по своей породе выделялись среди оленей енисейских эвенков, ненцев: они были значительно крупнее, выше. В. Г. Богораз сравнивал их с «саянской породой» оленей у самоедоязычных камасинцев XVIII в., тувинцев горнотаежных областей Восточной Тувы (тоджинцев), тофаларов (Богораз, 1928б, стр. 240).

Аналогичная кетской система оленеводства существовала у их ближайших соседей — селькупов. Г. Н. Прокофьев отмечал сходство в породе кетских и селькупских оленей, в способах и приемах пастьбы, и это позволило ему объединить оленеводческую культуру обоих народов в единое целое (Прокофьев, 1928, стр. 100).

Вольный выпас оленей с дымокурами и сараями практиковали лесные ненцы и энцы, тувинцы-тоджинцы, тофалары. Кроме названных народов, прежних или настоящих жителей Саян, употребление дымокуров при летней пастьбе оленей было известно и другим представителям таежной зоны: саамам, хантам, некоторым группам эвенков, северным якутам (Харузин, 1890; Вербов, 1936; Василевич и Левин, 1951).

Основные черты саянского оленеводства: отсутствие пастушеской собаки, свободный отпуск оленей в тайгу, применение дымокуров, вьючно-верховое использование оленей, а также такие особенности, как кровавый способ кастрации, закрепление седла на спине оленя, были присущи и оленеводству кетов. Именно эти черты сходства и послужили причиной предположения о генетической общности кетского и саянского оленеводства.[72]

Вопрос состоит в том, где и когда сложилась эта система оленеводства у кетов, можно ли видеть в ней архаичную форму оленеводства и связывать с древнейшим типом таежного оленеводства,

---

селькупов говорится: «Надевается оленю на спину (как и у енисейцев-кетов) в отличие от тунгусского способа, где седло надевается на лопатки оленя. Под седло кладется оленья шкура — „постель“» (МАЭ, колл. 3871-9).

[71] Левобережные группы, по-видимому, заимствовали вьючное оленеводство у сымских эвенков из рода Баяки, перешедших в XVIII в. на р. Сым с Подкаменной Тунгуски и расселившихся среди кетского и селькупского населения в верховьях Таза, Елогуя, Сургутихи, Пакулихи. У курейских кетов, перешедших в конце XVIII в. на Курейку с более южных территорий, вьючное оленеводство могло появиться под влиянием илимпийских эвенков.

[72] По вопросу давности оленеводства у кетов существуют две противоположные точки зрения. Согласно первой, высказанной Г. Н. Прокофьевым (1928) и В. Г. Богоразом (1928а), оно восходит к древнему типу саянского оленеводства и вместе со сходным (по породе оленей и системе) селькупским оленеводством составляет как бы клин своеобразной оленеводческой культуры, корни которой следует искать на Саянах. По мнению Б. О. Долгих (1934), оленеводство у кетов позднего происхождения и заимствовано у ненцев. О позднем (в условиях Енисейского Севера) заимствовании кетами оленеводства у самодийскоязычных народов говорит и В. И. Васильев (1962а), характеризуя систему и происхождение оленеводства лесных энцев.

генетически восходящим к верховому оленеводству с применением вьючного седла, существовавшему у предков северосамодийских народов еще до их передвижения на север.

Появление домашних оленей и использование их в качестве транспортного средства кеты связывают с северными соседями, которых они называют *дыγыдеӈ*. Эти данные расходятся с замечанием В. И. Анучина о том, что, по мнению кетов, «олень у них был всегда» (1914, стр. 17).

Этнографические и лингвистические данные также свидетельствуют о позднем возникновении оленеводства у кетов, о его заимствовании у северных самодийскоязычных соседей.

Вспомним, что в народном календаре, основанном на годовом хозяйственном цикле, оленеводство не нашло отражения.

О позднем появлении оленеводства говорит и тот факт, что оно почти не проявилось в духовной культуре народа, в частности в религиозных верованиях.

Специального термина для домашнего оленя в кетском языке нет, его, как и дикого, называли *сел'*. Кетскому термину близко только мансийское *sali*, употреблявшееся в том же значении (Bouda, 1957, стр. 75). У народов самодийскоязычной группы оленя называли иначе (см.: Castren, 1855, стр. 262). Но вот название кастрированного быка, основной тягловой силы, т. е. термин, связанный с транспортным оленеводством, кеты заимствовали из самодийского: *коптэ* (ненецк. *habta*, *habte*; см.: там же, стр. 263).[73]

Изучение конструкции и типов кетских оленных нарт и упряжи обнаруживает их очевидное заимствование у северных самодийскоязычных соседей. До появления транспортного оленеводства для кетов было характерно пешее передвижение с ручной нартой, использование собаки в помощь человеку при перетаскивании грузов.[74]

Восприняв транспортное оленеводство, кеты сохранили свой традиционный хозяйственный уклад, основой которого были охота и рыболовный промысел. Вольный летний выпас оленей с применением дымокуров являлся для них наиболее удобной формой, так как летом все население занималось рыбной ловлей и заготовкой продуктов на зиму. Второстепенной ролью, подсобным

[73] Так же называли выхолощенного оленя ваховские ханты (Терешкин, 1961, стр. 147).

[74] Об этом свидетельствует перенесение в оленеводство терминов, связанных с пешей охотой, например на оленные нарты, упряжь были перенесены названия уже употреблявшихся предметов — ручных нарт, лямки, надеваемой человеком на плечи, собачьей упряжи и т. д. (Алексеенко, 1961). Характерно в этом отношении, что существовавшая у кетов народная мера расстояния — *итаӈ* (аргиш, стан — расстояние между двумя стоянками) в буквальном переводе означает «перетаск за день»; компонент *таӈ* (*тæӈ*) употреблялся также в значении лямки в собачьей упряжи. Исконность пешего быта отразилась и в месяце «пешей охоты», названном в кетском календаре *ташыjин хып'*.

значением оленеводства в хозяйственной жизни и объясняется эта своеобразная система оленеводства у кетов.[75] Сходными экономгеографическими факторами, видимо, обусловлено и распространение такого способа пастьбы у других таежных охотников и рыболовов — хантов, некоторых групп эвенков и т. д.

Вольный выпас с применением дымокуров и вьючно-верховое оленеводство, генетически связанные у прежних и современных жителей Саян и составляющие характерную черту древнего саянского оленеводства, у кетов не имеют никакого отношения друг к другу. Система вольного выпаса, по-видимому, существовала с самого начала появления у них домашних оленей, что произошло приблизительно в середине XVII в. в результате контактных отношений с лесными энцами. Вьючно-верховой способ езды возникает позднее, заимствован он у эвенков.[76]

Мнение о позднем в условиях Енисейского Севера возникновении вьючного оленеводства у кетов (и северных селькупов) уже было высказано В. И. Васильевым (1962а, стр. 73), который считает, что сложилось оно в результате взаимодействия с лесными энцами.

Признание позднего возникновения оленеводства, обусловленность летнего вольного выпаса второстепенной ролью этой отрасли в хозяйственной жизни народа, а также заимствование у эвенков вьючно-верхового способа езды снимает предположение об архаичности формы кетского оленеводства. Этнографические, фольклорные и лингвистические данные показывают, что черты сходства оленеводства у кетов и саянских народов (современных насельников и переселившихся на Енисейский Север) разновременны по возникновению и не имеют непосредственной генетической связи. С древнейшим типом саянского оленеводства кетское оленеводство связано лишь постольку, поскольку было заимствовано (в середине XVII в.) у представителей самодийской группы, потомков южносамодийских народов, выходцев с Саян.

СОБИРАТЕЛЬСТВО[77]

Собирательская деятельность имела подсобное значение в хозяйственной жизни кетов. Она давала дополнительные продукты питания, роль которых особенно была заметна

[75] Отсутствием навыков для ведения оленеводства в силу его позднего появления, несовместимостью его развития с основным летним занятием (рыболовством) объяснял существование системы вольного выпаса у кетов В. И. Васильев (1962а, стр. 75).

[76] Отличный от эвенкийского способ седлания (на спину, а не на лопатки) у кетов и у селькупов, отмеченный Г. Н. Прокофьевым как признак саянского верхового оленеводства (таким образом закрепляли седло на олене тофалары, тувинцы-тоджинцы; см.: Василевич и Левин, 1951, стр. 72), мог быть вызван особенностью породы их оленей, более крупных и сильных, чем эвенкийские.

[77] См. раздел «Пища».

в межпромысловые периоды или при неблагоприятных промысловых условиях. Собирательство обеспечивало кетов и лекарственными средствами. Занимались собирательством женщины, подростки и старики.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В пределах определенной территории (до социалистического переустройства — волости) кеты расселялись отдельными стойбищами. Состав и количество хозяйств на стойбищах были непостоянными и зависели от характера главной в данный сезон производственной деятельности. В целом во время летнего рыболовного промысла стойбища оказывались более многочисленными, чем в период охоты.

Ядром кетского стойбища конца XIX—начала XX в. являлась семья, состоящая из кровных родственников (иногда до трех поколений).[78] Семья имела общую собственность и вела общее хозяйство. Жила в одном (если это была землянка) или нескольких жилищах (отдельный чум могли занимать женатые сыновья).[79] Вместе с такой семьей (иногда в тех же жилищах) жили ближайшие свойственники. Кроме больших семей, на одном стойбище объединялось несколько малых семей, связанных кровным родством или соседскими отношениями.

Несколько групп (каждая из них — население одного стойбища) осваивали определенную территорию, внутри которой они имели свои охотничьи «дороги» *(каң)* и рыболовные угодья («пески», «виски»).[80] Как правило, это были родственные семьи, что, впрочем, не исключало расселения там и чужеродных семей (чаще всего свойственников).

Каждая семья прекрасно знала свои угодья: наиболее удобные для стойбищ места, излюбленные звериные тропки и т. д.

«Дороги» обычно находились в наследственном пользовании нескольких поколений. После смерти главы семьи угодьями распоряжался (принимал новые семьи в общее кочевье, заботился о путевых знаках — затесах, распределял участки и т. д.) его старший сын (или другой близкий родственник, например брат умершего). Однако семья легко оставляла свои угодья при пе-

---

[78] Наиболее многочисленными (до 30 человек) были семьи кетов Нижне-Инбатской волости. Среди бахтинской группы, по данным верхне-инбатской Успенской церкви (1821—1830 гг.), числилась семья кета Е. М. Сенева (49 лет) в количестве 40 человек. Кроме него и жены, в семью входили 5 сыновей с женами и детьми, а также семья брата. Семьи в 9—12 человек были распространены среди елогуйской группы. Наряду с этим встречались семьи из 3—5 человек (ГАКК, ф. 241, оп. I, д. 10).

[79] В землянках вместе жило иногда более 25 человек.

[80] Рыболовные угодья иногда находились далеко за пределами этой территории.

реезде на новое местожительство и там присоединялась к сородичам или осваивала новый путь.[81]

В таком случае через некоторое время угодья могли занимать соседи. Разрешением на это было отсутствие признаков освоения данной территории (свежих затесов на деревьях, следов от лыж, нарт и т. д.). Характерно, что право гонять копытных, поднимать медведя из берлоги получал тот человек (точнее, его группа), кем был выслежен зверь, независимо от территориальной принадлежности (это случалось при охоте на смежных участках). Лыжня человека рядом со следом животного в таком случае служила своеобразной тамгой на право охоты.

Рыболовные угодья (где ставили котцы) находились в наследственной собственности отдельных семей. Хозяином котца считался глава семьи, наследовал ему сын или близкий родственник. По договоренности с хозяином в котцовом лове могли принять участие другие большие и малые семьи; сородичи преобладали, но участвовали и семьи соседних родов.[82] «Пески» — места, вблизи которых рыбачили неводами и сетями, — обычно использовались семьей в течение нескольких лет, а иногда и поколений.

Общесемейную собственность составляли крупные орудия промысла (невод, сети и другие снасти, ловушки) и средства передвижения коллективного пользования (лодки, грузовые нарты), которыми распоряжался глава семьи. По договоренности с ним некоторые орудия промысла (например, невод, лодки) могли быть использованы соседями по стойбищу.[83] В собственности семьи находились собаки и часть оленьего стада (кроме личных). Имущество семьи наследовалось по мужской линии. После смерти главы семьи все имущество переходило в распоряжение совершеннолетнего младшего сына. Он должен был содержать мать, нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи. Когда выделялись старшие братья он передавал им часть общего имущества, необходимого для собственного хозяйства. При замужестве сестер им также выделялась часть общесемейного имущества (Корсаков, 1941, стр. 109). Если у умершего не было детей, ему наследовал старший брат или ближайший родственник (Кривошапкин, 1865, стр. 144). Если в семье не оказывалось родственников мужчин, имущество могло перейти к дальним родственникам, но обязательно принадлежавшим к тому же роду, что и покойный.

[81] Переселения отдельных групп на большие расстояния (например, с Елогуя на Курейку и Подкаменную Тунгуску) продолжались на протяжении всего времени пребывания кетов на Енисейском Севере (Долгих, 1950, стр. 15, 16).

[82] Память о больших семейных котцах до наших дней сохранилась в следующих топонимах: «липаткинская виска», «бердниковская курья» и т. д.

[83] Пережитки коллективного использования частных средств производства отмечены Г. М. Корсаковым у кетов и в первые десятилетия нашего века (1941, стр. 108).

Женщины не имели права наследования. Вдова считалась хозяйкой общесемейного имущества (если не было мужчин) лишь до тех пор, пока не вырастали ее сыновья.[84]

В личной собственности были главным образом предметы индивидуального изготовления или личного пользования: одежда, некоторые предметы утвари, оружие и т. д. У каждого члена семьи имелись свои лыжи, нарта (ручная или оленная), упряжь. У оленных групп кетов часть оленей считалась собственностью членов семьи.[85] Личное имущество не наследовалось. После смерти человека часть его вещей (посуда, табакерка, трубка и т. д.) закапывали с покойным, часть (одежда, оружие, нарты и т. д.) оставляли в поврежденном виде у могилы.[86] У могилы забивали и одного-двух личных оленей умершего. Остальных (если таковые были) отпускали в тайгу.[87] Любопытно, что шкуру и камусы забитых оленей всегда раздавали чужеродцам.

Знаками собственности (личной, семейной) были тамги. У курейских кетов долго сохранялся обычай ставить у обнаруженной берлоги, на месте, где убили зверя, колышек, на гранях которого каждый из охотников вырезал ножом свое «тавро» (крестик, косой крестик, крестообразная фигура в виде четырех треугольников, обращенных вершинами к одной точке и т. п.). Знаки собственности вырезали на колчанах, луках, стрелах, прикладе ружья, ушах оленя.[88] Распространенный вид тамги (лук и стрела) сохранялся до наших дней в качестве подписи на документах. Своеобразной метой при охоте на смежных угодьях, возможно, служили отпечатки кольца лыжного посоха (как и самих лыж). Согласно сообщениям сургутинских кетов, охотники из двух экзогамных подразделений (Қониң, Қэн'тāн) имели разные по величине кольца на посохах. По отпечаткам узнавали, кто прошел.[89]

Трудоспособные члены отдельных семей или их объединений составляли основную производственную единицу. Необходи-

---

[84] Эти традиции наследования, очевидно, сложились в период утверждения отцовского начала в кетском роде.

[85] При рождении ребенка за ним закрепляли оленя; оленей ребенку могли подарить родственники. Этих оленей и молодняк от них считали собственностью данного человека. Их запрягали его упряжью в его нарту.

[86] Огнестрельное оружие благодаря его большой ценности часто оставалось в семье и передавалось младшему сыну.

[87] Как и для огнестрельного оружия (в силу его особой ценности), из-за крайней малочисленности оленных стад допускались исключения из общего правила: у могилы забивали одного оленя, а других оставляли в общесемейном стаде.

[88] Личные и семейные тамги, по-видимому, восходят к родовым. По знаку на стреле, убившей человека, узнавали, из какого рода был враг (предания курейских кетов).

[89] Следует отметить, что один из вариантов народной этимологии этнонима Қэн'тāн — «лыжного посоха кольца народ» (Долгих, 1950, стр. 92), «люди большого посоха» (Алексеенко, 1961, стр. 85).

мость коллективного производства вызывалась самим характером хозяйственной жизни. Этим же обусловливалось половозрастное разделение труда внутри производственной группы.

Большая или даже малая семья могла определенное время жить самостоятельно (например, во время пушного промысла), а объединение с другими происходило только для конкретных занятий: охоты на копытных, котцового лова рыбы и т. д.

В период осеннего промысла копытных (например, когда жили на постоянном стойбище из нескольких землянок) из числа всех мужчин выделялось 5—7 опытных сильных охотников (при меньшем количестве людей по мелкому снегу догнать животное было невозможно). Каждый из них поочередно первым преследовал зверя.[90] Коллективом в 5—7 человек выходили поднимать из берлоги медведя. Более пожилые мужчины в этот период занимались индивидуальным пушным промыслом, а женщины и подростки стойбища высматривали ловушки, заготавливали дрова, разделывали туши добытых копытных и заготавливали мясные продукты.

С началом «большой ходьбы» необходимость коллектива оставалась, так как в это время снег в тайге был уже очень глубоким и для прокладывания дороги и перетаскивания груза пешим охотникам требовалось много людей. На этом коллективное начало в данный период и ограничивалось, ибо пушной промысел проводился индивидуально каждым охотником (они ежедневно расходились в разные стороны от стойбища).

Коллективный характер промысел вновь принимал во время зимней и весенней охоты на копытных. Но теперь уже требовалось меньше людей, чем осенью (3—4 человека), так как по глубокому снегу догнать животное было легче. Ведущим (*доγс'кет'*) уже являлся один человек. В период перед охотой на копытных его освобождали от тяжелых работ. В каждом чуме стойбища его кормили лучшей пищей («чтобы ноги были крепкие»). Все женщины стойбища, как и осенью, принимали участие в разделке туш добытых животных.

Ярко выраженный коллективный характер имел котцовый способ рыбной ловли. В стойбище, расположившемся на берегу возле перегороженной курьи, насчитывалось иногда до 10—15 хозяйств сородичей и соседей.[91]

В изготовлении ловушки, починке, установке и разборке принимало участие все трудоспособное население стойбища. Осматривали котец (поочередно все семьи) и обрабатывали рыбу также коллективно. В период линьки водоплавающих часть мужчин

---

[90] С распадом больших семей и общим сокращением численности в объединении осенняя охота на копытных почти прекратилась.

[91] В начале XX в. большие котцы встречались редко, отдельные семьи пользовались своим маленьким котцом.

стойбища отправлялась на ближайшие озера, а остальное население продолжало котцовый лов.

До начала XX в. у кетов сохранялась своеобразная форма коллективного производства при постройке землянок, крытых лодок-илимок. Объединялись мужчины сородичи или соседи (числом до 10) и поочередно ставили всем землянки, строили илимки. Совместными усилиями сооружали в тайге сараи для оленей (на время гнуса) и свайные лабазы. Коллективно спускали илимки на воду и поднимали их осенью на высокое место и т. д.

Коллективному производству соответствовало общее распределение продукции. Добытое мясо копытных делилось между всеми семьями стойбища (в том числе и среди не принимавших участия в охоте). Каждый из охотников получал равную долю (если по целой туше не доставалось, их делили и выделяли каждому одинаковую меру от всех основных частей). Преимущественное право на шкуру и камусы принадлежало человеку, обнаружившему след, и ведущему охотнику.[92] Части, не подлежащие разделу (голова), поедались коллективно. Правила коллективного распределения распространялись и на добытого медведя.

И здесь получившие долю выделяли часть добычи для отсутствующих родственников. Выделенный пай доставлялся при первой возможности по назначению.[93]

Общему распределению подлежала и рыба, добытая котцовым способом. Все семьи — участники лова — поочередно получали одинаковую меру улова и на месте перерабатывали ее в продукты. Иногда делили не рыбу, а уже совместно изготовленные продукты. Каждая семья, получив свою долю, устраивала угощение для всех участников лова: ставила котел рыбьего жира, варила чай.[94]

Между всеми участниками лова распределяли и добытую коллективно линную водоплавающую дичь.

Пережитки коллективного распределения до начала XX в. сохранялись в обычае обязательного выделения пая (или угощения) живущим рядом родственникам и соседям из первого улова рыбы, первой добытой дичи и т. д. Обычное право разрешало при необходимости взять добычу из ловушки (сети) своего сородича или соседа, припасы пищи из коллективного амбара (нужно было только потом известить хозяина).

---

[92] Однако, согласно нормам традиционного коллективизма, он должен был передать их самому бедному сородичу. Человек, который оставлял шкуру себе, рисковал своей доброй репутацией.

[93] Интерес представляет обычай обязательного выделения пая для брата матери — традиция материнского рода.

[94] Равный пай рыбных продуктов выделяли и для тех, кто не принимал непосредственного участия в лове, но был занят какими-то общими работами (выезжал в русские поселки за продуктами, устраивал дымокуры для оленей, охотился на линяющую дичь и т. д.).

Продукция пушного промысла не распределялась, она являлась собственностью семьи охотника, добывшего ее.

Низкий уровень производительных сил, отсталый характер промысловой деятельности, патриархально-натуральный уклад жизни являлись причиной экономической и социальной однородности кетского населения в конце XIX—начале XX в.[95]

Хозяйство в силу особенностей пешей промысловой деятельности было экономически неустойчивым и не способствовало накоплению. Пушной промысел при приблизительно одинаковом количестве орудий труда обеспечивал в среднем одинаковый жизненный уровень. Периодические «неурожаи» пушных животных, миграции их приводили к длительному переходу на натуральное хозяйство. В личной собственности находились элементарно необходимые орудия труда, транспортные средства, одежда. Сохранявшиеся первобытнообщинные пережитки (коллективное уравнительное распределение, взаимопомощь и т. д.) также способствовали сохранению экономической однородности кетского общества.

Некоторые различия в имущественном уровне отдельных семей определялись количеством трудоспособных, прежде всего охотников.

Самый низкий уровень жизни до революции был у семей, которые по тем или иным причинам не могли самостоятельно вести промысловое хозяйство (отсутствие мужчин-кормильцев, трудоспособной молодежи и т. д.).[96] Чтобы как-то существовать, члены такой семьи нанимались в батраки к купцам или кулакам. Поэтому эти семьи жили в постоянной близости от русских поселков или в них самих. Кроме наемного батрачества, получили распространение отработки за долги (Еленев, 1893; Доброво-Ядринцева, 1925 и т. д.).

В более благоприятных условиях оказывались оленные группы. Они могли освоить за сезон значительно большую территорию, чем пешие охотники, им облегчался вывоз пушнины и доставка промыслового снаряжения и т. д. Однако оленеводство у кетов, как было отмечено, не играло существенной роли в экономике и не могло привести к социальной дифференциации.[97] В силу малочисленности стад кеты-оленеводы не занимались арендой оле-

---

[95] В исторических преданиях кетов усматриваются следы патриархальной домашней эксплуатации. Работниками (*бойбо*), целиком зависящими от хозяев, становились пленные.

[96] Именно о их бедственном положении русские крестьяне близлежащих станков «удостоверяли» смотрителей участков такого рода документами (1884): «. . . донесение насчет ясашных остяков Ромашки Муксунова 6 душ, Василий Пескин помирают голодной смертью, проживают в землянках уже недвижимы . . . одежды у них нет, голы и босы» (ГАКК, ф. 400, оп. I, д. 77, л. 10; см. также лл. 1, 3, 9).

[97] Как тенденцию к таковой отметим случаи найма пастухов северными кетами на время летнего рыболовного сезона (Долгих, 1934, стр. 79).

ней, перепродажей завезенных в тайгу товаров и т. д. Левобережные группы пользовались посредничеством многооленных селькупов с Верхнего Таза и Туруханa, которые на Енисее закупали у русских купцов за пушнину и в кредит необходимые товары, а затем на обратном пути втридорога снабжали кетов. Известно несколько зажиточных селькупских семей, занимавшихся торговой спекуляцией среди кетов до начала социалистического переустройства.[98]

Своеобразным видом экономической зависимости, по-видимому, было угнетенное положение сирот неимущих родственников. Сюжеты о сиротах и их злых родственниках широко распространены в кетском фольклоре.

Взаимоотношения между отдельными территориально удаленными группами у кетов определялись кровнородственной принадлежностью. Представители одной и той же экзогамной группы кочевали на всей территории расселения народа. Естественно, что более или менее постоянные экономические связи между сородичами возникали лишь в пределах определенной территориальной группы. Связь между сородичами разных территориальных групп была нерегулярна и проявлялась главным образом в обмене, имевшем форму подарков и отдарков. Объектом обмена являлись дефицитные для данной местности товары. Кеты, выходившие на Енисей, посылали (привозили) своим сородичам из глубинных таежных районов клей из высушенных плавательных пузырей осетровой рыбы, необходимый для оклейки лыж, и т. д. Те в свою очередь дарили заячьи шкурки. Очень распространенным обменным товаром были камусы.

Экономические отношения с соседними северными народами — селькупами, эвенками, ненцами в основном тоже носили обменный характер. Среди коренного населения Енисейского Севера славились кетские луки. До некоторых народов (в частности, до нганасанов) кетские луки доходили через русских купцов (Попов, 1948, стр. 20). Объектом обмена был также осетровый клей (его, в частности, получали от кетов сымские эвенки). Охотно приобретались соседями кетские инструменты для обработки шкуры (скребки, мялки, ножи). Свои товары кеты обменивали прежде всего на оленьи шкуры, камусы, а также на некоторые готовые изделия (ненецкую глухую меховую одежду, камусную обувь) и т. д.

С развитием товарных отношений обменные связи кетов и соседних народов сократились.

---

[98] (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 116, л. 73; Скалон, 1930; Долгих, 1934). По Б. О. Долгих (устное сообщение), на Подкаменной Тунгуске несколько зажиточных кетских семей вело спекулятивную перепродажу продуктов, боеприпасов среди своих соплеменников; иногда товары дарили или давали в долг, получая затем «вознаграждение».

* * *

Для традиционных кетских орудий охоты и рыболовства характерны однообразие форм и определенная универсальность применения: лук и стрелы использовались при охоте на все виды животных и птиц; ловушки в виде ям служили для добычи как крупных животных, так и птицы. Необходимо отметить также использование в охотничьем и рыболовном промысле одних и тех же орудий труда (сети, котцы). Особенностью промысловой деятельности кетов является сохранение до начала нашего века таких архаичных форм, как ловчие доски на медведя, колотушки на птицу, остроги и т. д.

Изучение орудий промысла подтверждает абсолютное преобладание до прихода русских охоты на крупных животных и рыболовства для личного потребления. Развитие и появление новых орудий (огнестрельное оружие, ловушки типа пасти, клепцы, черканы, невод, самоловные крючковые снасти и т. д.) связано с возникновением товарного пушного промысла, товарного рыболовства и влиянием промысловой культуры местных русских.

Народный календарь, общий в своей основе для всех локальных групп, также отражает исконные занятия кетов: пешую охоту (с наиболее важным промыслом копытных и линяющей дичи) и рыболовство (с особым значением котцового способа).

Пеший охотничье-рыболовческий хозяйственный комплекс кетов сложился, видимо, еще в условиях южного расселения предков современных кетов и взаимодействия с некоторыми самодийскоязычными и тюркскими группами.[99] Южные традиции проявляются и в собирательской деятельности (прежде всего в сборе сараны), имевшей подсобное значение.

Кетское оленеводство, носившее исключительно транспортный характер, позднего происхождения, и возникло оно в условиях Енисейского Севера под влиянием самодийскоязычных соседей.

Низкий уровень развития производительных сил, консервативность влияния промысловой деятельности в глухой тайге при кочевом образе жизни являлись причиной длительного сохранения у кетов пережитков коллективного производства, распределения и потребления, характерных для первобытнообщинных отношений. Коллективное производство и распределение в промысле базировалось также на общественном пользовании промысловыми угодьями и поддерживалось теми особенностями производства, которые требовали коллективного труда. Эти черты древней социальной организации сохранялись у кетов, несмотря

[99] Об этом свидетельствуют, в частности, терминологические данные: общность в названии ручных нарт, некоторых объектов промысла (прежде всего крупных промысловых животных — лося, оленя) и орудий (лук, стрелы, сети) и т. д.

на то что основные средства производства охоты и рыболовства находились в собственности семей или отдельных лиц.

Пережитки коллективного труда и уравнительного распределения более всего проявлялись в охоте на крупных животных (копытных, медведя) при массовой добыче линной дичи, котцовом рыболовстве. Эти промыслы издревле играли решающую роль в жизни народов, так как именно они давали пищу и запасы продуктов в течение всего года, а также материал, необходимый для изготовления одежды, обуви, транспортных средств и т. д.

Роль индивидуального труда возросла с развитием пушной охоты. Товарное значение пушного промысла отразилось и на отношениях в сфере распределения — развитии частной собственности, что в свою очередь привело к распаду больших и утверждению малых семей.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Цель настоящего раздела — представить по возможности более полно традиционную кетскую материальную культуру в том ее состоянии, в котором она сохранилась в конце XIX—начале XX в. Рассмотрению подлежат жилище и хозяйственные постройки, домашняя утварь, пища, одежда.[1]

ЖИЛИЩЕ

Основным жилищем кетов были чум и землянка. В качестве временного жилища использовали сводчатые шалаши из прутьев, укрытием служили ямы в снегу, «получумы» и т. д. К временным жилищам необходимо отнести также крытые лодки-илимки, широко использовавшиеся в прошлом на летнем рыболовном промысле.

По конструкции все виды жилища у кетов (кроме срубных построек) являются каркасными. К ним относятся полуподземные жилища с каркасом из наклоненных бревен (землянки), конический чум с остовом из шестов, сводчатый шалаш из гнутых прутьев. Покрытием служили берестяные и корьевые покрышки, дерн, ветви хвойных деревьев, а также покрышки из ровдуги и материи.

До коллективизации и создания центральных усадеб-поселков кеты не имели постоянных поселений. Такое явление было вызвано хозяйственным укладом, необходимостью вести кочевой образ жизни. У разных родовых групп и отдельных семей существовали на угодьях более или менее постоянные места-стойбища, на которых в тот или иной сезон кеты ставили свои жилища.

Места летних стойбищ были более постоянными, так как они связаны с угодьями, наиболее удобными для рыбной ловли, где

[1] Кетские транспортные средства здесь не рассматриваются, так как им посвящена специальная работа автора (Алексеенко, 1961).

ежегодно кеты ставили большие котцы. Зимние стойбища менее определенны. Стоянки часто менялись, но места стоянок, как правило, выбирались поблизости от тех, что и в предыдущий год. Основным условием при выборе места являлось наличие воды (реки, озера), а также сушняка в лесу (для дров). Излюбленные места кетских стойбищ — это высокие мысы, боры.

На кетских летних стойбищах находилось 2—3, реже 6—7 чумов. Количество чумов на стойбище было непостоянным, оно менялось в связи с приездом или отъездом отдельных семей (нередко кеты меняли месторасположение своего жилища даже в пределах стойбища, выбирали более чистое место).[2] На зимних стойбищах насчитывалось еще меньше чумов: обычно 1—2, редко 3. Стоянки, на которых кеты сооружали землянки, были также невелики: до пяти жилищ, расположенных поблизости друг от друга.

Основное жилище[3]

Основным жилищем кетов, в котором они находились бóльшую часть года, был конический чум (*ӷус'*) с остовом из шестов (рис. 9). В нем жили весь летний период, а также зимой. на охотничьем промысле, во время так называемой большой ходьбы.

Чум распространен у всех групп кетов. Собранный полевой материал свидетельствует о его конструктивной однотипности; каких-либо принципиальных локальных различий в устройстве этого вида жилища не обнаружено.[4]

При установке чума старались выбрать ровное место, летом обычно на берегу реки. Устанавливали чум таким образом, чтобы сторона, противоположная входу, была направлена на восток. Такая ориентация не является случайной. По старым представлениям кетов, сторона любого жилища, противоположная входу, является «чистой», передней (*ӷотэӈ*), стороной, местом, где «приземляются» и живут добрые восточные духи (см. ниже). Старались также, чтобы вход жилища был направлен в сторону реки или дороги, т. е. туда, откуда могли появиться люди.

Обычно шесты для остова чума заранее не заготавливали, а вырубали непосредственно на стоянке. Иногда их оставляли на месте старого стойбища, приставив к поперечине, закрепленной между стволами двух деревьев. Курейские кеты возили с собой основные шесты остова чума, так как в условиях лесотундры

---

[2] Такие «переезды» случались иногда два-три раза в месяц.

[3] Под этой рубрикой характеризуются не только традиционные виды кетского жилища (чум, землянка), но и срубные постройки.

[4] Несколько иные данные приведены в статье С. И. Вайнштейна (1954) о чуме подкаменнотунгусских кетов. Расхождения касаются таких вопросов, как количество основных шестов остова чума, порядок их установки, терминология и т. д.

не везде можно было выбрать ровные еловые деревца, используемые в качестве шестов.

Установка чума при имеющихся шестах занимала 30—45 минут, ставили чум мужчины и женщины, обычно два человека.

Основу летнего чума составляло семь или девять шестов, скрепленных привязанным изнутри обручем (табл. I).[5] Нижние, несколько заостренные концы шестов не вкапывали, а, нажимая, втыкали в песок, землю.

У всех кетов существовал определенный порядок установки основных шестов. Сначала ставили два центральных опорных

Рис. 9. Чум (внешний вид).

шеста — *сүγосаң*, (*сүγос* — «середина чума», *аң* — «шест»), верхний конец одного из которых входил в развилку другого.[6] Развилка на конце одного шеста была естественная или специально вырубленная. Шест с развилкой всегда находился с левой стороны (если стоять лицом ко входу чума). Поставив два опорных шеста, с передней (противоположной будущему входу) стороны ставили передний шест — *қотәңдаң* (*қотәң* — «переднее место в чуме»), верхушкой его прислоняли к центральным шестам в точке их соединения. Затем устанавливали два дверных шеста — *алатәjдаң* (*алатәj* — название берестяной покрышки, закрывающей

[5] По материалам С. И. Вайнштейна, основных шестов в чуме подкаменнотунгусских кетов было пять (1954, стр. 39).

[6] Курейские кеты называют эти шесты *доңулаң* (*доңул* — «развилка»).

дымовое отверстие в чуме со стороны входа); эти шесты иногда называют еще *элладаң*, («двери шесты»). В следующую очередь ставили два «передних угловика» — *қоқтэjаң* (*қоқтэj* — место в чуме между центральными опорными и передним шестом) — по обе стороны от переднего шеста.[7] Эти семь шестов или девять (плюс два «задних угловика» — *оңтэjаңнаң*, ставящихся между центральными опорными шестами и дверными) и составляли основу остова чума. Изнутри шесты скрепляли обручем из тальника или черемухи (*тœn'*).[8] Обруч привязывали приблизительно посредине шестов или несколько выше середины. Между основными шестами к обручу прислоняли дополнительные шесты, более тонкие и короткие. По сведениям елогуйских кетов, название *кэ̄тыjдаңнаң* имели 12 из них, ставившиеся по три с каждой стороны между центральным опорным шестом и соответствующим передним или задним угловиком. Остальные 6—12 шестов (в зависимости от необходимой величины жилища) называли *имэ̄ңаң* — «маленькие шесты».[9]

При заведомо коротких стоянках иногда ставили пять основных шестов (два центральных, один передний и два дверных), скрепленных обручем.

Поставив остов чума, его покрывали тисками (*қojатл'*) — покрышками. Их сшивали из трех полос вываренной бересты.[10]

Для покрытия чума требовалось семь-восемь тисок: по три ряда с каждого бока и одну-две на переднюю (противоположную входу) сторону жилища.[11] Краями тиски находили друг на друга, не оставляя свободного места. Сначала укладывали нижние покрышки, верхние поднимали шестами. Прикрепляли тиски к остову с помощью завязок, имевшихся на углах. Сверху покрышки придавливали стволами небольших елей, прислоненных комлевой частью вверх. Верхнюю часть чума со стороны входа и с противоположной стороны закрывали небольшим прямоугольным куском бересты (*алатэj*).[12] Изнутри чума, чтобы не было щелей, прокладывали небольшие куски бересты, сукна и т. п. Покрыв остов чума тисками, подвешивали дверь (*элла*). Дверь чума сшивали из двух плотных слоев бересты, придавали ей прямоугольную или несколько расширяющуюся книзу форму, тщательно простеги-

---

[7] Иногда передние угловые шесты ставили раньше, чем дверные.

[8] Обруч образовывали обычно 2 прута, связанных концами.

[9] Наиболее типичные размеры кетских чумов: высота 2.3 м, 2.7 м, 3 м; диаметр основания 4—5 м; длина основных шестов 3—3.5 м; длина дополнительных шестов 2—3 м.

[10] Размер полосы: ширина 0.8—1.3 м, длина до 3 м (Вайнштейн, 1954, стр. 41).

[11] По свидетельству кетов, были распространены и большие чумы; количество покрышек на них достигало 20 штук.

[12] Алатэj с противоположной входу стороны, как и вся эта часть чума, считалась священным местом.

вали для прочности. В верхней половине двери стежки обычно шли горизонтальными, в нижней — вертикальными рядами, образуя своеобразный орнамент. Иногда стежки располагались в виде ломаной линии. Кроме стежков, наружную сторону двери чума часто украшали резным узором по бересте; орнамент вырезали

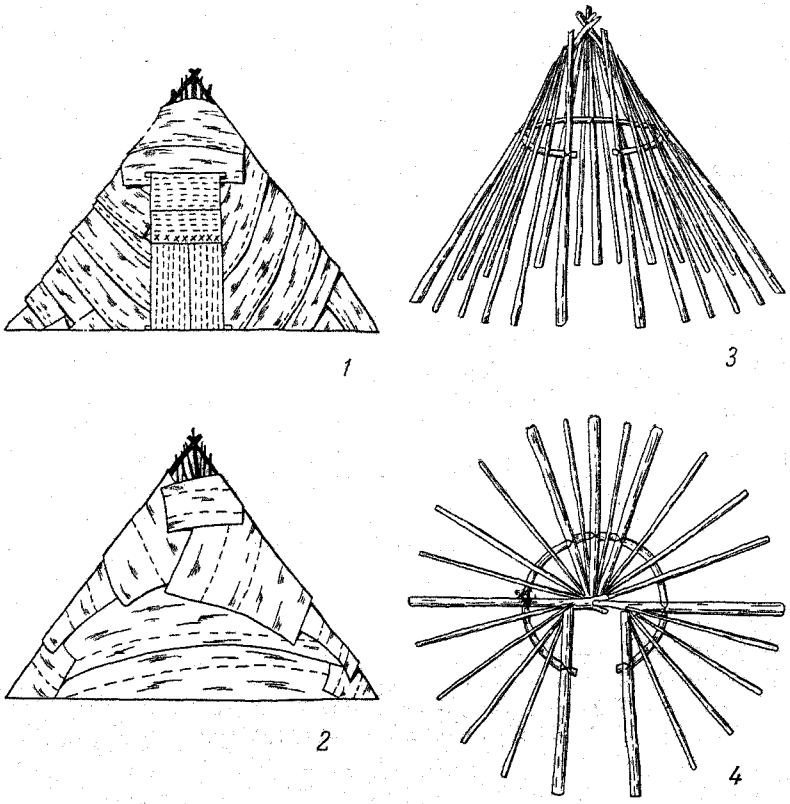

Табл. I. Чум (конструкция).

1 — вид спереди; *2* — вид сзади; *3*, *4* — остов чума.

в верхнем слое, вниз подкладывали цветную ткань. Наиболее распространенный рисунок: сочетание розеток из четырех треугольников, направленных вершиной в одну точку; попарно расположенные треугольники, также обращенные вершинами к одному центру; ряды ломаных линий и т. д. Кеты называли рисунок на двери *эллатдес'* («глаза двери») и считали его обязательным, так как иначе дверь будет «слепая».[13] С внутренней стороны к двери

[13] По сведениям елогуйских кетов, в прошлом на дверях чумов встречались резные рисунки, сходные по сюжету (картина предстояния, изобра-

прикрепляли тонкие деревянные поперечины для утяжеления ее и удобства пользования. Подвешивали дверь с помощью палки с крюком на верхнем конце. Нижним концом палку прикрепляли к двери, крюком же зацепляли за один из шестов на верхушке чума. Иногда дверь подвешивали на прямой палке, нижний конец которой был привязан к двери, а верхний — к верхушке одного из основных шестов.

В дверях ставили порожек (*сақтер'оқс'*) из расколотого полена и повернутой ребром дощечки, закрепленных двумя парами столбиков, вбитых по обе стороны порожка.

На землю в летнем чуме кеты стелили подстилки из плотной бересты (*ӷojатл'*). Чтобы подстилки не сбивались, их сшивали краями. Под бересту стелили сухую траву, ветки пихты. При кратковременных стоянках подстилками из бересты не пользовались, а только укладывали траву, ветки.[14] Курейские кеты в отличие от других групп нередко земляной пол в чуме застилали не берестой, а еловой корой. Кору не обрабатывали.[15]

При установке чума в центре сразу оставляли место для очага. Летом, если чум ставили в тайге, на месте костра сначала укладывали поперечно поленья и засыпали их сверху песком, чтобы не загорелся мох. Очаг (*богдот*) отгораживали удлиненным прямоугольником из поленьев. Подкаменнотунгусские кеты окружали засыпанное песком место очага камнями (Вайнштейн, 1954, стр. 40). Не отгородить сразу кострище считалось большим грехом. Продольные поленья вокруг очага (*угдентатпел'ақ*) в летнем чуме обычно продолжали до самого входа, так как ими отделяли места, где сидели. Между этими поленьями подстилки не стелили. Вокруг поленьев также оставляли небольшое пространство, застеленное хвойными ветками, чтобы берестяные подстилки не загорелись от вылетающих искр, угольков.

Для подвешивания котлов и чайников над костром около поперечного полена отгородки очага, расположенного ближе ко входу, — *оӈтэтатпел'ақ* (*оӈтэ* — «сзади») — втыкали наклонно палку с зарубками — *тынтэр'оқс'* («котла палка»). Зарубки не давали дужке котла соскочить. Другое приспособление для подвешивания котла у кетов описано С. И. Вайнштейном (1954, стр. 40). В жаркую погоду пищу в чуме не готовили, костер разводили поблизости от жилища, а для подвешивания посуды использовали треножник — *тынбул* («котла нога»), устанавливаемый над кост-

---

жения животных) с рисунками на спинках ручных нарт и наддверных дощечках крытых лодок-илимок (см.: Иванов, 1954, стр. 84—89).

[14] Подстилки стелили и меняли только женщины, мужчины к ним не прикасались. Поскольку по подстилкам ходили женщины, они считались «нечистыми». Пришедшие в негодность подстилки женщины свертывали рулонами и относили подальше в лес. Сжигать их запрещалось.

[15] Еловую кору на Курейке использовали также в качестве покрышек летнего чума, ею же покрывали двускатные крыши лабазов.

ром. Тынбул представлял собой три палки, соединенные верхними концами с помощью веревки, пропущенной через просверленные отверстия. К треножнику на ремне прикрепляли крюк, к которому и подвешивали котел. Дымовое отверстие (*қутпис'*) в летнем чуме обычно не закрывали.

Зимний чум кетов конструктивно не отличался от летнего, хотя некоторую разницу в его устройстве необходимо отметить. Во время зимнего охотничьего промысла чум ставили обычно на 5—6 дней, пока охотники промышляли на ближайших территориях. При такой кратковременной стоянке определенного порядка в установке основных шестов не соблюдали. В отличие от летнего чума шесты остова не скрепляли обручем (согнуть прут на морозе трудно, к тому же особая прочность при такой небольшой продолжительности использования чума не являлась необходимой) и ставили их более отвесно. В целом шесты для зимнего чума были короче, чем для летнего.

Установка чума зимой требовала четырех-пяти часов. Сначала, отмерив необходимую величину, выкапывали в снегу яму до земли, круглую или прямоугольную. Снег рыли лыжей, деревянной или железной лопатой.[16] Со стороны входа вырывали траншею с наклонным спуском. Женщины укладывали на землю плотным, ровным слоем пихтовые ветки (*қонең*), служившие подстилкой, утаптывали их. В центре оставляли место для костра. Затем устанавливали шесты остова. Поставив три первых шеста (как и в летнем чуме), установленного порядка далее обычно не соблюдали: ставили сначала одну половину шестов остова, потом другую. Курейские кеты ставили шесты остова в самой яме; по сведениям елогуйских и подкаменнотунгусских кетов, шесты устанавливали по краю ямы (*баң*). Края ямы в этом случае устилали тиской (*тонај*), сшитой из двух полос бересты, шириной более 1 м, длиной до 4 м. Поставив шесты, зажигали огонь, отогревали покрышки. В зимнем чуме их было обычно 9 штук. В качестве нижней, обертывающейся вокруг чума, покрышки иногда использовали ровдужное или суконное полотнище (или две отдельные тиски). Одним концом это полотнище закрывало вход. К нижнему углу его для тяжести прикрепляли полено, камень, чтобы дверь не открывало ветром. С боков чум покрывали тремя рядами тисок или ровдужных нюков, сзади — одной большой тиской. Тиски верхнего ряда поднимали на шестах. Для прочности сверху тиски придавливали толстыми шестами.

Кострище в зимнем чуме также отгораживали поленьями (*татпэл'ақ*), только продольные из них не были такими длинными, как в летнем. Устройство очага в зимнем чуме было несколько иным, чем в летнем. За кострищем, со стороны двери, ставили

[16] В прошлом деревянные лопаты для расчистки снега (*эл'*) были широко распространены у кетов.

вертикально длинный шест, к которому привязывали перекладину (*тынбул*, *татбул*), другим своим концом прикрепленную к переднему шесту (*қотэңдаң*). К перекладине подвешивали на крюках (*сулокс*) котлы, чайники.

Внутреннее устройство и распределение мест в летнем и зимнем чумах было одинаковым у всех групп кетов. Место от порога до очага называлось *елатис*, *оңтэсej* (заднее). Здесь, сразу у входа, привязывали собак, далее располагались хозяйки, отгородив хозяйственные места двумя дощечками (*аба*), поставленными на ребро под тупым углом друг к другу. Иногда в этом месте устраивали небольшие полочки (*иγ*) на двух опорных столбиках с развилками на верхних концах. На полочки складывали посуду, под ними стояли котлы с водой, туеса и другая утварь. В отгороженных хозяйственных уголках женщины держали в деревянных и берестяных ящиках посуду, продукты, там же стояли повернутые на бок низкие деревянные столики (*л'ам'*).

В средней части чума, называемой *хотон* (курейские кеты), *с'уγсej*, *қоқтэj* (елогуйские кеты), по обе стороны от костра размещались спальные места членов семьи. Постелью служили подстилки из оленьей шкуры, спальные мешки, сшитые из таких же шкур, а в далеком прошлом — из ушканьих (*усент'*). Летом всегда (а иногда и зимой) ставили полога (*холақ*), служившие не только для защиты от комаров, но и для отделения спальных мест.

Часть чума за костром (*қотэң*) считалась передней, «чистой». Здесь хранили лучшее имущество семьи, оружие, боеприпасы, а также культовые предметы: изображения домашних покровителей, амулеты, обереги и т. д. На переднем месте мог жить только самый старый член семьи: старик, старуха, считающаяся уже безгрешной. В этой части чума предоставляли места почетным гостям. Если в чуме жило несколько супружеских пар (например, хозяин, хозяйка, их сын с женой и детьми, холостые младшие дети), то они размещались по обе стороны от очага, друг против друга. Если в чуме жила одна супружеская пара, то справа от входа, за хозяйственным уголком, было место хозяйки, дальше место хозяина, в левой половине чума спали дети.

Для удобства размещения вещей в нижней части чума (на высоте около 0.5 м) привязывали в виде обруча прутья черемухи (*кæр'*). За обруч закладывали мелкие предметы, вешали одежду. На обруч, скрепляющий основные шесты чума (*тæп'*), летом клали три перекладины — две продольные (*угдэ кæр'*) и одну поперечную (*тэткэ кæр'*), со стороны входа; иногда имелась и вторая поперечная перкладина — на передней, противоположной входу, стороне. В местах соединения с обручем перекладины привязывали. На них подвешивали для просушки одежду, обувь, тут же сушили рыбу, вялили мясо и т. д. Мелкие вещи, мешочки, распяленные для просушки мелкие шкурки, камусы и прочее закладывали за шесты чума.

Чум — широко распространенный вид жилища, характерный для многих сибирских народов, в том числе для ближайших соседей кетов (селькупов, ненцев, енисейских эвенков, угорских народов) и южных тюрков. Сами кеты отмечают отличие своего чума от такого же жилища соседей: ненецкого (*дыӷы ӷус'*), эвенкийского (*хэмга ӷус'*). Так, в ненецком чуме верхушки двух-трех основных шестов соединялись веревкой или ременной петлей, пропущенной через специальные отверстия. У нижнетазовских селькупов на конце одного из основных шестов было сделано отверстие, в которое пропускалась ременная или веревочная петля. В чуме енисейских эвенков концы основных шестов перекрещивались без всяких скреплений (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 155). Сходное с кетским соединение шестов с помощью развилок было характерно для северных (туруханских и верхнетазовских) и южных (кетских) селькупов, южных хантов, манси, сымских и кетских эвенков (Соколова, 1962, стр. 169, 1963, стр. 189). Аналогичный способ скрепления зарегистрирован у народов Саяно-Алтая, в частности у алтайцев и тувинцев (Вайнштейн, 1954, стр. 39; Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 155). Другая особенность чума кетов — скрепление основных шестов остова обручем и использование обруча для опоры дополнительных, более мелких, шестов — была также характерна для чума северных селькупов. У верхнетазовских и туруханских селькупов 2 опорных шеста, соединяющихся развилками, и 5—9 опирающихся на них основных шестов остова были скреплены изнутри обручем — *таӈа* (ср.: кетск. *тӕ̄n'*); снаружи к обручу прислоняли остальные шесты остова. У ваховских хантов тоже отмечен вариант чума с обручем, скрепляющим жерди чума изнутри (Соколова, 1963, стр. 232). Сходный способ скрепления существовал у южных тюрков: алтайцев, шорцев, тубаларов. У них основу остова из четырех шестов с развильчатыми концами, установленных в виде пирамиды, скрепляли снаружи двумя обручами; к обручам приставляли остальные шесты остова (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 155). В старинном конусообразном жилище северных тюрков Сибири (якутов) шесты остова опирались на укрепленный на столбах деревянный круг (Попов, 1949, стр. 98—106).[17] Покрышки чума, сшитые из трех полос бересты (снятых с трех берез), характерны также для чума селькупов, эвенков, тувинцев-тоджинцев.

Небезынтересны и некоторые лингвистические параллели. Кетское название шестов (*алатэ́jдаӈ*) сходно с названием шестов чума (*алажи*) и самого чума (*алажи-ог*) у тувинцев, северных алтайцев (*алажик*), сагайцев и хакасов-качинцев (*алачых*) (Вайн-

[17] Сходство в способе скрепления шестов чума с помощью обруча у кетов, алтайцев и якутов впервые отмечено С. И. Вайнштейном (1954, стр. 40).

штейн, 1954, стр. 39; Потапов, 1952, стр. 208).[18] Алачегами русские в XVII в. называли «берестяные юрты вострые» кетоязычных коттов.[19] Добавим здесь, что некоторые пожилые камасинцы (ныне обруселая, в прошлом самодийскоязычная группа) еще помнят о существовании у них покрытых берестой чумов, остов которых составляли шесты (*алачины*).[20]

Устройство очага в кетском чуме, отличающееся большой простотой, находит аналогии у северных селькупов. Очаг в виде отгороженного дощечками костра был известен южным хантам и манси (Sirelius, 1910, стр. 8—9), а также южнотюркским народам. Приспособление для подвешивания посуды над костром в зимнем чуме кетов сходно с эвенкийским (Историко-этнографический атлас Сибири, 1951, стр. 155, 156).

В планировке и распределении площади чума у кетов прослеживаются сходные черты с представителями самодийской группы народов. Деление площади жилища на две половины — хозяйственную, со стороны входа, и переднюю, за очагом, против входа, — было характерно и для этих народов. Место за очагом против входа считалось почетным и у эвенков.

Каркасное полуподземное жилище — *банус'* (русск. бангусъ, букв. «земляной чум»), условно называемое распространенным в литературе термином «землянка», было характерно для всех групп кетов (рис. 10).[21]

Строили землянки в лесу, чаще в хвойном, на высоком месте, недоступном разливам. Место выбирали недалеко от реки, озера (от 200 м до 1 км). Из литературы известны случаи постройки землянок вблизи русских поселков. Обычно это были жилища семей,

---

[18] Г. Ф. Миллер отмечал, что чум типа качинского алачика был основным жилищем «лесных» народов (имеется в виду таежное население Южной Сибири, — *Е. А.*) (Потапов, 1957). С. И. Вайнштейн связывал название чума у тоджинцев (*аладжуг*, по Рашид-ад-дину) с тюркским элементом (1958, стр. 91).

[19] Материалы В. Н. Татищева, извлеченные из портфеля Миллера и опубликованные А. И. Андреевым (1936, стр. 99).

[20] Устное сообщение Р. В. Николаева о полевых работах Красноярского краеведческого музея в 1962 г., сделанное на отчетной экспедиционной сессии в Институте этнографии в Москве (1963 г.).

[21] Б. О. Долгих осматривал землянки на левом берегу Енисея против станка Подкаменная Тунгуска, а также вблизи пос. Келлога. В 1948 г. Б. О. Долгих и сотрудники его отряда проводили изучение старых землянок подкаменнотунгусских кетов на левом берегу Подкаменной Тунгуски, несколько выше бывшего пос. Черный Остров (Долгих, 1952а). Участники Туруханского отряда имели возможность осмотреть несколько полуразвалившихся бангусь елогуйских кетов, расположенных в полутора-двух километрах от Келлога. Расплывчатые контуры ям старых жилищ, заросшие деревьями, встречаются в тайге на правобережье Елогуя, в 80 км выше Келлога, в районе дороги на Дубчес и в других местах. Землянка северных кетов описана К. Доннером (Donner, 1933, стр. 24, 25). О жилище этого типа у остальных групп имеются только опросные сведения. Старые жилища типа кетской землянки обнаруживаются и на территории прежнего расселения кетов и

оставшихся без кормильцев-охотников и не занимавшихся промыслом (Кривошапкин, 1865, стр. 133).

Относительно ориентации землянок имеются разноречивые сведения. Елогуйские кеты ставили жилища таким образом, чтобы противоположная входу сторона была направлена на восток. Кроме того, по объяснению информаторов, старались расположить жилище входом к озеру, реке, дороге, т. е. ориентация землянки

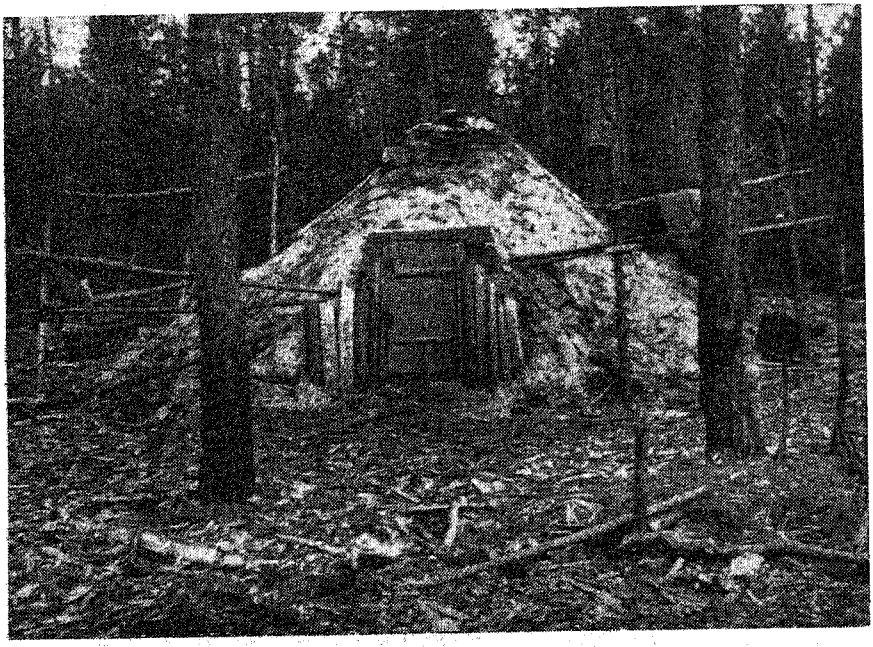

Рис. 10. Землянка (внешний вид).

не отличалась от ориентации чума. С другой стороны, старые бангусь подкаменнотунгусских кетов, исследованные Б. О. Долгих, были направлены входом на юг, в сторону, противоположную реке (Долгих, 1952а, стр. 159).

Для постройки землянки требовалось несколько дней (от двух и более). Иногда одна семья не могла обойтись только своими

кетоязычных групп. Так сымские эвенки называют места (оз. Обгорелое, оз. Гундра), где имеются ямы от старых жилищ. В ямах эвенки находили фрагменты керамики, медной посуды, бусы. Согласно преданиям, в этих жилищах жили дяндри. На Кети, в частности в районе села Маковского (Лебяжья и Окуневая курья), на высоком месте, невдалеке от берега старицы встречаются старые землянки — заплывшие ямы с углублением (выходом) в сторону старицы. Археологическое обследование этих памятников представляет большой интерес для истории кетов.

силами. В таком случае семьи объединялись и поочередно строили друг другу жилище. Эта своеобразная форма коллективного производства долго сохранялась у кетов.

По имеющимся материалам, можно выделить три варианта землянок. Главным типовым признаком является конструкция каркаса жилища (табл. II). У всех групп кетов каркас землянок состоял из наклонных бревен, опирающихся на 4 центральных опорных стропила. Различия в расположении и способе соединения опорных столбов и дают локальные варианты землянок.[22]

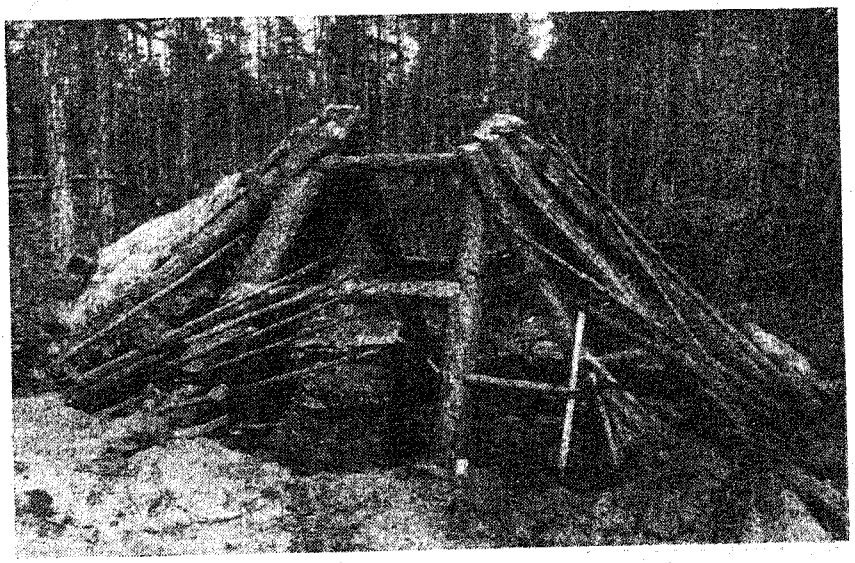

Рис. 11. Каркас старой землянки (р. Елогуй).

В землянках южных (елогуйских и подкаменнотунгусских) групп 4 основных стропила каркаса (*сейноқс'* — подк.-тунг.; *сереоқс'* — елог.) соединялись попарно вершинами под прямым (тупым) углом друг к другу (рис. 11).[23] Скрепление верхних концов стропил было пазовое. Нижние концы их, не заостряя, неглубоко вкапывали в землю по краю ямы. Обе пары стропил соединяли поперечинами (*тытбыл* — подк.-тунг.; *татбул* — елог.), по две-три с каждой стороны в зависимости от величины жилища. Верхние поперечины приходились немного ниже соединенных вер-

[22] Основные замеры землянок подкаменнотунгусских (по Б. О. Долгих) и елогуйских кетов: размеры ямы от 2.7×3.6 м до 7×7 м, глубина ямы от 25 до 75 см, высота жилища от 1 м 85 см до 2 м 15 см, длина опорных стропил от 2 м 20 см до 3 м 20 см, высота входного тамбура 1 м, ширина его 60—70 см.

[23] Все опорные бревна каркаса представляли собой нерасколотые еловые стволы, которые ставились всегда комлем вверх.

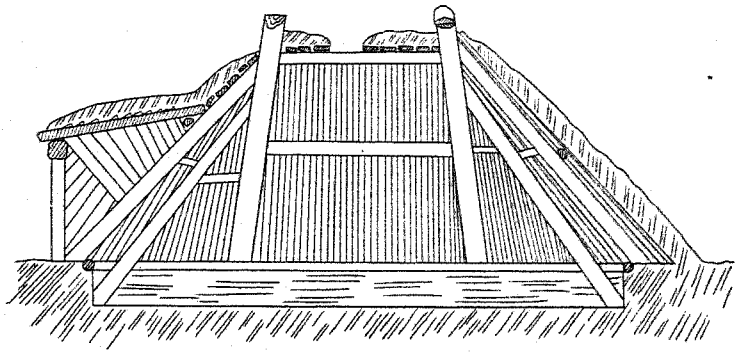
шин. Для закрепления поперечин в стропилах вырубали неглубокие пазы. Со стороны входа и с противоположной стороны к каждой паре стропил наклонно приставляли по 4 дополнительных менее толстых бревна (называли их так же, как и основные, только иногда выделяли два дверных — *элладаң*). Сначала ставили два дверных бревна и соответственно два бревна на противоположной стороне; их также соединяли двумя-тремя поперечинами, дверные бревна соединялись только одной плахой в верхней части, на уровне поперечин основных стропил. Наконец, между каждым из основных стропил и наклонным бревном ставили по угловому бревну и соединяли их с другими стропилами поперечинами. Нижним концом угловые столбы вкапывали внутри ямы, по углам. Две пары основных опорных стропил и 8 дополнительных, соединенных поперечными плахами, составляли каркас землянки южных кетов в конце XIX—начале XX в. Судя по сообщениям информаторов, такие землянки имелись и у других групп.

У сургутинских кетов землянки были с двускатной крышей.[24] Две пары опорных стропил (*сеjоқс'*) скреплялись с помощью развилок, вырубленных на верхних концах. Сверху обе пары стропил соединяли продольной балкой (*тэт'кабаγ*), а в средней части — перекладинами (*татбул*), по одной с каждой стороны. Концы перекладин закрепляли в углублениях, вырубленных в стропилах. К стропилам наклонно прислоняли дополнительные бревна, по 2 или по 4 с каждой стороны. Как и в землянках южных кетов, они были соединены между собой и основными стропилами поперечными плахами.

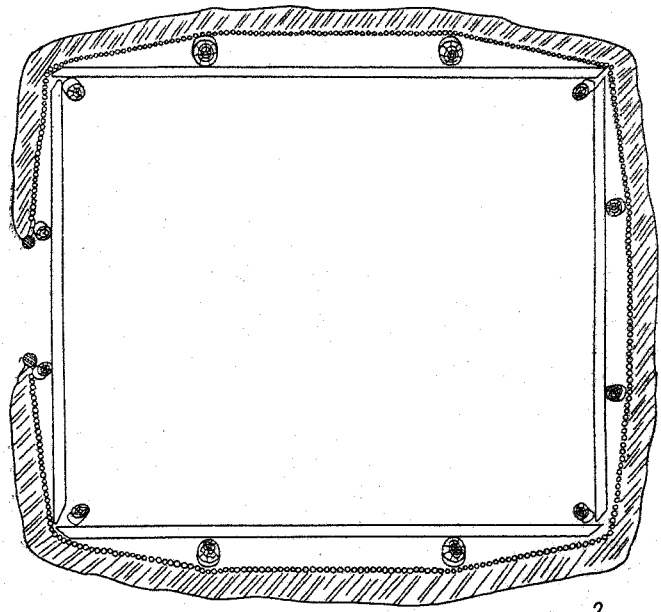
Третий вариант землянки отмечен у курейских и пакулинских кетов. Каркас жилища у них имел форму усеченной пирамиды. Вершины четырех основных опорных стропил были соединены не попарно друг с другом, а четырехугольной рамой. На Курейке устанавливали землянку следующим образом. Сначала вкапывали в землю 4 опорных стропила (*сиреңақ*) с развилками, вырубленными на верхних концах. Вершины соединяли горизонтальными плахами (*угдәқœр'* — продольные, *кэткэкœр'* — поперечные), образующими в верхней части четырехугольную раму. Между каждой парой опорных стропил на зарубках покоились продольные плахи. Со стороны входа и с противоположной стороны наклонно прислоняли по 2 дополнительных столба (тоже *сиреңақ*). Верхними концами эти дополнительные столбы упирались в поперечные плахи, нижними неглубоко входили в землю.

Таким образом, выделение локальных вариантов землянок происходит на основании различий в расположении и способе соединения опорных столбов каркаса. Другие же конструктивные

[24] Сургутинские кеты объясняли, что двускатная крыша была удобна для стока воды в весенние месяцы.

1

2

Табл. II. Землянка (конструкция).

1 — разрез; *2* — план.

элементы землянки (яма, входное устройство) у разных групп кетов принципиальных различий не имели.

Яму вырывали после того, как устанавливали каркас жилища. Дополнительные столбы при этом снимали, отметив их место. Яма кетской землянки имела в основном четырехугольную форму. Наиболее четко эта форма прослеживается в жилище елогуйских кетов: раскоп ямы там иногда представлял квадрат. Подкаменнотунгусские кеты в сторону входа делали дополнительный раскоп, придававший четырехугольной яме вид неправильного шестиугольника. В некоторых землянках елогуйских кетов также имелся небольшой трапециевидный раскоп. Снятый при рытье дерн и землю использовали для покрытия жилища. Необходимый размер ямы отмечали палкой (*қаноқс'*).

По краям прямоугольной ямы со всех сторон укладывали нетолстые жерди из еловых стволов. На стволах оставляли несколько сучков, их использовали для подвешивания домашней утвари. Отвесные стены ямы не укрепляли ничем.

Покрытием землянки (*тикӈ*) служили длинные (до верхних плашек) расколотые пополам (плоской стороной внутрь) бревна или тонкие еловые стволы, поставленные плотно друг к другу. В верхней части между дверными бревнами укладывали горизонтально доски. На верхние поперечины, соединяющие опорные стропила, также укладывали доски покрытия, оставив посредине для света четырехугольное отверстие.

В землянках сургутинских, пакулинских и курейских кетов окно устраивали на стене, противоположной входу (по образцу срубных домов русских). Рамой для окна служили две доски, закрепленные горизонтально на зарубках и дополнительных наклонных столбах. Отверстие закрывали льдиной или стеклом. Чтобы лед быстро не растаял, вечером изнутри его закрывали тиской, тряпьем и т. д.

Между верхушкой передней пары стропил и поперечиной, соединяющей их, оставляли отверстие для трубы. Курейские и пакулинские кеты делали отверстие для трубы в плоской крыше.

Щели покрытия землянки затыкали пучками сухой травы (*дӗ̄ӈ*). Все сооружение также обкладывали пучками травы или дерном, а затем засыпали землей и песком. На Курейке, кроме того, покрывали жилище пихтовыми ветками.

Со стороны входа пристраивали входной тамбур. Каркас тамбура (*ламал'укс'* — подк.-тунг.) составляли две параллельные жерди, расположенные несколько наклонно и опирающиеся задними концами на поперечину между дверными столбами, а передними — на две вертикальные стойки, соединенные горизонтальной перекладиной. Сверху и по бокам тамбур покрывали плотными рядами тонких плах. Дверь (*әлла*) в прошлом делали из бересты, прошитой в несколько слоев (обычно три); как и в чуме, берестяную дверь подвешивали над входом и откидывали кверху. В даль-

нейшем берестяную дверь заменили дощатой (*ламэл'*), которую изнутри обивали оленьей шкурой.[25] Подвешивали ее на кожаных или железных петлях.

Внутри землянки перед дверью делали земляную ступень. На нее для прочности сверху клали доску или расколотое пополам полено, закрепленное парой вбитых вертикально столбиков. Порог у входа (*элладлим'* — «двери доска») устраивали из ребром поставленной дощечки, закрепленной двумя парами вертикальных столбиков, воткнутых в землю по обе стороны доски. Порог был ниже уровня почвы на 20—25 см, поэтому перед дверью делали раскоп. Открывалась дверь наружу. По обе стороны от двери, снаружи, елогуйские кеты ставили вертикально по 4—5 поленцев, предохранявших тамбур при входе и выходе.

Кроме дверного тамбура или вместо него, курейские и пакулинские кеты устраивали сени (*аллан*). Против входа на некотором расстоянии вкапывали два столба с вырубленными или естественными развилками на верхних концах. На них укладывали продольные жерди, опирающиеся задним концом на поперечины тамбура. Каркас сеней покрывали тонкими жердями, а затем пихтовыми ветками. Вход в сенях, по сообщению курейских кетов, делали с любой стороны.[26] В сенях складывали дрова, оставляли лыжи, упряжь и пр.

Жилище снаружи огораживали загородкой из еловых жердей (вертикальные стойки и закрепленные на их развилках или суках горизонтальные жерди). Загородка предохраняла жилище от оленей, одновременно ее использовали для подвешивания одежды, домашней утвари.

Внутреннее устройство и планировка в землянках у разных групп кетов отличались единообразием и устойчивостью.

Основными элементами внутреннего устройства кетской землянки являлись очаг и отопительное приспособление (чувал).

Очаг (*богдот*) устраивали в средней части жилища, несколько ближе к входу.[27] Место костра отгораживали расколотыми пополам и положенными ребром поленьями или узкими досками (*татпел'ақ* — елог.; *татулоқс'* — подк.-тунг.). Поленья и доски

---

[25] В землянках елогуйских кетов двери делались из двух-трех вертикальных досок, скрепленных парой горизонтальных реек.

[26] Очевидно, такие сени изображены на рисунке туруханского кета И. Дибикова, приведенном в работе К. Доннера (Donner, 1933, стр. 24). На рисунке землянка имеет форму усеченной пирамиды, однако устройство каркаса ее иное, чем у землянок курейских кетов: сверху выступают соединенные попарно концы основных стропил, как в бангусь южных кетов. Судя по рисунку, землянка туруханских кетов по сравнению с таким жилищем елогуйских и подкаменнотунгусских кетов была более усовершенствованной: имеются сени, застекленное окно, железная печка.

[27] Расстояние от входа до очага в одной из землянок елогуйских кетов равнялось 1 м 35 см, а от костра до противоположной стены — 1 м 50 см.

закрепляли вертикальными колышками, вбитыми попарно по обе стороны углов. Отгороженное место было четырехугольным или квадратным, в середину его насыпали песок или землю в уровень с краями поленьев.[28] Котлы с пищей и чайники подвешивали с помощью специальных крюков (*сулдоқс'*) на перекладине, закрепленной концами в развилках двух вертикальных стоек, вкопанных в землю по обе стороны очага. Крюки были деревянные, естественно изогнутые или специально изготовленные, в последнее время их стали заменять крюками из железного прута. Очаг служил для приготовления пищи; для отапливания жилища одного очага не хватало. Обогревали землянки с помощью специально устроенного чувала (*соңол'*, *соγол'*). Чувалы вышли из употребления раньше, чем сами землянки, их повсеместно вытеснили железные печки, изготовленные русскими. Поначалу чувалы и печки сосуществовали. Печку в таком случае ставили ближе к противоположной входу стене. В полу развалившихся землянок елогуйских кетов следов чувалов не обнаружено, железные печки в них стояли на четырехугольных площадках очага, в крыше над ними имелись отверстия для трубы. В землянках, осмотренных Б. О. Долгих на Подкаменной Тунгуске, сохранились лишь остатки чувала — стенки из жердочек. Описание и рисунки кетского чувала сделаны Б. О. Долгих со слов кета П. А. Лямича: «Во всю ширину очага со стороны двери от пола и до крыши устраивалась стенка (*сулдокс*) из вертикально поставленных жердочек, воткнутых нижними концами в землю. . . Из жердочек же, связанных обручами, делалась труба (*сул*), диаметром около 40 см, длиной 1 м 20 см, которая привязывалась над очагом к сейноксам (стропила каркаса, — *Е. А.*). И труба и стенка из жердочек густо намазывались смешанной с травой глиной, предохранявшей их от обгорания. Трубу, перед тем как ее привязать, обжигали. Отверстие для трубы в крыше укреплялось горбылями . . . На ночь труба затыкалась скомканной шкурой или завернутой в тряпку охапкой травы» (Долгих, 1952а, стр. 161). Такое устройство чувала было характерно для всех кетов. Именно такой чувал наблюдал М. Ф. Кривошапкин в середине XIX в. в землянках кетов вблизи станка Бахта на Енисее (1865, стр. 133).

Курейские кеты знали также несколько иное, более упрощенное, устройство отопительного приспособления. Жердочки стенки они ставили непосредственно перед очагом, но не прямым рядом, а по дуге полукруга (выгнутой стороной стенки ко входу). Жердочки не очищали от коры; прежде чем обмазывать глиной, их связывали черемуховыми корнями. С внутренней стороны стенки на определенной высоте привязывали концами к крайним жердочкам жгут из скрученных тальниковых прутьев. На жгут нижним краем ставили специально выдолбленную колоду, вогнутой сто-

[28] Размеры кострища: 70×70 см, 80×80 см, 90×75 см.

роной к стенке из жердочек. Стенка и колода соприкасались так, что образовывалась труба, которая верхним концом немного выступала над отверстием в крыше. Вместо колоды использовали и отпиленную часть лодки-долбленки; ее также устанавливали на жгуте и скрепляли черемуховыми прутьями.

По сообщению курейских кетов, чувал с очагом иногда устраивали не против входа, а в левом углу; этим якобы обеспечивали более равномерное освещение жилища.

Другим характерным элементом внутреннего устройства землянки кетов были хозяйственные дощатые полочки (*аба*), миниатюрные лабазы, расположенные по углам жилища (Долгих, 1952а, стр. 161).[29]

На полках около входа стояла посуда, необходимая хозяйственная утварь. Под ними в сильный мороз привязывали лучших охотничьих собак, щенят. На полках с противоположной входу стороны хранили пищевые припасы, там же стояли изображения духов-покровителей и т. д.

Пол в землянке застилали тиской (*қojатл'*). Чтобы подстилки не сбивались, их сшивали, оставив небольшое земляное пространство вокруг костра и против отверстия в крыше со вставленной льдиной; эту часть застилали ветками хвойных деревьев.

Вдоль стены на тиски стелили оленьи «постели». Для отделения спальных мест при наличии нескольких семей иногда ставили семейные полога. Одежду и меховую обувь подвешивали на жердях, прикрепленных вдоль стен к стропилам. Планировка и распределение площади в землянке у кетов были такими же, как в чуме. И для землянки характерно разделение площади на две половины: переднюю («чистую») и хозяйственную. Совпадают названия соответствующих мест в чуме и землянке: *оңтэсej* и *оңтэрэсес'тэ* — места сидения в задней, хозяйственной, части чума, землянки; *хоттон* (*хотон*) — центральная часть в том и другом жилище;[30] *қоқтэj* и *қоқсес'тэ* — места в передней части. Однако в чуме более четко определено переднее, «чистое», место, имеющее самостоятельное название — *қотэң* (соответствующее кукдугану в землянке) (Долгих, 1952а, стр. 163). Одинаково деление чума и землянки по продольной линии, если в жилище находилось несколько семей. Сходны в землянке и чуме распределение площади между членами семьи, а также такие элементы внутреннего устройства, как оборудование полочек в хозяйственных местах, наличие нижнего обруча (в чуме) или жерди (в землянке) для подвешивания одежды, вещей и т. д.

---

[29] В землянках елогуйских кетов полочки были только по углам, слева и справа от входа. Высота их достигала 78 см, размер настила — 50×70 см.

[30] Эту часть жилища кеты, рассказывая о землянках, выделяют редко, называя в составе передней половины (*қоқтэj*).

Наиболее близки к кетским бангусь землянки их непосредственных соседей — селькупов, а также каркасные постройки хантов и манси

На территории селькупов обнаружены остатки древних землянок с прямоугольным или овальным планом раскопа (Прокофьева, 1946; Дульзон, 1953, 1956).[31]

У селькупов отмечены землянки и полуземлянки с каркасом из наклонных опорных столбов и бревенчатые, сруб которых поставлен над четырехугольной ямой (0.5 м глубиной).[32]

Очень близки кетским землянки (*чуль мот* — «земляной чум») северных селькупов (Народы Сибири, 1956, стр. 673—674). Отметим здесь полное сходство в устройстве отопительного приспособления у селькупов и северных (курейских) кетов, выделение хозяйственной части. Слева и справа от входа в селькупских землянках тоже имелись полочки на стойках (аналогичные кетским *аба*).[33] Близки кетским бангусь также каркасные полуподземные и наземные жилища хантов.[34]

З. П. Соколова, исследовавшая обско-угорское жилище, пришла к выводу, что каркасные постройки, углубленные в землю, являются наиболее древними формами жилища обских угров. Археологически возможно проследить развитие каркасных жилищ из наклонных столбов с неолита до наших дней (Мошинская, 1953; Чернецов, 1957).[35] Развитие каркасного жилища угорских народов шло по линии уменьшения его размеров и поднятия на поверхность (Соколова, 1957, 1960). Каркасные полуподземные жилища хантов, сохранявшиеся до начала XX в., наиболее сходны с кетскими. Конструктивно это постройки двух типов: с каркасом пирамидальной формы и парным соединением основных опорных наклонных столбов (4—12 шт.); в форме усеченной пирамиды. Последние представляют наибольший интерес в плане сравнения с кетскими бангусь (Народы Сибири, 1956, стр. 584). Несколько

---

[31] Четырехугольные земляные жилища на Кети существуют с давнего времени. Р. В. Николаев (1963а), обследовавший одно такое жилище, относит его к неолиту или ранней бронзе.

[32] Туруханские (пос. Фарково) и верхнетазовские селькупы (пос. Ратта) сообщали, что знают места древних землянок с входом через крышу. На Тазу их называют *кэлий мот куптэ* (старый ненецкий чум), на Турухане — *карамо*. Эти древние жилища селькупы относят ко времени войн с ненцами. Особенностью их было наличие подземных траншейных выходов и валов вокруг жилища. Эти интереснейшие памятники ждут археологического обследования.

[33] МАЭ, колл. И 1177-59 (из сборов Г. Н. Прокофьева).

[34] Основные черты сходства кетских и хантыйских землянок впервые отмечены Б. О. Долгих (1952а, стр. 164—165).

[35] Появление квадратного каркасного жилища земляночного типа в Зауралье и Нижнем Приобье, сохранившегося у хантов и манси до исторического времени, В. Н. Чернецов связывает с возможным проникновением сюда в середине III тыс. до н. э. с востока и северо-востока пришлого населения, близкого предкам современных юкагиров (1963, стр. 409).

брошенных жилищ такого типа были обследованы З. П. Соколовой в 1957 г. на р. Вахе (1963, стр. 198). Этот вид хантыйского жилища, как и селькупские землянки, сходен по устройству с землянками курейских и пакулинских кетов.

В постоянных постройках угорских народов для отопления и освещения жилища, как и в кетских землянках, чаще устраивали очаг-чувал; северные ханты называли его так же, как кеты

Рис. 12. Голомо курейских кетов.

и селькупы, — *sonxal*, *sógal*; ваховские — *тюгал* (Ahlquist, 1880, стр. 135; Шатилов, 1931, стр. 40). Конструктивно чувал у хантов напоминает чувал курейских кетов, где отсутствовала широкая стенка из жердей, промазанных глиной, характерная для южных групп кетов.

Чувал в качестве отопительного приспособления был известен и другим сибирским народам. Кроме кетов, селькупов и угров, он зарегистрирован также у представителей Саяно-Алтая (северных алтайцев, шорцев), а также у чулымцев, якутов. Кетский, селькупский, хантыйский и якутский чувалы были наиболее близки по устройству (Долгих, 1952а, стр. 65).

Необходимо также отметить сходство в планировке площади в кетской землянке и в жилище представителей самодийской группы народов: деление на две части (Долгих, 1952а, стр. 165).

У угорских народов, как и у кетов, сторона жилища, противоположная входу, считалась «чистой», священной.

Курейским кетам был известен особый вид жилища — *гол'омо* (эвенк. *голомо*) (рис. 12). Жили в голомо с осени до января, а также весной, по окончании охоты на пушного зверя, т. е. тот же сезон, что и в бангусь. Этот вид жилища настолько был распространен в прошлом, что в настоящее время традиционным зимним жилищем на Курейке считают не бангусь, а голомо, иногда же на конкретный вопрос про бангусь говорят о голомо.

По сохранению тепла голомо не уступало бангусь, а ставить его было проще. В то же время форма жилища, сходная с чумом, позволяла сохранить знакомую планировку и распределение площади между членами семьи, была привычна. Традиции кетского чума прослеживаются в порядке установки и названиях основных шестов остова голомо.

При постройке голомо снимали мох с земли, а иногда и верхний слой почвы. Остов жилища состоял из пяти опорных, более толстых, чем для чума, шестов, из которых сначала ставили два (*доңгулаң*), соединяющихся развильчатыми верхними концами. С противоположной входу стороны ставили передний шест (*қотәңдаң*) и, наконец, два дверных шеста (*элладаң*). В верхней части остова снаружи на зарубках в шестах закрепляли поперечные дощечки (*тетыңаң*), соединяющие шесты остова.[36] Между основными шестами ставили более тонкие еловые шесты, опирающиеся верхними концами на поперечные. Сверху остов жилища заваливали дерном, землей. Дверь делали из досок; дымовое отверстие закрывали плетенкой из осоки в виде мешка. В ряде случаев перед входом устраивали сени из еловых веток и молодых пихточек.

Каркас сеней составляли два вертикальных столба с развилкой на концах и две горизонтальные плахи, опирающиеся передними концами на развилки вертикальных столбов, а задними зарытые в дерн, покрывающий жилище. В сенях держали хозяйственные принадлежности, дрова, там же в непогоду находились собаки. Пол в жилище и сенях застилали пихтовыми лапами. Слева и справа от входа, как в чуме и землянке, устраивали хозяйственные места в виде небольших настилов — полочек с посудой; в центре ставили печку, трубу выводили в дымовое отверстие. Спальные места располагались по обе стороны жилища.

Жилище, сходное с голомо, существовало и у других групп. Так, пакулинские кеты сообщали, что у них были зимние конические жилища с остовом из бревен, покрытые пихтовыми ветками и засыпанные землей. Называли это жилище *конογус'* (теплый

[36] У северных эвенков пирамидальные постройки типа голомо имели в основе четыре опорных наклонных столба, соединенных попарно (по диагонали) и перехваченных немного ниже вершины квадратной рамой, образующей дымовое отверстие (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 134, 185).

чум) и жили в нем тот же период, что и в землянке. По-видимому, голомо и теплый чум — один и тот же вид жилища. Курейские кеты, вероятно, заимствовали эвенкийское название (сохранив свои традиционные конструктивные особенности), исходя лишь из чисто внешнего сходства своего жилища с эвенкийским.[37]

Конструктивное сходство с кетским теплым чумом обнаруживает *пуй мот* (деревянный чум) северных селькупов. Основу остова этого жилища составляли два толстых бревна, соединенных, как и в чуме, развилками, выработанными на верхних концах. Остов покрывали ветками, дерном. Археологические материалы свидетельствуют о существовании жилища типа чума, покрытого землей, у древнего «досамоедского» (первые века нашей эры и ранее) населения Кети, Тыма (Дульзон, 1956, стр. 208, 224—225).

Нельзя признать справедливой точку зрения некоторых авторов о том, что срубные дома первыми начали строить наиболее обеспеченные, зажиточные кеты (Семенов, 1919, стр. 95). Наоборот, переход к оседлому образу жизни в срубном доме, насколько позволяет судить материал, был связан с обнищанием семьи, потерей оленей, болезнью или смертью основных охотников-кормильцев и т. д. Оседлый образ жизни при отсутствии дополнительных заработков лишал семьи не только денежных доходов от пушнины, проданной рыбы, но и непосредственно продуктов питания: мяса добытых животных, дичи, а также возможности заготовить продукты впрок. Обычно кеты строили срубные дома поблизости от русских поселков или в них самих.

Первые срубные постройки появились в конце XIX в. у самых южных оседлых кетов (дюгунь, югов), живших в русских деревнях Ярцево и Ворогово (Кытманов, 1927). В северной части Туруханского района срубные дома кеты начали строить в начале нашего века. У курейских кетов первые срубные постройки появились в 10 км от устья Курейки. В них поселились три безоленные семьи. На месте будущего пос. Серково, выросшего уже в советское время, первые три дома были построены кетами — братьями Серковыми, потерявшими оленей из-за эпизоотии сибирской язвы. Характерно, что тогда (в условиях царской России) кетские семьи жили в домах лишь до приобретения определенного количества оленей (необходимого для охоты), а затем опять уходили в кочевье. Строили дома по типу русских и кеты, поселившиеся в Туруханске (теперь районный центр), т. е. тоже оторвавшиеся по той или иной причине от исконных занятий — охоты и рыболовства. Появление домов у других групп кетов связано уже с коллективизацией и образованием центральных усадеб-поселков. Старых домов, построенных самими кетами, сохранилось немного. В пос.

[37] Эвенки были предшественниками, а затем в течение двух столетий и соседями курейских кетов. В материальной и духовной культуре этих кетов прослеживаются специфические черты, нехарактерные для других групп кетов, связанные с влиянием эвенкийской культуры (Алексеенко, 1962).

Серково в одном из них и в настоящее время живет кетская семья (рис. 13). Дом этот однокамерный, рубленный «в угол». Бревна не пригнаны, неровно выступают на углах. Потолок раньше отсутствовал. Доски крыши одним концом опирались на поперечную князевую балку, расположенную посредине, а другим — на боковые стенки сруба. Крышу для утепления покрывали дерном, тисками, ветками хвойных деревьев. Полом служила утрамбованная земля. Слева от входа находился очаг (костер). Для выхода

Рис. 13. Старый срубный дом кетов.

дыма в верхнем углу фасадной стены было вырублено отверстие (его затыкали свернутой берестой, тряпьем), в центре фасадной стены и одной боковой — маленькие оконные проемы. Вместо стекол использовали лед. Со стороны входа (с левой боковой стороны) пристраивали сенцы. По описанию кетов, они были из молодых хвойных деревьев и веток; каркас постройки составляли столбы с развилками и укрепленные на них продольные жерди, в свою очередь покрытые поперечинами.[38]

В прошлом домашний быт кетов в срубных домах мало чем отличался от такового в традиционном жилище. Мебель отсут-

[38] Позднее дом покрыли двускатной крышей, пол застлали досками, костер заменили железной печью, сделали дымоход. Вместо сенцев из веток построили дощатые сени с входом со стороны фасада.

ствовала. Люди спали на полу, подстелив оленьи шкуры. Нередко в комнате ставили полога. Ели сидя на полу за низенькими столиками. Пол в жилище застилали берестой, хвойными ветками. Для отопления использовали железные печки, но известны случаи разведения костра. Кострище устраивали в прямоугольном срубе, засыпанном песком, землей. Дымоходом служило прорубленное в стене или крыше отверстие. Вместе с людьми в помещении находились собаки.

Укрытия, временные жилища

Временных жилищ и укрытий, рассчитанных на короткие сроки обитания в них, у кетов наблюдалось немного.

Летом (в теплую погоду при кратковременных остановках в пути) ставили только полог (*холаң*). При нескольких ночевках семьи в тайге, на рыбалке, во время остановки вблизи русских поселков устраивали так называемый получум (*қол'опқус'*) — конический шалаш из жердей, покрытый тисками или плотной материей, открытый с одной стороны. Зимой охотники, застигнутые ночью в тайге, вырывали яму в снегу (*коңус'*).

На более длительный срок были рассчитаны шалаши из прутьев (*туңус'*, русск. тунгусь; *инус*), в них жили во время рыболовного промысла иногда в течение нескольких недель. Шалаш из прутьев, а также крытые лодки-илимки, пожалуй, являлись единственным видом временного жилища у кетов. Все остальные сугубо временные убежища можно охарактеризовать как укрытия.

Шалаши из прутьев были распространены у всех кетов. Ставили их обычно на прибрежных песчаных косах, на берегу; покидая жилище, каркас оставляли.

По устройству шалаши у всех кетов были одинаковыми, что же касается формы, то известны полусферические шалаши и более удлиненные, в виде рассеченного цилиндра. Форма временного жилища из прутьев зависела от того, на какой срок ставили шалаш, сколько человек должны были в нем поместиться. Шалаши, похожие на рассеченный цилиндр, обычно ставили на более длительный срок, чем полусферические.

Каркас временного жилища составляли хорошо гнущиеся черемуховые или тальниковые прутья, воткнутые в песок (землю) двумя рядами, связанные попарно верхушками, образуя параллельные дуги, и переплетенные прутьями в виде редкой решетки.

Каркас полусферического шалаша (рис. 14) обычно состоял из трех-четырех дуг, причем каждая последующая дуга была ниже предшествующей. У последней (самой низкой) дуги втыкали в землю 5—6 прутьев, их отгибали вперед и привязывали к дугам кедровым корнем или черемуховым лыком. Эти прутья образовывали каркас задней стенки и потолка шалаша. Иногда

сбоку, посредине, привязывали к дугам по горизонтальному пруту Спереди шалаш был целиком открытый.

Для шалаша в форме рассеченного цилиндра устанавливали 4—8 параллельных дуг из связанных прутьев. Дуги были одной высоты. За крайними дугами с обоих концов втыкали по 2—4 симметричных прута, отгибали их, попарно связывали концами и прикрепляли к параллельным дугам. Затем для прочности между каждой парой основных дуг втыкали в землю и связывали верхуш-

Рис. 14. Шалаш из гнутых прутьев.

ками дополнительные прутья. Сзади, в центре, также ставили дополнительный короткий прут, привязанный верхним концом к последней задней дуге. Со стороны входа и с противоположной, задней, стороны между основными прутьями помещали по два дополнительных прута, также связанных верхушками и прикрепленных к параллельным дугам.[39]

Каркас шалаша из прутьев покрывали двумя берестяными тисками (использовали тиски от чума), уложив их поперек шалаша так, чтобы края одной находили на края другой. Сверху тиски закрепляли одной-двумя дугами из связанных верхушками тальниковых прутьев, воткнутых по обе стороны жилища. Иногда вместо тиски шалаши покрывали матерчатой покрышкой. По сведениям К. Доннера, туруханские кеты покрывали шалаши еловой корой (Donner, 1933, стр. 27). Внутри шалаша стелили сено,

[39] Шалаши сургутинских и елогуйских кетов были высотой 1.5—1.7 м, длиной и шириной 2—2.5 м.

хвойные ветки, ставили полога. В этих жилищах только спали, костер для приготовления пищи разводили перед шалашом.

Сходна по устройству с шалашом из прутьев жилая часть крытых лодок-илимок. В них находились иногда весь период открытой воды, переезжая на большие расстояния по Енисею и его притокам. Не было илимок только у северных — туруханских и курейских — кетов. Каркас крытой жилой части состоял из 10—14 пар черемуховых прутьев, связанных попарно верхними концами. Сверху и по бокам к полученным дугам привязывали горизонтальные прутья, образуя каркас. Покрывали его берестяными тисками. Вдоль всей жилой части стелили доски, по которым можно было ходить (Алексеенко, 1961, стр. 91).

Получум также был известен всем кетам. Остов его составляло 6—7 шестов. Сначала, как и при установке чума, ставили два основных опорных шеста, верхушка одного из них покоилась в развилке другого. К ним прислоняли центральный шест, а затем между центральным и основными опорными шестами — два угловых. С открытой стороны, посредине, иногда ставили для упора шест, поддерживающий укрытие. При совсем кратковременной стоянке этот шест не ставили. Такой получум представлял как бы половину чума, разрезанного поперек. Иногда его составляла продольная половина чума. В таком случае остовом служили два основных опорных шеста и четыре дополнительных, расположенных попарно по обе стороны от основного шеста (без развилки на верхнем конце). Второй основной шест (с развилкой) служил для упора и поддерживал все укрытие. Остов покрывали тисками, иногда не целиком, лишь бы прикрыть от ветра спальные места. Костер разводили снаружи.

Яма, вырытая в снегу, — простейшее убежище охотников, распространенное в прошлом у всех кетов. Рыли яму лыжей до самой земли. Раскоп имел прямоугольную форму. Стенки ямы (2×2.5 м) ничем не укрепляли. На землю стелили еловые ветки. Вдоль одной из стенок ямы с подветренной стороны устраивали заслон из воткнутых пихтовых веток. В яме разводили небольшой костер, чтобы обогреваться. Для приготовления пищи костер устраивали не в яме, а рядом с ней.

Шалаши с каркасом из прутьев в качестве временного жилища сооружали сымские эвенки, северные селькупы, ваховские и васьюганские ханты, они были известны и ряду других сибирских народов (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 155).[40]

Северные селькупы, ваховские и васьюганские ханты на рыбалках и сенокосах делали полуконические (открытые с одной стороны) шалаши, сходные с кетским получумом (Соколова, 1962, 1963).

---

[40] Как уже отмечалось, такими шалашами и в настоящее время пользуется русское население села Маковского (р. Кеть).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Кетское жилище, будь то землянка или чум, не вмещало всего имущества семьи, не было приспособлено для его хранения. Поэтому вещи, ненужные в данный сезон, запасы продуктов хранили на лабазах.

Лабазы имели различную форму и устройство в зависимости от срока хранения вещей, сезона.

Около чума и временного каркасного шалаша ставили обычно небольшие открытые лабазы (*иγ*) в виде прямоугольного настила на четырех столбах.

Около землянок сооружали такие же лабазы, но на более высоких и толстых столбах (иногда это были срубленные на определенной высоте деревья с развилкой, вырубленной на верхнем конце); для закрепления перекладины использовали также естественные сучки растущих деревьев (рис. 15).

Распространены были лабазы треугольной формы. Основу их составляли две слеги, закрепленные под острым углом друг к другу на столбиках с развилками, сучках деревьев и т. д. Поперек слег клали жердочки настила.

Имущество на открытых настилах закрывали берестяными тисками.

Имелись у кетов и постоянные крупные хозяйственные постройки — лабазы в виде дощатых амбарчиков с двускатной крышей (*колиj*), установленные на высоком помосте (рис. 16). Эти лабазы ставили на местах зимней охоты. В них, кроме вещей, хранили запасы продовольствия, охотничье снаряжение. Обычно такими лабазами пользовались 2—3 родственные семьи. Для колиj выбирали сухое высокое место. Настил устанавливали на врытых в землю четырех-восьми столбах (их заменяли также деревья со срубленной верхушкой). Высота столбов достигала трех метров. Вместо лестницы использовали бревно с зарубками или естественными сучками.

Отмеченные виды лабазов были характерны в прошлом для всех кетов.[41]

У курейских кетов, кроме того, имелись не встречающиеся в других местах лабазы-настилы с двускатной корьевой крышей.

У курейских и елогуйских кетов отмечены также пологие двускатные корьевые навесы на стропилах. Под навес ставили нарты, подвешивали завязанное в брезент имущество (рис. 17). Иногда под навесом устраивали невысокий настил из жердей, куда складывали часть вещей.

По свидетельству пакулинских кетов, в прошлом им были известны своеобразные лабазы в виде шалаша из прутьев (по

---

[41] Больше всего лабазов колиj сохранилось у елогуйских кетов; они расположены по рр. Келлогу, Исельчесу, Колдобе.

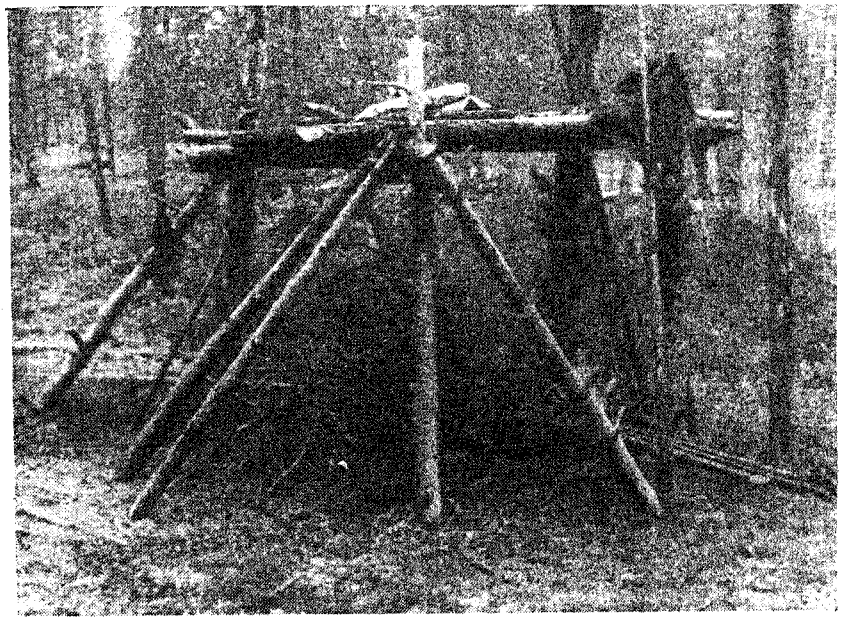

Рис. 15. Лабаз-настил.

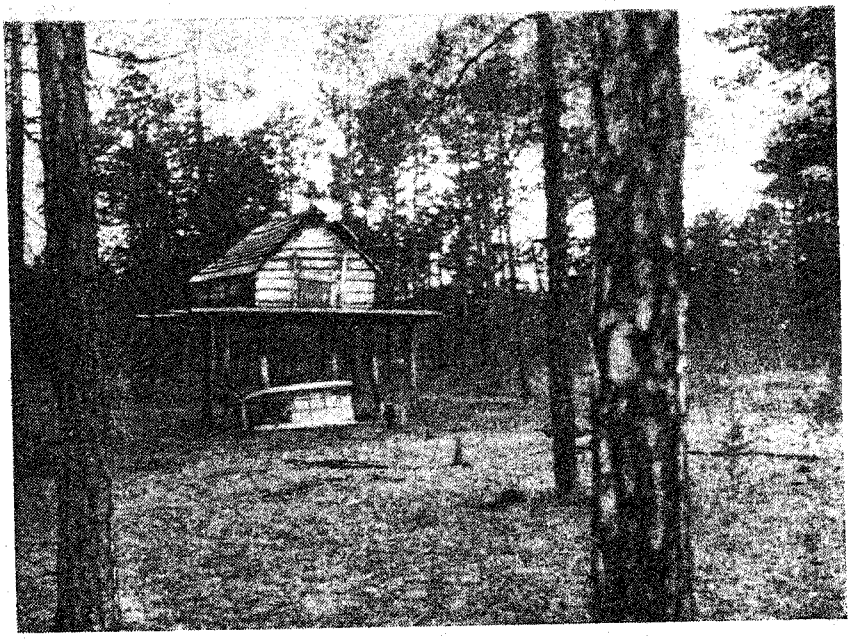

Рис. 16. Свайный лабаз.

устройству одинаковые с временным жилищем), установленные на высоком настиле.

Для копчения ровдуги устраивали кумуры — шалаши сферической формы из прутьев. Каркас кумура плотно закрывали покрышками из бересты, ровдуги. В центре его, в вырытой яме, разводили костер из сырых бревен.

Не имели конструктивной специфики и такие хозяйственные постройки, как сараи для оленей — *сенус* (олений чум). Они

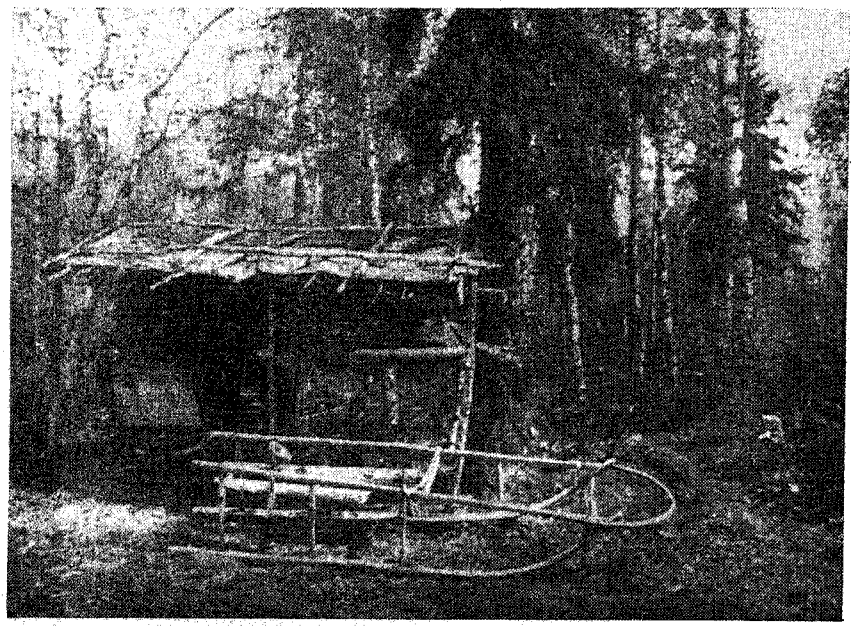

Рис. 17. Навес-укрытие.

были у кетов двух видов: каркасные, с покрытием из веток хвойных деревьев (северные кеты), и срубные. Каркасные сараи сходны по устройству с сенями (*аллан*), пристройкой к голомо и срубным домом курейских кетов. Срубные сараи, вероятно, делали по образцу русских построек.

Лабазы в виде помоста на столбах известны селькупам, тофаларам, эвенкам.

Кетские колиj очень напоминают характерные угорские амбары — срубные или дощатые постройки с двускатной крышей, установленные на столбах или пнях высотой до двух метров (Соколова, 1963, стр. 220—221). Одинаковы у них и лестницы — бревна с зарубками. Сходные свайные лабазы в виде сруба

с плоской или двускатной крышей имелись также у эвенков, нарымских селькупов.

У сымских эвенков до настоящего времени бытуют шалаши для копчения ровдуги (*марма*), не отличающиеся от кетских кумуров. Такого же рода сооружения для копчения кож, возможно, отмечены у качинцев (Потапов, 1957, стр. 188).

* * *

Для кетского жилища характерно отсутствие многообразия форм. Основное традиционное жилище — конический чум и полуподземные (каркасные) постройки (землянки). Срубные дома появились поздно, под влиянием русских. Однообразие форм и простота устройства отличают также временные жилища, укрытия и хозяйственные постройки.

Изучение этнографического материала по кетскому жилищу и данных по жилищу соседних народов дает возможность говорить о независимом друг от друга развитии и сосуществовании с давних времен обоих видов основного жилища кетов — чума и землянки.[42]

Вопрос о возникновении этих двух видов жилища связан с проблемой этногенеза кетов. Современных кетов советские этнографы рассматривают как этническую группу, сложившуюся на Среднем Енисее в результате смешения аборигенного населения и кетоязычного, пришедшего из более южных районов (Вайнштейн, 1951б; Долгих, 1961). Появление чума и землянки, видимо, связано с различными этническими компонентами, принявшими участие в формировании народности.

Ближайшими параллелями кетским полуподземным жилищам являются каркасные сооружения селькупов и обско-угорских народов. Археологические материалы и данные этнографии свидетельствуют о существовании и развитии таких построек на территории Западной Сибири с неолита до начала XX в. Изучение языка, материальной культуры современных народов Обско-Енисейского бассейна также позволяет говорить о культурном пласте, носителем которого было древнее аборигенное население (Прокофьев, 1940).

Только археологические разведки и раскопки на местах исторического расселения кетов смогут научно подтвердить давность отдельных типов жилища и раскрыть историю их развития.[43]

---

[42] Иследователь сибирского жилища А. А. Попов высказал предположение о происхождении кетского полуподземного жилища от чума (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 157).

[43] Представляется необоснованным положение Р. В. Николаева о сходстве в устройстве погребальных камер строителей красноярских курганов и кетских бангусь. По его описанию, погребальная камера в этих курганах представляет полуземлянку, укрепленную срубом, крытую накатом из бревен и берестой (Николаев, 1960б, стр. 65—66). Главная же конструктивная

Но можно предположить, что землянки являются вариантом жилища древнего населения таежной зоны Средней Сибири, воспринятого кетоязычными племенами.[44]

Очевидно также, что до освоения землянок основным жилищем предков современных кетов был чум. Названия разных видов кетских жилищ, в том числе и временных, имеют составным компонентом слово *қус'* (чум): *баңус'* («земляной чум»; см. также: Вайнштейн, 1951б, стр. 5), *туңус'* (прутяной чум), *коноүус'* (теплый чум). Так же, согласно источникам XVIII в., называли свое жилище из шестов и березовой коры и кетоязычные асаны (*ниш*), котты (*ниш*), арины (*ни*), жившие на более южных территориях, чем кеты, и полностью ассимилированные к первой половине XIX в. (Дульзон, 1961а, стр. 166).[45] Эти факты можно считать свидетельством того, что чум был наиболее древней, изначальной формой жилища предков современных кетов. Конструктивные особенности кетского чума (способ скрепления основных шестов остова с помощью развилки и обруча), а также названия отдельных элементов этого жилища находят аналогии у современных южных саянских народов (алтайцев, тувинцев, некоторых групп хакасов), что также может быть принято как свидетельство бытования чума у предков кетов еще в период их обитания на сопредельных с местожительством южных тюрков территориях.

Сходство планировки, распределения площади и внутреннего устройства в кетском чуме и землянке позволяет предположить перенесение этих особенностей, характерных для чума, на землянку. Как было отмечено, название мест в чуме и полуподземном жилище одинаково. Но в чуме эти названия соответствуют названиям основных шестов остова: *қотәң* (в землянке — *котоң*) — переднее место в жилище и *котәңдаң* — передний шест; *қоқтәj* (в землянке — *қоқсес'тә*) — места сбоку в передней половине жилища и *қоқтәjаң* — шесты-угловики, устанавливавшиеся между передним шестом и опорными; названия же опорных столбов в полуподземном жилище совсем иные (*сеjақ*).

Осваивая в давние времена новое жилище — *баңус'*, предки кетов, видимо, продолжали пользоваться терминологией, связан-

---

особенность кетских полуподземных жилищ — их каркасное устройство. Отмеченное автором сходство в использовании бересты для покрытия жилища и в качестве подстилок вряд ли может быть признано достаточным для проведения этногенетических параллелей.

[44] У древнего населения таежной зоны могло быть летнее жилище типа чума.

[45] Интересно, что верхняя часть каркаса круглой разборной юрты (*терме*) качинцев, состоящая из тонких палок, привязанных к верху основания (решетка из отдельных раздвигающихся звеньев) и вставленных верхними концами в отверстия деревянного обруча (часть, напоминающая остов чума), называлась «хуче» (*chutsche*). Ее иногда покрывали берестой (Потапов, 1957, стр. 186).

ной с более привычным для них чумом, сохранившим свое значение как переносное жилище на промысле.

Традиционной формой кетской землянки, очевидно, следует считать жилище южных, подкаменнотунгусских и елогуйских, групп, известное в прошлом всем кетам. Локальные различия в устройстве землянок, как представляется, могут быть объяснены взаимовлиянием кетов и соседних народов, в частности кетов и селькупов (жилища курейских и пакулинских кетов в форме усеченной пирамиды); вариант землянки с двускатным покрытием у сургутинских кетов, возможно, сложился под влиянием русских срубных построек с двускатной крышей.

Для кетов характерно относительно широкое использование конструкции из гнутых прутьев: шалаши, кумуры, лабазы на настиле, жилая часть лодки-илимки, каркас глинобитной печи (см. ниже).

Временное жилище из гнутых прутьев, отмеченное у кетов и известное некоторым другим народам Сибири (якутам, манси, сымским эвенкам, северным селькупам, нивхам, негидальцам, ульчам, нанайцам), по предположению А. А. Попова, происходит от укрытий, сделанных из связанных верхушками кустов, растущих по кругу (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 154, 155). Вероятно, что такой вид жилища мог возникнуть в условиях умеренно-теплого климата.

У русских кеты научились строить срубное жилище, северные кеты усовершенствовали по образцу срубных жилищ землянки — стали устраивать застекленное окно в стене, сени из веток перед жилищем (хотя способ постройки сеней и конструкция их были своеобразны).[46]

В результате взаимодействия с эвенками у северных кетов появилось эвенкийское название зимнего конического жилища из бревен с земляным покрытием (голомо). В особенностях устройства голомо, внутренней планировки сохранились традиции шестового чума.[47] У эвенков же северные кеты заимствовали некоторые виды хозяйственных построек (в частности, двускатные корьевые навесы), а также использование коры для покрытия чума, подстилок. С другой стороны, селькупы и эвенки, живущие по соседству с кетами, на промысле ставили кетский чум; известны случаи использования кетского чума и русскими. Контактными отношениями на сопредельных территориях объясняется появление сходного с кетским жилища у ваховских и васюганских хантов (чум с обручем, шалаш из гнутых прутьев, получум),

---

[46] Характерно, что застекленное окно в стене кеты называли по-русски — *окоска*, в то время как отверстие в крыше и стене, где стекло заменял лед, имело свое название — *кʸоркил* (Donner, 1933, стр. 25).

[47] Возможно, что жилище типа голомо (чум, покрытый землей) существовало у кетов в качестве зимнего жилища с древних времен.

сымских эвенков (шалаш из гнутых прутьев) и эвенков Кети (элемент скрепления двух опорных шестов с помощью развилки).

В заключение следует отметить, что распространение основных видов жилища, обнаруживающих конструктивные или терминологические сходства с кетским, совпадает с южносибирским ареалом обитания предков кетов в доисторическое время (Дульзон, 1962а, 1962б).

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Предметы домашнего быта кетов включали в себя утварь, связанную с приготовлением и принятием пищи, хранением одежды и мелких вещей, а также с убранством жилища. Материалом для предметов домашнего обихода служили дерево, береста, шкуры животных, птиц, рыб, рог и кость. Почти всю домашнюю утварь кеты делали сами. Изделия из бересты и мягкую утварь изготовляли женщины, предметы из дерева, рога и кости — мужчины. Покупных предметов в обиходе большинства семей было мало: в основном это посуда — медные котлы и чайники, фаянсовые чашки и блюдца, стаканы, деревянные ложки русской работы. В очень редких, зажиточных, семьях имелись самовары. В целом покупная посуда (кроме котлов и чайников) считалась предметом роскоши, пользовались ею лишь в особо торжественных случаях, в некоторых семьях употребляли исключительно самодельную посуду.

Самодельная посуда у кетов в конце XIX—начале XX в. изготавливалась из дерева (березы), бересты, рога. Но на территории современного расселения кетов археологами обнаружена керамика, напоминающая карасукскую и тагарскую керамику Хакасско-Минусинской котловины, возможно связанная с кетоязычным этническим пластом (Николаев, 1963в, стр. 127, 130). Навыки изготовления керамической посуды предки современных кетов утратили, видимо, еще в глубокой древности.[48]

Варили пищу кеты в медных котлах (*меттын*) различных размеров, покупаемых у русских. Котлы появились значительно раньше прочей покупной посуды и получили широкое распространение. Название *меттын* состоит из двух компонентов — *мет* (от русск. «медь») и *тын* (котел). Но в кетском языке существуют два самостоятельных термина меди — *тул'а*, *коja*. Описательный характер названия котла и наличие в нем русского компонента говорят о позднем его появлении. Однако есть основания предполагать, что котлы были известны кетам задолго до знакомства с русскими. Об этом свидетельствует существование слова *тын*

---

[48] В последней публикации кетского фольклора имеется сказка о глиняных чашках (*кол'тут*), превращенных (оживленных) в мальчиков в семиушном котле (Дульзон, 1966а).

в значении «котел»,[49] а также особая символическая роль котла. В фольклоре, шаманских песнях кетов нашли отражение представления, в которых котел выступает как символ оживления умерших; котел был непременным атрибутом свадебной церемонии; котел с пробитым дном оставляли на могиле умершего главы семьи; в котел шаман «собирал» духов при камлании в темном чуме и т. д.

Посуда собственного изготовления у кетов была немногообразна. Широкое распространение получили плоские долбленые корытца — *сыӷ* (46.5×28 см), заменявшие блюда. В этой посуде подавали сваренное мясо и рыбу, замешивали тесто для лепешек, приготовляли начинку для пирогов и пр. Сык, повидимому, древний предмет быта кетов. В бытовых сказках упоминания о нем встречаются неоднократно. Предания говорят о подобной посуде, сделанной из рога сохатого, но в конце XIX в. распространены были сык из прочного березового (как и вся деревянная самодельная посуда) дерева. Изготовляя сык, мужчины разрубали пополам полено, выдалбливали середину теслом, ножом выравнивали поверхность.

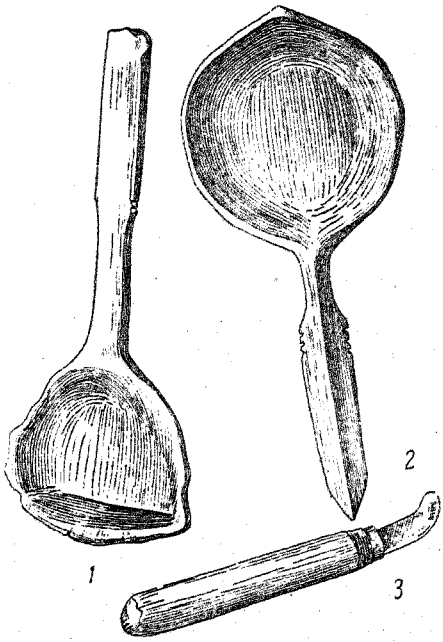

Рис. 18. Домашняя утварь (МАЭ, колл. 1196-11, 12, 13).

1 — ложка для замешивания теста; *2* — поварешка; *3* — нож с кривым лезвием для изготовления деревянной посуды.

Мясо и рыбу из котла вытаскивали поварешкой — *хин'* (русск. хинь) (рис. 18, *2*). Ею же разливали бульон в чашки, снимали жир, черпали снег для растапливания и т. д. Хинь делали из березы, березового наплыва (*хомел'оӷс'*), рога сохатого.[50] Черпательная часть такой ложки (12.5×11 см) была неглубокой, круглой,

[49] Возможно, что *тын* — общее древнее название посуды у кетов; это слово входит компонентом в названия ряда других предметов домашней утвари: *хиттын* (приспособление для разогревания рыбьего клея), *хабутын* (ложка для замешивания теста) и т. д.

[50] При изготовлении деревянной посуды мужчины пользовались обычным и особым ножом с кривым клинком (*кэл'дон'* — «кривой нож»; рис. 18, *3*). Клинки последних были листовидные обоюдоострые и узкие заостренные.

иногда с небольшим мысиком посредине переднего края; рукоятка (25—30 см) — прямой, более тонкой у основания. Встречались хинь с большой черпательной частью (21.5×14.7 см) и короткой (10 см) рукояткой. На рукоятках делали зарубки — «глаза».[51] Хинь — предмет, часто встречающийся в сказках. Как сык и ряд других домашних вещей, поварешка в сказках «действует» — разговаривает, помогает или мешает хозяйке и т. д.[52]

Бульон и чай пили из своеобразной посуды (*сайдохын'* — «чайная поварешка»; *қыгт*), сделанной из березового нароста, с глубокой черпательной частью овальной формы (11.7 см) и короткой (3 см) рукояткой ромбовидной или прямоугольной формы. Под влиянием русского народного быта кеты стали изготовлять чашки (*окс' тас'ки* — «деревянная чашка») наподобие небольших ковшичков. Они были круглой формы, глубокие, с плоским дном и прямыми стенками. На конце прямой плоской рукоятки просверливали отверстие для ремешка, с помощью которого охотник подвешивал чашку к поясу.

Ложки (*қыгт*) появились у кетов под влиянием русских. Их делали из дерева и рога. В некоторых семьях имелись особые ложки для детей (типа чайных). Ложки из рога (*көқтэ*) украшали резьбой (развилки, выемки) на рукоятке. В целом же самодельные ложки у кетов не получили широкого распространения, их заменяла посуда, из которой пили чай, бульон.

Для замешивания теста женщины пользовались особой ложкой — «веселкой» (*хабатын*, *хабутын*). Хабатын делали из березы, рога сохатого. Черпательная часть (9×8 см) ее круглая, овальная или неправильно четырехугольная, с отвесным передним краем. Длинная (более 30 см) рукоятка такой ложки была прямоугольной, плоской, более узкой в основании, расширяющейся в средней части или на конце (рис. 18, *1*).

Женщины готовили пищу, пользуясь обычным ножом, игравшим у кетов, как и у многих других сибирских народов, роль универсального орудия труда. Только для чистки мелкой рыбы имелись особые ножи (*хэнэ дон'* — «маленький нож»), с коротким (4 см) прямым широким клинком, лезвие которого скошено к концу. Рукоятка таких ножей была широкая, овальная.

Большое распространение у кетов получила утварь из бересты. Обработкой бересты (*қыj*) и изготовлением изделий из нее занимались женщины. Прежде чем придать бересте необходимую форму, ее очищали ножом от мха, наростов и тонкой кожицы. При из-

---

[51] Такие же отметки — «глаза» вещи — кеты делали на курительных трубках, спинках нарт, дверях чума и т. д.

[52] Хинь иногда использовали вместо шаманской колотушки — ею гадали, подбрасывая вверх (поварешка, упавшая тыльной стороной черпательной части вверх, означала отрицательный ответ; наоборот — положительный). Человек держал поварешку в руке, помахивая ею, проносил за спиной, ударял ею себя по ноге и т. д.

готовлении изделий из бересты использовали нитки из сухожилий и покупные (суровые), рыбий клей; основным орудием труда при этом являлся нож.

Более всего были распространены чуманы (*ыγт*) — низкие открытые короба, размер которых зависел от назначения. Изготовляли их, складывая определенным образом (сгибали в углах) прямоугольные листы бересты. Углы отгибали и прошивали. Для прочности по краям прокладывали полосы плотной бересты. Иногда с наружной стороны по краям прикрепляли черемуховый прут. Чуманы имели преимущественно прямоугольную форму, удлиненную или квадратную, реже круглую. Назначение этого вида утвари у кетов было самое различное: в них чистили и мыли рыбу, ими вычерпывали воду из лодок, из них умывались и кормили собак, в чуманах мыли детей и стирали, они служили чашкой для чая на привале. Были чуманы, употреблявшиеся длительное время (большие, из нескольких слоев бересты, заменявшие корыто), и временные сосуды, которые выбрасывали после использования. Последние изготовляли непосредственно перед употреблением: кусочек бересты складывали коробкой, углы закрепляли продетыми щепочками.[53]

Другой вид берестяной утвари — глубокие прямоугольные туеса (*ун'тај*) — был также широко распространен у кетов. Такие туеса имели различные размеры в зависимости от назначения, но форма и способ их изготовления были одинаковыми. Очищенный прямоугольный лист бересты складывали по поперечной линии, образуемые при этом углы отгибали и прошивали, сшивали и боковые края (один край заходил на другой). К верхнему краю для прочности прикрепляли кольцо из черемухи или тальника. В коробах хранили продукты (муку, порсу, ягоды), в них на лето складывали зимнюю обувь, детские игрушки, их брали с собой при сборе орехов, ягод. В этом случае их носили за спиной на пришитых ровдужных или матерчатых лямках. Небольшие короба подвешивали к сучкам остова чума на ременной или матерчатой петле. Короба, наполненные продуктами, сверху зашивали тканью или тонкой берестой, изредка делали специальные крышки.

В особых берестяных коробах с крышкой (*тојол*; русск. тойол) хранили чай, сахар и покупную чайную посуду. Для изготовления тойолов сначала сгибали обручи из черемухового дерева, затем их сушили. Из плотного слоя бересты потом вырезали круглое (или четырехугольное) дно (*дура*). Удлиненный прямоугольный кусок бересты, соединенный концами, образовывал стенки тойола (*қонтеј*). Стенки, как и дно, делали из двух слоев бересты. Нижний край наружного слоя стенок отгибали и прошивали нитками из сухожилий с дном. Далее ровно подрезали

[53] Эта посуда кетов сходна с берестяной посудой для временного пользования у охотничьих племен Американского Севера (Народы Америки, т. I, 1959, стр. 181).

выступающий край дна коробки. Крышка (*кул'ам*) была из двухслойного листа бересты с пришитым с нижней стороны черемуховым кольцом. Верхний край стенок для прочности обшивали черемуховой корой (*хокн*). Коробки украшали полосой (2 см) узорно вырезанной бересты (орнамент геометрический — треугольники, ломаные линии), пришитой по верхнему краю. Под полосу подкладывали ленту из яркой ткани, которая просматривалась в вырезах. Тойолы украшали также рисунком, выполненным охрой (*с'уутыс'*). Обычный орнамент — изображение оленьих рогов (*сел'коң*). Такие разрисованные коробки (*ириң тоjол*) из бересты часто упоминаются в кетском фольклоре. Чтобы рисунок не стерся, поверхность коробки сверху покрывали тонким слоем подогретого рыбьего клея и просушивали. Рыбьим клеем для прочности промазывали также швы (если пользовались суровыми нитками).[54]

Для хранения масла, сахара изготовляли тойолы (*қытатен тоjол*) с прямоугольным дном и четырьмя трапециевидными стенками. Сверху их покрывали крышкой из нескольких слоев бересты. С нижней стороны к крышке пришивали широкий ободок, который плотно охватывал снаружи верхний край тойола. Из бересты же изготовляли посуду для жира, напоминающую русские бочонки. Отверстие закрывали деревянной пробкой.

Покупную стеклянную посуду, чай, сахар хранили в круглых деревянных коробках с крышками — *бал'тиj* (диаметр 30×22 см, высота 10.7 см). Были, кроме того, мужские и женские коробки, где держали мелкие предметы. Коробки делали мужчины из кедра и березы. Сначала вытесывали тонкую дощечку (стенки), концы ее соединяли и склеивали рыбьим (осетровым) клеем. Заготовку оставляли сушить в зажимах (плоские палочки, попарно соединенные концами), затем к верхнему краю стенок изнутри приклеивали узкий ободок, выступающий над стенками, и вклеивали плоское дно. Дно, как и крышку, делали из кедра. На нижней стороне крышки был узкий венчик, прочно прилегающий к выступающему над верхним краем стенок ободку. Круглые коробки с наружной стороны иногда украшали рисунком, выполненным охрой. Орнамент был такой же, что и на берестяных тойолах, — изображение оленьих рогов.[55]

Коробки с посудой, продуктами, чуманы находились в хозяйственной части чума, слева и справа от входа; чтобы не разбить стеклянную посуду при перекочевках, в коробки укладывали

---

[54] Клей разогревали (растапливали) с помощью специального приспособления — *хиттын* («клея котел»). Хиттын представлял собой свернутую воронкой бересту, продетую на конец развильчатой палки, заостренной на нижнем конце. В воронку клали клей, и хиттын втыкали в землю поблизости от костра.

[55] Современные кеты осмысляют этот орнамент также как изображение остроги, опорных столбов с развилкой от вешал, на которых сушат рыбу.

березовую или черемуховую стружку — *тышық*. Стружка заменяла также полотенце, мочалку. Заготавливали ее ранней весной. Ровный ствол мерзлого еще дерева очищали от коры, а затем строгали. Стружку сушили и укладывали в коробки.

Широко распространены были у кетов всевозможные мешочки, сумочки из звериных и птичьих шкурок, рыбьей кожи. Назначение этих предметов домашнего обихода различное: в одних хранили запасы продуктов, в другие складывали одежду, их брали на однодневный промысел с пищей, использовали вместо кошелька и т. д.

Порсу, муку, сухое мясо, рыбу и другие продукты держали в непромокаемых мешочках из кожи налима.[56] Небольшие мешочки шили из кожи одной-двух рыб, для более крупных нужно было 6—7 налимов. Кожу снимали с крупных налимов от головы, подрезав на спине и животе. Ее сушили и разминали кулаком. Сшивали нитками из оленьих сухожилий. Мешочки из налимьей кожи имели расширяющуюся книзу, прямоугольную или полуовальную форму, широкую надставку из ровдуги по верхнему краю, которую стягивали вздержкой.

Кожу щуки, налима, тайменя, снятую чулком, использовали как сосуд для рыбьего жира. Перед употреблением ее надували и сушили, завязав отверстия.

Для сахара и чая шили мешочки овальной формы из шкурок с голов гагар (*биқнэ қојэнај*). На один мешочек шли шкурки с шести гагарьих голов. Шкурки предварительно сушили, смазывали отваром из рыбьих внутренностей для смягчения, разминали кулаком. Верхний край надставляли ровдугой и стягивали вздержкой. Мешочки украшали кисточками из цветной ткани, ровдуги.

В мешочках из снятой целиком шкурки гагары (*бит'ај*), надставленной ровдугой, мужчины держали спички, табак, пистоны и т. д. Гагара у кетов считалась священной шаманской птицей, мешочки из ее шкуры были принадлежностью мужчин. В такие же мешочки складывали подвески с шаманского костюма. В этом случае их никогда не опускали на землю, а затыкали за шесты остова с передней стороны чума, подвешивали на сучках и т. д.

Небольшие сумочки из шкурок с лап соболя, выдры, росомахи кеты называли «коготковыми» (*иныӈ ај*). Шкурки сшивали таким образом, чтобы внизу оказались специально оставленные когти животных. Мужчинам эти сумочки заменяли кошельки, женщины хранили в них украшения, бисер и другие предметы. Сумочки были закругленными внизу, с ровдужной надставкой по верхнему краю и вздержкой. Считалось, что «коготковые» сумочки помогают в охотничьем промысле (например, при охоте на соболя хорошо иметь при себе сумочку из шкурок с лап соболя).

---

[56] МАЭ, колл. 4034-129.

Имелись у кетов и мужские сумочки из шкурки с подбородка и ушей сохатого, дикого оленя. В таких сумочках (*ббт'aj*) охотник носил с собой необходимые ему на промысле мелкие предметы: огниво, кремень, спички, чай и т. д. Сумочки из шкурки с подбородка были двойными: в виде двух карманчиков с общим отверстием. К краям отверстия пришивали ровдужные завязки. Сумочки украшали бахромками из цветной материи или ровдуги по краям и вдоль линии сгиба. Охотник носил сумочку с собой, заложив одной половиной за пояс одежды.

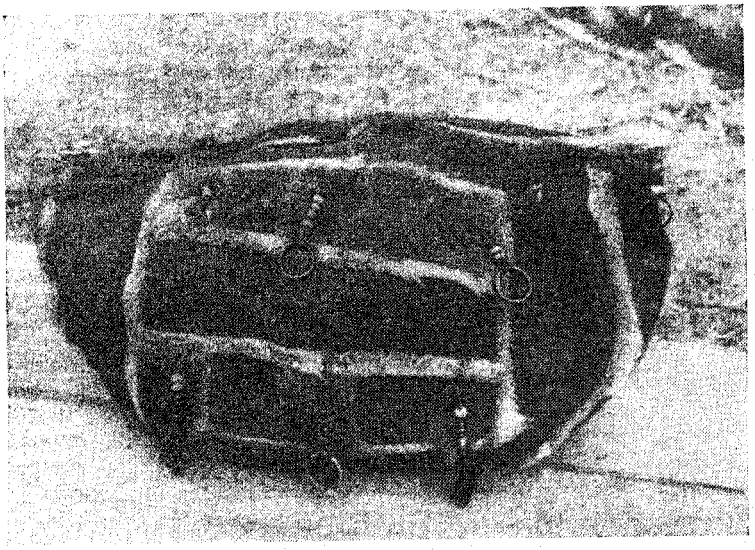

Рис. 19. Сумка для хранения мягких вещей.

Из шкурки с ушей лося, дикого оленя шили кисеты. Две шкурки в этом случае сшивали непосредственно краями или между ними вшивали узкую полоску ткани, ровдуги. Края в верхней части сшивали не до конца, так что заканчивался кисет двумя отверстиями, ниже которых его завязывали ровдужными ремешками.

Для детских игрушек (самодельных кукол) изготовляли мешочки из шкурок с утиных голов (*хунаŋaj*; *хун* — «дочь», «кукла», *aj* — «мешок»). Мешочки делали на матерчатой подкладке, верхний край стягивали вздержкой.

Характерной мягкой утварью кетов были сумки (*кąjγəj*) в форме вытянутого овала или полуовала, имеющие прямую линию верхнего края и отверстие в 0.5—0.25 его длины (рис. 19). Размеры сумок зависели от назначения. В небольших (40×28 см)

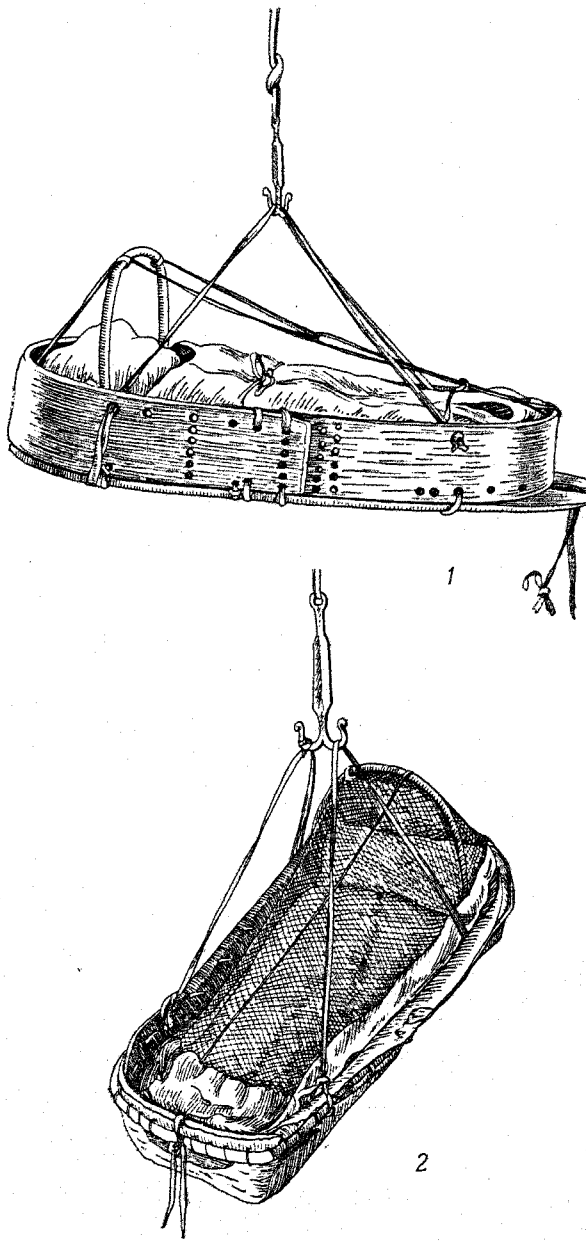

Рис. 20. Колыбель.

1 — деревянная; *2* — берестяная.

женщины держали предметы рукоделия (игольники, лоскутки, обрезки шкурок, нитки и т. д.), большие сумки (1 м×70 см) использовали для хранения одежды (нижней), головных платков. Шили мягкие сумки из ровдуги, цветного сукна. Переднюю сторону их составляли чередующиеся по цвету полосы, прямоугольники из оленьего камуса, цветного сукна. В швы между ними вшивали узкие полоски камуса. Вшивное дно делали из ровдуги или разноцветных суконных полос, тыльная сторона обычно была ровдужная или из темного сукна. Отверстие стягивали ровдужными завязками — *тӯӈ* (одна-две пары). На них иногда нанизывали бисер. Переднюю сторону сумки украшали аппликацией из узких полос цветной ткани в виде ломаных и пересекающихся линий, вышивкой подшейным волосом, а также короткими подвесками из нанизанного на ремешок бисера. Подвески заканчивались кольцом, крупной бусиной или кисточкой.

Встречались также сумки в форме неправильного четырехугольника с закругленными углами и отверстием в длину всего верхнего края.

Убранство жилища кетов составляли самые необходимые предметы: низкие столики для еды, колыбели, спальные принадлежности.

Столики — *л'ам'* (*лим'* — «доска») ставили только непосредственно перед едой, остальное время они помещались в хозяйственных уголках или вне жилого помещения. Столик представлял собой хорошо обструганную березовую доску прямоугольной формы (61×20.5 см) с двумя парами приклеенных рыбьим клеем низких (13 см) ножек. Каждая пара ножек была вырезана из одного куска дерева. Перед едой хозяйки скоблили ножом поверхность стола. За одним столиком ели 2—3 человека. Обычно в семье имелось несколько столиков. Женщины, подав пищу мужчинам, накрывали себе отдельно или ждали окончания трапезы мужчин. Мужчинам, гостям, старшим членам семьи столик ставили в передней (противоположной входу) части жилища, женщины ели на своих местах, слева и справа от двери.

Постельные принадлежности состояли из меховой подстилки (оленья шкура) и такого же одеяла (*усен'т'*), сшитого в виде мешка. Под голову свертывали парку, клали мягкие сумки или подушки из утиного, лебяжьего или гагарьего пуха — *тӯӈнас'* (*тоӯнас'*). Спальные места в летнее время (а иногда и зимой) отгораживали пологами из легкой материи — *холаӄ* (от русск. «полог»). Детские колыбели днем подвешивали к шестам (столбам) каркаса жилища, на ночь женщина ставила колыбель с ребенком рядом с собой.

Колыбели у кетов были двух видов: берестяные и деревянные (рис. 20). Берестяную колыбель (*ӄыj уй*) изготовляли женщины. Она считалась временной колыбелью. Первые 3—5 дней колыбель с новорожденным стояла на полу, подвешивать ее сразу запреща-

лось. По истечении этого срока колыбель подвешивали на ремне, но без специального крюка (*сул'*), употреблявшегося только при подвешивании колыбели из дерева. Крюки были из рога сохатого и железные, с раздвоенным и загнутым нижним концом. Крюки из рога украшали резьбой. Деревянную колыбель делали всегда мужчины. Колыбель из бересты предназначалась только одному ребенку, деревянная же, если все дети выживали, передавалась по наследству из поколения в поколение.

Берестяная колыбель представляла собой удлиненный овальный или прямоугольный короб из одного листа бересты с дугой из тальника в изголовье (для полога) и ремешками для подвешивания. Деревянная колыбель (*оқс'уй*) имела овальную форму, расширяющуюся в изголовье, плоское дно. Стенки колыбели состояли из двух согнутых досок, соединенных концами при помощи тонких ремешков, продетых через сквозные отверстия. Дужка и ремешки для подвешивания этой колыбели были такими же, как и у берестяной. В ногах к дну прикрепляли длинный ремешок с петлей на конце. В петлю женщина продевала ступню и, двигая ею, покачивала колыбель, в то время как руки оставались свободными. На дне колыбели помещали прямоугольный кусок бересты, согнутой совком. В него насыпали *тулақ* — сухую крошку гнилого березового дерева (впитывающее средство).[57] Уложив ребенка, сверху его покрывали берестой такой же формы. Последнюю связывали с нижней двумя парами ремешков, прикрепленных ко дну колыбели. Эти своеобразные берестяные пеленки закрывали ребенка по плечи. Если ребенок, для которого была изготовлена колыбель (берестяная или деревянная), умирал, ее оставляли около захоронения, предварительно сломав. Деревянную колыбель, если первый ребенок выжил, а второй умер, выбрасывали не целиком, а только ножную часть стенок и дно, стенки же, составляющие изголовье колыбели, оставляли и использовали при изготовлении колыбели для третьего ребенка. Если детей больше не было, эту часть все равно сохраняли. Не выбрасывали кеты и берестяную колыбель, ставшую ненужной после перемещения ребенка в деревянную колыбель. Сохранение колыбели кеты связывали с благополучием ребенка, для которого ее изготавливали.

* * *

Предметы домашнего быта кетов в конце XIX—начале XX в. были немногочисленны. Для них характерно отсутствие разнообразия форм и широкое использование естественного материала. Отметим также преобладание самодельных предметов домашнего

[57] Тулак никогда не давали чужеродцам: считалось, что нарушение этого запрета, отражавшего древние межродовые отношения, может неблагоприятно отразиться на здоровье детей.

обихода и слабое проникновение покупных. Простота изготовления, материала, небольшие размеры и вес утвари были удобны при перекочевках.

Предметы домашнего обихода, утварь однотипны у всех кетов. С древних времен, по-видимому, имела распространение посуда из бересты, дерева, рога. Архаичны по характеру материала и форме разнообразные мешочки, сумочки из рыбьей кожи, звериных и птичьих шкурок. Домашняя утварь кетов характерна для таежных охотников и рыболовов. Особенно близка она к утвари селькупов, хантов, манси, эвенков (Народы Сибири, 1956, стр. 586, 673, 720; Попов, 1958, стр. 52).

Как и в других разделах материальной культуры, при изучении утвари выявляются положительные знания, приспособленность и непосредственное использование народом природы.

ПИЩА

Пищу кетов в конце XIX—начале XX в. составляли в основном продукты, добытые и изготовленные ими самими. В характере пищи народа отражаются особенности его хозяйственной жизни. У кетов, таежных охотников и рыболовов, главную роль в питании играло мясо добываемых зверей и птиц, пойманная рыба. Немаловажное значение имели дикорастущие съедобные растения.

Основа пищи зимой — мясо крупных копытных животных, боровой дичи, большинства добываемых пушных животных (последнее свидетельствует о недостаточном количестве мяса крупных животных для удовлетворения потребности в пище). В течение лета кеты питались почти исключительно рыбой, только в конец его в рацион семьи входило мясо добытой линной дичи.

Кроме натуральных продуктов собственного хозяйства, кеты употребляли продукты, купленные у русских купцов. Главным покупным продуктом была мука. Чай, сахар, соль, крупа покупались в очень ограниченном количестве, так что существенного значения в питании большинства кетов не имели.

Наиболее важным и распространенным видом мясной пищи у кетов являлось мясо крупных животных — дикого оленя, лося, медведя.[58]

Но эта мясная пища была не постоянной и не у всех кетов. Семьи, не имевшие своих охотников, ели мясо лося, дикого оленя, медведя только от случая к случаю, получая его в качестве подарка от родстенников. В пищу использовали и мясо мелких животных:

---

[58] Важная роль охоты на крупных животных, мясо которых составляет основу пищи зимой, нашла свое отражение в фольклоре, а также в обычае считать юношу взрослым, способным быть отцом семейства, лишь с добычей первого лося, дикого оленя и т. д.

белки, бурундука, зайца, колонка.[59] Из боровой дичи ели мясо глухаря, тетерева, куропатки, рябчика. Из водоплавающей птицы кеты не били только лебедей; мясо разнообразных пород уток (гоголь, крохаль, чирок и т. д.) и гусей служило серьезным подспорьем в пищевом рационе.

Мясо кеты употребляли сырым, варили и жарили его, ели в мороженом и сухом виде. Использование в пищу сырого мяса и рыбы, свежей крови добытого животного бросалось в глаза русским, побывавшим у кетов. Некоторые из них (Степанов, 1835, стр. 64; Кривошапкин, 1865, стр. 131—132) смогли понять важность такой пищи как противоцинготного средства, другие (Семенов, 1919, стр. 95) подчеркивали лишь неэстетичность этого действия. В сыром виде кеты ели печень, почки, пили теплую кровь только что добытого животного. Свежие кровь и печень копытных животных считались лечебным питанием, их давали больным, детям. Лакомством был свежий желудок глухаря, сырой костный мозг (*қовэт*) копытных. Его выколачивали из разрубленных костей ручкой ножа. В сыром виде ели и внутреннее сало крупных животных. Мясо варили крупными кусками или целыми тушками (белка, колонок) в небольшом количестве слегка подсоленной или совсем несоленой воды.[60] Бульон получался темный и густой, так как мясо не промывали. Вареное мясо (*ыγын қыт*) и бульон (*кидāл' āл'*) подавали отдельно. Варили кеты и мясной суп (*угāл'*), заправленный мукой, добавляли в него луковицы сараны и т. д. Исключительно в вареном виде употребляли медвежатину (жарили на рожне лишь кусочки печени, почек, сало), но бульон из медвежьего мяса не ели. Из кишок медведя приготовляли лакомое блюдо (*кургыт'*): очищенные кишки промывали, разрезали на куски в 15—20 см, выворачивали, чтобы сало, покрывающее их, оказалось внутри, завязывали на концах жильными нитками и варили в котле. В вареном виде ели также сердце крупных животных, излюбленной пищей была вареная голова оленя, лося, медведя. Есть ее собирались все мужчины стойбища. Жарили мясо на рожнах (*кы'*) — заостренных палочках из березового дерева.[61] Мясо нарезали крупными кусками, нанизывали на ро-

---

[59] По свидетельству К. Доннера (Donner, 1933, стр. 35), в пищу шли и тушки крота. Не ели кеты лисиц, горностаев, росомах.

[60] Кеты в прошлом употребляли соль в очень небольшом количестве, ибо считали, что от соли кости человека становятся тяжелыми, и он теряет ловкость на охоте. Существовало выражение — «крепкие шаманские кости», равнозначное другому — «соленые шаманские кости». Представление об особом свойстве соли нашло отражение в обычае опускать в солевой раствор железное изделие при его ковке (Анучин, 1914, стр. 45). Представление о потере охотником гибкости, ловкости от употребления соли было характерно и для северных селькупов (Donner, 1933, стр. 34).

[61] Жарить мясо в посуде кеты стали под влиянием русских; в конце XIX—начале XX в. этот способ приготовления пищи еще не получил широкого распространения.

жон и ставили к огню с подветренной стороны. Рожон периодически поворачивали, пододвигали к огню или отставляли от него. Тушки уток, распластав, жарили на рожне целиком. Печень и почки жарили, нанизав небольшими кусочками, наподобие шашлыка. Жареное на рожне мясо (*дакӈис'*), как и вареное, являлось основной мясной пищей кетов.[62] В мороженом виде ели внутреннее сало дикого оленя, сохатого, костный мозг.

Заготовки мясных продуктов были незначительны, в основном мясо потреблялось непосредственно после добычи. Весной, когда удавалось убить большое количество диких оленей, сохатых, излишки мяса сушили. Сушили также мясо уток, боровой дичи, бурундука. Сушеное мясо (*мојін ӷыт*) размельчали на небольшие кусочки и хранили в берестяных коробах. Заготовленное мясо варили, ели в сухом виде. Сушили кеты и сало крупных копытных, медведя. Сало нарезали большими кусками, поддевали на рожны и закладывали за шесты. При употреблении сало разогревали. С осени заготавливали мороженое мясо: складывали добытую дичь на лабазы в тайге и брали по мере надобности. Весной мясо зарывали в ямы, вырытые в снегу. В небольшом количестве кеты заготавливали костный жир (*арингит*). Разрубив кости дикого оленя, сохатого, их долго варили. Всплывающий жир снимали и сливали в посуду. Выварив внутренности, заготавливали жир из дичи. Сало, костный жир и жир из дичи добавляли в пищу, ели с хлебом.

Рыбная пища наряду с мясной составляла основу питания кетов. С конца мая и до зимы кеты добывали свежую рыбу, зимой использовали заготовленные летом рыбные продукты. Свежую рыбу варили и жарили на рожнах.

Варили рыбу, нарезав крупными кусками. Рыбу и уху подавали отдельно. Преимущественно в вареном виде употребляли жирную рыбу: осетра, стерлядь, чира, пелядь, сига. Лакомством считали вареную рыбью печень, икру.

Из нарубленной мелкими кусками рыбы приготовляли котлеты (*telne*), жарили их на дне медных котлов, на разогретой поверхности печки из листового железа (Donner, 1933, стр. 35). Мелкую рыбу (ельца, сорогу) жарили на рожнах. Ее нанизывали горизонтально, по 7—10 штук на одном рожне. Окуней, язей жарили по одному на рожне, крупную рыбу (щуку, тайменя, сига) разрезали на куски. Готовую рыбу ели прямо с рожна. Зимой питались мороженой рыбой (*тыүэл'ис'*), очистив ее от шкуры и мелко нарубив ножом. Из мороженого сига, хариуса, чира, пеляди делали строганину. В мороженом виде ели печень налима, нарезанную

---

[62] Существовал ряд правил, связанных с жарением на рожне: после еды на рожне всегда оставляли немного пищи, очищая его лишь перед очередным использованием; рожон не оставляли в тайге воткнутым вертикально и т. д.

небольшими кусками. Жирную рыбу (чира, сига, пелядь) ели и в сыром виде, очистив от внутренностей и костей.

Кроме непосредственного употребления добытой рыбы, ее заготавливали впрок: хранили в мороженом виде на лабазах и в снежных ямах, приготовляли продукты. Рыбу, добытую летом, потрошили и хранили в ямах (*hextol*) глубиной до одного метра, укладывая рядами, между которыми прокладывали траву. Сверху закрывали берестой и засыпали землей (до уровня поверхности). В таких ямах рыбу (а также добытую в большом количестве линную дичь) сохраняли 7—10 дней. Под влиянием местных русских некоторые кеты научились солить рыбу, но она шла в основном не для собственного потребления, а для продажи (Donner, 1933, стр. 36—37).

Рыбные продукты на зиму заготавливали летом, во время массового котцового лова. Из мелкой рыбы готовили порсу (*дœл'*). Для этого рыбу слегка поджаривали на рожнах (их ставили до 200 шт.), а затем высыпали на берестяную тиску, помещенную на четырех столбиках над костром из сырых бревен. Просушенную и прокопченную рыбу толкли на тиске ребром одноручного весла, пока не получалась мелкая крошка, порса. Хранили ее в непромокаемых мешках из кожи налима, берестяных коробах. Зимой из порсы готовили густое варево (*қойдœл'аң*) типа каши, заправляли бульон. Порсу добавляли в муку при изготовлении лепешек. Заготавливали на зиму и сухую рыбу — юколу (*итн'*). На юколу шла щука, язь, крупный лещ. Рыбу распарывали, вынимали внутренности и, сделав ножом поперечные надрезы, в распластанном виде подвешивали на вешалах — *иγ* (столбы, соединенные горизонтальной перекладиной) — для просушки. Готовую юколу хранили в мешках и берестяных коробах. Сухую рыбу отвари вали, из нее готовили суп, заправленный мукой (*қатыс'угал'*). Размоченную юколу разогревали на рожне, ели в сухом виде. Небольшие запасы порсы и юколы охотники всегда брали с собой в тайгу на промысел.

Икру чира, пеляди сушили, а зимой размельчали и добавляли в муку при выпечке хлеба (*оңныңнан'*). Из жирной «красной» (осетр, стерлядь) и «белой» (чир, пелядь) рыбы приготавливали варку (*бал'га*). Варка считалась лакомством и была доступна не всем. Рыбу варили в котле (в небольшом количестве воды) до тех пор, пока не испарялась вся вода. После этого котел с рыбой держали еще некоторое время на небольшом огне. Затем рыбу размельчали, заливали жиром и складывали в посуду.

Широкое распространение у кетов получила заготовка рыбьего жира (*ис'тэ қыт'*). Рыбьи внутренности, мелкую рыбу складывали в котел и, добавив немного воды, варили длительное время. Поварешкой снимали сверху жир и сливали его в котелок; топили также и жир, снятый с внутренностей. Остывший жир сливали в своеобразные берестяные бочонки (*қоқтыj*). Для хранения

рыбьего жира использовали кишки налима. Зимой подмерзший жир разрезали вместе с «сосудом». Жир хранили также в особых мешках (*кас'пул'*) из кожи тайменя, щуки, налима, снятой чулком. Жир добавляли в отвар порсы, суп из сушеной рыбы, на нем жарили лепешки, пироги. Как лакомство ели подогретый жир с хлебом и т. д.

Растительная пища имела немаловажное, хотя и подсобное значение. Кеты собирали все съедобные дикорастущие ягоды — бруснику, клюкву, морошку, чернику, рябину, черемуху. Клюкву и бруснику собирали летом и ранней весной, под снегом. Свежих ягод ели мало, их больше использовали в качестве начинки, заготавливали на зиму. Бруснику хранили мороженой в больших берестяных коробах. Лакомством считалось своеобразное блюдо из толченых ягод, смешанных с рыбьим жиром. Излюбленными ягодами для этой цели были морошка и сушеная черемуха. Смесь из ягод с рыбьим жиром заготавливали впрок и хранили в берестяной посуде. Кедровые орехи собирали осенью, в период созревания шишек, но в большом количестве их не заготавливали. Грибов кеты не ели совсем. Весной, когда набухали почки на березах, собирали березовый сок (*ус'ул'* — «березы вода»). На деревьях топором делали зарубку в виде острого угла вершиной вниз. К стволу привязывали берестяные чуманы, куда стекал сок. Сок пили свежим, кипятили и добавляли в чай. Из березового сока с отваром травы (*сāс'*), растущей на болоте, изготовляли алкогольный напиток типа пива. Распространен у кетов был и сбор сараны (*коγ*). Собирали сарану мужчины и женщины в начале лета, когда на поверхности земли появлялись стрелки ростков. Для выкапывания сараны существовали специальные лопатки — палочки с утолщением на нижнем конце длиной до 75 см.[63] На зиму сарану сушили. Мучнистые ее луковицы очищали, а затем варили, пекли на рожнах, добавляли в мясной и рыбный суп, ели в сыром виде. Кетам был известен и сбор черемши (*татбул*), которую использовали в качестве приправы к рыбным и мясным блюдам. Ее собирали летом и хранили, посолив, в берестяных чуманах. Кроме того, кеты употребляли в пищу дикий чеснок, дикий лук, щавель. На зиму для заварки, заменявшей недоступный многим покупной чай, кеты собирали (2—3 мешка на семью) и сушили листья брусники, черники, смородины, сухой цвет иван-чая (*тон'мук сајдœн*), корень шипов-

---

[63] Возможно, такая лопаточка изображена среди других тамг кетоязычных ясачных людей Пумпокольской и Натской волостей Енисейского уезда XVII в. (Симченко, 1965, стр. 148). Специальные орудия для выкапывания съедобных корней растений существовали до недавнего времени у современного населения Саян (шорцев, качинцев, сагайцев, телеутов), а также представлены археологическими материалами с территории, входящей в ареал прежнего жительства кетоязычных групп (Дульзон, 1956).

ника.[64] Вместо чая заваривали растолченный березовый нарост, гриб чага (*кут'œт'*). Весной и летом кеты собирали еловую и кедровую кору. Заболонь еловой коры обдирали, сушили, а затем мелко толкли и, смешав с порсой и мукой, пекли лепешки. При отсутствии муки лепешки пекли только из порсы и размельченной коры. В голод заваривали размельченную кедровую кору, добавляя в нее расплавленную смолу.

Растительная пища (отвар березового нароста, смола, ягоды и т. д.) была основой питания беременных. Незначительная по количеству она играла тем не менее большую роль для витаминизации пищевого рациона. Широко использовали кеты различные травы, корни, кору, мох и другие дикорастущие в качестве лекарств.

За продуктами, прежде всего за мукой (*талэн*), кеты приезжали в русские поселки осенью, перед началом охотничьего сезона, на лето муку покупали во время ежегодных весенних ярмарок после окончания охоты. Перевозка муки при перекочевках, учитывая отсутствие или недостаточность оленей у большинства кетов, представляла значительную трудность. Частично запасы муки оставляли в свайных лабазах (*колиj*), расположенных в пределах постоянных охотничьих дорог. Трудности доставки, отсутствие у большинства кетов достаточного количества средств приводили к длительным (по нескольку месяцев) перебоям с хлебной пищей. В целях экономии муки в тесто почти всегда добавляли порсу, свежую рыбу, нарубленную мелкими кусками, тертую кору и т. д. Хлеб пекли в виде больших (20—30 см в диаметре) лепешек (*н'ан'*). Пресное крутое тесто замешивали в деревянном блюде, раскатывали лепешки на правом бедре. Пекли лепешки в горячем песке или золе, под углями остывающего костра. Готовую лепешку вынимали, очищали ножом от песка и золы и ставили на рожне допекаться к костру.

На летних стойбищах иногда строили глинобитные печи (*тэнгит*) для выпечки хлеба (рис. 21). Печи были сводчатые, с отверстиями на противоположных концах (сзади — для выхода дыма). Каркас их составляли гнутые прутья. Основанием служили 4 полена, сложенных прямоугольником. В середину между ними насыпали песок, клали слой глины. Хлеб пекли в горячей золе, образующейся в печи после сгорания дров. От дождя печи закрывали берестяной тиской. Пользовались ими семьи сообща. Похожие на кетские печи для хлеба имелись у хантов и манси (Соколова, 1963, стр. 216). Такого же рода печи иногда складывали из крупных камней (рис. 22).

У русских кеты научились печь пироги. Начинкой служила нарубленная рыба и мясо, тушки белок, ягоды. Сначала из пресного крутого теста раскатывали большую лепешку. В середину

[64] По свидетельству К. Доннера, селькупы стали использовать листья черники для заварки чая под влиянием кетов (Donner, 1933, стр. 40).

ее клали начинку, края лепешки соединяли. Оставшееся в центре небольшое отверстие закрывали дополнительным кусочком теста. Пирог, как и хлеб, закапывали под угли костра. После изготовления сначала снимали «крышку» пирога и съедали начинку, затем уже разрезали весь пирог на куски.

Рис. 21. Печь глинобитная.

С хлебопечением кеты, вероятно, были знакомы еще до переселения на Енисейский Север. Об этом свидетельствует общее у кетов и южных кетоязычных народов название муки — *талэн* (асанск. *тал'кан*, коттск. *'талган*; Дульзон, 1961а, стр. 173), близкое тюркскому *талкан*. Название хлеба у кетов (*н'ан'*) иранского происхождения, это слово вошло также в язык некоторых тюркоязычных, самодийскоязычных и угорских народов (см. также: Вайнштейн, 1951б, стр. 3).

Принятие пищи всякий раз сопровождалось чаепитием. Заваркой служили или покупной чай, или его заменители из дикорастущих.

Зимой для приготовления пищи пользовались снежной водой; ямы, из которых брали снег, назывались *tolol* (Donner, 1933, стр. 37).

Особой праздничной, а также обрядовой пищи кеты не имели. Праздником было уже само изобилие пищи. На празднествах,

устраиваемых перед началом охотничьего или рыболовного сезона, варили мясо первых добытых копытных животных, дичи, первой рыбы. Мясо ели, а суп выливали на священных местах, в реку. Традиционным блюдом на празднике по случаю добычи медведя считались сваренная голова медведя, кусочек от каждой части которой должны были попробовать все присутствующие мужчины. Свадьбы отличались лишь изобилием пищи.

Курили кеты покупной листовой табак (*сал'*). Его резали, а затем перетирали деревянными пестиками (*енул'*) в долбленых чашках-ступках (*салас*). Мелконарезанный табак использовали как нюхательный. Покупного табака всегда не хватало, поэтому в него добавляли крошку березового нароста (*бал'ба*).

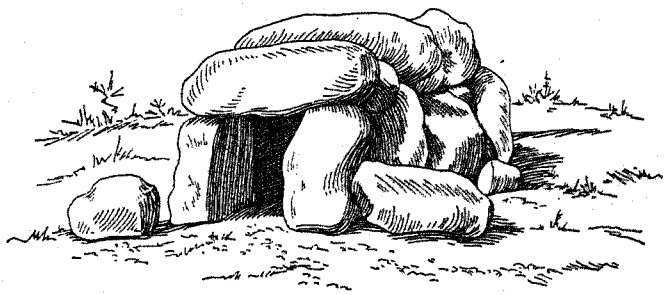

Рис. 22. Печь, сложенная из камней (МАЭ, колл. 1227-125).

Курили и мужчины, и женщины. Дети начинали курить рано: с 8—10 лет. Каждый человек имел свою трубку, иногда две: повседневную (носили с собой постоянно) и праздничную (из нее курили дома в свободное время). Женские трубки отличались от мужских большей длиной мундштука. Изготовляли трубки (*кан'с'а* — название, распространенное у многих сибирских народов) мужчины. Головку и чубук вырезали из одного куска березового наплыва (*хомэл'оқс'* — «мягкое дерево»), мундштук — из черемухи. Края головки и чубука оправляли медью, свинцом. На праздничных трубках оправа была фигурной: с зубцами, выступами по нижнему краю. На нижнем краю головки и чубука некоторых трубок имелась металлическая сквозная резьба, выполнявшая двойную функцию: была украшением и служила для выбивания трубки. Головку и чубук праздничных трубок инкрустировали свинцом, оловом: изображали духов, звезды, белок-летяг и т. д.[65]

Особый интерес представляют оригинальные кетские трубки, при изготовлении которых мастер использовал естественные формы дерева, напоминающие фигурки животных (медведя, собаки).

[65] МАЭ, колл. 1048. Собирательская опись В. И. Анучина. Современные кеты осмысляют эти изображения как «глаза» трубки.

Изготовляли такие трубки наиболее опытные мастера; вкус и наблюдательность, проявляющиеся здесь, позволяют отнести эти предметы к незаурядным произведениям кетского народного искусства.

Нюхательный табак хранили в небольших табакерках из дерева (*сал'ас'*), круглых, с плоской крышкой. Стенки коробочки украшали резьбой из ломаных линий. Курительный табак носили с собой в кисетах (*сал'aj*).

* * *

До начала XX в. основу пищи кетов составляли продукты их натурального хозяйства: мясо, рыба, съедобные дикорастущие. Сохранение однотипной промысловой хозяйственной деятельности вело к сохранению особенностей пищи кетов с древнейших времен до начала XX в. Низкий жизненный уровень народа не способствовал широкому проникновению покупных продуктов. Распространенные заменители муки, чая, широкое употребление в пищу мелких пушных животных свидетельствуют о постоянной нехватке продуктов, полуголодном существовании народа. Об этом же говорит бедность, неразвитость и однообразие ассортимента блюд. Способы приготовления мясной и рыбной пищи фактически были одинаковыми.

Под влиянием русских пищевой рацион кетов расширился: кеты научились печь пироги, варить суп, жарить мясо и рыбу в посуде с добавлением жира. Появился и новый способ консервации: соление рыбы, мяса, черемши. Эти нововведения коснулись прежде всего кетов, живших постоянно поблизости от русских поселков.

В некоторых особенностях пищи кетов усматриваются следы их древних историко-культурных связей. Отметим здесь употребление кетами сараны, характерное и для селькупов, а в прошлом для самоедоязычных (камасинцев, маторов) и кетоязычных племен Саяно-Алтая, а также для северных алтайцев (Потапов, 1953б, стр. 70). О южных этногенетических связях говорит и специфика мучной пищи (название хлеба, муки, особенности приготовления), знакомство с курением табака.

ОДЕЖДА

В конце XIX—начале XX в. наряду с покупной широко бытовала одежда специфического покроя из материала местного производства, изготовленная самими кетами. В одежде из покупных тканей сохранялись некоторые особенности традиционной одежды.[66]

[66] Специальных названий для мужской и женской одежды, обуви не было; к слову, обозначавшему вид одежды, добавляли определение — «мужская» (*хиʏэн*), «женская» (*ӈым'*).

Основной материал, из которого кеты изготовляли одежду,— шкуры оленя, лося, а также пушных животных (зайца, белки, росомахи, выдры, соболя) и частично птиц (гагары, лебедя). Из покупных тканей наибольшее распространение в конце XIX в. получило грубошерстное цветное сукно и хлопчатобумажные ткани — ситец, тик, даба и т. д. Беднейшая часть кетского населения в прошлом часто изготовляла верхнюю одежду из мешковины. Обрабатывали шкуры и шили одежду женщины.

Обработка шкур у кетов была сходна с таковой у соседних таежных жителей: эвенков, селькупов, хантов и манси (Прыткова, 1953). Она сводилась к двум основным процессам: соскабливанию мездры и размягчению.[67]

Меховую и ровдужную одежду и обувь кеты, как и другие охотничьи народы, шили нитками из оленьих и лосиных сухожилий (*хол'чей дœл'*), матерчатые изделия — покупными нитками.

Нижняя одежда[68]

Нижняя одежда в конце XIX—начале XX в.— это рубаха и штаны (табл. III). Мужская рубаха по покрою не отличалась от женской, одинаково было и название — *сојат* (от *сојан* — «ситец»), *қыс'кат* (кур. «русская одежда»). Шили рубахи из покупных хлопчатобумажных тканей (ситца, дабы, тика), однотонных и набивных. Мужчины в целом предпочитали более темные тона (излюбленный цвет — синий), но носили рубашки и с ярким рисунком. Кроили рубахи из одного полотнища, перегнутого по поперечной линии.

Кетская рубаха прямая, с прямым разрезом спереди и воротником стоечкой (табл. III, *2*). Рукава длинные, прямые, на манжете. Характерная ее особенность — наличие прямых поликов на плечах (*кентул'аң*) и ластовиц. Спереди и сзади у ворота, вдоль швов поликов и вокруг манжет имелись сборки. Мужская рубаха была длинной (72—87 см) и широкой (71—87 см). Носили ее навыпуск, без пояса. Женская рубаха отличалась от мужской тем, что ее надставляли полотнищем более плотной ткани иной расцветки, в результате чего она становилась похожей на кофту с юбкой, сшитые вместе (табл. III, *1*). Линия отреза проходила выше талии, вдоль нее юбку слегка присбаривали. Женская рубаха была длинной (до щиколоток), надевали ее под верхнюю распашную одежду.

[67] Подробное описание кетских орудий труда для обработки шкуры имеется у М. Ф. Кривошапкина (1865, стр. 167). Такого же типа орудия (скребки, мялки) были распространены у хантов (Прыткова, 1953, стр. 127—129).

[68] Чтобы не повторяться, приводим здесь названия частей, одинаковых в одежде разного вида: спинка — *қавэт*; полки (распашная одежда) — *хоэң* (*қоэң*); передок (глухая одежда) — *хэле*; подол — *хис'*; ворот (воротник) — *қоктэ*; рукава — *баңең* (*банна*); плечевая часть — *кентул'*; ластовицы — *холтыңај* (*колтыңај*); манжеты — *кунтип'*; клинья — *ен'*; завязки — *туңэң*.

Мужскую и женскую рубашку украшали узкими полосками цветной материи вдоль наплечных швов, по краю манжет, воротника и подола. Иногда стоечку воротника, полики и манжеты женской рубахи украшали аппликацией из полосок цветной материи в виде ломаных линий.

Рубаха являлась единственным видом нижней одежды кетов, она заменяла и белье, и платье. Женщина при мужчинах, особенно при свекре, не могла быть только в рубахе, она всегда сверху наде-

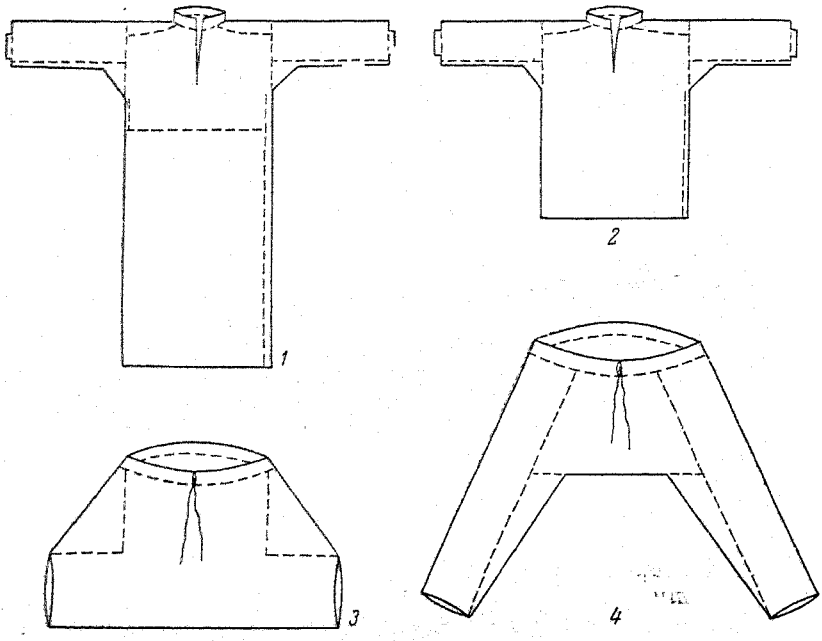

Табл. III. Нижняя одежда (покрой).

1 — рубаха женская; *2* — рубаха мужская; *3* — штаны женские; *4* — штаны мужские.

вала распашную одежду.[69] Однако в конце XIX в. (особенно в начале XX в.) женская рубаха у кетов все чаще начинает употребляться в качестве платья. Женщины стали носить ее летом без верхней одежды. Бельем служила обычно старая, изношенная рубаха, а новую надевали сверху. Переход к использованию рубахи вместо платья осуществился раньше всего у кетов, живших поблизости от русских поселков или в них самих. Об этом свидетельствуют данные Н. В. Латкина, относящиеся к последнему десятилетию XIX в.: «Костюм женщины, за немногим исключением, похож

[69] Строгий запрет показываться свекру или брату мужа без верхней одежды существовал у алтайцев (Потапов, 1951, стр. 27).

на мужской, только более обрусевшие остячки носят дабовые длинные рубахи с цветным верхом, с прошивкой на плечах. . .» (1892, стр. 132).

Усовершенствование мужской рубахи выразилось в появлении низкой кокетки. Вдоль линии отреза на рубахе делали сборки.

Кетской одежде близка рубаха хакасов-качинцев — *кӧгенек*, *урбака*, а также распространенная в XIX в. у якутов *урбахы* (два последних названия — от русск. «рубаха»).[70] Исследовательница хакасской народной одежды Ю. А. Шибаева отмечала такие черты сходства мужской рубахи качинцев и кетов, как наличие в той и другой прямых поликов, ластовиц, манжет, прямого разреза спереди и сборок у манжет и ворота (Шибаева, 1959, стр. 44). Отметим здесь также сходство в названии ластовиц в рубахе кетов (*холтыңај*, *колтыңај*), хакасов (*холты*, *халтыг*) и киргизов (*калтух*).[71] Ластовицы кеты вшивали и в пройму рукавов распашной одежды, существовавшей до появления рубахи (см. ниже). Название ластовиц, как и других частей, видимо, было перенесено на новую одежду — рубаху.

Штаны шили из оленьей шкуры мехом внутрь (зимние), из ровдуги и покупных тканей (дабы, тика). Мужские и женские штаны, различавшиеся по покрою, назывались одинаково — *алең* (мн. ч.). Такое же название поясной одежды было у кетоязычных коттов (*аˈланг*) и асанов (*алан*, *ˈаланг*; Дульзон, 1961а, стр. 159).

Мужские штаны кетов имели следующий покрой (табл. III, *4*): к средней части (*алең*, *кӧтˈ*), состоящей из перегнутого горизонтально полотнища (или сшитых внизу двух кусков материи), пришивали штанины (*албулˈ*) из перегнутых по вертикали полотнищ. Между штанинами внизу вшивали клинья (*алеңдјенˈ*) узким концом вниз. Пояс был на вздержке, разрез отсутствовал. Короткие (до колен) штаны такого покроя мужчины носили еще в конце XIX в. В конце XIX—начале XX в. у кетов появились мужские штаны, приближавшиеся по внешнему виду (более длинные и узкие) к русским, но сохранявшие специфику покроя.

Близки кетским по покрою мужские штаны среднеобских и сургутских хантов (Прыткова, 1953, стр. 169). Кетские мужские штаны по покрою сходны с так называемыми узкими штанами хакасов, мужской поясной одеждой алтайцев, башкиров и являются почти полной копией этой одежды киргизов.[72] Последнее особо интересно в связи с лингвистическими параллелями К. Боуды, который сравнивает общее для всех кетоязычных представителей

[70] Самодийскоязычные моторы называли платье, рубашку, как и хакасы-качинцы, *кӧгенек* (Potapov, 1957, стр. 83).

[71] Названия ластовиц у киргизов и хакасов взяты из работы Ю. А. Шибаевой (1959, стр. 45).

[72] Сравнительная таблица покроя нижней поясной одежды башкиров (Руденко, 1955, стр. 161), южных алтайцев (Потапов, 1951, стр. 13), хакасов-качинцев (МАЭ, колл. 5060-2) и киргизов (материалы Ю. А. Шибаевой) приведена в работе Ю. А. Шибаевой (1949, стр. 49).

название поясной одежды *ālen̨*, *ālaŋ* с киргизским *ala* («внутренняя часть штанов»; Bouda, 1957, стр. 75).

Специфическими элементом женской одежды кетов являлся пояс из бересты, который надевали в менструальный период. Такие же женские пояса существовали у туруханских селькупов (Donner, 1933, стр. 32). У хантов женщины носили особый пояс-повязку из бересты, кожи или стеганой ткани постоянно. Н. Ф. Прыткова считает эти пояса древним элементом женской одежды (1953, стр. 167—168), существовавшей до появления штанов.

Женские штаны были короткие, типа натазников (табл. III, *3*). Выкраивали их из одного прямого куска ровдуги или плотной ткани, перегнутой по горизонтали. Верхние углы при этом отгибали и пришивали или косо срезали и зашивали. Пояс, как и в мужских штанах, имел вздержку.

Короткие натазники из одного прямого куска кожи или ткани носили женщины у хантов (Прыткова, 1953, стр. 169). Сходна с женскими штанами кетов старинная поясная одежда тувинцев-тоджинцев (Вайнштейн, 1961, стр. 114, 117, рис. 109).

Особенность покроя мужских штанов (средняя часть из горизонтально перегнутого полотнища), как и женских, позволяет предположить, что когда-то мужские и женские штаны у кетов были одинаковыми и представляли собой архаическую форму нижней поясной одежды — короткие натазники, облегающие тело только в области таза.[73] Эта древняя форма сохранялась до начала XX в. в более консервативной женской одежде в виде коротких штанов, изготовлявшихся уже преимущественно из покупной ткани. Ноги при короткой поясной одежде были защищены наговицами (распространенный в прошлом элемент кетской одежды).

Верхняя одежда

Специфика традиционной верхней плечевой одежды кетов (как зимней, так и летней) заключалась в особенностях покроя стана (швы на плечах, отсутствие боковых продольных конструктивных швов), что было связано с изготовлением этой распашной одежды из одной целой шкуры, а также в запахе полок на левую сторону. Эти особенности меховой и ровдужной одежды сохранялись и в одежде из покупных тканей. Исключение представляла глухая меховая одежда, появившаяся у кетов под влиянием самодийскоязычных соседей.

Зимняя одежда. Зимняя меховая одежда кетов — парка (*qāt*, *хаγыт*, *иγам*) из оленьей шкуры. Короткая (выше колен)

---

[73] Об этом свидетельствует также описание одежды коттов XVIII в., сделанное Г. Ф. Миллером: штаны «заходят до половых частей или до колен и нигде не имеют разреза; их приходится затягивать и завязывать вокруг тела, как мешок» (Потапов, 1957, стр. 213).

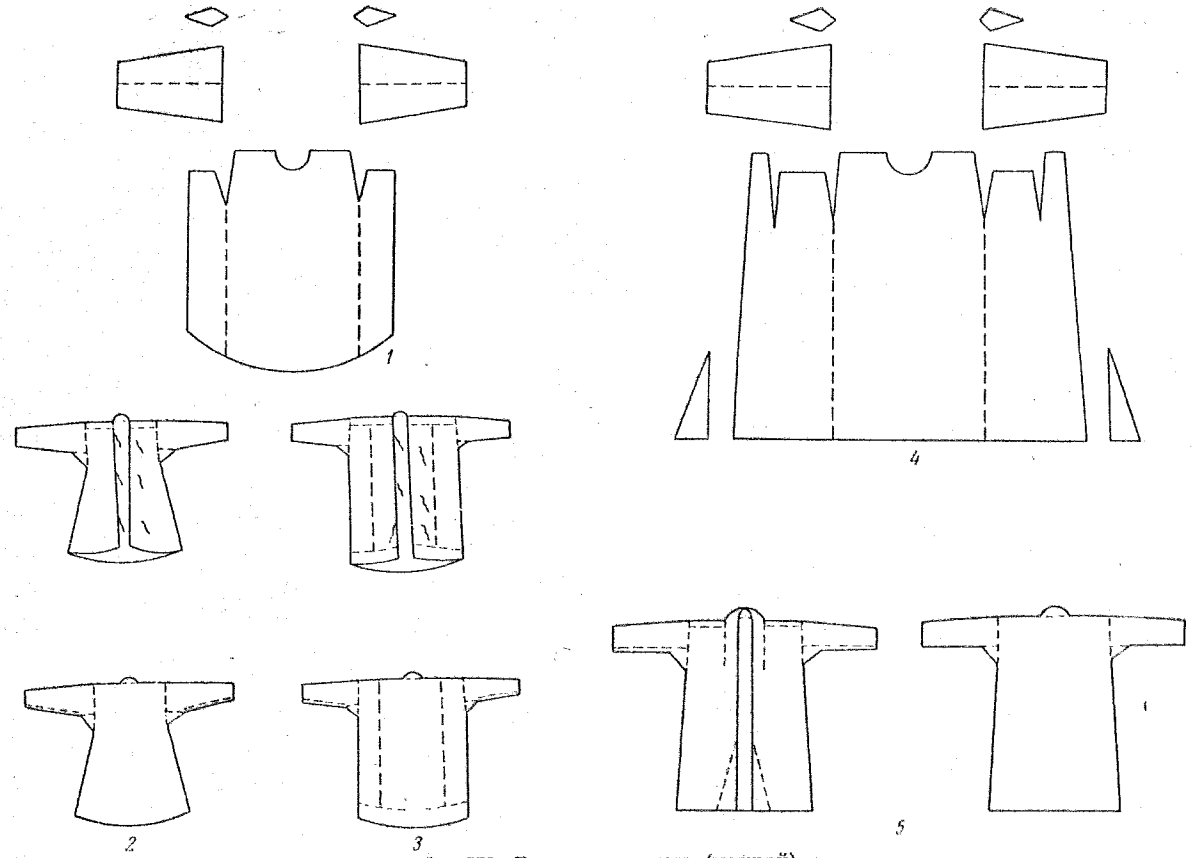

Табл. IV. Верхняя одежда (покрой).

1 — раскрой шкуры; *2* — парка мужская; *3* — парка женская; *4* — раскрой ткани; *5* — одежда из сукна (котлам).

парка была удобна при выслеживании зверя во время зимней охоты, когда кеты проходили десятки километров на лыжах.

Кетская меховая парка (табл. IV) распашная, прямоспинная, с прямым разрезом без продольных боковых швов, с запахом полок на левую сторону. На изготовление парки требовалось 1—1.5 дня. Кроили ее из одной целой оленьей «постели», предварительно обработанной. Спинная часть шкуры приходилась на спинку одежды, шкура с боков — на полки. К готовой парке пришивали ровдужные завязки, меховые рукавицы. Завязки (3—4 пары) на левой полке пришивали несколько отступив от края, на правой — по самому краю, это позволяло запахивать одежду на левую сторону. Если шкура была небольшой и парка оказывалась слишком узкой, в боках вшивали клинья. Их пришивали и к краю пол. Несмотря на это, нескладность, «мешкообразность» кетской меховой одежды бросалась в глаза (Латкин, 1892, стр. 132). По сообщению елогуйских кетов, под паркой в старину носили особый нагрудник из заячьих шкур. Парка из одной шкуры бытовала у всех кетов, носили ее мужчины и женщины. В начале XX в. ее носили преимущественно мужчины во время зимнего промысла. В конце XIX—начале XX в. у кетов наряду с одеждой из одной оленьей «постели» вошли в употребление парки, кроенные из двух и большего количества шкур. Принцип покроя одежды при этом не изменился. У оленных кетов в конце XIX в. распространился новый вид женской парки из нескольких шкур. Такие парки шили прилегающими в талии, расклешенными, с отложным воротником. Эту длинную (до щиколоток) теплую одежду женщины надевали при переездах на оленях. У курейских кетов в конце XIX в. бытовала меховая парка — *хэмгэ қāт* (эвенкийская парка), появившаяся под влиянием эвенков. Парка курейских кетов утратила характерные особенности покроя (как и отмеченный новый вид женской парки), связанные с изготовлением из одной оленьей шкуры.

Пакулинские и курейские кеты до XX в. называли парку *қāт* (русск. кат). У других групп ее называли *хаγыт* (русск. хагыт) и *иγам* (русск. игам), *иγэм*.

Слово *қāт* (мн ч. *кар'аң*) употреблялось также в значении «одежда» вообще. Курейские кеты, например, еще в наши дни называют женскую рубаху-платье *қыс'қāт* (русская одежда). Подкаменнотунгусские кеты словом *қāт* назвали зимнюю одежду на подкладке из заячьих шкур — *бесем* (Долгих, 1934, стр. 119). К. Доннер записал у кетов еще одно значение слова *қāт* — «шкура» (Donner, 1955, стр. 83). Словом *қар'*, *қар'ол'* в фольклоре называется волосатая шкура сверхъестественных существ; людям (*қынэрең* — «чистые люди») противопоставляются покрытые шерстью лесные люди — *қадэтэ дең*. Близко кетскому *қāт* коттское *hei*, *hêi*, в значении «меховая одежда» (Klaproth, 1823, стр. 175). Другое название парки у кетов, записанное М. А. Ка-

стреном (Castren, 1858, стр. 161) — *îgam*, *îam* — и сохранявшееся у курейских кетов до XX в., производно от *î* (кожа). К. Боуда сравнивает это кетское слово с киргизским *ī* — «выделанная кожа» (Bouda, 1957, стр. 76). Третье наименование парки — *хаγыт*, возможно, связано с энецким названием меховой распашной одежды — *fagge* (Castren, 1855, стр. 257).

Одинакова с кетской паркой распашная меховая одежда селькупов (*порух*, *порк*), от названия которой, по-видимому, и происходит слово «парка». Впервые сходство кетской и селькупской парки отметил Г. Н. Прокофьев (1928, стр. 101). В. Г. Богораз, используя материалы последнего, подчеркивал неискусность изготовления селькупской парки, ее плохую приспособленность к холоду (1928а, стр. 4). Парка бытовала у северных (тазовских и туруханских) селькупов до начала XX в. Это была прямая распашная одежда, специфические особенности которой (отсутствие боковых конструктивных швов и запах на левую сторону) находят прямые аналогии в парке кетов. Отмеченные В. Г. Богоразом «неискусность и мешковатость» селькупской парки, особенности покроя, когда грудь оставалась открытой, и были вызваны аналогичным кетскому способом изготовления этой одежды из одной шкуры. Характерно, что название «парка», *porkъ* — общее древнесамодийское название распашной одежды (Прокофьев, 1940, стр. 72), а отсутствие боковых продольных конструктивных швов — общесамодийская особенность. Эта особенность сохраняется до настоящего времени в верхней одежде селькупов, проявляется в нижней плечевой одежде энцев и нганасанов, прослеживается в пережиточных формах в ненецкой одежде.[74] Запах на левую сторону характерен также для ненецкой меховой распашной одежды (*паны*).

У восточных хантов в конце XIX—начале XX в. бытовала распашная мужская промысловая (а в прошлом повседневная) одежда — *колэг*. Кроили ее из одной целой шкуры оленя, без боковых швов. Цельношкурная одежда без клиньев и с прямоугольными клиньями, вшитыми в подол спинки (парка с незапахивающимися полками), сохранялась среди всех таежных эвенков до XX в. (Василевич, 1962, стр. 112).

Другой вид зимней кетской одежды — *бесем* (*бес'* — «заяц») — стеганая одежда с матерчатым верхом на подкладке из заячьих шкур. Бесем надевали старики и женщины, оставшиеся в землянке, чуме, а также охотники, вернувшиеся из тайги. Длинные полы одежды закрывали ноги при сидении в помещении. По покрою бесем не отличался от парки. Обработанные заячьи шкурки (на бесем взрослого шло 16—20 шкурок) сначала сшивали в одно полотнище, а затем кроили так же, как это делали при изготовле-

[74] По данным Н. Ф. Прытковой.

нии парки из одной целой шкуры. Из полотнища плотной бумажной материи (черной или синей дабы, тика) по поперечной нити выкраивали верх бесема, тоже без боковых швов, затем простегивали. Бесем шили длинным (женский — до щиколоток, мужской — ниже колен), полы запахивали на левую сторону, завязывали тремя-четырьмя парами ровдужных завязок.

У баишенских (туруханских) селькупов отмечена сходная по покрою с кетской одежда с матерчатым верхом, простеганная с меховым подкладом (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 229). Оба вида распашной зимней одежды (парка и одежда на меховом подкладе) имели широкое распространение у кетов в конце XIX—начале XX в.

Глухая одежда — сокуй (*соγуй*), малица (*мал'се*) — была распространена значительно меньше. Совсем не знали ее пешие подкаменнотунгусские кеты, в других группах глухую одежду носили в семьях, имевших значительное количество оленей и совершавших перекочевки только на оленях. Глухую одежду надевали лишь мужчины. Немногие женщины умели шить такую одежду, чаще ее покупали, выменивали у северных соседей — самодийских народов.

Сокуй — глухая одежда мехом наружу, расширяющаяся книзу; отличительная особенность ее — крой спинки вместе с затылочной частью капюшона. На сокуй шли три оленьи «постели». Из первой выкраивали спинку вместе с затылочной частью (*с'укл'*) капюшона; вторая шкура составляла перед одежды, из третьей выкраивали рукава и полосу, пришивавшуюся к подолу (*соγуй хис'*). Чтобы сделать одежду расклешенной, по бокам вставляли клинья. В пройму рукава вшивали ластовицы, к краям рукавов наглухо прикрепляли рукавицы из камуса. К затылочной части капюшона пришивали полосу, приходящуюся на темя и бока головы, а к краю — полосу меха, окаймляющую лицо. Капюшон стягивали вздержкой.

Другой вид глухой одежды (малица) встречался у кетов еще реже. Малицу шили мехом внутрь, она отличалась от сокуя пришивным капюшоном и меньшей (до колен) длиной. На малицу надевали матерчатую рубаху — чехол со стоячим воротником из бумажной ткани.

Кетская глухая одежда не отличалась по покрою и названию от таковой у самодийскоязычных соседей — селькупов, ненцев (Народы Сибири, 1956, стр. 622; Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 227).

Летняя одежда кетов. Она, как и парка, была распашная, с прямым разрезом, без боковых швов (табл. IV, *4*, *5*). Полки запахивали на левую сторону и завязывали ровдужными ремешками. Носили эту одежду мужчины и женщины. Мужская одежда достигала колен, женская — щиколоток. Шили летнюю одежду из ровдуги, сукна, мешковины. В зависимости от материала ее

называли *хэлтам* (*хэлэт* — «ровдуга»), *қотлам*, *хотрам* (*қотл'*, *хотер* — «сукно»), *холос қāт* (букв. «холщовая одежда»).

Ровдужная одежда (хэлтам) к концу XIX в. уже выходила из употребления, но прежде была широко распространена. На изготовление ее шла одна обработанная шкура. Кроили ее так же, как и меховую парку. Ровдужную одежду окрашивали отваром ольховой или лиственничной коры. По данным А. П. Степанова (1835, стр. 77), с ровдужной одеждой женщины носили нагрудники.[75]

Наиболее распространенная верхняя летняя одежда кетов в конце XIX—начале XX в.— котлам. Покрой мужского и женского котлама был одинаков. Цвета разные. Мужчины предпочитали темные (черный, темно-синий, зеленый), женщины — более яркие (красный, фиолетовый, желтый). При изготовлении котлама полотнище кроили таким же способом, что и оленью шкуру. Рукава шили с ластовицами или без них, к полам для более глубокого запаха пришивали узкие клинья. Запахивали котлам, как и другую одежду, справа налево. Завязок к полкам, как правило, не пришивали. Глубокий запах и пояс (см. ниже) не давали полам расходиться. Котлам иногда надевали зимой поверх парки, в этом случае его шили более широким.

У селькупов бытовала близкая кетской верхняя летняя одежда. Верхнетазовские селькупы до наших дней сохранили воспоминание о ровдужной и суконной одежде, не отличавшейся по покрою от меховой парки из одной шкуры. А парка из одной шкуры у кетов и селькупов была одинаковой. К. Боуда (Bouda, 1957, стр. 71) отмечал сходство кетского названия сукна (*qoter*, *қotl*) с селькупским (*kāter*). Эвенки с бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок и все эвены шили из ровдуги и сукна одежду, повторяющую своим покроем цельношкурную парку без клиньев и с прямоугольными клиньями на подоле спинки. Носили ее мужчины и женщины (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 230).

Пояса. Зимнюю и летнюю распашную одежду кеты носили низко подпоясавшись (пояс — *кут*), с пазухой. Женщины подвязывали одежду длинными (до 3 м) и широкими (20 см) поясами из красной бумажной материи. Обертывались ими несколько раз, концы завязывали и закладывали за пояс. Во время работы длинные полы котлама, бесема заправляли за пояс и высвобождали правую руку, спуская одежду с плеча. Мужские пояса были более короткими (87—90 см) и узкими (7—10 см). Делали их из сукна или плотной ткани, концы закругляли. Застегивали про-

[75] Данные А. П. Степанова дополняются отмеченным выше сообщением елогуйских кетов о нагруднике из заячьих шкур, который носили с паркой. В распашной одежде из одной шкуры (меховой, ровдужной) полки на груди не сходились, так что существование такого ее элемента, как нагрудник, вполне допустимо.

резными или воздушными петлями на медные пуговицы. Пояса по краю окаймляли цветной бейкой и украшали вышивкой подшейным волосом оленя, бисером, аппликацией из узких полос материи. Вышивка покупными нитками белого цвета, бисером повторяла орнамент, исполненный подшейным волосом. Наиболее распространен был характерный для кетов вильчатый (по В. И. Анучину, фаллический) орнамент, а также орнамент, осмысляемый кетами как изображение оленьих рогов (Анучин, 1914, стр. 37—39, 81). Аппликация имела вид ломаных и пересекающихся линий. На промысле поверх парки мужчины и женщины надевали особый пояс (тоже *кут*) из лосиной кожи.[76] Он представлял собой узкий ремешок с костяной застежкой (Д. *ись*) — запястье лося — на одном конце и железным кольцом (Д. *ильтин*) на другом; застежку продевали в прорезь ремешка (Д. *кангин*) и закрепляли поперечно в кольце (см. также раздел о снаряжении охотника). Мужчины иногда надевали через правое плечо перевязь из сукна, сплошь зашитую цветным бисером, медными пуговицами. К ней подвешивали кисет. Перевязи такого рода не получили широкого распространения у кетов, их считали предметом роскоши.

Похожие на кетские женские пояса употреблялись хакасами таежных районов (кызыльцами, бельтирами, сагайцами) и северными алтайцами. Название пояса у кетов (*кут*) восходит к общетюркскому корню (ср.: якутск. и алт. *кур*, хак. *хур*; Шибаева, 1959, стр. 100). Близко этим названиям и селькупское *ки* («пояс», Castren, 1855, стр. 230).[77] У хантов женщины носили пояса, аналогичные кетским мужским: матерчатые с подкладкой, украшенные снаружи цветным бисером (Прыткова, 1953, стр. 196, рис. 77).

Украшение одежды. Для одежды кетов было характерно украшение ее аппликацией из узких полос цветной ткани, тесьмы. Украшали одежду также обшивкой из меховых полос и полос плотной материи, зашитой цветным бисером. Мужскую парку не украшали. К женской парке (из нескольких шкур) вдоль наплечного шва иногда пришивали по две полосочки цветной материи. Глухую мужскую одежду (сокуй) украшали кисточками (*кус'пыл'аң*) из цветной (красной) материи или меха (две на груди и четыре на спинке). Края полок и подол ровдужной одежды окаймляли полосой охры. Женскую одежду из ровдуги вдоль полок обшивали меховой полосой (*сиүол'аң*) из лапок колонка. Использование полос из меха и лап белки, колонка, росомахи, выдры, соболя, а также с ног выпоротка лося особенно характерно для украшения мужской и женской одежды на меховом подкладе (бесем). Украшением женского бесема служили также заменившие ровдужные завязки крупные медные и костяные пуговицы

[76] МАЭ, колл. 4919-13.

[77] Ср. также: моторск. *кура* — «веревка» (Potapov, 1957, стр. 60).

(*хол'тэн*) и петли из ремешков с нанизанными бусами. Петли и пуговицы прикрепляли не к полкам, а к ровдужным завязкам, сохранявшимся на одежде. На плечах, вдоль пройм рукавов и по вороту женского бесема пришивали узкие полоски цветной материи (*кэнтул'аң*). Обычным было сочетание красного и белого цветов. Аппликация вдоль наплечных швов в виде узких цветных полосок более всего характерна для суконной одежды (котлама). Края пол, подола, рукавов этой одежды обшивали плотной материей. В женском котламе аппликацией иногда украшали также подол и полы. Одежда из цветного сукна с яркими нашивками на плечах выделяла кетов среди прочего коренного населения Туруханского Севера.

* * *

По классификации Историко-этнографического атласа Сибири (раздел «Верхняя одежда», составленный Н. Ф. Прытковой), кетская распашная одежда относится к так называемому енисейскому типу. Основным признаком его является стан из одной целой шкуры со швами на плечах. Этот тип одежды является специфически сибирским и представляет собой наиболее древнюю форму одежды охотников и рыболовов.

Отсутствие боковых продольных конструктивных швов характерно для распашной одежды народов самодийской группы. Кроме кетов и самодийскоязычных народов, одежда из одной шкуры имелась у восточных хантов. Близкая по покрою одежда, но с узкими, несходящимися полками свойственна некоторым группам эвенков (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 237—239).

Однотипность — одна из характерных черт распашной одежды кетов. Признавая однотипность распашной одежды, восходящей к парке из одной целой шкуры, необходимо уточнить выдвинутое С. И. Вайнштейном предположение, что одни формы кетской одежды (суконный котлам и стеганый с подкладом бесем) южного происхождения и связаны с влиянием степных кочевников, а другие (парка из одной шкуры — хагыт) местного происхождения, представляющие собой наследие аборигенного населения таежной зоны (Вайнштейн, 1951б, стр. 67).

Распашная одежда со станом из одной целой шкуры является, по-видимому, древней, изначальной одеждой предков кетов и связана с компонентом древнейшего аборигенного населения таежной зоны, принявшим участие в их этногенезе. Название парки, равнозначное понятию «шкура» (кат, игам), вероятно, уходит в глубокую древность использования человеком шкуры в качестве одежды.[78] Употребление слова *кат* в значении «одежда»

[78] Очень интересно в этом плане юкагирское название — *хар* («шкура»; Крейнович, 1958, стр. 237; ср. также: *кар'* — волосатая шкура лесных людей в кетском фольклоре). Отметим здесь, что юкагирские названия одежды

(вообще) может означать, что меховая парка из одной шкуры когда-то была единственной одеждой. Собственное название имела только парка (кат, хагыт), наименования другой распашной одежды производны от материала, из которого ее изготовляли. Все остальные виды кетской распашной одежды (ровдужная, стеганая на меховом подкладе, суконная) повторяли своим покроем одежду из одной целой шкуры и представляли собой дальнейшее развитие и усовершенствование последней (ластовицы, клинья, свободный выбор длины).

В сравнительной таблице кетских, коттских, аринских и асанских названий, составленной Клапротом на основании дневниковых записей Мессершмидта, в графе «Платье» приведено кетское *chotram* (котлам,— *Е. А.*), т. е. одежда из сукна. Этому кетскому названию соответствует асанское *hejaŋ*, коттское *hei* и аринское *khai*. Но два первых в этом же списке и в словаре М. А. Кастрена выступают и в значении «меховая одежда» (Klaproth, 1823, стр. 175; Castren, 1858, стр. 249). Основываясь на этой терминологии, можно предположить, что и у южных кетоязычных народов меховая одежда предшествовала любой другой.

Суконная одежда, однотипная парке из одной целой шкуры, появилась, по-видимому, в период южного расселения кетов и их контакта с самодийскоязычными народами до переселения последних на север (сходство в покрое суконной одежды и названия сукна у селькупов и кетов, существование суконной одежды у южных кетоязычных народов), а также с тюркоязычными народами (ластовицы и сходство их названия у кетов, киргизов, хакасов; использование пояса с распашной одеждой и близость его названия с алтайским, хакасским, якутским). Следы влияния южносибирских и центральноазиатских народов, проявляющиеся в деталях распашной одежды кетов (котлам, бесем) и позволяющие говорить о времени бытования этой одежды в прошлом, не снимают генетической общности ее с одеждой из одной целой шкуры. Главным признаком остается покрой одежды, свидетельствующий об однотипности и преемственности всей распашной одежды у кетов.

Заимствование глухой одежды у самодийскоязычных соседей не подлежит сомнению. Достаточно сослаться на самодийские названия этой одежды, вошедшие в кетский язык почти без изменения (ср.: сельк. *соккы*, ненецк. *мальця*). Слабое распространение глухой одежды и обусловленность ее использования транспортным оленеводством говорят о позднем ее появлении у кетов в условиях Енисейского Севера.

Рубаха у кетов появилась, по-видимому, под влиянием русской народной одежды. Об этом свидетельствует, помимо покроя,

---

мабил, *сукун* (в том же списке Е. А. Крейновича) — близки названиям глухой одежды (малица, сокуй), заимствованной кетами у самодийцев.

описательное название женской рубахи, сохранившееся до наших дней у курейских кетов,— *ӷыс'кāт* (букв. «русская одежда»). Общераспространенное у кетов название рубахи — *сојат*, производное от *сојан* (ситец), также позволяет говорить о позднем появлении у них этой одежды.[79] Кеты сохранили воспоминание о том периоде, когда не было иной одежды, кроме распашной, употреблявшейся в конце XIX—начале XX в. уже в качестве верхней. В легендах и преданиях встречаются упоминания лишь о распашной одежде.

Архаичность покроя нижней поясной одежды кетов, отмеченные лингвистические и этнографические параллели говорят о древнем происхождении данного элемента одежды и о южных этнических связях кетов.

Обувь

Обувь у кетов, как и одежда, не отличалась многообразием. Покрой женской и мужской обуви был одинаков. Зимнюю и летнюю обувь называли *тэсиӈ* (мн. ч.; к наименованию летней обуви добавляли определение *хэлэт* — «ровдуга»).[80] В словаре М. А. Кастрена приведено название *sâgdi* в значении «сапоги» (Castren, 1858, стр. 255). Какая обувь имелась при этом в виду, пока остается неясным.

Зимнюю обувь кеты шили из камуса и сукна. Она состояла из подошвы (*касат*), головки (*тэс'ӷыј*, *тэс'*) и голенища (*кинеӈ*). Подошва и головка были камусные, голенище — суконное. К краю голенищ (спереди) пришивали завязки (или петлю), с помощью которых обувь прикрепляли к поясу (*аланҭ*), тонкому ровдужному ремешку, надеваемому поверх штанов (ср. название пояса и нижней поясной одежды — *алеӈ*). На заднике также имелись завязки, укреплявшие обувь в подъеме (табл. V, *1*).

По раскрою подошвы зимняя кетская обувь составляет вариант западносибирского типа башмаковидной обуви (Василевич, 1963, стр. 48). Обувь этого варианта, с надподошвенной частью из головки и голенища, была характерна также для селькупов, хантов, манси, шорцев, телеутов, тувинцев, алтайцев-кумандинцев. Косой срез голенища составлял специфику обуви народов Саяно-Алтая (Василевич, 1963, стр. 48, 59—60). Особенность кетской обуви этого типа — высокая (до середины голени) головка.

Другой вид зимней обуви, сшитой целиком из камусов, появился у кетов в конце XIX в. и широкого распространения не получил. Эту обувь называли *сасеүын тэсиӈ* — «камусная обувь», *хэмгэ тэсиӈ* — «эвенкийская обувь» (кур. кеты), «бакари» (табл. V, *4*).

---

[79] *Сојан*, возможно, трансформированное с русского «ситец». Так же (*сојат*) кеты называли и покупные головные платки.

[80] Курейские кеты называли зимнюю обувь *хул'гум*.

Камусная обувь (вариант западносибирского типа башмаковидной обуви из камуса) характерна для ненцев, хантов и манси (оленных), энцев и долганов (Василевич, 1963, стр. 50). Особенность кетской обуви этого типа — короткое (до колена) голенище с прямым краем на вздержке (в женской обуви).

С зимней обувью кеты носили чулки — *бул'ол'т* (у кетоязычных асанов, коттов, аринов XVIII в. записаны названия, близкие кетским: *по'леджан*, *п'олечанг*; Дульзон, 1961а, стр. 188). Они были из тонкой оленьей шкуры (стриженым мехом внутрь), суконные, шерстяные (Долгих, 1934, стр. 119) или холщовые; последние носили и с летней обувью — черками (Кривошапкин, 1865, стр. 126). Чулки у кетов имели сходство с летней ровдужной обувью; их основные части (подошва, голенище с вшивным носком) сшивали нитками из оленьих сухожилий (табл. V, *2*). Длина чулок достигала колен или середины голени. Курейские кеты называли чулки *докторанҷ* (эвенк. *дэктэн*) и шили их длинными или совсем короткими, наподобие домашних тапочек (*пакул'каҷ* — «пакульки»). Суконные чулки с клином, образующим подъем, были известны телеутам (Потапов, 1951, стр. 41); меховые чулки носили ненцы, тувинцы-тоджинцы (Вайнштейн, 1961, стр. 122); войлочные чулки — народы степных зон Южной Сибири (Василевич, 1963, стр. 53).

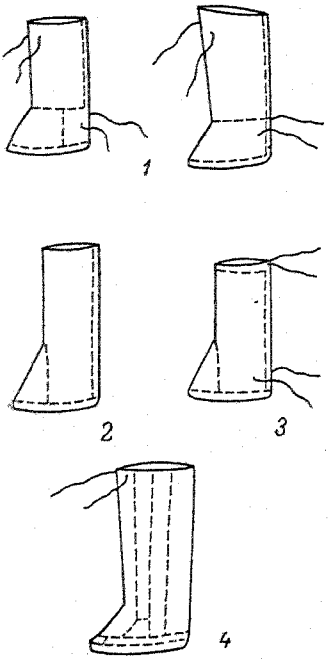

Табл. V. Обувь (покрой).

1 — зимняя обувь с камусной головкой; *2* — чулки; *3* — летняя обувь; *4* — зимняя обувь из камусов.

Зимой ноги обматывали сухой болотной травой (*хомдӕҷ*), тальниковой корой (*тагдӕҷ*). Эту же траву использовали в качестве стелек (*копдӕҷ*) в летней обуви.

Применение травы вместо стелек и для обертывания ступни было характерно для селькупов, ненцев, эвенков, хантов, манси, охотников хакасов и т. д.

Летнюю обувь кеты шили из ровдуги (*хэлэт тэсиҷ*) и кожи (черки). Ровдужная обувь состояла из выкроенной мягкой подошвы (*касарет*), голенища (*кутбинэ*) и вставленного в него носка с острым верхним углом (*элос*). Голенища доходили до середины голени и имели вздержку по прямому верхнему краю. На щиколотке пришивались завязки (табл. V, *3*). Этот тип летней обуви был распространен у всех кетов. Помимо обуви с кроеной подошвой,

у кетов (курейских) бытовала обувь такого же покроя, но с подошвой в виде поршня (подошву выкраивали больше очертаний ступни, при сшивании с голенищем собирали сборками на носке и пятке). У курейских кетов, кроме того, имелась летняя обувь иного покроя, называемая «эвенкийской» (*хэмгэ хэлэтэн тэсиң*). Она состояла из подошвы в виде поршня и прямого голенища, пришитого непосредственно к подошве. Голенища были составные, передняя часть называлась *тэс'датэп*, задняя —*тэсесапқоллог*.

Ровдужная обувь с кроеной подошвой (или подошвой-поршнем) и пришитым к ней голенищем с носком распространялась у охотничьих народов — эвенков, эвенов, у тунгусоязычных народов Нижнего Приамурья, встречалась у селькупов, северных хантов и манси, хакасов, тофаларов и якутов-оленеводов (Василевич, 1963, стр. 57). Специфика кетской ровдужной обуви — вздержка по прямому краю голенища, а также шов сверху по наложенному куску ровдуги.[81] По характеру швов кеты отличали свою ровдужную обувь от обуви такого же покроя у соседних с ними селькупов и эвенков.

Из литературных источников известно о бытовании у кетов в конце XIX—начале XX в. короткой легкой обуви — черков (Кривошапкин, 1865, стр. 126; Долгих, 1934, стр. 119). Носили их мужчины и женщины с холщовыми и суконными чулками. Черки были распространены среди всего русского населения тайги, а также у хантов, манси, селькупов, алтайцев-кумандинцев, шорцев, телеутов.

Еще в начале XX в. у кетов существовала своеобразная архаическая обувь — *ул'тэсиң* (*ул'* — «вода») из шкуры гагары, снятой чулком. Надевали ее в дождливую погоду на ровдужную обувь, чтобы предохранить последнюю от промокания. Отверстия на месте отрезанных крыльев зашивали, отверстие, в которое продевали ногу (срез на шее), надставляли по краю полоской ровдуги и стягивали вздержкой.

Широкое распространение получили ноговицы (*кинең*), заменявшие штанины. М. Ф. Кривошапкин (1965, стр. 126) упоминает суконные длинные ноговицы, надеваемые мужчинами зимой. Ноговицы сохранялись до начала XX в., их носили с короткой женской обувью зимой и летом для защиты голени и половины бедра. Зимние ноговицы шили из камусов, сукна, летние — из ровдуги. Существовали и комбинированные ноговицы: передок их составляли две камусные полосы, остальную часть — ровдуга, сукно. Верхний край был косо срезан, спереди к краю пришивали петлю для крепления к поясу (*алант*), в нижней части ноговиц

[81] Вздержкой оканчивалось голенище и в ровдужной обуви подкаменнотунгусских эвенков. Она была характерна для обуви чукчей и коряков (Василевич, 1963, стр. 20, 60).

имелись ровдужные ремешки, завязывавшиеся вокруг ноги. Нижним краем ноговицы заходили под верхний край обуви. Ноговицы известны многим тунгусоязычным народам. Их добавляли к короткой (до щиколоток) обуви (Василевич, 1963, стр. 42).

Ниже колен поверх суконных голенищ зимней обуви мужчины надевали характерные подвязки (*тојунаң, омэл'аң*) — полоски материи (длиной 23—27 см) в форме вытянутого овала (суконные или из плотной ткани) с длинными завязками, заканчивающимися ровдужными кисточками. Обвязывали их вокруг ноги кисточками вперед. Подвязки обшивали по краям цветными бейками, украшали аппликацией из узких полосок материи (прямые, ломаные, пересекающиеся линии), вышивкой подшейным волосом, бисером — вильчатый орнамент (по данным В. И. Анучина, фаллического характера; 1914, стр. 38). На завязки нанизывали цветной бисер, мелкие бусы. Такие же подвязки (*noter*) носили туруханские селькупы (Donner, 1933, стр. 29). Подвязки из цветного ситца или шерстяной материи с длинными тесемками отмечены у телеутов (Потапов, 1951, стр. 42).

Зимняя обувь кетов с камусной головкой и суконными голенищами представляет собой как бы черок (головка, пришитая к подошве) и ноговицы, соединенные вместе. До конца XIX в. у кетов самостоятельно бытовали черки из кожи и ноговицы из ровдуги, камуса, сукна. Ноговицы и голенища в обуви с камусной головкой имеют одно и то же название — *кинең*.[82] Название зимней обуви с пришивными голенищами происходит от названия головки — *тэс'*. По-видимому, обуви из комбинированного материала предшествовала короткая обувь типа черка. Обувь такого покроя была распространена преимущественно среди рыболовческо-охотничьего населения и, согласно Г. М. Василевич (1963, стр. 58), ведет свое начало от древнейших охотников-рыболовов Верхнего Приобья и Верхнего Приенисейя, принявших участие в этногенезе хантов, манси, селькупов и некоторых народов Саяно-Алтайского нагорья. К этому же компоненту, вошедшему в состав предков кетов, возможно, восходит и кетская обувь с камусной головкой. Все это позволяет говорить об этой обуви кетов, как о древней, исконной форме.

Летняя ровдужная кетская обувь (подошва и голенище с вшитым носком) также, видимо, древнего происхождения. Обувь с носком, вставленным в голенище, имела широкое распространение у охотничьих народов. По предположению Г. М. Василевич, такая обувь была характерна для древнейших охотников Северной Азии, участвовавших, в частности, в формировании тунгусоязычных, обско-угорских групп и некоторых народов Саяно-Алтая (там же, стр. 57). Эта обувь могла отражать древние связи

[82] В летней ровдужной обуви название голенищ иное — *кутбинэ*.

предков кетов с таежными пешими охотниками, этническая принадлежность которых неизвестна.

Другой вид летней ровдужной обуви (подошва-поршень и голенище с носком), известный части кетов, безусловно связан с эвенками. Локализация такой обуви у курейских кетов говорит о позднем характере этих связей (в условиях уже современного расселения). Эвенкийского происхождения и отмеченная у курейских кетов ровдужная обувь с подошвой и голенищем, сшитыми вместе без дополнительных частей.

Поздние связи с самодийскими народами (энцами, ненцами) отражает появившаяся у кетов камусная обувь с союзками (там же, стр. 59).

Интересны и некоторые детали кетской обуви. Косо срезанный верхний край ноговиц, голенища (мужская обувь курейских кетов), возможно, свидетельствует о южном происхождении и знакомстве с верховой ездой (на что указывают особенности обуви ненцев, северных хантов и манси). Согласно Г. М. Василевич, обувь с косо срезанным верхом голенища характерна для скотоводов-коневодов, а с прямо срезанным голенищем — для охотников и рыболовов (там же).[83]

С южными традициями, по всей вероятности, связано бытование у кетов чулок, известных южным кетоязычным и саяно-алтайским народам, а также своеобразных подколенных подвязок. Отсутствие подъема в зимней обуви курейских кетов объясняется влиянием северных соседей. Эта особенность характерна только для обуви нганасанов и энцев (там же).

Головные уборы

Сведения о головных уборах кетов конца XIX—начала XX в. очень немногочисленны. А. П. Степанов дает описание своеобразного женского головного убора: «На голове у них шапочка из сукна или из китайки с беличьими, колонковыми прошвами и с утвержденною головкою тех же зверьков спереди, с расправленными ушками вверх» (1835, стр. 77). Это же описание почти дословно повторил М. Ф. Кривошапкин (1865, стр. 126). Н. В. Латкин упоминает о зимней мужской шапке из беличьих шкур (1892, стр. 132).

Сведения этих авторов не позволяют представить характер кетских головных уборов. Известно, что наиболее распространен-

---

[83] Лингвистические и фольклорные данные позволяют говорить о знакомстве предков кетов с коневодством, которое у них возникло, по-видимому, в результате контактных отношений с тюркоязычными племенами коневодов в период проникновения последних на Саяны. Об этом говорит, в частности, общность в названии мастей лошадей у коттов (*tor*, *ala*, *car*, *bosarar*; Castren, 1858, стр. 249), тувинцев (Русско-тувинский словарь, 1953, стр. 52, 77, 106, 382) и моторов (Potapov, 1957, стр. 79).

ным головным убором кетов в конце XIX—начале XX в. был покупной платок — *cojam* (*cyjam*). Носили его как мужчины, так и женщины зимой и летом, складывая по диагонали, концы завязывали под подбородком. Летом мужчины и женщины использовали платок в качестве налобной повязки, свернув его продольно, завязав концы на затылке. Но платок распространился у кетов скорее всего под влиянием русских и вошел в употребление сравнительно поздно (XVII в.). В то же время в кетском языке и языках родственных им коттов, аринов, асанов существовало общее название головного убора — *ды*ʻ (коттск. *ти*, аринск. *теу*, асанск. *ʻколты*; Дульзон, 1961а, стр. 188).[84] Этим словом, употреблявшимся самостоятельно в значении «затылок», кеты называли и русскую шапку-ушанку, и заимствованный у эвенков капор.

Наличие термина *ды*ʻ свидетельствует о существовании у кетов в прошлом специфического головного убора. Каков он был, можно лишь предполагать. Так, елогуйские кеты сохранили до наших дней воспоминание о головном уборе — *сел'дэды*ʻ (оленья шапка), который представлял собой шкуру с головы оленя, лося, снятую чулком. Шапки из целой шкуры теленка-выпоротка сохранялись у кетов до XX в. в качестве детского головного убора (см. ниже). Возможно, этот архаичный головной убор и был наиболее распространенным у кетов в далеком прошлом. Может быть, головному убору из целой шкуры с головы животного и обязаны своим происхождением капорообразные головные уборы из птичьих шкурок и шкурок мелких животных, оленьих лбов. О таких головных уборах сообщали подкаменнотунгусские кеты. Покрой этих капоров неизвестен. В Историко-этнографическом атласе Сибири (1961, стр. 331) опубликован мужской кетский капор из трех меховых частей: продольной, покрывающей темя и затылок, и двух боковых, защищавших щеки и уши. У курейских кетов в конце XIX—начале XX в. имели распространение капорообразные головные уборы эвенкийского типа из пыжика или выделанной оленьей шкуры, матерчатые на меховом подкладе. Капор состоял из полуовальной затылочной части (*сукул'*) и широкой, облегающей всю голову центральной части (*хатэт*), надставленной по лицевому краю меховой полосой. Завязывали головной убор под подбородком ровдужными завязками. Согласно Н. Ф. Прытковой, этот тип капора, характерный для западных эвенков, в конце XIX в. уже вышел у них из употребления, но сохранился, кроме кетов, у восточных хантов, баишенских селькупов, долганов, ненцев, нганасанов, т. е. у народов, соседящих с эвенками (там же, стр. 238). Головной убор из трех частей также был рас-

[84] К. Боуда (Bouda, 1957, стр. 70) сравнивает кетское и коттское названия головного убора (*dy'e*, *te*, *ti*) с энецким (*taji*). Такое сходство могло возникнуть в условиях южного расселения предков современных кетов и энцев.

пространен у народов, исторически связанных с тунгусами (там же, стр. 336, 338). Скорее всего собственно кетским головным убором можно считать капор, представлявший собой целую шкуру с головы оленя, лося.

Поверх легкого платка во время зимнего промысла мужчины надевали своеобразный налобник (*кэнут*), представлявший собой связку плотно нанизанных (собранных в долевом направлении) на ремешке беличьих хвостов. Концы ремешков завязывали на затылке. Кэнут надевали низко на лоб, он защищал лицо от ветра, а глаза от яркого блеска снега. Из соседящих с кетами северных народов подобные повязки-налобники были и у некоторых групп хантов, но на голову они надевали их скорее как исключение, обычно же связки из 80—100 беличьих хвостов носили на шее (Прыткова, 1953, стр. 166). Эвенки также носили на голове беличьи боа (*вачи*), которые у восточных групп превратились в широкий воротник (устное сообщение Г. М. Василевич). Нашейники из нанизанных беличьих хвостов были известны якутам (*мойтурук*). Охотники сагайцы, бельтиры и койбалы носили на промысле особый воротник (*мунчар*) из шкурок с ног дикой козы и из лисьего меха (сагайцы) для защиты одежды от снега (Шибаева, 1959, стр. 98). А. П. Окладников отмечал близость якутского мойтурука с нашейниками у степных народов: койбалов, сагайцев (1955, стр. 253). Ю. А. Шибаева, также подчеркивая сходство этого элемента одежды у названных выше народов, делает вывод, что нашейник — деталь костюма таежно-охотничьего, а не степного, кочевничьего (1959, стр. 99). Подтверждением этого положения можно считать существование подобной одежды у хантов и кетов. Название налобника у кетов (*кэнут*) близко к слову *kentul* — «плечо» (Castren, 1858, стр. 253). Возможно, это является свидетельством использования его в прошлом в качестве нашейника.[85]

Прическа. В старинной прическе кетов отражалось семейное положение человека. Мужчины, холостые парни и девушки заплетали волосы в одну косу, замужние женщины носили всегда две косы, вдовы в течение определенного периода времени ходили с распущенными волосами. В конце XIX—начале XX в. у мужчин вошло в обычай стричь волосы в кружок, оставляя длину до плеч. Накосные украшения у кетов также различались в зависимости от семейного положения. Мужчины, парни и девушки вплетали в косы своеобразное украшение — *думс'ут* (Д. *думусь*), представлявшее собой ровдужную полоску с тремя тонкими ремешками на конце (общая длина до 30 см). На ремешки нанизывали мелкие бусы.[86] Женщины носили так называемый *тыдаң* (*тыр'аң*,

[85] Об этом же говорит и запись Н. К. Каргера, доставившего предмет в МАЭ: в описи сказано «боа из беличьих хвостов». Информаторы-кеты, с которыми работал Н. К. Каргер, по-видимому, помнили об употреблении кэнута в качестве нашейника.

[86] МАЭ, колл. 4919-30.

тыгыр'аң — «затылочная веревка») — полосу (14—16 см) ровдуги (плотной ткани) с двумя длинными (57—65 см) узкими ремешками на концах. Полоску и ремешки расшивали бисером (орнамент вильчатый, геометрический), на концы ремешков подвешивали кольца, ровдужные кисточки. Несколько выше концов ремешки соединяли узкой ровдужной перемычкой, также украшенной бисером. Полоска приходилась на затылок женщины, концы, до перемычки, вплетали в косы, далее они свободно свисали. Если бисера не было, вплетали украшение из цветной ткани.[87]

Следы различия, отражающие семейное положение, зафиксированы Л. П. Потаповым в женских накосных украшениях алтайцев, шорцев (Потапов, 1951, стр. 44, 45). Алтайские мальчики-подростки и мужчины носили на затылке косичку с вплетенным в нее украшением (там же, стр. 25, рис. 41, б). У хакасов женщины заплетали волосы в две косы, а мужчины в одну (Шибаева, 1959, стр. 76). Из северных соседей сходное с кетским затылочное украшение зафиксировано у хантов. Оно было непременной составной частью так называемых ложных кос, широко распространенных в прошлом у хантов, ненцев (Прыткова, 1953, стр. 162, 206—207).

Украшением у кетов служили покупные кольца (*тоγол'*), бусы (*кон'*), серьги (*охтынаң*), но ввиду бедности народа широкого распространения они не имели. К. Доннер (со слов кета И. Дибикова) отметил своеобразный обычай продевать серьгу в мочку правого уха мальчика, если у него умирала мать (Donner, 1933, стр. 32).[88]

Рукавицы

Рукавицы (*боқ*, *боγын*) кеты или наглухо пришивали к краям рукавов меховой одежды, или носили отдельно. Мужские и женские рукавицы по покрою не различались. Шили их из лобной шкуры оленя, камусов; изредка ладонная часть вшивалась наружу кожаной стороной, а тыльная — меховой. Тыльная сторона (*боγт қавэт*) иногда целиком была из шкуры с уха лося. Ладонную часть (*боγонтис'*) выкраивали вместе с внутренней частью пальца. Наружную сторону его сшивали из трех клинышков (елогуйские кеты) или кроили из отдельного кусочка. Для высвобождения руки в наглухо пришитой рукавице под пальцем делали поперечный разрез. Его закрывали клапаном из плотной ткани или меха, вшитым в нижнюю часть ладонной стороны. Если рукавицы носили отдельно, не пришивая к рукавам, то

---

[87] По словам одной старой елогуйской кетки, представители определенной родовой группы имели в прошлом специфический орнамент на накосных украшениях. Девушка, выходя замуж, получала такое украшение от матери мужа, а затем передавала его своим невесткам.

[88] Ср. с обычаем мужчин качинцев носить серьгу в одном ухе, известным древним и средневековым тюркам и монголам (Потапов, 1957, стр. 190).

по краю их надставляли полоской ровдуги или материи и стягивали вздержкой. Клапан и край рукавиц (со стороны ладони) обшивали цветным (обычно черным) сукном и украшали аппликацией (крестообразные полоски цветной материи). Осенью и весной носили рукавицы из ровдуги. Их окрашивали отваром ольховой коры.

Детская одежда

Специальной детской одежды у кетов в конце XIX в. не было. Новорожденного заворачивали в одеяльце из выделанной заячьей шкурки или шкурки выпоротка, которые заготавливали до появления ребенка на свет. Сразу же после рождения ему шили рубашку (*cojam*), бесем, обувь (*тэсиң*). Рубашки детей отличались от подобной одежды взрослых отсутствием поликов, ластовиц, манжет. Они были прямыми, с прямым разрезом спереди, без воротника или с небольшим стоячим воротничком, с длинными прямыми рукавами. Мальчикам и девочкам шили рубашки одинаковой длины (ниже колен). Штаны надевали детям 5—6-летнего возраста. Шили их из ровдуги или материи. По покрою они не отличались от поясной одежды взрослых, но сзади имелся продольный разрез. Бесем надевали на детей, когда они начинали ходить (рис. 23). До этого изготовленный в первые дни после рождения ребенка бесем использовали вместо одеяла. По покрою детский бесем не отличался от взрослого. Его также украшали аппликацией вдоль наплечных швов. Края рукавов, подола и полок обшивали цветным кантом. На спинку детского бесема пришивали обереги — зашитые в четырехугольные мешочки клочки собачьей шерсти, медные подвески, зубы лося, оленя. Пяти-шестилетние дети носили зимой глухую одежду — малицу. Шили ее из одной «постели», похожей на парку. Боковых швов не имелось; шов проходил лишь спереди, посредине. Капюшон пришивали; чаще всего это была шкурка с головы теленка-выпоротка, употреблявшаяся и в качестве самостоятельного головного убора. Детская малица не получила у кетов широкого распространения. Появилась она, по-видимому, под влиянием соседнего населения, в частности селькупов. В покрое детской глухой одежды сохранялись традиции распашной одежды из одной целой шкуры (шов спереди, отсутствие боковых швов). Одновременно с бесемом ребенку надевали первую обувь из тонкой (летней) оленьей шкуры, мехом внутрь. Детская обувь не отличалась по покрою от летней ровдужной обуви взрослых, но имела длинные голенища. Бесем и меховую обувь дети до 5 лет носили летом и зимой. Детям постарше летнюю обувь шили из ровдуги, а зимнюю — с камусной головкой и суконными голенищами. Передком головки в зимней детской обуви часто служила шкурка с уха лося, оленя. Детям также шили камусную обувь с союзкой.

Головной убор делали из целой шкурки с головы теленка-выпоротка, надставляя лицевой край полоской меха. Прорезь глаз зашивали цветной тряпочкой, уши оставляли. Завязывали головной убор под подбородком ровдужными ремешками. Детские капорообразные головные уборы шили из пыжика, плотной ткани (летние). По покрою они не отличались от капоров взрослых (эвенкийского типа), только сзади были пришиты две кисточки из цветной материи (на том месте, где в головном уборе из шкурки с головы теленка находились уши).

В собраниях МАЭ (колл. 1048-48) имеется экземпляр капорообразного головного убора мальчика, доставленный в 1906 г. Он состоит из трех частей: широкой поперечной, закрывающей большую часть головы, полуовальной теменной и неширокой полосы вдоль лицевого края. Первая часть сшита из трех беличьих шкурок на ситцевом подкладе, остальные — из сукна. Головной убор завязывался под подбородком ровдужными завязками; около завязок для защиты шеи пришивали «ушки» — небольшие кусочки оленьего меха.

По данным собирателя коллекции В. И. Анучина, такие головные уборы носили только мальчики, широкого распространения они не имели. С одеждой ребенка кеты связывали представление о его душе. Бесем называли *атпэд* — термин, употреблявшийся в значении «душа». Кеты никогда не отдавали и не продавали одежду ребенка.

Специальной праздничной, обрядовой и производственной одежды у кетов не было; повседневная обычная одежда являлась основной и единственной.[89] Исключение представляла глухая одежда (сокуй, малица), появившаяся у кетов вместе с транспортным оленеводством и бытовавшая как дорожная.

* * *

Исконной одеждой предков кетов являлась цельношкурная, так называемая обернутая одежда. Именно такой была сохранявшаяся с древних времен распашная парка (кат, хагыт). Развитие ее шло по линии использования нового материала, некоторого усовершенствования (введение ластовиц, клиньев, пояса, большая длина) при сохранении особенностей покроя (отсутствие продольных конструктивных боковых швов). Такова была и распашная одежда из ровдуги (хэлтам), на меховом подкладе (бесем), суконная (котлам). Возникновение этой одежды, по-видимому, относится к периоду саяно-алтайского расселения предков кетов и их контактных отношений с тюркоязычными и самодийскоязыч-

[89] Шаманская одежда рассматривается в разделе религиозных верований. Отметим здесь только, что для парки шамана, как и для любой распашной кетской одежды, характерно отсутствие боковых продольных конструктивных швов.

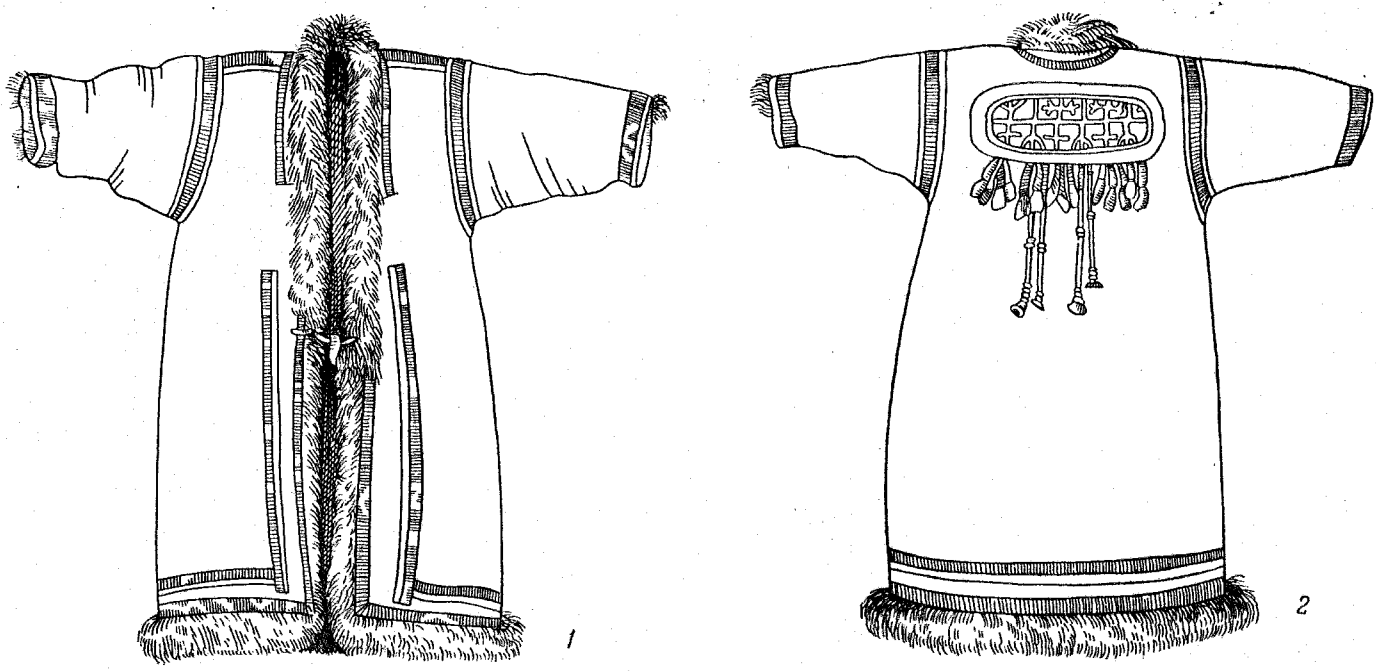

Рис. 23. Детская одежда на меховом подкладе — бесем.

1 — вид спереди; *2* — вид сзади.

ными народами (до переселения последних на север). Под влиянием русской, селькупской и эвенкийской одежды у отдельных групп кетов в конце XIX в. появляется более усовершенствованная меховая одежда (парка, одежда на подкладе), скроенная в талию, с отложным воротником. Наряду с новыми видами распашной одежды в конце XIX—начале XX в. сохраняется цельношкурная парка преимущественно в качестве промысловой мужской одежды. Единственной нижней одеждой (до появления рубахи) оставались короткие натазники. В конце XIX в. архаичная форма натазников бытует лишь в женской поясной одежде, мужские штаны уже усовершенствованы и по внешнему виду приблизились к русским. Рубаха связана с влиянием русской народной одежды. С появлением рубахи парка и другие виды одежды выступают уже в качестве верхней. Женская рубаха, являвшаяся сначала исключительно нательной, постепенно используется как платье. Глухая одежда (сокуй, малица) у кетов позднего происхождения и связана с транспортным оленеводством, заимствованным у северных самодийских народов.

Исконной кетской обувью следует считать короткие черки и ровдужную обувь с кроеной подошвой; голень и бедра при коротких натазниках закрывали чулками или ноговицами. Черки и ноговицы, сшитые вместе, сохранялись в качестве зимней обуви. В бытовавшей у кетов в конце XIX в. обуви (ровдужной и с камусным черком-головкой) прослеживаются древние связи с аборигенным населением — приречными рыболовами и таежными охотниками. Ровдужная обувь с поршневидной подошвой, а также с подошвой и голенищами, сшитыми без дополнительных частей, отражает поздние связи кетов с эвенками, а камусная обувь с союзкой — с самодийскоязычными соседями.

Старинным головным убором, унаследованным, вероятно, от древнего таежного населения, была шкурка с головы оленя, замененная впоследствии меховым капором эвенкийского происхождения. Деталью таежно-охотничьего костюма являлся своеобразный меховой налобник, использовавшийся в прошлом, очевидно, для защиты шеи при одежде без воротника.

В конце XIX—начале XX в. началось широкое проникновение в быт кетов покупного материала и покупной одежды. Быстрее всего русская одежда распространилась среди кетов, живших на побережье Енисея, поблизости от русских поселков или в них самих. Наряду с покупной продолжали бытовать и традиционные одежда и обувь.

Изучение одежды кетов позволяет определить наиболее древние формы одежды таежных жителей. Парка из одной целой шкуры, поясная одежда (натазники), обувь из ровдуги и с камусным черком-головкой, обувь из шкурки гагары, головной убор, представляющий собой шкурку с головы оленя, использование шкурки с уха лося в рукавицах и детской обуви — все это эле-

менты древней культуры таежных охотников и рыболовов. К древним традициям восходит и отражение семейного положения человека в прическе и накосных украшениях, а также характерное для кетов отсутствие разницы в покрое мужской и женской одежды, отсутствие ее дифференциации.

Этнографическое изучение одежды кетов подтверждает участие кетоязычных племен в этногенезе некоторых тюркоязычных народов, выявляет тесные этногенетические и историко-культурные связи с самодийскоязычными группами (прежде всего с селькупами). В одежде кетов нашли отражение и древние кетско-тунгусские связи.

Процесс развития кетской одежды под влиянием соседнего населения (энцев, селькупов, эвенков, русских) продолжался и в последние столетия на территории современного расселения кетов.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

ФОРМЫ СЕМЬИ И БРАКА. СИСТЕМА РОДСТВА

В конце XIX—начале XX в. кеты жили семьями, в которые входили кровные родственники по мужской линии (обычно двух поколений), их жены и дети. Число членов такой семьи — 5—7 человек. Наряду с малыми существовали и большие семьи с количеством членов до 25—30 человек, но они встречались довольно редко.

Брак у кетов в рассматриваемый период был моногамным, патрилокальным. Экзогамные нормы сохраняются устойчиво до наших дней. Однако изолированность групп, общая малочисленность и преобладание мужского населения приводили к отдельным случаям нарушения экзогамии. По этой же причине среди кетов (особенно северных групп) имелось значительное количество смешанных браков (преимущественно кетско-селькупских).

Главой семьи обычно являлся старший мужчина (отец, его брат, отец отца и т. д.), реже — старшая женщина.

Взаимоотношения между отдельными членами семьи (или несколькими родственными семьями), кровными родственниками и свойственниками, их взаимные права и обязанности складывались на основе обычных норм, объяснить которые подчас можно лишь обратившись к более раннему этапу семейно-брачных отношений.

Важнейшим источником для изучения различных сторон общественной жизни народа (прежде всего развития семьи и брака) является терминология родства.[1] Система родства у кетов,

[1] Как уже отмечалось, А. П. Дульзоном опубликована специальная работа (1959а), в которой названы все категории родства и свойства, дан перечень всех лиц, входящих в ту или иную категорию, а также охарактеризованы некоторые особенности кетской системы в сравнении с селькупской и чулымско-тюркской. В настоящем разделе дается краткая характеристика кетской системы родства, сделана попытка выявить причины некоторых ее

как и у других народов, отражает реальные семейно-брачные отношения, существовавшие в далеком прошлом, во время ее образования. В ней нашли отражение также главные изменения, происшедшие в этих отношениях с развитием кетского общества.

Для определения степени родства (кровных родственников и свойственников) кеты пользовались преимущественно классификационными и частично описательными терминами. Характерной чертой первых было то, что они не только указывали на конкретную степень родства, но обозначали собой определенные классы степеней родства. Пользовались классификационной номенклатурой преимущественно при непосредственном обращении, один и тот же термин употреблялся применительно ко всем лицам определенной категории. Классификационные категории, называя степень родства, не объясняли близости или дальности родства с говорящим, прямого или коллатерального характера. Для точного определения степени родства или свойства пользовались описательными названиями (например, *œмда оп* — «отец матери», *бисепдэ хып'* — «отец брата» и т. д.). Индивидуальные термины существовали только для обозначения ближайших родственников — отца, матери, жены (мужа), сына или дочери данного лица.[2]

Все остальные названия были классификационными (обозначали определенные классы родственников и свойственников).[3]

Лица старшего поколения, согласно кетской системе родства, составляли две большие группы — *қып'*, русск. кыпь (для мужчин) и *қыма* (для женщин) — независимо от линии родства (свойства) как с отцовской, так и с материнской стороны.[4]

В первую группу входили мужчины из поколения дедов (прадедов) и из поколения родителей (группа старших братьев отца и матери, отец по браку и другие мужчины соответственной степени родства по браку).[5] В поколении говорящего слово «кыпь» служило обращением женщины к мужчинам, родным по браку.[6]

особенностей (преимущественно в сфере кровнородственных отношений). Имеющийся материал позволяет проследить пережитки таких интересных явлений древнего общественного устройства кетов, как брачные классы, но это должно стать темой специального исследования.

[2] *Оп* — «отец»; *œм* — «мать»; *қым* (*бāм* — «старуха») — «жена»; *тит* (*бāт* — «старик») — «муж»; *хып'* — «сын»; *хун'* — «дочь». Множественное число от слова *œм* (*œманӈ*) в фольклоре часто встречается в значении «родители» (пережиток прежних материнских отношений).

[3] Если разговаривающие не находились в родственных отношениях, то обращением служила звательная форма — *кето*.

[4] Конкретные перечисления лиц, входящих в ту или иную группу, см.: Дульзон, 1959а.

[5] Отца по браку термином *қып'* назвали преимущественно женщины. Мужчина называл соответствующих родственников *кыбат* (см. ниже).

[6] А. П. Дульзон отметил аналогию широкому употреблению у кетов термина *қып'* в значении «отец моего мужа» в селькупской номенклатуре родства (1959а, стр. 72).

Женщины старших поколений, кровные родственники и свойственники (соответственно классу кыпь) объединялись во вторую группу (кыма).

В эту группу входили женщины из поколения бабушек (прабабушек), из поколения родителей (группа старших сестер отца и матери говорящего, мать по браку и другие женщины соответственной степени родства по браку). Из поколения говорящего словом «кыма» можно было назвать некоторых старших женщин, родственниц по браку.[7]

Младшее поколение (внуки и правнуки по прямой линии, дети, внуки и правнуки всех боковых линий) независимо от линии родства (свойства), пола и возраста объединялось в класс *қал* (*'қалъқ*, у А. П. Дульзона).[8]

Более разработана номенклатура родства (и свойства) в поколении говорящего. В этом поколении дети старших братьев и старших сестер отца говорящего, равно как младшие братья и сестры отца, входят в одну группу с братьями и сестрами самого говорящего и детьми его старших братьев.[9] Говорящий называет их классификационным термином *бисеп* (букв. «брат», «сестра»). Пол лиц, входящих в эту категорию, не выделен, возрастные различия также терминологически не обозначены, поэтому при необходимости добавляли определение: *кœ* — «большой», «старший» и *хэнэ* — «маленький», «младший».

Среди этой группы кеты выделяли мужчин (сыновья старшего брата отца, сыновья старшего брата и т. д.) термином *бис'тимдеӈ* (*бис'тнимдеӈ*, *бистымеӈдеӈ*, *бис'нимдеӈ* — «братья»).

Родственники по материнской линии в поколении говорящего объединялись в особую группу — *куй* (*кой*). В нее входили младший брат и сестра матери, дети старшей сестры и старшего брата матери,[10] а также дети сестер говорящего (Корсаков, 1941, стр. 109). В эту же группу попадал и сын старшей сестры отца (если говорящий женщина). Кроме кровных родственников, в данную группу входили родственники по браку (братья и сестры матери мужа, дети старшего брата жены и т. д.).

Родственники по браку в старшем поколении (соответственно кровнородственным классам кыпь и кыма) составляли две группы — *қып'бат*, русск. кыпьбат (для мужчин) и *қымœм*, русск. кымам (для женщин). Эти группы объединяли старших родственников

[7] Их можно было называть также *қимам* (см. ниже).

[8] Особым термином (*қытет*; ср.: мн. ч. *қот* — «дети говорящего») в этом поколении выделялись дети (внуки) сестры отца и брата матери, а из свойственников младший брат жены говорящего и старший брат жены сына младшего брата его отца.

[9] Исключение представляет сын старшей сестры отца; если говорящий женщина, его называют *куй*.

[10] Мужчина мог назвать сына старшей сестры матери описательным термином *œмду бис'* (букв. «брат по матери»), но женщина всегда называла его *куй*.

по браку из поколения говорящего и его родителей. Термины *қып'* и *қып'бат* (так же как *қыма* и *қымœм*) употреблялись в отношении одних и тех же лиц (отца по браку можно было назвать кыпь и кыпьбат, а мать по браку — кыма и кымам).[11]

Родственники по браку, соответствовавшие по возрасту кровнородственной категории *қал* (младшие поколения), не имели специального названия, а входили в последнюю.

Несколько номенклатурных категорий существовало у кетов и для родственников по браку одного поколения с говорящим.

Родственники жены (мужа) говорящего, преимущественно группа братьев и сестер его жены (мужа) и их детей, составляли класс *бистыл'* (русск. бистыль).[12] По полу эта группа не разделялась. В ней говорящий выделял некоторых женщин (моложе его) в особую группу — *hуом*, куда входили младшая сестра жены, жена младшего брата жены, жена младшего брата жены старшего брата и т. д. (Дульзон, 1959а, стр. 75).

В две различные группы говорящий объединял родственников по браку (мужей и жен) своих братьев и сестер как по прямой, так и по боковым линиям родства (т. е. мужей и жен класса бисеп).[13] Если для кровных родственников этой категории не делалось терминологического разделения на старших и младших (те и другие назывались бисеп), то по отношению к свойственникам такое разделение имело место: мужья и жены бисеп, старше говорящего, составляли группу *беп'* (русск. бепь), моложе его — *ен'* (русск. ень).[14]

Все названные выше категории отражали отношения данного лица (говорящего) с кровными родственниками (старшими и младшими по отцовской и материнской линии), а также с соответствующими категориями родственников по браку (своему и браку своих кровных родственников).

Кроме того, в кетской номенклатуре родства имеются категории, которыми определялись отношения между представителями семей (а в прошлом — родов), связанных взаимобрачными отношениями.

---

[11] Употребление термина *қима* (вместо *қимœм*) и *қып'* (вместо *қып'бат* в значении «мать», «отец» (жены или мужа говорящего) А. П. Дульзон считает результатом кетско-селькупского языкового смешения (1959а, стр. 72).

[12] В эту категорию входили лица, как правило, моложе говорящего; название класса переводится как «братец».

[13] Свойственники этой же степени родства, но за пределами поколения говорящего входили в группы кыпь (кыпьбат), кыма (кымам) и кал.

[14] Термин *деңо* (звательная форма от *дсң* — «люди»), приведенный А. П. Дульзоном как номенклатурное название для ближайших родственников по браку (тех же степеней родства, что и кыпьбат, кымам, бистыль, ень, бепь), по-видимому, не является родственной категорией, а сложился в результате тесных производственных отношений в условиях большой семьи (1959а, стр. 76).

Родители молодых и их старшие родственники называли друг друга *болес'* (обращение к мужчинам) и *болес'œм* (обращение к женщинам).[15]

Братья мужа и сестры жены объединялись в особую группу и называли друга друга, согласно А. П. Дульзону, *аб отъс тънг (денг)*.[16]

Мужья женщин из одной или нескольких связанных родством семей составляли группу *бет* и называли друг друга *бетɣат* (*ɣат* — «мужчина»; мн. ч. *бетис'деӈ*), соответственно женщины, жены мужчин бет называли друг друга *ат'там*, *атнам* (мн. ч. *'атым деӈ*).[17]

Таковы основные термины родства и свойства у кетов.[18] В конце XIX—начале XX в. они относились к кровным родственникам и свойственникам, членам одной или нескольких семей. Терминология родства отражает взаимоотношения между родственниками, их взаимные права и обязанности по отношению друг к другу. Многие из них уже давно не соответствовали нормам реальных семейно-брачных отношений, существовавших у кетов в конце XIX—начале XX в., а представляли реликт прежних форм.

Брак у кетов в конце XIX—начале XX в. являлся исключительно моногамным. Не были известны кетам, по всей вероятности, и такие распространенные пережитки группового брака, как левират, сорорат (Долгих, 1952а, стр. 31).[19] Классификационный же характер терминологии родства отражает существование у предков кетов групповых брачных отношений. Об этом свидетельствует общность названий для целых групп родственников и свойственников, слияние родства по прямой и боковым линиям и т. д.

Брачные нормы конца XIX—начала XX в. запрещали брать невесту из семьи (рода) матери жениха (Долгих, 1952а, стр. 26), а в системе родства сохранились следы прежних брачных отношений между лицами одного поколения, принадлежавшими к двум экзогамным (отцовской и материнской) семьям.

---

[15] Женщины иногда называли мужчин соответствующей категории *'отькит*, а женщин — *'атт бам* (Дульзон, 1959а, стр. 76).

[16] Согласно А. П. Дульзону, слово «денг» — «люди», входя в сложные названия родственников, употреблялось в значении единственного числа — «человек». Таким образом, подобные названия переводятся как «мой, относящийся к группе *от*, человек» (1959а, стр. 76, 77). Возможно, что к этой же группе относились и лица из категории *болесн'* (мн. ч. от *болес'*, *болес'œм*), если они были из поколения говорящего.

[17] В группу *бет* входили, в частности, мужья сестер; жены братьев называли друг друга *ат'там* (этот термин, возможно, свидетельствует о принадлежности к женской группе *ат*).

[18] Номенклатура родства не имела локальных различий.

[19] Б. О. Долгих ссылается, однако, на документ середины XVIII в., который можно рассматривать как свидетельство существовавшего некогда многоженства. В данном случае причиной его являлась, по-видимому, большая возрастная разница: жена была намного старше своего мужа (Долгих, 1952а, стр. 31).

Согласно кетской системе родства, младшие братья (сестры) отца говорящего вместе с его родными братьями и сестрами составляли группу кровных родственников по отцу — *бисеп*, в то время как младшие братья (сестры) матери, равно как дети старшего брата матери и старшей сестры отца, были выделены в особую группу родственников по матери — *куй*. Браки внутри каждой из этих групп были запрещены, но они существовали между ними, так как при патрилинейном счете родства лица группы куй не принадлежали к роду говорящего.[20]

Выделение материнской линии родства в поколении говорящего (группа куй) отражает древнюю общественную структуру в кетском обществе: дуально-родовую организацию с однолинейным счетом родства и предпочтительной формой перекрестно-кузенного брака.[21]

Можно предположить, что когда-то группу куй (кой) составляли все родственники материнской семьи (рода). В фольклоре часто встречается слово *койдеӈ* — «соседи» (*койкас'аӈ* — «у соседей»). Часть добычи мужа жена (*усес' ас'кет* — «теплая сказка») несет к соседям (*койдиӈэ*), где живет ее мать. Эти данные, возможно, свидетельствуют о близком расселении двух экзогамных семей или родов — отцовского и материнского.

Дядя по матери (*кой*) играл особую роль в воспитании детей. Согласно преданиям, первый настоящий лук мальчику изготовлял именно он. Ему же после смерти родителей отдавали сирот. Так же поступали, если мать детей, став вдовой, вторично выходила замуж. Эти обычаи, видимо, сохранялись как пережитки матрилокального брака, при котором дети оставались в семье (роде) матери. До наших дней у кетов очень распространено длительное (по нескольку месяцев) пребывание племянников в семье дяди по матери, периодическое одаривание их и т. д.[22]

Объединение в одну категорию лиц разных поколений позволяет предположить распространение в прошлом браков с большой возрастной разницей между мужем и женой, что было обычным явлением и в конце XIX—начале XX в. в условиях отдаленного расселения и малочисленности кетских групп.[23]

---

[20] Существованием некогда предпочтительного брака с дочерью брата матери (для мужчин) и с сыном сестры отца (для женщин) объясняется выделение в особую группу (*ӄытет*, *ӄот*) детей говорящего, внуков сестры отца и брата матери.

[21] Выделение группы брата и сестры матери, материнской ветви в поколении говорящего, группы племянников является характерным для системы родового общества (Морган, 1934, стр. 259—261).

[22] В свою очередь семье дяди по матери непременно выделяли часть большой добычи (мясо копытных, медведя, дичи).

[23] Об этом, в частности, свидетельствует запись А. П. Дульзона: «Младший брат моей жены (старше меня)» (1959а, стр. 75). Если младший брат жены говорящего старше его, то в отношении жены предполагается еще бóльшая разница в возрасте.

Описательные названия для родственников по браку (кыпьбат, кымам, бистыль), вероятно, ведут свое происхождение от соответствующих кровнородственных категорий (кыпь, кыма, бисеп) и отражают определенный этап ограничения в групповых брачных отношениях. Очень интересны в этой связи данные Г. М. Корсакова об отношениях избегания между говорящим и лицами из группы кыпьбат (кымам), сохранявшихся в пережиточной форме до начала XX в. Согласно обычаю, говорящий не мог появиться в обнаженном виде перед родственниками этих категорий, причем запрет соблюдался не только в отношении невестки и свекра, зятя и тещи, но и лиц одного пола: невестки и свекрови, зятя и тестя (Корсаков, 1941, стр. 109). Этот обычай, по-видимому, сложился как отголосок древних брачных норм, в частности запрета браков между лицами старшего и младшего поколений двух семей, родов. Определенные предписания в поведении невестки по отношению к свекру (а также другим старшим мужчинам из семьи мужа) сохранялись до недавнего времени.[24]

Появление конкретных терминов свойства связано с дальнейшим ограничением брачных норм и развитием семейных отношений. Пол говорящего и называемого лица, линия родства становятся при этом решающими факторами.

Наличие индивидуальной терминологии (отец, мать, дочь, сын) отражает развитие парного брака, пришедшего на смену групповому. Выделение индивидуальных терминов из обобщенных могло произойти лишь в результате объединения нисходящей ветви старшего поколения с восходящей младшего (включение старших братьев и сестер отца, матери говорящего в поколение предков, а их младших братьев и сестер в поколение говорящего), что в свою очередь явилось результатом возрастного ограничения групповых брачных отношений.[25]

Большая возрастная обобщенность и отсутствие разделения по отцовской и материнской линии в поколении предков, отсутствие деления по возрасту, полу и по линии родства в поколении потомков были вызваны небракоспособностью этих поколений по отношению к поколению говорящего и друг к другу. Половое разделение в поколении предков (кыпь, кыма) являлось меж тем необходимым условием для выделения линии отца и матери в поколении говорящего (группы бисеп и куй). Отсутствие возрастного деления на старших и младших братьев (сестер) в поколении гово-

[24] Невестка должна следить, чтобы в присутствии этих родственников полы ее распашной одежды были тщательно запахнуты и не открывали ног; при них она не могла мыть голову и расчесывать волосы, стирать свое нижнее белье и т. д.

[25] Эта же черта отмечена Л. А. Файнбергом у нганасанов (1962, стр. 232). Объединение младших родственников одного поколения со старшими другого было характерно для системы родства некоторых самодийских и тунгусо-маньчжурских народов (Дульзон, 1954, стр. 93; Файнберг, 1962, стр. 232; Золотарев, 1939, стр. 64—66).

рящего свидетельствует о длительном преобладании большой семьи у кетов (без отделения старших женатых сыновей).[26]

Основное производственное ядро семьи составляли мужчины одного поколения, родственники по отцовской линии (*бис'нимдең*).

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Вопрос о женитьбе сына или замужестве дочери обсуждали коллективно все старшие родственники семьи, но решающее право оставалось за отцом жениха (невесты), старшими братьями отца. Мать (вдова) иногда самостоятельно решала судьбу сына (дочери) без согласия братьев отца, что вызывало осуждение. Желание молодых учитывалось в последнюю очередь.[27]

Главным условием при выборе невесты было соблюдение экзогамных норм. Нарушение экзогамии строго осуждалось.[28] Брачный возраст для жениха 16—18 лет, для невесты 15—16 лет, но известны факты, когда сватали малолетних. С 10—12 лет девочка в таком случае жила в семье своего будущего мужа.[29]

С середины XVIII в. кеты оформляли браки церковными обрядами и записями в метрических книгах. Чаще всего священник узнавал о свершившихся браках, рождении детей во время выхода кетов на ярмарку и проводил соответствующее оформление. Венчание и крещение новорожденных непосредственно в церкви были очень редки.

Заключение браков обычно сопровождалось традиционными обрядовами действиями.[30] В них выделяются два основных этапа: сватовство и собственно свадьба.

Семья жениха к моменту сватовства подкочевывала к месту жительства семьи невесты.[31]

---

[26] В селькупской системе родства также не было различия по полу и возрасту в младшем поколении, но в поколении говорящего (в отличие от кетской) было проведено четкое возрастное деление на старших и младших братьев (сестер). Лица старшего поколения тоже разделялись не только по полу (как у кетов), но и по возрасту (Дульзон, 1954; Пелих, 1962).

[27] Предания сохранили воспоминания о побегах и самоубийствах любящих в знак протеста родительской воле.

[28] Семью, куда входила невесткой женщина, принадлежавшая к тому же роду, что и эта семья, называли *биссын қолеп дең* («западной стороны люди»; запад в религиозных представлениях кетов — сторона злых сил, смерти).

[29] Обычно это случалось, если в семье жениха не хватало трудоспособных женщин.

[30] Свадебным обычаем у кетов посвящена специальная работа Б. О. Долгих (1952а), написанная на основе полевых материалов, собранных им у подкаменнотунгусской группы, а также в результате личного присутствия на кетской свадьбе в 1926 г. Краткие сведения по этому вопросу имеются у А. Степанова (1835, стр. 141—142), П. Третьякова (1869, стр. 389—390), К. Доннера (Donner, 1933, стр. 71). В настоящей части работы использованы преимущественно материалы Б. О. Долгих.

[31] Сватовство часто проводилось во время ярмарок, куда съезжались семьи из разных мест.

Особенность кетского свадебного обряда — сватовство с медным котлом. У котла снимали дужку, а вместо нее закрепляли сплетенную из разноцветных лоскутков веревку (косу). Старшие женщины из семьи жениха (жены его старших братьев — бепь) относили котел с положенными в него подарками (платье, платок, шкурки белок) в жилище невесты и, поставив у входа, уходили. Если родители невесты были против свадьбы, то, не вынимая подарков, котел переворачивали вверх дном.[32] Если котел не переворачивали (что служило знаком согласия), то на другой день (или спустя несколько дней) в семью невесты шел старший мужчина из семьи жениха (его отец, старшие братья отца).[33] Они обращались к собравшимся родственникам отца невесты с просьбой отдать в жены девушку. Обязательным в этой церемонии был отказ родственников невесты, уход и повторное (до трех раз) возвращение сватов. Мужчины из семьи невесты и сваты состязались в красноречии, мнимых уговорах и т. д. Получив наконец согласие, отец жениха и его старшие братья договаривались между собой о размере выкупа за невесту (*кит*).[34] Сватовство могло происходить за 2—3 года до свадьбы и уплаты выкупа. В течение этого времени родственники жениха коллективно собирали все необходимое. Чаще же о нем договаривались еще до сватовства.

Выкуп (пушнину) относили в том же котле старшие родственницы жениха.[35] Отец невесты должен был разделить полученное между своими родственниками, но большую часть оставлял себе. Половину своей части он затем отдавал дочери, и та включала ее в свое личное имущество.

После уплаты выкупа назначался день свадьбы. Характерным моментом кетской свадьбы являлось мытье головы невесте и жениху.[36] Девушке расчесывали волосы, заплетали по-женски в две косы и вплетали в них женское затылочное украшение. Одевали новый котлам.[37] Все это делали старшие родственницы жениха.

---

[32] По другим данным, котел мог принести сам жених. Невесте он должен был бросить платок; если она его не возвращала, предложение считалось принятым.

[33] Посланцами могли быть и старшие женщины (Долгих, 1952а, стр. 26).

[34] Выкуп состоял из беличьих шкур (от 150 до 750, по М. Ф. Кривошапкину; 300—500, по Б. О. Долгих). Северные оленные кеты давали несколько десятков беличьих шкур и 3—4 оленя (из общесемейного стада). Беличьи шкурки иногда заменялись другой пушниной (горностай, лисица, песец и т. д.). Выкуп в качестве формы заключения брака сложился как своеобразная компенсация за женщину — трудовую силу. Об этом свидетельствуют и случаи раннего поселения в семье мужа.

[35] Сначала в котел клали не более 50 белок, родственники невесты, не соглашаясь, отсылали его назад; число шкурок увеличивали и доводили до необходимого количества.

[36] У Б. О. Долгих — только невесте (1952а, стр. 29).

[37] По данным елогуйских кетов, затылочное украшение и котлам для невесты шили женщины из семьи жениха. Орнамент на украшении определял принадлежность к той или иной семье.

Невеста должна была изображать сопротивление, вырываться из рук женщин и т. д. Голову невесты покрывали платком (чтобы было закрыто все лицо) и вели (тоже как бы против ее воли) на берег, где на выбранном открытом месте уже находился жених. Их сажали рядом (невеста слева) на новую берестяную подстилку, лицом на восточную сторону.[38] Все жители данной территориальной группы (на свадьбе, на которой присутствовал Б. О. Долгих, собралось до 100 человек) рассаживались вокруг молодых двумя полукругами. Один полукруг объединял кровных родственников жениха и всех других людей, относящихся к тому же экзогамному подразделению, что и жених. Другой полукруг составляли родственники невесты и все лица, относящиеся к ее экзогамному подразделению. Брак освещал шаман (с помощником) или колдун (*баңос*). Шаман был без специального одеяния, из атрибутов имел только колотушку. Он соединял руки молодым и связывал концы кос,[39] а затем трижды обходил круг по движению солнца, периодически подбрасывая колотушку (гадая о судьбе молодых) около ближайших родственников и их самих (Долгих, 1952а, стр. 29).

По окончании обряда молодых разводили: невесту в жилище жениха, жениха в жилище родителей невесты. Жених должен был отдать несколько белок сестре невесты (этим, по объяснению кетов, он как бы выкупал волосы своей жены), несколько шкурок он оставлял на том месте, где спала его невеста (выкупал ее место).[40]

Во время праздничного пиршества невеста оставалась с родными жениха, а жених — с родственниками невесты. После угощения, в котором принимали участие все присутствовавшие на свадьбе, начинались общие танцы (хоровод) с пением, состязания сородичей жениха и невесты в стрельбе из лука, перетягивании на палке и т. д. (Кривошапкин, 1865; Третьяков, 1869).

Молодая по окончании пира возвращалась к своим родителям и жила там еще три дня. В эти дни молодые избегали друг друга. После окончания срока за женой приходили старшие родственники мужа (его отец или он сам) и уводили ее окончательно вместе с личным имуществом (посуда, одежда и т. д.) и выделенной частью коллективного имущества семьи. Жена возвращала в семью мужа и часть выплаченного им выкупа.[41]

---

[38] Согласно К. Доннеру (Donner, 1933, стр. 71), действие происходило в жилище невесты. Молодых накрывали сверху большим платком, который потом засовывали за передний шест чума (*ҷотэң*, — *Е. А.*). Аналогичные сведения сообщали пакулинские кеты. Возможно, здесь сказывается влияние селькупского свадебного обряда.

[39] Волосы имеют особое значение в свадебных обычаях кетов. В сказках девушка узнает о женихе по его волосам, попавшим к ней (она их сравнивает, «примеряет», со своими). Жених должен выкупить волосы невесты (см. ниже) и т. д.

[40] У Б. О. Долгих: «В память того, что он ее с этого места взял» (1952а, стр. 30).

[41] Полный комплекс свадебной церемонии соблюдался не всегда. Обязательными его компонентами были сватовство с котлом, расчесывание (мытье)

Если молодая оказывалась недевственной, отец ее должен был возвратить третью часть полученного за нее выкупа.[42]

Свадьба у кетов, отражавшая собой утверждение моногамного и патрилокального брака, была проста по обрядовому оформлению. В свадебных обычаях проявляются черты древнего родового общества, и прежде всего его дуальная организация (деление всех присутствующих на свадьбе на два экзогамных подразделения). Коллективизм (коллективное обсуждение всех вопросов, взаимопомощь родственников жениха при сборе выкупа за невесту и коллективное распределение его между родственниками невесты и т. д.), патриархальное начало (роль старших родственников по отцовской линии) также нашли свое яркое проявление в этих обрядах.

Б. О. Долгих отмечал сходство некоторых деталей свадебного комплекса у кетов и тюркоязычных племен (койбалов, бельтиров, кызыльцев), принявших участие в этногенезе хакасов: мытье головы невесте женой старшего брата жениха, обращение лицом к солнцу и т. д. Прослеживаются они и в тувинском обряде (Потапов, 1966, стр. 30): усаживание молодых на подстилку из войлока (жених справа, невеста слева) для переплетения кос девушки, связывание их пальцев (у кетов — волос). К этому, возможно, следует добавить, что мнимое сопротивление невесты у кетов является пережиточной формой умыкания, характерного для южносибирских народов.[43]

Сходство в обряде сватовства с котлом и некоторых деталях самого заключения брака у кетов и северных селькупов (Donner, 1933, стр. 71) объясняется, по-видимому, кетским влиянием, так как у нарымских селькупов таких обрядов не было (Плотников, 1901, стр. 75—77).

РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Активная роль женщины в хозяйственной жизни семьи обеспечивала ей определенную самостоятельность и равноправное положение.[44] Отношения в семье складывались на уважении, почтении к старшим и большой любви к детям.[45] Этими же

головы и имитация насильственного увода невесты (иногда это осуществлял сам жених).

[42] Добрачные отношения у кетов строго осуждались. Девушку с ребенком (даже при нехватке женщин) обычно замуж не брали. Вдов сватали. Считалось, что можно иметь не более двух жен. Если обе жены умирали и мужчина женился в третий раз, его жену называли *биссын қолеп бăм* (западной стороны старуха).

[43] Возможно, впрочем, что этот обычай имеет совсем иные генетические корни и связан с утверждением патрилокального брака на смену матрилокальному (Косвен, 1953, стр. 120).

[44] Это отмечалось, в частности, А. Тугариновым (1927, стр. 4).

[45] Старшие члены семьи занимали «чистую», почетную, часть жилища, они в первую очередь получали пищу во время трапезы и т. д.

общими правилами определялись и отношения молодой женщины с родственниками ее мужа. В то же время необходимо отметить и особые правила и предписания для женщин, сложившиеся как реакция на особенности женской физиологии.[46] Женщина у кетов, как и у многих других сибирских народов, считалась «нечистой», носящей в себе «тяжесть» всю свою жизнь с момента появления месячных (*элат*) до их окончания. Существовало много различных запретов, определявших поведение женщины в повседневной жизни, за соблюдением которых строго следили старшие члены семьи, прежде всего свекровь, бабушка мужа.

Срок родов определяли по лунным фазам: замечали, в каком положении находился месяц в период менструаций и, если до следующей такой же фазы месяца менструации не наступали, высчитывали срок наступления родов.[47]

В родильных обрядах кетов проявляется много сходных черт с аналогичными обрядами других народов Сибири, и прежде всего самодийской языковой группы (энцев, селькупов, ненцев, долганов) (Кривошапкин, 1865, стр. 139—140; Третьяков, 1869, стр. 395; Попов, 1944, стр. 83, 1946, стр. 32, 52; Прокофьева, 1953, стр. 214; Долгих, 1954, стр. 35—37, 42). Такими общими чертами являются признание беременной женщины «опасной» для окружающих людей, особенно для мужчин-охотников, и вытекающие отсюда запреты в дородовый и послеродовый периоды, обряды «очищения», представление о том, что трудные роды являются следствием неверности, и связанный с этим обычай «покаяния». Сходны приспособления для родов и некоторые обрядовые детали.

Кроме имени, которое давалось ребенку при рождении (шаманом или самими родителями), существовали вторые имена — прозвища, сопутствовавшие человеку всю жизнь.[48] В них обычно отражались особенности поведения, внешности ребенка, иногда прозвище служило выражением родительской фантазии.[49] Если ребенок долго болел, ему давали плохое прозвище, чтобы отпугнуть злых духов болезни,[50] или меняли имена, чтобы обмануть этих же

---

[46] Выше уже отмечались запреты для женщин, связанные с древними формами брачных отношений (обычаи избегания).

[47] Подробно об обычаях, связанных с рождением ребенка у кетов, см.: Алексеенко, 1963.

[48] Женщину (как и мужчину) с появлением первого ребенка переставали звать по имени, а называли по имени ребенка (например, Титкэдœм — мать Титкэ и т. д.).

[49] С распространением русских имен прозвища нередко сохранялись как свое, национальное имя. Женскими прозвищами-именами были, например: Қытдум (зимняя пташечка), Саγа (белка), Хыл'гом (веретено), Тылем (ворона), Уjгит (колыбель); мужскими: Бил' (ласточка), Қамэт (стрела), Тоиγыт (соколенок), Кон't (пихта) и т. д.

[50] Аналогичный обычай отмечен у хантов и манси (Чернецов, 1959, стр. 142).

духов. Если в семье часто умирали дети (детская смертность была у кетов очень велика), то их матерью начинали называть женщину, у которой было много детей (опять-таки, чтобы обмануть злых духов). Ребенок продолжал жить в своей семье, но считалось, что он перешел в семью этой женщины.

Мать кормила ребенка грудью очень долго (иногда до 5 лет). До 2 лет его держали в колыбели. Детей полутора-двух лет иногда привязывали в жилище или около него при помощи ремешка с петлей, которую надевали через плечо или поперек груди (чтобы он не отполз далеко, не обжегся огнем костра и т. д.).

Первыми игрушками у мальчиков были деревянные брусочки, изображавшие оленей, зверей, маленький лучок со стрелами. Девочкам делали куклы (кость предплечья рябчика, завернутая в лоскутки или специально сшитую одежду, похожую на настоящую), маленькие колыбели и т. д. Обстановка, окружавшая детей, разговоры взрослых на темы о промысле, об удачах и неудачах в нем, о повадках животных — все это вводило ребенка в круг промысловых интересов. Естественно, что и игры включали такие сюжеты, как добыча рыбы, поимка оленей арканом и т. д. С очень раннего возраста детей приобщали к посильному труду в помощь взрослым.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Несмотря на то что кеты официально считались обращенными в христианство, основу их религии к началу XX в. составляли древние верования и представления.[1] Для религиозной идеологии кетов характерно одновременное существование — частично обособленно, но главным образом в сложном переплетении — различных по времени возникновения и характеру верований и обрядов. Имея разные генетические корни, они служили нередко одной и той же конкретной цели. Обрядовая сторона более древних представлений сохранялась при их смысловом изменении. Религия отразила хозяйственные и социальные условия жизни народа. Промысловая деятельность была основным источником существования. Через все формы религиозной идеологии проходят верования и обряды, цель которых — обеспечить успех в охоте и рыболовстве. Бессилие человека перед явлениями окружающей природы, болезнью, смертью также нашло отражение в религии.

В некоторых религиозных представлениях проявляется социальная психология родовой организации, их породившей: солидарность и чувство взаимосвязи сородичей. В исполнении обрядовой деятельности существенную роль играла семья (и от-

[1] Проникновение христианства носило исключительно внешний характер и фактически сводилось к формальному исполнению обрядов православной церкви (крещение младенцев, венчание и т. д.) среди части кетского населения во время ярмарок. В большей степени это коснулось кетов, живших постоянно в русских поселках или в непосредственной близости от них. Под влиянием православия кеты начали ставить кресты на могилах, хранить среди прочих святынь иконки и крестики, появились трансформированные варианты библейских легенд (о всемирном потопе, вавилонской башне и т. д.), представление о загробном мире и, наконец, образ верховного божества, подобного христианскому богу. Однако христианство не затронуло глубин религиозной идеологии народа.

дельные ее члены), родовая группа. Служители религиозного культа (шаманы, колдуны) у кетов не были резко обособлены от остального населения.

Изучение религии кетов представляет большой исторический интерес, так как в ней до начала нашего века сохранялись пережитки наиболее архаичных форм верований.

В настоящей работе рассматриваются в общем плане промысловые и семейно-родовые верования, шаманство и погребальный обряд.[2]

Основу религиозной идеологии составляли анимистические представления: олицетворение в различных образах явлений природы и состояний человека.[3] Согласно этим представлениям, окружающий людей мир населяли многочисленные сверхъестественные существа (некоторые из них не персонифицированы), которые жили в непосредственной близости от человека и вступали с ним в различные отношения.[4] Одни из них были нейтральны по отношению к человеку: многочисленные «каменные» (*тәӈус'н'*), «земные» (*қајбаӈдең*) и «небесные» (*ес'тәдиӈ*) люди. От других якобы непосредственно зависел успех промысловой деятельности, их почитали и выполняли определенные предписания с целью умилостивления. В эту категорию входят следующие существа: Қајγус', (русск. Кайгусь; хозяин всех зверей), Холај (русск. Холай; покровительница всей добычи, возможно хозяйка леса), Ул'гыс' (хозяин водных угодий и рыбы) и т. д. Наконец, ряд из них пребывал в постоянной вражде с людьми, стараясь причинить вред, обмануть и т. д. Их боялись, противодействовали им различными обрядовыми действиями. Сюда относятся Литыс' (русск. Литысь; мужской образ), Кэлбэссœм (женское существо), Колебылемыс' (одноногое существо, пугающее людей), Дотэт и Дотœм (мужское и женское существа, хозяева гор; Анучин, 1914, стр. 6).

В неопределенных анимистических образах выступали и различные проявления природной стихии, например гром, ветер. К ним обращались с просьбой обойти стороной, приписывали способность быть более или менее злыми в зависимости от направления их пути и времени года. Формирование основных мифологических образов также генетически связано с природными явлениями.

---

[2] Указанные разделы религиозной идеологии отражают лишь основные ее формы и не включают в полном объеме имеющийся материал.

[3] К ранним религиозным представлениям относится и прослеживающееся у кетов одухотворение, наделение сверхъестественными способностями материальных предметов. Вещь считали живой, если у нее были глаза. Их изображали зарубками (например, треугольники на ручках ложек, поварешек), резьбой (на берестяной двери чума, спинке нарты) и т. д. Такие же представления отмечены у народов Амура (Иванов, 1954, стр. 748—749).

[4] Формирование тех или иных анимистических образов обусловлено различными причинами. Определение их требует специального исследования, так что выделение отдельных категорий среди них здесь достаточно условно.

Главным добрым божеством считался Ес' (русск. Есь). Он представлялся в образе старика с бородой (кеты бород не носили), одетого в широкую белую парку, живущего на небе. К Есю обращались шаманы, камлая в «верхний мир»; рядовые люди, ожидая от него помощи, дарили ему белые лоскутки, привязывая их к жертвенным деревьям (*ҳоқс'оқс*) и т. п. Этот образ сложился несомненно поздно, под влиянием христианства. По своей сути он представлял мифологическое олицетворение неба (равно как Нуми-Торым у хантов и манси, Нум у селькупов и ненцев) и, возможно, некоторых метеорологических явлений.[5]

Доброму началу в образе Ея противостоит злой женский образ — Хоседœм, русск. Хоседам (Хосядœм).[6] Она живет на севере, под землей, к ней стекаются все реки. Хоседам является хозяйкой дня и ночи.[7] Злые духи находятся у нее в подчинении. Если к ней попадают души людей и шаман не может их освободить, люди погибают. Характерно, что оба этих основных мифологических образа связаны с определенной страной света: Есь — с востоком, Хоседам — с севером (или западом). С югом связан третий образ — доброе женское божество — Томœм, русск. Томам (Тонœм), хозяйка страны, куда улетают зимовать птицы, и самих птиц (но к промыслу Томам не имела отношения). Юг кеты иногда называют *томыйпел'аҳ*, где *пел'аҳ* — «половина», «часть». Интересно, что верхнетазовские селькупы южную страну, куда улетают птицы, называют *тома*; этот же термин входит в выражение *томол'тэтэ* — «на юг». Для кетской мифологии характерно образное олицетворение небесных светил, причем солнце выступает в женском образе (Хун' — «дочь»), месяц — в мужском (Хып' — «сын»).[8] Многочисленные религиозные представления, связанные с восходом и закатом солнца (см. ниже), некоторые обряды свидетельствуют о существовании культа солнца у кетов.[9]

Касаясь кратко космогонии, необходимо сказать, что в основе ее лежат иррациональные, а не религиозные представления.[10]

---

[5] Ес' в кетском языке выступает в значении «небо», «погода», а также употребляется в таких словообразованиях, как «морозит» (*ес'ajгетаоγон'*) и т. д. Характерно, что в мифологии встречается не только Ес' — верховное божество, но Усес' — теплый Есь, Тайес' — холодный Есь и пр.

[6] Ее также называли Тыγыл'œм, Тыγы Қым' (тыγы — «низовья реки», «север», *œм* — «мать, *ҳым'* — «женщина»), Қоранœм' (*ҳор'аҳ* — «мертвые»), Дотэтдœм (мать Дотэта), Биссын қолеп бам (вечерней, западной, стороны старуха) и т. д. Слово *'хоседе* (хозеде) в XVIII в. было записано в значении «море» (Дульзон, 1961а, стр. 173), таким образом, Хоседœм — «мать моря».

[7] У М. А. Кастрена этому образу соответствует подземное женское существо Jmlja (1860, стр. 327).

[8] Наиболее значительные персонажи кетской мифологии выступают в женском образе.

[9] Проявлением их, возможно, и является описанный В. И. Анучиным кетский праздник в день равноденствия (1914, стр. 21—23). Опросные данные подтверждают существование в прошлом такого обряда.

[10] Вселенная (*илл'баҳ, уйбаҳ*), как считали кеты, состоит из трех миров: земного, небесного и подземного, каждый из которых подобно земному имеет

С религиозными верованиями эти представления связаны лишь постольку, поскольку кеты населяли вселенную сверхъестественными существами: небо — небесными людьми, подземный мир — душами умерших и т. д.[11]

Для религиозной идеологии кетов характерно олицетворение в различных образах болезней.[12] Особое место занимали многочисленные образы, связанные только с шаманством (*сенидэ кыс'н'* — «духи шамана»).

Существенную роль в религиозной идеологии кетов играли пережитки древних тотемистических представлений. Они прослеживаются в шаманстве, составляют основу многих промысловых верований и т. д. С представлением о тотемических предках, возможно, связаны некоторые мифологические образы и сюжеты (Кайгусь — сын медведя и женщины; Койотбыл' — сын мужчины и медведицы; легендарный Тоиɣыт, превращавшийся в птицу; сюжеты о связи женщины и медведя, мужчины и соболя и т. д.). Следы непосредственного проявления тотемизма (связь отправления культа того или иного животного с определенной родовой группой), видимо, усматриваются в представлении о происхождении рода Коцин от налима (Donner, 1933, стр. 88—92). Культ налима, выражавшийся в ряде предписаний и запретов в конце XIX в., был характерен для всех кетских групп.[13] Почитание медведя также было характерно не для определенных родов, а для всех кетов, но в каждом добытом животном «узнавали» конкретного человека, своего сородича или представителя другого рода, явившегося после своей смерти в образе медведя.[14] С тотемизмом, по-видимому, связаны и запреты убивать и употреблять в пищу некоторых птиц. В частности, кеты не убивали лебедей, орлов, гагар.[15] Нарушение этого запрета одним из сородичей грозило

свое небо, землю и т. д. Согласно другому варианту, земля находится в центре вселенной, над ней расположено семь небес, под ней — семь подземелий, а вокруг — семь морей.

[11] Последнее представление, впрочем, выступает в очень смутной, противоречивой форме (см. ниже).

[12] В собраниях МАЭ имеется несколько изображений духов «русской» болезни (колл. 4034-163, 164) в виде тряпичных кукол, одетых в мужскую или женскую одежду.

[13] Тотемистические корни заманчиво усмотреть в таких родовых названиях, как Қол'лгыт (язь-человек), Қэн'тăн (большие окуни); другой вариант народной этимологии — большой посох и т. д., но для решения этого вопроса требуется специальное изучение. Можно заметить здесь только, что с окунем, окуневой ухой связаны древние представления эротического характера.

[14] Верования, связанные с культом медведя, как и другие тотемистические представления, рассматриваются лишь постольку, поскольку они находят выражение в некоторых сторонах промыслового культа, шаманства. Изучению культа медведя у кетов посвящены специальные публикации (Алексеенко, 1960; Paproth, 1962).

[15] Необходимые для оперения стрел орлиные перья вынимали у орлят, которых выращивали в клетке, а потом отпускали, или доставали в гнездах. По данным Г. Ф. Миллера, арины не брали орлят к себе, а привязывали их

остальным болезнью (смертью). Эти же птицы считались основными помощниками шаманов, иногда предками (орел).

Перейдем теперь к характеристике промысловых и семейно-родовых культов, шаманства, погребального обряда.

ПРОМЫСЛОВЫЕ И СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Через все формы религиозной идеологии кетов проходят представления, связанные с промысловой деятельностью, т. е. верования и обряды, цель которых — обеспечить успех в охоте и рыболовстве. И это понятно, так как промысловая деятельность была для кетов основным источником существования. С другой стороны, промысловая деятельность в силу своих особенностей (роль случая, опасность, стихия природы) представляет собой большую возможность для развития религиозных представлений, ибо успех в ней более чем в любой другой отрасли хозяйства казался человеку независящим от его воли. Сохранение промысловой деятельности на протяжении многих веков, экстенсивность ее характера способствовали устойчивому бытованию связанных с ней верований.

Промысловые верования нашли свое выражение в многочисленных запретах и правилах промысловой деятельности, приметах, обрядах. Многие из них, как и у других народов, обнаруживают чисто практические, материальные корни (Зеленин, 1929). В основе многих запретов, примет и обрядов лежат наблюдения над жизнью животных, природой, своеобразная промысловая этика и т. д.

Большинство промысловых верований связано с уподоблением животных человеку в силу их родства. Отсюда признание за животным понимания человеческого языка, сходного образа жизни и восприятия окружающего мира.

Из веры в способность животных понимать человеческий язык у кетов, как и у других промысловых народов, появились запреты говорить о предстоящем промысле. Отсюда же многочисленные подставные названия для объектов промысла («объяснения» с добытым животным и т. д.). Выше уже было сказано, что о выслеженном крупном звере охотник оповещал сородичей ударами посоха о лыжу. Если обнаруживали лося, наносили частые удары (надо торопиться), если медведя — редкие. О найденной берлоге сообщали прыжками, жестами рук. Считалось, что осенью, в период опадания листьев, в тайге нельзя громко разговаривать, так как звери далеко слышат. Кеты «разговаривали» с первыми перелетными птицами, добытым соболем, медведем и другими живот-

---

в гнездах. Таким образом, птенцов вскармливали их родители, а люди гарантировали себе возможность добывания перьев (Потапов, 1957, стр. 184). Первых прилетевших весной лебедей «угощали»: ставили им за жилищем (с «чистой» стороны) пищу, чай, табак и т. д.

ными. Медведя называли отцом, стариком, дядей, соболя — черноспинным. В основе всех этих обычаев лежат меры предосторожности охотника, боявшегося спугнуть добычу шумом, разговором Такого же происхождения, вероятно, и широкий комплекс суеверных запретов для женщин. Женщины у кетов не могли перешагивать через оружие, охотничье и рыболовное снаряжение, оленью упряжь, садиться на мужскую нарту, класть на нее свою одежду и т. д. Женщина периодически тщательно «очищала» окуриванием свою одежду, постельные принадлежности. В противном случае, по представлениям кетов, добыча переставала попадаться ее мужу.

Д. К. Зеленин объяснял эти широко распространенные запреты отражением представлений об очень тонком обонянии животных и боязнью отпугнуть добычу запахом.

Чтобы отбить «человеческий запах», воспринимаемый животным на большом расстоянии, кеты перед началом промысла тлеющим клочком оленьей шкуры окуривали («очищали») снаряжение. Этой же цели служили и некоторые растения: трава, которую при омовении после месячных женщины добавляли в воду; отвар ольховой коры, которым окрашивали сети-пущальни, чтобы сделать их не только менее заметными в воде, но и ликвидировать отпугивающие рыбу запахи и т. д.

Уподобляя животных человеку, кеты признавали за ними способность мстить ему, что могло выразиться как в непосредственном нападении на человека, так и в неудачном промысле. В связи с этим нельзя было плохо говорить о животных, высмеивать их, причинять им страдания, убивать большее, чем необходимо, количество и т. д.[16] С этим же представлением связан, очевидно, и запрет хвастать удачей, спрашивать у возвратившегося с промысла о добыче и т. д.[17]

Кроме различных запретов и мер предосторожности, кеты пытались способствовать промысловому счастью различными магическими действиями над промысловым инвентарем. Сюда относится упомянутое окуривание и вымачивание в специальных растворах предметов промыслового инвентаря и другие действия.[18]

Кеты верили в возможность передачи человеку специфических качеств животного, поэтому существовали определенные предписания в отношении поедания того или иного животного. Так,

---

[16] Считалось, что если собака помнет соболя или зайца, то охотник больше не добудет этих зверьков; перед началом промысла запрещалось есть белку; налима не разрешалось бить по голове, ловить крючком (причинять боль) и т. д.

[17] Если охота была неудачной, охотник молча бросал рукавицу; добычу некоторое время держали закрытой и т. д.

[18] Разбирали на время ловушку, в которую долго не попадала дичь, а затем собирали ее вновь; протаскивали ружье, лыжи, посох, пояс и парку через кольцо, образуемое суком дерева, приросшим к стволу (отрубленный от такого дерева кусочек хранили как талисман) и т. д.

большинство кетов не ело отвара вареной медвежатины, так как считалось, что к человеку перейдет тяжесть костей медведя и он не сможет быть подвижным, легким на промысле. Наоборот, для приобретения силы надо было съесть кусочек сердца только что освежеванного медведя, выпить его крови. Традиционный момент праздника по случаю добычи медведя — заглатывание сырых глаз медведя, что придавало человеку долговечность.[19] Охотник не должен есть в одиночку сердце глухаря (будет всего бояться), однако очень хорошо съесть сердце зайца (станет таким же быстроногим) и т. д.

Многочисленные обрядовые действия и предписания связаны с представлением о возрождении добытых промысловых животных.[20] Сюда относятся коллективное поедание основных частей животных, и прежде всего головы, запрет разрубать и выбрасывать главные части скелета животных: череп, позвоночник, ребра, кости ног медведя (лося, дикого оленя). Их собирали, относили в лес, складывали в дупло кедра на восточную сторону или зарывали в землю; копыта собирали в связку и подвешивали на дерево или воткнутую палку.[21] Кости конечностей соболя вместе с коготками сохраняли в качестве амулетов. Кожу с носа медведя, соболя, лисицы сохраняли или, завернув в тряпочку, помещали в дупло.[22] Головы уток бросали в воду, перья собирали и складывали в одно место, рыбьи головы собирали и складывали в дупло дерева и т. д.

В основе представления о возрождении лежало стремление человека обеспечить себя и впредь пищей. Естественно, что это древнее представление сохранялось в отношении к крупным мясным животным (медведь, копытные), а также распространялось на наиболее ценных пушных зверей (соболь, горностай). Наиболее полное выражение это представление нашло в обрядовых действиях, связанных с добычей медведя. Кроме запрета разрубать основные кости скелета, данным представлением осмыслялись такие обычаи, как варка мяса непременно в одном котле, сохранение кусочков языка, желчи, пениса, использования клея и меди для «склеивания» и «спаивания» частей возрождающегося животного и т. д. В празднике по случаю добычи медведя проявились

---

[19] Д. К. Зеленин, отмечая этот обычай у многих сибирских народов, квалифицировал его как желание приобрести зоркость медведя (Зеленин, 1929).

[20] Это представление близко тотемистическим обрядам умножения (Богораз, 1926, 1939; Василевич, 1930; Воблов, 1952).

[21] В этих обычаях проявляются некоторые особенности похоронного обряда: захоронение в дуплах детей, использование кедровых досок при погребении (ср. с обычаем держать и относить в лес «хоронить» изображение медведя в ящичке из кедровых досок) и т. д.

[22] Аналогичные обычаи отмечены И. Фишером у коттов (Потапов, 1957, стр. 214).

и такие древние элементы промыслового культа, как пляски-пантомимы в подражание животным.[23]

Будучи видом промысловой магии, подражание животным, в частности медведю, вошло в шаманские обрядовые действия (см. ниже).

Кроме верований и обрядов, связанных с живыми и добытыми животными, для промыслового культа кетов характерно почитание сверхъестественных существ, защитников и покровителей (хозяев) животных, птиц, рыб. Эти образы иногда выступают и в роли хозяев лесных и водных угодий.[24] Кроме того, существовали хозяева отдельных животных из их среды. Таковыми считались особи редкой расцветки (например, белые или пестрые белки и т. д.). От этих существ, как и от отношения к человеку самих животных, по представлению кетов, зависел успех промысла.

Главным покровителем, хозяином всех лесных зверей был Қаjγус' (у рыб был свой хозяин — Ул'тқаjγус' — «водяной кайгусь»). Кайгусь — сложный образ, выступающий то в зооморфном виде (медведь, соболь, сын медведя и женщины), то как «лесная девка», состоящая в половой связи с охотником. В фольклоре слово *каjγус'* встречается в значении «пушнина». Наконец, им обозначалось понятие «удача» (удачливого человека называли *каjγус'кет'*).[25]

Кайгусь, по представлениям кетов, посылал зверей людям (легендарный Кайгусь — сын медведя и женщины — оставил людям в качестве выкупа шкурки бурундуков, белки, росомах, колонков и в конце концов отдал на съедение себя с тем, однако, условием, что люди исполнят все его требования, необходимые для возрождения).

Кайгусь мог проиграть своих животных чужому хозяину зверей (например, селькупскому), и тогда кеты оставались без добычи, а соседи (селькупы) успешно промышляли.

Чтобы обеспечить расположение Кайгуся, нужно было осуществлять все необходимые промысловые предписания и правила, в противном случае удача покидала охотника. Мужчина мог по-

---

[23] Прыжками, жестикуляцией и криком «уя!» (крот) охотник извещал население стойбища об обнаруженной им берлоге. Рассказывая о том, как он добыл медведя, охотник одевал на себя шкуру медведя, прикладывал к лицу «мордочку» (шкуру с носа и губ), подражал зверю телодвижениями, рычал, свистел бурундуком (кеты считали, что медведь может свистеть, как бурундук, и пользуется этим, чтобы ловить зверьков). Те же действия поочередно повторяли все присутствующие мужчины. У медведя при этом просили удачи в промысле, благополучия для семьи и т. д.

[24] Представления кетов о духах — защитниках и покровителях промысловой фауны находят широкие аналогии в верованиях других сибирских народов. Сравнительному изучению промысловых культов, а также выявлению их места в религиозной идеологии этих народов посвящены работы шведского ученого Ивара Паулсона, обобщившего с большой полнотой имеющийся по этому вопросу материал (Paulson, 1959, 1961).

[25] Последнее значение, по-видимому, наиболее древнее.

терять свой кайгусь, если его жена была неаккуратна, не соблюдала обряда очищений.

Кроме Кайгуся, кеты почитали хозяев природы — леса, воды, каменистых кряжей. Эти образы, как правило, не персонифицированы. Более четко прослеживается образ хозяина водных угодий (Ул'гыс'; русск. Ульгысь). Ульгысю кеты приписывали способность поднимать водяные бури, топить лодки на порогах и т. д. В ряде информаций образ Ульгыся сливается с образом хозяина рыб (Ул'тқајɣус').

Мифологической покровительницей пернатых, «матерью птиц», у кетов была Томœм, выступавшая в образе прекрасной женщины, живущей на юге. От нее зависело количество птиц, прилетавших на север, но непосредственного влияния на промысел боровой или водоплавающей дичи она не оказывала. К духам-покровителям кеты обращались с просьбой ниспослать удачный промысел, а чтобы умилостивить их, приносили подарки, угощали и т. д. Особенно тщательно обычай соблюдали в начале промысла.

Перед тем как поставить загородку котца в реке, варили уху, выливали ее в воду или в комель крупной лиственницы. Выполнял обряд пожилой человек, с наговором (просил удачной рыбалки). В озеро, где собирались рыбачить, бросали монеты, чашки, продукты, порох (то же бросали и в сам котец). Прежде чем пройти порог, останавливались, разводили костер, варили пищу. Часть ее, а также табак, порох бросали в воду.

Осенью, в начале охотничьего сезона, пекли пирог и оставляли его на некоторое время в передней части чума (кормили духов).

Перед началом промысловых сезонов и после их окончания кеты собирались на священных местах. Культовые места (*холај*, *холыј*, *холуј*) у кетов раньше носили родовой характер. До начала XX в. сохранялся обычай, запрещавший женщинам, вышедшим замуж, посещать холай своего экзогамного подразделения.

С ослаблением родовых связей все большее значение стали приобретать священные места нескольких родственных и отдельных семей; в XIX и начале XX в. их было большинство.

Название культовых мест связано с именем сверхъестественного женского существа (Холай), живущего якобы в лиственнице (ср.: *holīj* — «лесной дух»; Donner, 1955, стр. 49). Когда кеты говорят о Холай, то непременно упоминают о выдающейся размерами лиственнице, лиственничном пне, антропоморфном изображении (иногда это только лицо), вырезанном на коре лиственницы (рис. 24), наконец, о человеческой фигуре, вырубленной из ее пня (оставшегося корнями в земле). Холай иногда называют «первым человеком», говорят, что ее «находят».[26] Культовые места распо-

[26] Холай — сложный образ. Есть основание предполагать, что он связан с изображением убитого врага. Возможно также, что на местах, где «на-

лагались всегда на берегу реки, озера. Перед лиственницей обычно имелось семь крупных камней, лежащих полукругом.[27] Сбоку

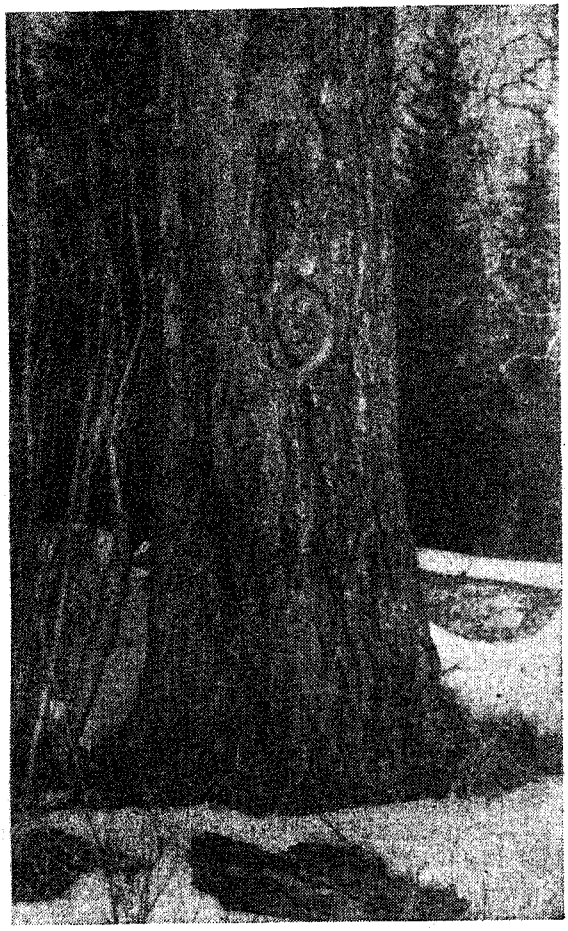

Рис. 24. Изображение хозяина озера на лиственнице.

от нее иногда стояли прислоненные к поперечине, прибитой к двум деревьям, антропоморфные фигуры — *дбс'н'* — «дети Холай».[28]

ходили» Холай, имелись культовые места предшественников кетов на этой территории.

[27] Число семь у кетов, как у самодийских и тюркских народов, имело магическое значение.

[28] Дбс'н' представляли собой тонкие стволы до полутора-двух метров длиной, верхний конец которых был заострен. Лицо обозначалось зарубками.

Собравшиеся варили угощение, «кормили» огонь, Холай, других духов-покровителей, одаривали их подарками (вешали приклады — лоскутки новой материи, бросали бисер, деньги, порох и т. д.). Уходя, оставляли маленькие рожны и угольки, чтобы Холай могла жарить себе пищу. Подарки, угощение оставляли всегда, оказавшись поблизости от своих культовых мест; чужих холай старались избегать. Если среди присутствующих находился шаман, устраивали камлание с целью обеспечить себе удачный промысел, однако оно было необязательным.[29]

Многие из промысловых верований и обрядов стали составной частью шаманства (см. ниже), но полного слияния не произошло. Большинство религиозных церемоний, связанных с промысловым культом, носило характер семейной и индивидуальной обрядности. Это в свою очередь способствовало переплетению промысловых верований с культом семейно-родовых покровителей.

К семейно-родовым покровителям обращались с целью обеспечить не только благополучие и здоровье семье, но и успех в промысле.

Главной семейной и родовой святынью у кетов, как и у многих других народов, был огонь. Огонь кеты считали женским существом (*боқœм; боқ* — «огонь», *œм'* — «мать»).[30] Его кормили, бросая в костер кусочки сахара, хлеба, жир и т. д.[31] Поленья в кострище укладывали только наискосок (считалось, что огню от поперечно положенных поленьев будет так же плохо, как человеку от застрявшей в горле кости). Запрещалось бросать в огонь мусор, сжигать «нечистые» предметы (например, берестяные подстилки, по которым ходили женщины), трогать огонь острым предметом (причинять боль) и т. д. Кеты наделяли огонь способностью предсказывать (характерным треском, направлением вылетевшей искры) результат промысла, путь охотнику, освобождать от «нечистоты» (отсюда обычай окуривания) и другими свойствами. Огонь старались не гасить: на ночь оставляли тлеющим толстое березовое полено; переезжая, поджигали березовый нарост (*wал'wa*) и перевозили его в берестяном туеске, обложив сырым мхом. До начала нашего века огонь у кетов почитался как охранитель и символ единства семьи, сохраняя при этом черты родового почитания. Огонь можно было передать только сородичам,

---

Семью косыми зарубками по бокам изображались ребра. Эти фигуры изготовляли по указанию шамана. При болезни кого-либо им приносили жертвы — смазывали кровью дикого оленя, вешали лоскутки и т. д.

[29] Около холай иногда хоронили шаманов или зарывали его ритуальный костюм и оставляли там бубен и другие атрибуты (см. ниже).

[30] Огонь олицетворялся в женском образе у большинства народов Сибири (алтайцы, шорцы, ханты, манси, эвенки, нганасаны, нивхи, нанайцы, юкагиры и т. д.).

[31] Особенно тщательно следили за кормлением огня перед промыслом. Пищу бросали в костер и при установке чума на новом месте, попадая на местожительства предков, во время грозы и т. д.

членам своего экзогамного подразделения, чужим его не отдавали, так как это якобы угрожало благополучию семьи.[32]

Другим видом домашних святынь были алэлы (*алэл бам*, *алал*, *алалят*, *алул*; *бам* — «старуха»), покровители очага, семьи, изображавшиеся в виде антропоморфных женских фигурок. Как правило, они однотипны (табл. VI, *1*). Их вырезали из кедрового дерева.[33] На выступающем лбу, подбородке прибивали тонкие медные пластины. Туловище и голову фигурки обычно оклеивали шкуркой колонка, белки, медведя, сверху одевали одежду, сшитую по образцу настоящей (распашной бесем, обувь), обматывали лоскутками новой материи и подпоясывали ремешком с нанизанными бусами. Бусами окаймляли край меха вокруг лица. На грудь подвешивали круглую медную пластину, напоминающую изображение небесных светил в шаманских подвесках.[34] Иногда это оказывалась старинная монета, литая бляха. Считалось, что алэлы помогают женщинам вести хозяйство, растить детей, облегчают им роды.[35]

Фигурки алэлов использовали при гадании (если алэл падал лицом вверх, ответ считали благоприятным).

Алэлов периодически кормили, меняли им «изношенную» одежду, ежегодно перед охотничьим сезоном обвязывали новой тряпкой (старые сохранялись под ней). Существовали определенные правила обращения: переносили и переодевали алэлы только до полудня; держали в «чистой» (против входа) части жилища в берестяном туеске или деревянной коробке, лицом на восточную сторону (сверху туесок, коробку обычно закрывали чем-нибудь); кормили в лунные вечера; поясок заматывали посолонь и никогда не завязывали узелком и т. д.

Несмотря на то что всю обрядность с этими семейными покровителями совершали женщины, передавались они по мужской линии (обычно младшему сыну). Если в семье были только женщины и они выходили замуж в другой род, фигурки передавали другим родственникам — мужчинам, вплоть до самых дальних. Вот почему в некоторых семьях оказывалось по нескольку таких изображений.[36] Чужеродцам алэлов не отдавали (старались даже,

---

[32] Отголосок этого обычая сохранился до наших дней в запрете одалживать спички у неродственников.

[33] В. И. Анучин описал алэл, представляющий собой три соболиные шкурки, вложенные одна в другую и обернутые тряпками (1914, стр. 86). Как исключение встречались алэлы из камня, естественные формы которого напоминали человеческую фигуру.

[34] Г. Д. Вербову на Подкаменной Тунгуске объяснили, что это «сердце старухи» (АИЭ, ф. 2, дневник 1938 г.).

[35] Кеты верили, что алэлы «работают» ночью, когда люди спят. В доказательство их деятельности любят показывать стертую подошву на обуви фигурок. Им также приписывалась способность содействовать промыслу.

[36] Согласно В. И. Анучину, впервые алэл изготовляли тогда, когда человек обзаводился собственным хозяйством (чумом). Им же отмечен шаманский обряд оживления (вселения души) алэла. Относительно таких обрядов

Табл. VI. Культовые предметы.

1 — изображение домашнего покровителя (алэл).

Табл. VI *(продолжение).*

2 — изображение умершего родственника (данголь с).

чтобы те не попадались им на глаза).[37] Особые женские покровители семьи имелись, кроме кетов, у самодийских народов (ненцев, селькупов), угорских и некоторых тюркоязычных народов.[38]

В качестве фетишей (охранителей семьи) кеты хранили также камни необычной формы (прежде всего антропоморфной), старинные или редкие предметы (например, бронзовые зеркала) и т. д.

В культе охранителей (огонь, алэлы), сохранившемся в конце XIX—начале XX в. в семейной форме, прослеживаются черты родовой организации. Этим культом как бы укреплялась и освящалась солидарность сородичей, их взаимная связь. Характерно, что хранителями домашних святынь и исполнителями обрядности были женщины. Этот факт, а также женское олицетворение семейных святынь [39] находит широкие этнографические и археологические параллели и имеет очень древние корни (Токарев, 1961; Абрамова, 1966). Культ семейно-родовых покровителей сохранялся до начала XX в. в самостоятельной форме, к шаманству он имел самое незначительное отношение.[40]

Непосредственное влияние на исход промысловой деятельности, по представлениям кетов, могли оказать умершие родственники. Эти верования, сходные с культом домашних покровителей, выступают в более сложном переплетении с другими религиозными представлениями, в частности с шаманскими.

Кроме алэлов, в некоторых семьях хранили и передавали потомкам по мужской линии изображение умерших — *данǫ'л'с* (русск. дангольс). Дангольс — это изображения людей, умерших «не своей смертью», или людей, отличавшихся при жизни «мудреностью», причастностью к сверхъестественному. Изготовляли их по указанию шамана, если часто видели умершего во сне.[41] Дангольс представляли собой миниатюрную одежду (рубашка, распашная одежда и т. д.); [42] иногда под ней находился свернутый

современные кеты не могли сказать ничего. Несмотря на то что алэлы, с которыми связываются представления о благополучии семьи (и в этом причина их большой живучести), имеются во многих семьях, вновь изготовленных среди них встречать не приходилось. Все они очень старые (дерево напоминает по твердости кость, оно черное и блестящее от времени).

[37] У кетов легче приобрести любой предмет, имеющий отношение к шаманству, чем эту домашнюю святыню. Исключение представляют те редкие случаи, когда не оказывалось никого из родственников. Алэлы тогда «теряли силу», их могли отдать постороннему человеку.

[38] Особенно близок кетский культ алэлов культу «бабушек» у алтайцев и телеутов (Дыренкова 1937; Каруновская, 1927).

[39] Термины *боǫ* (огонь) и *алэл* относятся к женскому именному классу (Крейнович, 1961, стр. 116).

[40] При лечении больного шаман иногда требовал сменить одежду алэлов, повязать на больное место пояс алэла (ниточку бисера) и т. д.

[41] Злая Хоседам якобы посылала душу умершего назад, ее и видели во сне. Изображение умерших было характерно для хантов, манси (Чернецов, 1959, стр. 148—151), ненцев (Хомич, 1966, стр. 288).

[42] С одеждой кеты связывали представление о душе (см. раздел о погребальном обряде).

из материи валик или антропоморфная фигура (табл. VI, *2*). Непременная принадлежность — одна или несколько пуговиц у ворота — их и считали лицом дангольса. Дангольс помещались вместе с алэлами, но в отдельной связке. Их кормили. Если дангольс изображал умершего мужа, вдова доедала угощение за него.

Если алэлы помогали главным образом в домашнем хозяйстве, то сферой деятельности дангольс был промысел: считалось, что дангольс бежит впереди охотника и обеспечивает ему удачу. Про удачливого человека говорили, что у него есть дангольс.

В культе дангольс можно усмотреть некоторые элементы культа семейно-родовых предков, выступавшего в нерасчлененной форме с шаманскими представлениями и культом умерших.

ШАМАНСТВО

Как было отмечено, в кетское шаманство вошли и переплелись различные верования и обряды, не связанные с ним своим происхождением и существовавшие наряду с ним в самостоятельной форме. Это положение прежде всего относится к промысловым верованиям: к шаману обращались, чтобы обеспечить себе удачу в промысле, в то же время каждый человек с этой же целью самостоятельно совершал определенные обряды. Независимо от шамана осуществлялись семейно-родовые и погребальный культы, хотя некоторые связанные с ними верования стали составной частью шаманства.

Как и у других народов, в основе шаманства лежало представление о способности особого лица, шамана (*сениң*), выступать посредником между людьми и сверхъестественным миром. Главным действием шаманского ритуала было камлание, рассматривавшееся как способ общения с этим миром. Во время камлания шаман, одетый в церемониальный костюм, приводил себя и в определенной степени всех присутствующих в гипнотическое состояние посредством пения и пляски под ритмичные удары бубна. Кеты верили, что во время камлания к шаману слетались вызываемые им духи. Участниками шаманского действия являлись как традиционные, известные всем мифологические существа (духи-хозяева, Кайгусь, злая Хоседам, добрый Есь и т. д.), так и особые духи (*комис'н'*), действующие только в шаманских церемониях, иногда вызванные к жизни самим шаманом в процессе камлания. Считалось, что эти духи могли перейти по наследству к преемнику шамана, поэтому они продолжали жить в шаманских представлениях.

Индивидуальное происхождение шаманских духов обусловливало их изолированное положение среди других мифологических образов. Шаман в своих песнях обращался к «верхнему» (в смысле верховий реки) божеству (Утэес'; *утэ* — «верховья», *ес'* — «небо»), «нижней» матери (*Тыɣыл'œм* — иносказательное

обращение к Хоседœм; *тыҷы* — «низовья реки»),[43] матери воды (Ул'œм), матери Кайгуся (Кайгус'œм), хозяйке дня и ночи и т. д.[44]

Во время камлания шаман подражал голосам животных и птиц, в образе которых являлись ему духи: кричал лебедем, орлом, гагарой. У каждого шамана была своя песня, т. е. определенная мелодия, состоявшая, как правило, из 7 частей. Шаману при камлании обычно помогал другой человек — *нетоқ* (чаще всего родственник). Он подпевал шаману, подавал ему атрибуты, помогал одеваться и т. д.[45]

Кеты считали, что шаманский дар передавался по наследству от умершего шамана к его потомкам, при этом строго соблюдалось чередование лиц разного пола. После смерти шамана ему наследовала его дочь, затем шаманом мог стать внук (сын дочери), правнучка (дочь внука) и т. д. Если по какой-либо причине последовательность нарушалась, очередность линии наследования непременно сохранялась (например, если у шаманки не было сына, шаманом становился внук, правнук и т. д.).[46]

Человек, призванный стать шаманом, проявлялся особенностями своего поведения. Это могло случиться в раннем детстве (например, ребенка, уложенного вечером в колыбель, утром «находили «перевернувшимся», т. е. головкой в ножной части колыбели), но чаще в возрасте 18—20 лет. Считали, что шаманский дар мог проявиться и у человека зрелого возраста (например, если он неожиданно поправлялся от длительной, тяжелой, считавшейся неизлечимой болезни). Согласно В. И. Анучину, призвание заключалось в явлении человеку образа умершего шамана и его духов, которые начинали мучить, беспокоить призываемого. Человек становился нелюдимым, пугливым, с ним случались припадки. Окружающие считали, что в него вселились духи и называли его *дарид*. В таком состоянии человек мог находиться до двух лет, пока он не становился «хозяином» своих духов. В этот период к начинающему приглашали опытного шамана и тот «поправлял» (обучал) его. Шаман мог и совсем избавить человека от мучивших его духов.[47] «Справившись» с духами, человек получал первую колотушку и становился «маленьким шаманом» (*хэнэ сениң*). Приблизительно через год ему изготовляли другую колотушку, повязку на голову и нагрудник. С этого момента он становился настоящим шаманом.

---

[43] Хоседам иногда называли «Большая мать», а Ея — «Большой отец».

[44] Налицо преобладание женских образов в мифологическом пантеоне кетов.

[45] Подробное описание камланий кетских шаманов имеется в книге В. И. Анучина (1914, стр. 29—32).

[46] Там же, стр. 23—24.

[47] Согласно В. И. Анучину, человек не мог освободиться от шаманского призвания (1914, стр. 24).

Затем шаману изготовляли остальные атрибуты и одежду. «Большим шаманом» (*қœ сениң*) считался тот, кто имел не один, а два бубна, что свидетельствовало о его особом могуществе.

Лечение было одной из главных функций шамана.[48] Оно проводилось как посредством камлания, во время которого шаман якобы доходил до владений Хоседам и боролся с ней или другими злыми силами за душу больного, так и путем магических действий, направленных на самого больного: извлечение «камня болезни», заговаривание при кровотечении, использование амулетов (повязки на голову, ниточки бус на шею), заворачивание в одежду шамана и т. д.[49] Иногда шаман требовал жертвоприношения. Тогда родственники больного забивали оленя (собаку) белой или черной (при камлании в «нижний мир») масти.

Шаманские камлания устраивались, кроме того, перед началом и по окончании промысловых сезонов, а также для предсказания, гадания и т. д. За лечением обращались только к шаманам-чужеродцам, «свою кровь» шаман не мог лечить. Камлания же с целью обеспечить удачу в промысле и гадания носили семейно-родовой характер.

Для гадания шаману не обязательно было одевать весь церемониальный костюм, из атрибутов он пользовался только колотушкой.[50]

Церемониальный костюм шамана состоял из парки, нагрудника, обуви, головной повязки или железного головного убора — «короны». Принадлежностями шамана являлись также бубен с колотушкой и посох. Согласно В. И. Анучину, шаманы у кетов получали облачение и атрибуты в строго установленном порядке: 1) колотушка; 2) повязка на голову; 3) нагрудник; 4) обувь; 5) рукавицы; 6) бубен с новой колотушкой; 7) посох; 8) парка и железный головной убор; 9) второй бубен. В особых случаях (например,

---

[48] Здесь, впрочем, шаман не был монополистом. В некоторых случаях (в частности, если не доверяли силе шамана), за помощью обращались к колдунам — *баңбс* (см. ниже).

[49] Кеты видели причину болезни не только в определенном состоянии души (см. раздел о погребальном обряде), но и во вредном воздействии материального предмета, попавшего в тело человека. Им мог быть, например, камень, потерянный кем-то из сородичей. После извлечения шаманом «камня болезни» его тщательно хранили, так как, будучи утерянным, он мог снова вызвать заболевание сородича (яркий пример родовой солидарности). Это более древнее (чем представление о душе) верование о причине болезни характерно для селькупов, а также для некоторых групп североамериканских индейцев (Богораз, 1928б, стр. 98; Народы Америки, т. I, 1959, стр. 280).

[50] Среди шаманов у кетов встречались лица с незаурядными артистическими способностями: сильным голосом, даром импровизации и т. д. Такие шаманы пользовались особой популярностью и выступали часто в роли сказителей, певцов. В. И. Анучин отмечал, что шаманы, не обладавшие способностью создавать легенды и изображать их героев, не имели успеха (1914, стр. 23). В связи с этим интересно отметить, что само слово «шаманить» (прош. вр. *ді̀л'hот*) включает компонент *іл'* — «песня» (там же).

если человек не считал себя способным стать «большим шаманом» допускалось нарушение этой последовательности, и тогда шаман, имевший только колотушку, повязку и нагрудник, получал сразу посох.[51]

Парка шамана была из шкуры одного дикого оленя.[52] От повседневной распашной ровдужной или меховой одежды она отличалась только тем, что спинка ее оканчивалась острым мысом, срезанным от боков к середине. Шили парку меховой стороной внутрь, мех коротко подстригали или счищали совсем. Кожу окрашивали отваром ольховой коры. Нагрудник (*кутн'*) представлял собой узкое, расширяющееся книзу полотнище, закреплявшееся завязками на шее и спине. Обувь также не отличалась от обычной летней обуви из ровдуги, нижняя часть ее, головка, окрашивалась отваром коры. Головная повязка была в виде узкой полоски ровдуги с ремешками-завязками на концах; одевали ее на лоб, ремешки завязывали на затылке. Повязку мужчины носили до появления у них железного головного убора; женщины-шаманки носили только повязку. Рукавицы шамана не отличались от обычных. Их украшали вышивкой подшейным волосом оленя, прикрепляли к ним антропоморфные фигурки из красной меди.

Особенность шаманской одежды — это изобилие подвесок (медных, железных, оловянных) и рисунки, выполненные охрой по коже и частично окантованные подшейным волосом оленя.[53]

Основной сюжет рисунка — стилизованная антропоморфная или зооморфная фигура (на парке) в центре, солнце и луна по сторонам от нее, внизу фигурки людей. Вильчатый узор, согласно В. И. Анучину, обозначал людей. На обуви, кроме вильчатого орнамента, имелись стилизованные звезды и деревья.

Подвески на костюме шамана изображали части скелета (ребра, челюсть, ключицы, голени, икры, коленные чашечки), медвежью ступню, зооморфных (главным образом птицы — орел, гагара, лебедь) и антропоморфных помощников шамана, вселенную (земля, солнце, млечный путь), средства передвижения шамана (лодка, нарта), его оружие (лапа орла, копье, посох). Кроме того, на парке и нагруднике имелись многочисленные трубчатые подвески, создававшие шумовое сопровождение камлания.

---

[51] Этот момент интересен не только потому, что выявляет важность тех или иных атрибутов. Возможно, он отражает более ранний этап в кетском шаманстве, когда шаман не имел особого костюма и некоторых атрибутов, в частности бубна.

[52] Краткое описание атрибутов кетского шамана сделано в основном по материалам В. И. Анучина (1914, стр. 32—83).

[53] Специальных названий для шаманской одежды не имелось. Парка, обувь, головной убор и повязка назывались так же, как соответствующие элементы повседневной одежды. Нехарактерным для последней был только нагрудник, хотя есть основания предполагать, что когда-то с распашной одеждой, оставляющей грудь открытой, кеты носили нагрудник из заячьей шкуры.

Наиболее распространенный головной убор представлял собой железный ободок, надевавшийся на голову. Он соединялся продольной полосой с отогнутым и оформленным в виде ножа передним концом и ответвлениями — рогами. Особо интересны головные уборы с изображением птиц на отогнутых отростках, отходящих от ободка (МАЭ, колл. 27-25).

Шаманский костюм кетов (парка, нагрудник, повязка на голову и железный головной убор) был сходен с одеждой селькупских шаманов. У эвенков бассейна Енисея шаманы одевали парку, срезанную к середине спинки острым мысом.

Бубен, помимо основной своей функции (звукового сопровождения камлания), служил местом сбора духов шамана и его средством передвижения. Бубен кетского шамана (*хас'*) был круглый, с широкой обечайкой из кедрового дерева, обтянутой кожей дикого оленя, и с плоской узкой внутренней рукоятью. Особенность кетского бубна — наличие резонаторов на внешней стороне обечайки. На прикрепленных к обечайке железных поперечных стержнях (место, куда садились созываемые духи), на железных скобах, закрепленных с внутренней ее стороны, имелось большое количество подвесок, изображавших главным образом птиц — помощников шамана (двуглавый орел, лебедь, гагара), а также подвесок для шума. Количество подвесок свидетельствовало о силе шамана. На обечайке и внешней поверхности обтяжки охрой наносили рисунки.

Рисунок на обтяжке был сходен с таковыми на парке и нагруднике: антропоморфное изображение (шаман) с пятью отходящими от головы лучами, солнце и луна по обе стороны от него, ниже луны животное (лось). Рисунок изображал вселенную — *илл'бан*. Кроме того, полукругом обозначалось семь морей, в шести из которых имелись рыбы. На обечайке последовательно были нарисованы: человек, олени (или собаки), шаман, шаманский посох (или шаманское дерево), чум, стойбище (Анучин, 1914, стр. 50).

Шаманские бубны подобного типа встречались на Саянах, Алтае, в среднем течении Енисея, на Тазу и в бассейне Оби (до устья Ваха и Васьюгана). Согласно классификации Е. Д. Прокофьевой, кетский бубен относится к саяно-енисейскому варианту южносибирского типа. Такие же бубны, кроме кетов, имелись у селькупов, сымских эвенков, ваховских хантов, восточных тувинцев, тофаларов, качинцев, бурят. Близок саяно-енисейскому шорский (шорцы, качинцы, сагайцы, бельтиры, телеуты, кумандинцы) и алтайский (алтай-кижи, челканцы, теленгиты, кумандинцы, западные тувинцы) варианты того же типа (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 439, 449; Вайнштейн, 1961, стр. 22, 186).

География распространения бубна, однотипного кетскому, свидетельствует о древних связях предков кетов и населения Южной Сибири, в частности саянских племен, потомками которых

явились современные селькупы, тувинцы, тофалары, шорцы, группы алтайцев и хакасов. Близость бубна у кетов, сымских эвенков и ваховских хантов, по-видимому, объясняется поздними связями на территории современного расселения.

Колотушка к бубну — *хат бул'* (букв. «бубна нога») у кетов была одинакова с селькупской. Она представляла собой узкую лопаточку из кедра, обтянутую с наружной стороны шкуркой со лба оленя (или соболиной). Внутренняя сторона ее продольно разделялась на две половины, выкрашенные охрой в красный цвет (небо) и сажей в черный (земля). Посредине прикреплялось изображение ящерицы из железа.

Колотушкой шаман бил по бубну, ударял себя по ноге, обносил ее вокруг туловища и т. д. Подбрасывая вверх, колотушкой гадали. Как было отмечено, шаман получал и пользовался первой колотушкой независимо от бубна. Колотушка являлась непременным атрибутом у шаманов, никогда не имевших бубна. Возможно, эти факты свидетельствуют о существовании у кетов на определенной стадии шаманства без бубна и о самостоятельной роли колотушки. Можно также предположить, что колотушке селькупского типа, появившейся вместе с бубном (также сходном с селькупским), предшествовала другая колотушка — лапа медведя (см. ниже).

Посох шамана (*тауқс'*) представлял собой плоский железный прут (95—110 см) с трезубцем на верхнем конце и раздвоением на нижнем. К стержню приковывали перекладины, концы которых были округлыми, иногда отогнутыми вверх. Перекладины, по представлению кетов, служили местом, куда садились созываемые шаманом духи (как и на поперечные стержни бубна). Количество перекладин свидетельствовало о силе владельца посоха: чем больше их было, тем большим количеством духов-помощников располагал шаман. Посох являлся необходимым атрибутом при камлании (вспомним последовательность получения шаманом вещей, а также тот факт, что шаманы без бубна пользовались вместо него посохом). Посох олицетворял собой легендарное мировое (шаманское) дерево.[54] Возможность камлания с посохом-деревом вместо бубна (при отсутствии такового) свидетельствует в пользу предположения о существовании у кетов камлания без бубна.[55]

---

[54] Символом шаманского чума в рисунке на обечайке всегда было стилизованное изображение посоха или дерева (Анучин, 1914, стр. 60). Шаманское дерево или равнозначное ему изображение посоха являлось центральной фигурой традиционного сюжета предстояния, вышолненного резьбой на заднике ручных нарт, наддверной дощечке лодки-илимки (рис. 25).

[55] Камлание без бубна имело место у алтайцев, якутов, бурят; есть основание предполагать его у селькупов и шорцев. У шорцев бубен иногда заменяла березовая ветка (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, стр. 450); березовая ветка фигурировала при камлании у хакасов-качинцев (Народы Сибири, 1956, стр. 392). Первой принадлежностью шаманов у вос-

После смерти шамана с его облачения снимали все подвески и хранили их в мешке из шкурки гагары (*бит'*). Одежду, бубен относили в лес и вешали на деревьях. Согласно В. И. Анучину, если умирал «большой шаман» (с полным облачением), то его костюм сохраняли, а в лесу оставляли специально изготовленную обрядово-погребальную одежду, копию настоящей (1914, стр. 33).

Кроме бубна, колотушки и посоха у шамана имелся ряд предметов, называвшихся общим термином — *сениңдэкыс'н'* (духи

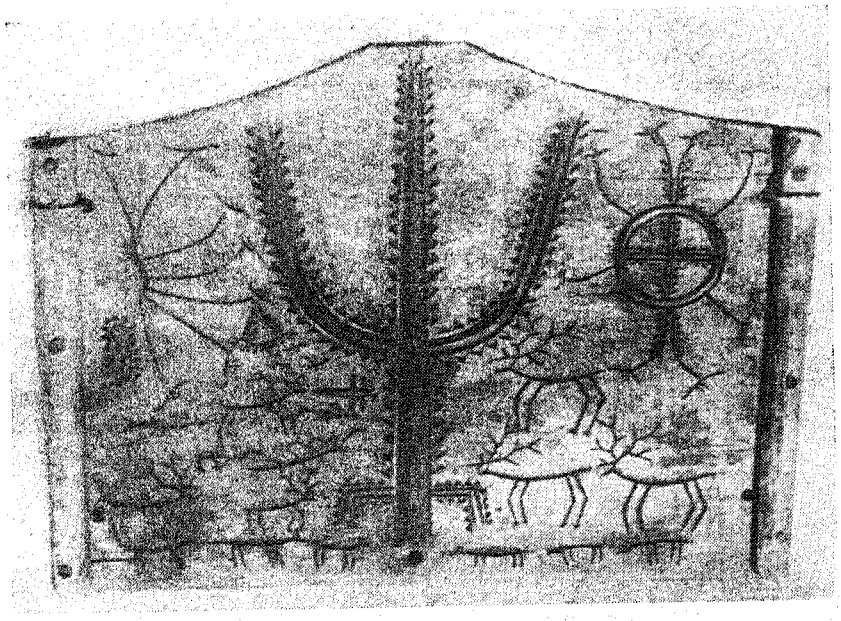

Рис. 25. Резьба на спинке ручных нарт (ККМ, колл. 159-6).

шамана). Сюда относятся различные антропоморфные и зооморфные (преимущественно птицы, змеи, медведь, ящерица и т. д.) фигуры из железа и т. д.[56]

Атрибуты шамана при переездах всегда перевозили мужчины. У оленных групп для этой цели запрягали только особого, «священного» оленя (*қоқс'сел'*) белой масти, не использовавшегося для других целей.

точных тувинцев являлся березовый жезл (*даяк*), с которым можно было камлать без бубна (Вайнштейн, 1964, стр. 2).

[56] В старом лабазе елогуйского шамана среди прочих вещей хранились следующие предметы: маленькая лодка-долбленка, концы которой были оформлены в виде головы и хвоста; прикрепленная к ней острога, напоминающая посох шамана; миниатюрный лучок и стрела; фигурки медведя и женщины, связанные вместе. Все предметы были из олова.

Кроме лиц, обладавших всем комплексом атрибутов или важнейшими из них, существовало большое количество лиц, считавшихся если не шаманами, то причастными к шаманству.[57] Они «лечили» легкие недомогания, гадали о предстоящем промысле, «разыскивали» потерянные вещи и т. д. Вместо колотушки пользовались имевшейся почти в каждой семье лапой медведя или деревянной поварешкой.[58] Других атрибутов и специального костюма у них не было. Такими шаманами становились лица, проявившие когда-то состояние психической неуравновешенности (что считалось признаком «шаманской болезни» — получения духов), но дар их по наследству не передавался.[59] Возможно, этот факт свидетельствует о длительном сохранении в кетском шаманстве пережитков семейного шаманства, характерного для ранней стадии развития данной формы религии.

Шаман у кетов олицетворял собой птицу. Согласно легендам, первым шаманом был орел (или орел научил людей шаманить). Легендарные шаманы выступают также в образе лебедей.[60] Считалось, что во время камлания шаман в образе птицы летал в разные края, в частности на юг, на места зимовок.[61] Особенно сильными считались те шаманы, которые проявили свою причастность к шаманству («получили своих духов») весной, с прилетом птиц. Ко времени прилета птиц обычно приурочивали изготовление шаманского одеяния и других атрибутов.[62] Летом, в период

---

[57] «Больших шаманов» имелось немного, и они были известны далеко за пределами своей территориальной группы. В. И. Анучин в 1909 г. знал только трех «больших шаманов» и одиннадцать «маленьких» (1914, стр. 32).

[58] Поварешке кеты придавали особое значение, как предмету, обладающему магическим воздействием на благополучие семьи.

[59] Наличие таких «домашних шаманов» дало повод говорить о чрезвычайном распространении шаманства у кетов. А. К. Львов отмечал, что на каждые 4—5 чумов приходится по шаману (1931). Согласно другим данным, в той же елогуйской родовой группе на 70 семей приходилось более 11 шаманов (ЕГА, ф. 183, оп. I, д. 104, л. 104).

[60] Запрет убивать орла, лебедя, гагару сохранялся до начала XX в.

[61] Шаманы в своих песнях более всего обращались в верховья рек (прежде всего Енисея), якобы населенные добрыми духами, упоминали и «каменную землю» (*тəң баң*). Возможно, последнее имеет свои корни в действительной истории кетов и является трансформированным воспоминанием о местах прежнего жительства в предгорьях Саян. Сходство некоторых деталей шаманского костюма и атрибутов (изображение костей на облачении, употребление рогов на головном уборе, особенности устройства бубнов) у кетов и ряда современных и прежних жителей Саяно-Алтая (тувинцев, тофаларов, хакасов, селькупов, энцев и др.) как свидетельство их этнических связей отмечено С. И. Вайнштейном (1964, стр. 7—8).

[62] При этом собиралось все взрослое население стойбища. Мужчины и женщины сидели в два круга. Мужчины ковали, женщины шили. Шаман пел, сопровождая пение ударами колотушки в бубен. Это продолжалось несколько дней; в конце камлания устраивался сеанс гадания. Собравшиеся держались за одну веревку, шаман обходил их по кругу, спотыкался и останавливался около человека, которому предстояло несчастье. Если ему было по силам, шаман брался предотвратить беду.

линьки птиц, шаман, как и сами птицы, по представлению кетов, становился беспомощным и был наиболее уязвим для своих врагов. С образом птицы, по-видимому, связана и такая особенность парки шамана, как заостренная наподобие хвоста мысом спинка, подвески в виде птичьей лапы и птиц, а также иносказательное название колотушки («хвост пальника»), головной убор с изображением птиц (гагар) и т. д. Однако железный головной убор и некоторые подвески (рога, кости ног) связаны своей семантикой с медведем, оленем. В этом противоречии, видимо, проявляется разновременность формирования шаманских представлений и атрибутов, разные этнические влияния. Какие из этих представлений наиболее древние и с какими именно этническими компонентами связано их появление — это вопросы очень сложные, требующие самостоятельного изучения.[63]

Но уже сейчас имеющийся материал позволяет сказать, что так называемые медвежьи элементы, проявляющиеся в шаманских представлениях и атрибутах, являются частью целого комплекса верований, сохранявшихся наряду с шаманством в форме родовых медвежьих праздников.

Эти верования составляют определенный пласт в кетском шаманстве, что и дает возможность говорить о них как об особой форме «медвежьего шаманства».

До начала XX в. у кетов существовали шаманы, главным духом которых был медведь, хозяин подземного мира. Такие шаманы камлали только в «нижний мир». Шаманы одевали на себя одежду, сшитую из неочищенной от меха шкуры медведя; парку при этом составляла центральная часть шкуры, обувь — шкура с задних лап, рукавицы (до локтя) — шкура с передних лап. Головным убором служила повязка в виде узкого ободка вокруг головы, соединенного поперечной полоской вдоль темени. Некоторые из таких шаманов имели очень своеобразные железные головные уборы (рис. 26). На парке, обуви и рукавицах (рис. 27) у них были прикреплены железные подвески, изображавшие кости медведя.[64]

Из атрибутов у «медвежьих шаманов» имелась лапа медведя (или колотушка, обтянутая шкурой с лапы медведя) и «мордочка» (кожа с носа и губ медведя). Первая выполняла функции колотушки, вторую шаман прикладывал к лицу или одевал с помощью петли из ровдужных ремешков. Сеанс камлания такие шаманы проводили непременно в темном помещении (при погашенном костре). Местом сбора духов являлся медный котел. Главным среди духов был медведь. Шаман, подражая медведю, топал ногами, рычал, фыркал. Цель таких камланий, как и обычных, — лечение

[63] Двойное значение и превращение костюма птицы в костюм оленя (лося) было отмечено Г. М. Василевич у эвенков.

[64] Подвески, изображавшие кости ног медведя, как было отмечено, встречались и на обуви из оленьей шкуры.

всех (кроме своих ближайших кровных родственников), гадание о предстоящем промысле и т. д. Шаманы, имевшие костюм из шкуры медведя, никогда не ели мяса этого животного и, как правило, не охотились на него.[65]

Интересно отметить, что в конце XIX в. у кетов были шаманы, которые имели как костюм из медвежьей шкуры, так и одежду из оленьей шкуры и прочие обычные атрибуты — бубен, коло-

Рис. 26. Головной убор шамана.

тушку, посох. Одевая медвежий костюм, такой шаман пользовался только лапой медведя или колотушкой, обтянутой шкурой с лапы медведя (*койдэбул'* — «медвежья нога»), а не бубном и колотушкой к нему.

В особенностях «медвежьего шаманства» видна преемственность и генетическая связь с ритуальными действиями во время праздника по случаю добычи медведя, непосредственными действующими лицами которого были не отдельные люди, а все участники церемонии (см. об этом в разделе о промысловом культе). Отрубленная лапа медведя на всем протяжении праздника служила атрибутом гадания. Подбрасывая ее, выясняли, кто из умерших

[65] По другим сведениям, такой шаман мог добыть не более 39 медведей; костюм шаману изготовляли непременно из шкуры медведя, в охоте на которого он участия не принимал.

родственников явился в образе медведя, сколько дней будет гостить и т. д.[66]

Древние религиозные верования, восходящие к культу медведя, прослеживаются и в шаманстве других сибирских и североамериканских народов.

Эвенкийские шаманы одевали во время камлания парку, символизирующую животное (оленя, лося или медведя), сшитую

Рис. 27. Рукавицы «медвежьего шамана».

из шкуры этих животных. Одежду из шкуры медведя, как и у кетов, эвенкийские шаманы одевали, камлая в «нижний мир».[67]

Шаманские костюмы из медвежьей шкуры были известны селькупам. Якутские шаманы имели своего звериного двойника, выступающего в том числе и в образе медведя (Народы Сибири,

[66] Здесь ярко проявляется сохранение в шаманстве обрядовой стороны древних представлений (возрождение добытого животного) при изменении их идейного смысла (для лечения больного).

[67] Устное сообщение Г. М. Василевич.

1956, стр. 301). У североамериканского племени черноногих шаманы при лечении больного одевали шкуру желтого медведя и подражали ему прыжками, криками (Токарев, 1964, стр. 287).

Древность представлений, связанных с медвежьим культом, дает возможность рассматривать «медвежье шаманство» кетов как стадиально более ранний пласт в развитии шаманских верований.[68]

Камлание «медвежьих шаманов» сопоставимо с обращениями в «нижний мир» кетских *баӈбс* (русск. бангос; *баӈокет*; *баӈ* — «земля»).[69] В лице бангоса переплетались знахарь, сновидец, колдун, предсказатель.[70] Обычно это были старухи (реже — старики), иногда совсем слепые. Главным их покровителем, по представлениям кетов, являлся *баӈул'с* (русск. бангульс; *баӈлитыс'* — «земляной дьявол»). Из атрибутов у них имелись изображения бангульса, а также амулеты (высушенная летучая мышь, крот, узелок с землей и т. д.).

Дар бангоса считали врожденным, но его можно было приобрести путем определенных магических действий: проглотив правый глаз белки-летяги, съев изжаренную на семи рожнах кукушку и т. д.

Бангос «лечили» (к ним обращались, если шаман не мог помочь) заговорами и с помощью амулетов, предсказывали судьбу посредством сновидения, гадали. По данным В. И. Анучина, они могли насылать на людей болезни — ревматизм, желудочные боли и т. д. Своими заклинаниями бангос могли отогнать грозовую тучу, заставить стихнуть ветер и т. д. У каждого из них были свои наиболее благоприятные для их действий сроки.

Бангос и шаман противостояли, а иногда и открыто враждовали друг с другом. Действия первого могли ослабить силу шамана.[71] Враждебные отношения с шаманами объясняются, по-видимому, не только соперничеством этих отправителей религиозного культа. В представлении о борьбе духов шамана и магической силы бангос, возможно, сказывается противопоставление более ранней формы религии (знахарства) и появляющейся на определенном этапе новой (шаманства с его представлениями о «верхнем мире»). «Медвежье шаманство», связанное с камланием в «нижний мир», стоит ближе к магическим действиям бангос. Сближает их также отсутствие специальных атрибутов, в частности бубна, обязательного при камлании в «верхний мир». Все эти вопросы тре-

---

[68] Ритуальное почитание медведя древними насельниками Западной Сибири прослеживается с эпохи неолита (Троицкая, 1963; Мартынов, 1963).

[69] Согласно В. И. Анучину, таких людей называли также *никкор'*. Интересно его замечание, что среди колдунов часто встречались профессиональные кузнецы (Анучин, 1914, стр. 16, 17, 19, 25).

[70] Такого же рода колдуны имелись у селькупов.

[71] Присутствие бангоса при камлании было нежелательным. Шаман боялся его амулетов и т. д.

буют дальнейшего специального изучения. Однако предположительно можно представить, что на определенном этапе у предков кетов сосуществовало знахарство (*баңбс*) и шаманство в его наиболее ранней форме — «медвежьего шаманства», выросшего на почве тотемического культа медведя. Новый пласт в развитии шаманства составили представления, связанные с «верхним миром». Им соответствовало и появление атрибутов, а именно бубна и колотушки к нему. Можно думать, что появление этого пласта в шаманских представлениях предков кетов связано с периодом их контактных отношений с саянскими племенами.

В шаманских представлениях кетов нашли отражение некоторые стороны общественной жизни народа, в частности межродовые и межплеменные отношения.

Во многих преданиях героями являются легендарные шаманы — Доγ (Доγо) и Уқwол, представители двух основных экзогамных подразделений Қэн'тāн и Боқдэjгет. Оба шамана в преданиях действуют и совместно, и поодиночке.

Во время камлания шаман, обращаясь к духам, всегда называл свою родовую принадлежность. Шаманы из разных родов, но принадлежавшие к одной экзогамной группе, выступали как союзники в борьбе против чужеродных. Враждебные отношения особенно ярко проявлялись по отношению к шаманам-иноплеменникам. Так, елогуйские шаманы объясняли неудачи в лечении, предсказаниях вмешательством эвенкийских и селькупских шаманов, живших в верховьях р. Таза.[72] В то же время имеется много примеров, свидетельствующих о дружественных отношениях шаманов из разных родовых и племенных групп. Шаманы даже могли обмениваться своими духами и песнями.[73]

Шаман не только выступал в роли защитника сородичей от злых сил, но и являлся главным действующим лицом в проявлении некоторых сторон общественной и семейной жизни, в частности он возглавлял обряд разрешения споров между сородичами, выступал в роли свата и принимал участие в свадьбе и т. д. В легендах шаман иногда фигурирует как предводитель сородичей (но не в военных походах, а, например, при переселении и т. д.).[74]

[72] Шаманы показывали сородичам следы ран, полученных в борьбе с чужими шаманами. Осенними вечерами боялись долго сидеть, так как считалось, что в это время по льду замерзших рек приходит чужой шаман и выуживает через дымовое отверстие людей (их души), поднимая за палец, подбородок. Вытянутого человека шаман подбрасывал (как колотушку при гадании), и если тот падал лицом вниз, ему было суждено умереть. Свой шаман боролся с чужеродцем и старался отнять человека (душу), но когда это ему не удавалось, человек через определенное время заболевал и умирал.

[73] Курейские кеты, например, рассказывали, как эвенкийский шаман Адорча передал свою песню кету Серкову, и тот ее пел. В другом случае, однако, смерть шамана связывали с пагубным воздействием принятых им чужих духов.

[74] Роли шамана как защитника рода противоречит запрет лечить сородичей. Учитывая неоднократность подобного свидетельства, считать случай-

Связь шаманства с родовым культом прослеживается в обычае изготовлять и хранить изображение умершего родственника-шамана (см. о данголь с в разделе семейно-родовых культов).

На кетском материале прослеживается развитие шаманства от его наиболее ранних семейных и родовых форм к профессиональному. Существование большого количества шаманов без специального (или при отсутствии полного комплекса) облачения и атрибутов, не выделявшихся из основной массы населения, возможно, свидетельствует о пережитках наиболее ранней формы шаманства «семейного». С другой стороны, несомненна роль шамана как служителя родового культа (существование родовых шаманов, роль шамана-защитника рода и т. д.). Тот факт, что к шаману могли обращаться чужеродцы и даже иноплеменники, свидетельствует о появлении профессионального шаманства у кетов. Однако полного развития оно здесь не получило: шаманы, как правило, не отрывались от основного занятия — охотничьего и рыболовного промысла. Плата шаману (небольшие суммы денег, платки, шкурки белок) не могла привести к значительному накоплению. В условиях малочисленности и социальной однородности кетского общества шаманы не составили сколько-нибудь значительной прослойки.

Шаман, особенно «большой», пользовался влиянием у кетов, но это влияние основывалось главным образом на суеверном страхе перед его предполагаемой способностью общаться с миром сверхъестественного, боязнью его дурного предсказания и т. д.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребение покойного у кетов сопровождалось комплексом религиозных обычаев и обрядов, осмыслявшихся верованиями, связанными с самим умершим, его отношением к живым людям, представлениями о смерти, загробном мире и т. д. Эти представления в определенной степени обусловливали и различные приемы обращения с телом умершего, способы захоронения, ориентацию погребения и т. д.

Жизнь и смерть человека кеты ставили в зависимость от состояния некоей жизненной субстанции, которую условно можно назвать душой. Верования о душе выступают в неопределенной, подчас противоречивой форме, что объясняется сложностью формирования представлений, переплетением разновременных по

ностью его нельзя. Возможно, этот запрет сложился поздно и объясняется экономическими интересами шамана. У эвенков, например, по сообщению Г. М. Василевич, шаман получал вознаграждение только от чужеродцев. Если такое правило существовало и у кетов, то оно в конце концов могло вылиться в запрет для сородичей обращаться за лечением к шаману-родственнику.

происхождению верований (дошаманских, шаманских и появившихся под влиянием христианства) и т. п.

Душа человека, т. е. то, что отличало его от мертвого, выступает у кетов в семи категориях. Но только о трех из них (*атпэд*, *ул'вej* — русск. ульвей и *контоил'* — русск. конторль) имеются некоторые сведения.

Главной душой кеты считали атпэд.[75] Атпэд незрима, но если во сне видели отсутствующего человека, считали, что явилась его атпэд (это было предзнаменованием скорого появления отсутствующего и добрым признаком его долголетия). Атпэд связывали с одеждой человека. Очевидно, поэтому умерших родственников (дангольс, см. выше) олицетворяла одежда.[76]

Ульвей, по представлениям кетов, можно видеть: это тень человека, его отражение в воде, в зрачке другого человека и т. д. Самая неопределенная категория — конторль. Иногда она выступает как обобщенное понятие души (атпэд и ульвей можно назвать конторль), иногда равнозначна понятию «кости», «скелет» человека. Совокупность имеющихся у человека душ называли *кедатпэд*.[77]

Душа могла находиться в самом человеке и вне его (отделялась с дыханием). При болезни человека его душа попадала в страну смерти, в ведение Хоседам. Чтобы этого не случилось, дверь жилища, где находился тяжело больной, старались все время держать закрытой (тщательно закрывали и дымовое отверстие), и задачей шамана, лечившего человека, было отыскать и вернуть главную душу — атпэд. Если удавалось возвратить больному только ульвей, он продолжал болеть и мог умереть.[78]

После смерти человека, по представлениям кетов, душа-ульвей сначала семь дней жила в чуме умершего, а потом в течение семи

---

[75] Согласно В. И. Анучину, главная душа — ульвей (1914, стр. 10).

[76] Наиболее долго пережитки этих представлений сохранялись в отношении детской одежды, что было связано с огромной детской смертностью в прежнее время. Характерно, что при покупке кетских вещей для коллекции труднее всего было приобрести детскую одежду. У хантов и манси отмечено поверье, что некоторые из душ человека живут в его одежде или на ее поверхности (Чернецов, 1959, стр. 128, 136). Представления о связи души человека с его одеждой были отмечены также у нганасанов (по устному сообщению А. А. Попова, неожиданную смерть ребенка нганасаны связывали с повреждением его одежды) и эскимосов.

[77] В некоторых верованиях прослеживается связь представления о душе с растущим деревом. В неожиданно сломавшемся дереве елогуйские кеты усмотрели свидетельство смерти шамана, который в это время находился далеко от родных мест. Возможно, имеется связь между этим представлением и характерным для кетов способом захоронения в стволе дерева. Аналогичные представления отмечены Г. М. Василевич у эвенков.

[78] Человека, потерявшего душу, называли *алетэ кэт* (*ал'* — «половина» человека без души). С влиянием христианства, по-видимому, связано представление о смерти, наступающей после того, как человек достигнет своей последней зарубки на дереве (*ҳоҳс'оҳс'*), стоящем у верховного божества — Еся.

лет бродила по местам прежнего жительства и собирала его волосы.[79] По истечении семи лет она могла прийти к родственникам в виде добытого ими медведя. Если умерший человек был причастен к сверхъестественному (являлся шаманом или бангос), она могла явиться в образе медведя и ранее семи лет. Если в семье долго не добывали медведя, то устраивали поминки умершим, чтобы те не обижались, не считали себя забытыми, а приходили гостить.[80]

По данным В. И. Анучина, душа человека после его смерти переживала некоторый период самостоятельного существования, а затем могла перейти в животное, растение. Ребенок, находясь в утробе матери, получал от нее шесть душ, которые в свою очередь попадали к ней вместе с растительной и животной пищей. Незадолго до рождения через половые органы матери в ребенка вселялась главная душа (Анучин, 1914, стр. 10).

Представление о мире мертвых у кетов выступает в нескольких вариантах: подземная страна, северная страна в низовьях Енисея и, наконец, запад, страна, куда заходит солнца. Северную и западную стороны связывали с жительством Хоседам. Именно к ней попадали души больных людей, отчего те и погибали. Но в религиозных верованиях кетов четко прослеживается представление, что в страну смерти попадают и сами умершие, а не только их души. В таком контексте обычно страной смерти выступает запад. Представлениями о расположении мира мертвых объясняются и некоторые особенности погребального обряда (ориентация захоронений, расположение оставляемых на могиле предметов и др.).

Если представление о душе и зависимости от нее жизни и смерти человека было одним из главных элементов шаманизма (отыскивание души заболевшего являлось основной функцией шаманов), то сам погребальный культ, т. е. совокупность религиозных обрядов и обычаев, сопровождавших похороны, у кетов выступал в самостоятельной форме. Шаман участвовал в церемонии погребения, как и другие рядовые сородичи и соседи, специальных камланий не проводилось.

Хоронили умерших непременно поблизости от реки (от 200 м до 1 км от берега), на возвышенных местах, ярах, поросших хвой-

---

[79] Кеты никогда не выбрасывали вычесанных волос, их тщательно собирали и подвешивали в узелке к молодым хвойным деревцам, чаще всего к кедру (чтобы человек «свой век жил, рос, как дерево растет»). Ханты и манси верили, что волосы и ногти, состриженные в течение жизни человека, должны быть взяты его душой в загробный мир, ибо считалось, что в волосах живет одна из душ (Чернецов, 1959, стр. 134, 137). Долганы связывали местопребывание души человека с его волосами, а поэтому их не стригли (Туголуков, 1964, стр. 116).

[80] Душа умершего человека иногда изображалась у кетов в виде остроконечной палочки с развилкой на нижнем конце; в некоторых семьях такие изображения сохранялись вместе с другими домашними святынями.

ными деревьями. Если человек умирал зимой, далеко в тайге, то его оставляли на лабазе, а весной отвозили и хоронили в нужном месте. Больших кладбищ в конце XIX в. не было. Обычно на местах захоронений имелось 3—5 могил, встречались и единичные погребения (в отдаленных местах), но кеты всегда старались похоронить покойника в таком месте, где уже имелось несколько захоронений (прежде всего близких родственников). В этой тенденции можно усмотреть пережитки прежних родовых захоронений. Небольшое количество могил на месте погребения объясняется разбросанностью и немногочисленностью отдельных групп, как правило семейных, расселявшихся на значительном расстоянии друг от друга. Места погребений выбирали в стороне от кочевий, стойбищ, исключение представляли захоронения маленьких детей (в дупле дерева); они могли быть и поблизости от охотничьих дорог, жилья, что, впрочем, не исключало и расположение их поблизости от могил взрослых.[81]

В конце XIX—начале XX в. у кетов существовали два способа захоронения: в земле (наиболее распространенный) и воздушный (в пне срубленного дерева и на высоких помостах — лабазах). Прежде чем охарактеризовать эти способы, необходимо кратко остановиться на обычаях и обрядах, сопровождавших погребение.[82]

Покойник находился в своем жилище до трех дней.[83] О смерти человека можно было сразу узнать, так как его нарты ставили передком на запад (обычно, подъехав к жилищу, нарты поворачивали на восточную сторону). Умершего обмывали, одевали в лучшую одежду, причем полки распашной одежды запахивали на правую сторону (в то время как для одежды кетов характерен запах полок на левую сторону).[84] На рукавах, полках одежды, носках обуви ножом делали разрезы, спарывали пуговицы. Лицо закрывали распущенными волосами (мужчины, как и женщины, носили длинные волосы) или покрывали платком. Весь этот обряд исполняли непременно представители иного рода, чем умерший. Покойник лежал слева от входа, головой к двери, т. е. на западную сторону.[85] Все время до похорон умершему ста-

---

[81] Кеты объясняли этот факт тем, что умершие дети в отличие от взрослых не были опасны для живых людей.

[82] О погребальном обряде у кетов опубликована специальная, насыщенная материалом и интересная своими выводами статья Б. О. Долгих (1961).

[83] Умершего на закате, особенно пожилого человека, старались похоронить как можно быстрее.

[84] Сходный обычай «неправильного» одевания умершего существовал и у других сибирских народов (сообщение Н. Ф. Прытковой). По представлению угорских народов в загробном мире души живут «наоборот», в том числе носят одежду наизнанку, делают все левой рукой и др. (Чернецов, 1959, стр. 134).

[85] Головой к порогу укладывали умерших ханты и манси (Чернецов, 1959, стр. 143).

вили пищу, набивали табаком трубку. В день похорон одежду натягивали так, чтобы голова оказалась под проймой левого рукава, а полки сшивали. Хоронили обязательно днем. Перед выносом из жилища, по данным Б. О. Долгих, дети, прощаясь, перешагивали через ноги умершего справа налево (1961, стр. 102). Выносили труп через дверь, ногами вперед.[86] Дверь жилища при этом перегораживали поставленной наклонно палкой. Покойника протаскивали под палкой, а присутствующие перешагивали через нее (этим как бы разгораживали дорогу живых и мертвых), палку затем рубили.

К месту захоронения покойного доставляли на нарте (зимой), лодке или несли на руках.[87] По пути никто из участников похоронной процессии не должен был оглядываться назад.

Около могилы прежде всего разводили костер, «кормили» огонь, бросая в него кусочки пищи, табак, чай. Огонь зажигали для того, чтобы умерший не приходил потом за ним к живым сородичам (там же, стр. 103).

Копали могилу (непременно с запада на восток), вытесывали доски и т. д. обычно люди из чужого рода. Строго соблюдали ориентацию: покойника укладывали головой на восток.[88] Исключение представляли захоронения детей в дупле деревьев (см. ниже). Около захоронения на деревьях развешивали одежду умершего, на могиле и около нее оставляли его личные вещи (лук, ружье, котел, чайник и т. д.), ставили передком на западную сторону нарты (рис. 28). Все оставленные предметы предварительно портили (пробивали дно в котле, отделяли приклад у ружья, рубили копылья нарт и т. д.). Некоторые мелкие предметы (чашки, блюдца, табакерки) укладывали непосредственно рядом с трупом (чаще всего в ногах) или бросали поверх покрытия гроба.

На месте захоронения, как правило, поминок не устраивали. Оленные кеты около захоронения забивали личного оленя умершего.[89] Мясо, шкуру, камусы раздавали всем присутствующим, кроме семьи умершего и его близких родственников. На Курейке при похоронах разрубали левую половину туши оленя на семь частей и бросали их в сторону заката, куда, считалось, уходит человек. Остатки туши раздавали. Голову оленя отрезали и под-

---

[86] П. И. Третьяков отметил у кетов обычай выносить покойного не в дверь, а в специальное отверстие в чуме (1869, стр. 391—392).

[87] Кеты сообщали также о специальных носилках, на которых несли умершего, но подробных данных об этом не имеется.

[88] Кеты объясняли, что при таком положении против умершего находится западная сторона, куда и должен направиться человек после смерти.

[89] Елогуйские кеты ставили оленя головой в сторону верхнего течения реки и забивали ударом в хребет; у сургутинских кетов существовал запрет проливать кровь жертвенного животного, оленя душили. Данный обычай, по-видимому, сложился под влиянием селькупов, которые находились с этой кетской группой в тесном контакте.

вешивали на колу у могилы.[90] По данным М. Ф. Кривошапкина, кеты иногда забивали и погребали с покойным его собак (1865, стр. 143).

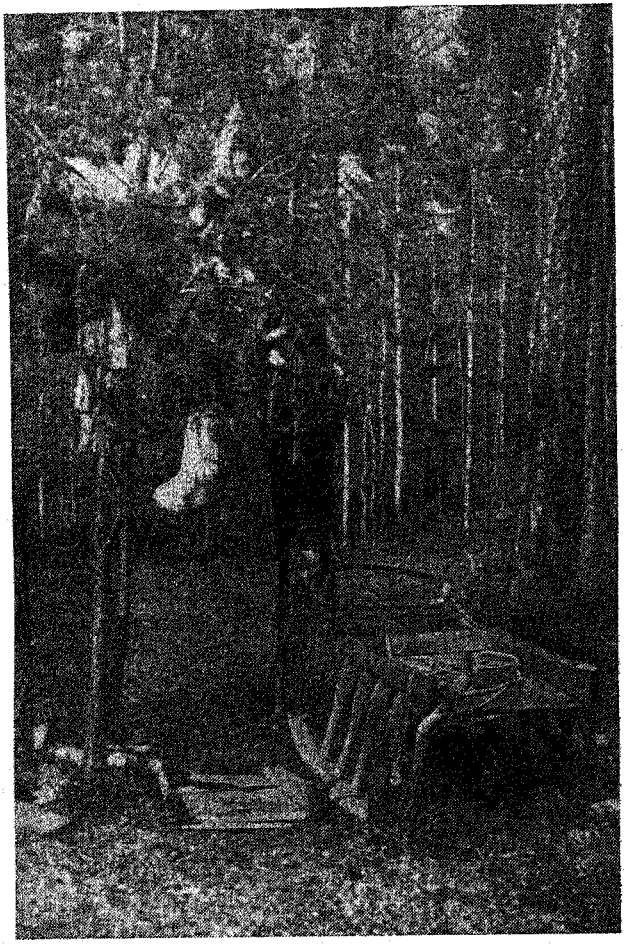

Рис. 28. Одежда и нарты умершего, оставленные около могилы.

---

[90] Упоминание об этом обычае имеется в статье Б. С. Семенова (1919, стр. 101). Ср. также обычай аринов, качинцев, бельтиров забивать коня умершего (а у аринов и бельтиров — подвешивать у могилы голову, гриву, хвост, шкуру; Потапов, 1957, стр. 180—182, 196, 236) с кетской традицией забивать оленя покойного при похоронах и подвешивать голову на колу. Традиция прежнего кочевнического быта (забивание у могилы одного-двух коней) в XVII в. отмечена у хантов и манси (Чернецов, 1959, стр. 147).

Уходя от захоронения, не оглядывались. Последний в процессии должен был положить поперек тропинки палку, как бы преграждающую возвращение умершего к людям. Если последним шел человек из другого экзогамного подразделения, то палку можно было не класть, он сам своим присутствием выполнял ту же роль преграды. На возвращающихся с похорон оставшиеся в стойбище не имели права смотреть.

В память умершего устраивали угощение. Прежде чем войти в жилище, участвовавшие в похоронах мыли руки, перешагивали с целью «очищения» через огонь (поджигали в чашке жир), окуривали себя зажженной берестой. По прошествии нескольких дней жилище, где умер человек, покидали, и семья откочевывала на новое место. Родственники умершего еще некоторое время в знак траура носили самую старую одежду со споротыми украшениями, вдова (*бес'сэм*) длительный срок ходила с расплетенными волосами.[91]

Обычаи запрещали много плакать, звать умершего (иначе он становился «еретиком»). На места захоронений не ходили, если же случалось оказаться поблизости от них, то непременно разводили костер, «кормили» огонь, оставляли хлеб, сахар, табак и т. д.

Отмеченные выше основные моменты погребального обряда были характерны для всех локальных групп. Комплексом этих обрядов сопровождались любые похороны, независимо от способа погребения. Исключение представляло только погребение грудных детей (см. ниже).

Погребения шаманов отличались от обычных только тем, что их хоронили иногда поблизости от священных родовых мест (холай), если же шаман умер очень далеко, к холай свозили и оставляли там (зарывали у комля лиственницы) только одежду шамана и другие его атрибуты. Бубен при этом продырявливали, а с одежды спарывали подвески (их сохраняли). На могиле шамана ставили на шестах изображения его духов в виде вырезанных из дерева птиц. Если считали, что шаман был плохим и «портил» людей, то ему старались вырыть как можно более глубокую могилу. К местам, где были захоронены шаманы, относились с особым страхом, тщательно избегали их.

Утонувших хоронили отдельно, непременно на берегу (но не на возвышенном месте); их могилы размывало при разливах (кеты считали, что утопленник попал к хозяину реки — Ульгысю).

Верования кетов, связанные с погребальными обрядами, находят широкие аналогии в религиозных представлениях как сибирских, североамериканских, так и многих других народов мира (Токарев, 1964). К общечеловеческим, например, относятся пред-

[91] Ср. с обычаем хантов и манси распускать волосы в знак траура (Чернецов, 1959, стр. 47).

ставление об опасности покойника для оставшихся в живых, обычай оставлять личные вещи умершего в погребении или поблизости от него в поврежденном виде. Чрезвычайно широк ареал верований о душе человека в нескольких категориях, в частности представление о душе-тени, и др. Все это дает право делать выводы относительно закономерности формирования религиозной идеологии, но для изучения конкретных историко-культурных отношений, этнических связей эти аналогии могут быть использованы лишь очень ограниченно (если они выступают не как единичные случаи, а как составная часть общих явлений в культуре отдельных народов).

В связи с этим из множества близких моментов в погребальных обрядах кетов и других сибирских народов можно выделить кетско-самодийские сходства, а также общие элементы в обычаях кетов и некоторых народов, живущих ныне на территории прежнего расселения кетоязычных групп.

Для северных самодийцев и угорских народов, как и для кетов, было характерно представление о мире мертвых в двух вариантах: подземный мир и мир, находящийся на севере.[92] У ненцев, энцев, хантов и манси также существовало поверье о наличии нескольких душ у человека, причем представление о душе-тени у энцев полностью совпадало с кетским. Как и кеты, энцы считали, что после смерти человека душа-тень семь лет живет около его родных, бродит по своей вотчине. Душа приходила к родным во сне и была опасна, так как могла взять кого-либо к себе. Энцы и ненцы, ханты и манси, как и кеты, перегораживали тропу (или след) при возвращении с похорон, палочку у них могла заменять поперечно проведенная черта. Как и у кетов, у них существовал обычай оставлять у могилы нарту умершего, перевернув ее и сломав передний конец и т. д. У энцев, как и у некоторых кетских групп, существовал запрет проливать кровь забиваемого на могиле оленя. У нганасанов имелся обычай выносить покойного через специально сделанное отверстие в чуме, но не через дверь (Миддендорф, 1869, стр. 687—688). Некоторые черты сходства прослеживаются в обрядах, сопровождавших погребение у шорцев, чулымских тюрков (Долгих, 1961, стр. 107—108).

В погребальном культе кетов проявляются разновременные по своему происхождению традиции и верования. Одним из древнейших, по всей вероятности, было представление о жизни и смерти, связанное с востоком и западом, сторонами восхода и заката солнца.[93] С востоком, «стороной всего дышащего, живого», кеты связывали жизненное начало, зарождение и возрождение жизни (вспомним древний обычай подвешивания с восточной сто-

[92] Сравнительный материал см.: Прокофьева, 1952, 1953; Werbow, 1963; Чернецов, 1959.

[93] Солнечный культ проявляется в разных формах религиозных воззрений кетов, что свидетельствует о его древности и большой роли.

роны дерева костей добытых животных с целью их возрождения и т. д.). Наоборот, запад считали стороной мрака, всего злого, стороной, куда отправляется человек после своей смерти. Запад у кетов отождествляется с загробным миром. Но понятие загробного мира, видимо, сложилось поздно. Об этом говорит отсутствие поминок в определенные сроки, противоречивость представлений об обитателях этого мира (души или сами умершие) и его месте расположения и т. д. В смутной, нерасчлененной форме выступают и понятия о душе. По-видимому, эти представления в той форме, в какой они были зафиксированы в конце XIX в., сложились в результате развития шаманского культа и не без влияния христианства.

Древнейшим элементом погребальных верований является, вероятно, восходящее к тотемизму представление, что умерший (или его душа) превращается после смерти в животное (медведя) или растение.

В погребальных обычаях и обрядах у кетов ярко проявляются представления, что смерть одного человека несет опасность для живых людей, и прежде всего для его сородичей.[94] Ими осмысляются многочисленные обряды с целью обезопасить себя (как путем возможно большей изоляции умершего, так и путем умилостивления его).

В особенностях погребального обряда кетов проявляются некоторые моменты общественной жизни народа, в частности межродовые отношения (роль чужеродцев в погребальных обрядах в связи с представлением об опасности умершего только для его сородичей и т. д.).

Погребальный культ кетов свидетельствует о социальной однородности кетского общества, отсутствии общественной дифференциации.

Обратимся теперь к способам погребения, бытовавшим у кетов в конце XIX—начале XX в.

Наиболее распространенным было захоронение в земле. Чаще всего встречались погребения следующего типа.[95] Тело покойного лежало в могильной яме (до 1.5 м глубиной) на двух широких досках, уложенных на дне.[96] По бокам, в ногах и голове имелись поставленные на ребро доски; последние лежали поперек могилы. На них опирались концами две продольные доски покрытия, являвшиеся как бы крышкой гроба (*боңсил'ат'а*), представлявшего собой ящик из несбитых досок. Покрытием служили также

[94] В. И. Анучин был неправ, замечая, что для кетов характерно отсутствие боязни покойника, равнодушие к смерти (1914, стр. 19).

[95] Описание сделано в результате опросных сведений и личных наблюдений при раскопках поздних захоронений с целью сбора краниологического материала, проводившихся под руководством И. И. Гохмана в 1960 и 1965 гг.

[96] Все доски в погребениях были из расколотых пополам кедровых стволов.

уложенные в ряд тонкие стволы молодых кедров. Доски покрытия обертывали берестяной тиской, иногда тиской покрывали покойного, а доски закрепляли на некотором расстоянии от гроба с помощью поперечин.

Обычным было положение трупа на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Обнаружены и погребения, в которых покойный был уложен непосредственно на дно неглубокой ямы, а на расстоянии 40—50 см над ним имелось покрытие из продольных плах. Наконец, встречались захоронения почти на поверхности земли. Труп в таком случае был закрыт тиской и завален сверху уложенными в ряд жердинами.

Два последних вида захоронений в земле, по-видимому, не составляют особого варианта, а обусловлены определенными обстоятельствами: отсутствием трудоспособных людей, которые могли бы вырыть яму (особенно зимой), и т. д.

В периоды частых эпидемий, когда не хватало здоровых людей, чтобы осуществить погребение по всем правилам, умерших по нескольку человек складывали на земле и покрывали сверху жердинами. Такое погребение называли *боқкус'*.

Под влиянием русских у кетов утвердился обычай ставить на могиле (в ногах) крест. Концы креста вырезали в форме вытянутого овала; к перекладине привязывали лоскутки белой материи. Могилы иногда огораживали двумя рядами тонких плах, закрепленных на четырех вертикальных столбах.

Наиболее ранние сведения о захоронении в земле у кетов (район устья р. Дубчеса) относятся к 30-м годам XVII в. [97]

Близки кетским некоторые особенности погребения в грунтовых могилах (в частности, восточная ориентация) чулымских тюрков, шорцев, этническое формирование которых проходило на территории с кетской топонимикой и с участием кетоязычных компонентов (Радлов, 1884; Аристов, 1896).

Выявление погребений XVI—XVII вв. на Чулыме, Кети, где, судя по данным топонимики и историческим документам, жило кетоязычное население, и установление преемственности их с похоронным обрядом у современных насельников этих территорий представляет особый интерес в плане сравнения со способами захоронения у кетов (Дульзон, 1952, 1953, 1956). Так, в зоне кетской топонимики, на правом притоке Чулыма и Чердате, В. Радловым был раскопан в 1863 г. могильник XVI—XVII вв. По предположению А. П. Дульзона, эти погребения принадлежали предкам современных чулымцев, тюркизированным аринам (Дульзон, 1956, стр. 137—138). Восточная ориентация костяков, покрытие из досок, использование бересты и другие особенности Чердатского могильника находят аналогии в погребальном обряде ени-

---

[97] См. выдержку, приведенную Б. О. Долгих из книги П. Н. Буцинского «Мангазея и Мангазейский уезд» (1961, стр. 66).

сейских кетов. Покрытие из плах, гроб из несбитых досок, которыми обложен покойный, характерны и для ряда других могильников XVI—XVII вв. на территории Верхнего и Среднего Чулыма, Кети. Но эти погребения XVI—XVII вв. были не грунтовыми, как у енисейских кетов, а наземными, под курганами. Отмечая этот момент, Б. О. Долгих предположил, что такая эволюция могла произойти, в частности, и под влиянием русских, тем более что современные чулымцы и селькупы Кети, предки которых хоронили под курганами, к XIX в. перешли к погребению в грунтовых могилах (Долгих, 1961, стр. 108). Северной границей курганных могильников с наземным погребением, по-видимому, является Кеть. А. П. Дульзон отмечал, что на Тыму курганных погребений нет, а имеются лишь грунтовые могилы, расположенные в тайге и трудно выявляемые (Дульзон, 1956, стр. 233—235). По-видимому, в грунтовых могилах хоронили и кетоязычные дяндра, жившие, по свидетельству современных сымских эвенков, в землянках.

Погребение в грунте было издавна известно и некоторым народам, занимавшим более южные территории. Тюркоязычное население Красноярской лесостепи и Минусинских степей, в состав которого входили и кетоязычные племена, хоронило в земле. Так, известные по документам XVIII в. аринские татары, жившие по р. Бузиму (к северу от Красноярска), зарывали умерших в ямах, выкопанных на высоких местах, и закладывали сверху камнями. Качинцы, уложив покойного в землю, устраивали над ним покрытие из бревен, а сверху заваливали камнями (Андреев, 1936, стр. 102—103) или укладывали труп в могильной яме между досками и засыпали землей (Потапов, 1957, стр. 196, 236).

Учитывая эти моменты, можно предположить, что захоронение в грунте у кетов имеет давние традиции и, возможно, сложилось под влиянием лесостепной культуры населения Минусинской котловины.

Однако для решения вопроса, является ли захоронение в грунте у енисейских кетов эволюцией наземного захоронения с курганом под влиянием русских или оно объясняется давними традициями, необходимо археологическое изучение территории прежнего расселения кетов, в частности верховьев Кети, района современного г. Енисейска, Сыма, Дубчеса и т. д.

Воздушный способ захоронения представлен у кетов в двух вариантах: в пне срубленного дерева и на помосте (лабазе). Первый вариант к началу XX в. сохранялся исключительно в качестве детских захоронений (рис. 29).[98] В пне срубленного дерева

[98] Но еще в 60-х годах XIX в. о нем писали как о характерном для кетов способе погребения, не выделяя в качестве специфически детского (Третьяков, 1869, стр. 391—392). В широко распространенном сюжете о первом умершем человеке говорится, что Есь велел обернуть его травами и подвесить к дереву

хоронили младенцев грудного возраста (до появления зубов). Умершего ребенка, завернутого в берестяные пеленки (см. раздел о домашней утвари), уносил хоронить старший в семье мужчина (чаще всего отец мужа). Мать не должна была хоронить

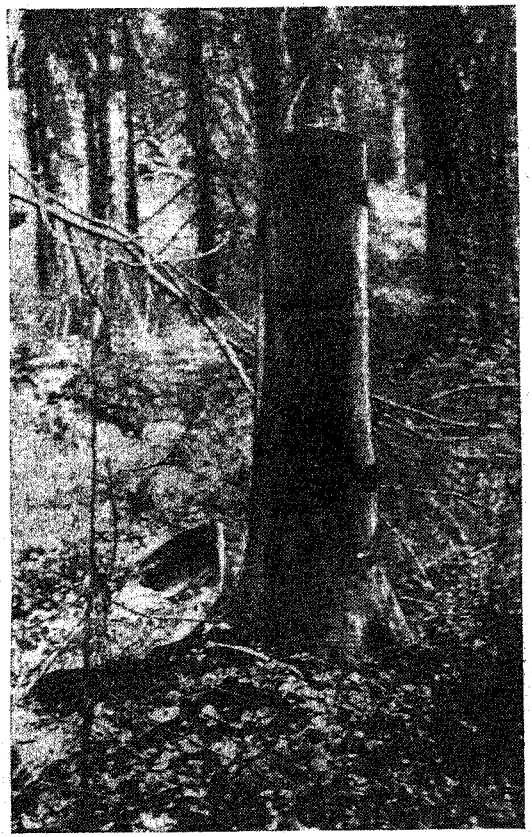

Рис. 29. Детское захоронение в дупле дерева.

своих детей. На месте захоронения (как было отмечено, оно могло находиться сравнительно недалеко от стойбища или поблизости от других могил) заранее срубали толстый ровный кедр (реже — сосну) на высоте в уровень с грудью человека (высота 1.5 м; Долгих, 1961, стр. 105). С восточной стороны отделяли переднюю часть пня, подрубая ее внизу. Обе части выдалбливали. В нишу помещали ребенка — вертикально, лицом к ближайшей реке (там же)

(в других вариантах положить на лабаз). Посланный им сын (собака) обманул людей, и те зарыли умершего в землю. С тех пор люди лишились бессмертия.

или головой вниз, лицом в глубь ниши (т. е. на запад).[99] Нишу закрывали отделенной частью пня и обвязывали прутьями ольхового дерева. Поблизости на сучке хвойного дерева подвешивали берестяную колыбель.

Захоронение на деревьях, сохраняясь до начала XX в. в качестве специфически детского, по-видимому, когда-то было характерно и для погребения взрослых и имеет древние корни. Следы его можно усмотреть в широко распространенном обычае подвешивать на деревьях послед, а также мертворожденных (их заворачивали в бересту и подвешивали на сучке кедра).

Глубокие исторические корни захоронения на деревьях обнаруживаются благодаря аналогиям в некоторых ритуальных действиях кетов, осмысляемых древними представлениями. К таковым, в частности, относится обычай хоронить в дупле кедра кости важных промысловых животных с целью их возрождения, церемония погребения изображения медведя по окончании медвежьего праздника и т. д.[100]

Захоронение на деревьях — широко распространенный способ погребения, он зафиксирован у многих сибирских и североамериканских народов. Характерным моментом является тот факт, что такое захоронение, как и у кетов, наиболее долго сохранялось в качестве детских погребений.

Одинаково с кетами хоронили в пне дерева умерших детей их ближайшие соседи — енисейские и сымские эвенки, северные селькупы. Этот способ отмечен у шорцев (Потапов, 1953а, стр. 155), ительменов (Формы погребения. . ., 1892, стр. 8). Еще в 50-х годах нашего столетия случаи захоронения детей на деревьях наблюдались у жителей Канадского Севера — этчаотинов (Народы Америки, т. I, 1959, стр. 336). Следы воздушного захоронения детей обнаруживаются в обычае ненцев подвешивать трупы мертворожденных на воткнутых в землю столбиках. Различные группы эвенков хоронили умерших на деревьях — покойника заворачивали в шкуру оленя и подвешивали к сучкам (Костров, 1857, стр. 96—98). П.-С. Паллас описал захоронение покойников в гробах из сложенных и связанных досок, установленных на сучьях старых лиственниц у бельтиров в XVIII в. (1788, стр. 424). На деревьях хоронили южные самодийцы и койбалы (Пестов, 1833, стр. 87; Потапов, 1957, стр. 205).

Относительно захоронения на лабазе имеются лишь немногочисленные сведения.[101] До начала XX в. этот способ сохранялся среди самой южной (вороговской) группы кетов. Сургутинские

---

[99] В обследованном Г. Д. Вербовым детском захоронении вблизи Суломая ребенок был помещен головой вниз, лицом на север (МАЭ, ф. 2, дневник 1938 г.).

[100] Последнее было отмечено К. Доннером (Donner, 1933, стр. 73).

[101] В литературе об этом способе погребения упоминается лишь в статье Б. С. Семенова (1919, стр. 101).

и елогуйские кеты сообщали о нем как о захоронениях шаманов по заранее высказанному желанию (рис. 30).[102]

Из опросных сведений известно, что при погребении на лабазе соблюдали ту же ориентацию, что и при захоронении в земле (головой на восток), покойника укладывали в ящик из несбитых досок и покрывали сверху берестяной тиской. Воспоминанием об этом способе погребения, очевидно, является распространенный фольклорный сюжет о том, что в прошлом, прежде чем похоронить в земле, умершего на семь дней оставляли на лабазе.

Рис. 30. Воздушное захоронение шамана (МАЭ, колл. И 1268-218).

Захоронение на лабазах наряду с погребением в земле было известно в XVII в. кетоязычным коттам.[103] По данным П.-С. Палласа, на помосте из жердей и веток хоронили умерших тофалары (Вербицкий, 1893, стр. 85). У хакасов-качинцев при основном

---

[102] Помещенный ниже снимок сделан Н. К. Каргером в конце 20-х годов; согласно описи, гроб заменял выдолбленный ствол дерева.

[103] «И как оные татары умирают, то они в том же платье и кладут, в чем он ходил живой, и сверх того обвяжут его берестой; и отвозят их на высокие горы, и на тех горах поставят четыре столба вышиной в печатную сажень, и наверху сделают мост, и на оный мост оного мертвого положат и сверх того покрывают берестом же и обвязывают прутьями; а те столбы у них называются лабазами. . .» (Андреев, 1936, стр. 100—101).

способе погребения в земле существовал обычай хоронить шаманов в тайге на лабазе.

Этот способ погребения как специфически шаманский был известен ленским якутам. Захоронение на лабазе являлось типичным для представителей тунгусо-маньчжурских народов, и прежде всего для эвенков (Формы погребения. . ., 1892, стр. 85, 291, 294). Оно было отмечено у шорцев (Долгих, 1961, стр. 108; Потапов, 1957, стр. 236). Енисейские ненцы оставляли умершего на лабазе, если поблизости имелся лес (Третьяков, 1869, стр. 398; Костров, 1857, стр. 60). До начала XX в. этот способ погребения сохранялся у северных селькупов. На деревьях или лабазах-помостах хоронили покойников некоторые группы североамериканских индейцев (Народы Америки, т. I, 1959, стр. 170, 336).

Захоронения в пне дерева и на лабазе, по-видимому, являются вариантами общего способа погребения умерших на деревьях. Можно предполагать, что этот способ, имевший чрезвычайно широкое распространение, сложился в условиях таежной зоны. Тот факт, что у кетов, как и у многих других народов, погребение на деревьях долго сохранялось как специфически детское или (особенно) шаманское (т. е. в особых случаях), свидетельствует о более древнем происхождении данного способа, ставшего при повсеместном распространении захоронений в земле своеобразной реликтовой формой погребения.

* * *

До XX в. у кетов сохранялись два способа погребения: в земле и воздушное, представленное в двух вариантах (в пне дерева и на лабазе).[104] Оба они обнаруживают глубокие исторические корни и находят широкие аналогии у других сибирских народов. Только археологическое изучение территории современного и прежнего расселения кетов даст возможность проследить развитие и преемственность этих способов. Однако (в порядке постановки вопроса) можно предположить, что два способа погребения сложились в разных географических условиях и связаны с различными этническими компонентами, принявшими участие в их этногенезе. Захоронение на деревьях, отмеченное у многих народов Сибири и Северной Америки, могло восходить к культуре древнего аборигенного населения таежной зоны, принявшего участие в формировании кетоязычных, самодийскоязычных, тунгусоязычных и других народов. Особенности погребения в земле, возможно, сложились под влиянием культуры населения лесостепной зоны.

---

[104] С. А. Токарев усматривает в обычае разведения надмогильного огня пережиток древнего способа погребения сожжением (1958, стр. 496).

Часть II

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВА, КУЛЬТУРЫ И БЫТА КЕТОВ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Принятая в первые дни после победы Великой Октябрьской социалистической революции «Декларация прав народов России» отменила все национальные и социально-религиозные привилегии, объявила равенство и «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» (Коммунистическая партия. . ., 1960, стр. 82). Однако особое положение коренного населения Севера среди других народов страны, вызванное тем, что там в течение веков царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228), потребовало еще длительного времени, средств и больших усилий партийных, советских и хозяйственных органов, прежде чем эти права смогли осуществиться реально.[1]

Для изучения положения северных народов и оказания им необходимой помощи на пути социалистического переустройства были созданы специальные учреждения. На первом этапе (до 1924—1925 гг.) работу по национальному строительству возглавлял Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) и Сибирский национальный отдел (Сибнацотдел). На местах при губернских комитетах партии были созданы отделы национальности, в частности Енисейский отдел.[2]

Кроме мер по восстановлению хозяйства, снабжению и помощи на первых шагах по пути приобщения коренного населения к со-

[1] Обширный материал по национальному строительству у малых народов Севера обобщен и исследован в известной монографии М. А. Сергеева (1955). См. также: Увачан, 1958.

[2] Роли Наркомнаца и сибирских национальных отделов, в том числе и Енисейского, на первом этапе социалистического переустройства малых народов Севера посвящена работа В. И. Юртаевой (1964а). См. также: Увачан, 1963.

ветскому строительству, о которых речь пойдет дальше, уже в первые годы деятельности этих учреждений были разработаны и проведены в жизнь решения по предоставлению малым народам Севера ряда существенных привилегий и льгот.

В 1921 г. национальности Севера, проживавшие в Туруханском крае, получили освобождение от военной и трудовой повинности (Юртаева, 1964а, стр. 201). В мае 1921 г. Сибнацотдел принял срочные меры по снабжению населения Туруханского края, организовал отправку туда 200 тыс. пудов хлеба (Увачан, 1963, стр. 6). В том же году была открыта национальная школа в Туруханске (ГАКК, ф. 49, оп. I, д. 124, л. 6). В 1923 г. специальным постановлением были отменены налоги с коренного населения края, а также предоставлены льготы на получение безвозвратных ссуд, кредитов и т. д. (Юртаева, 1964а, стр. 201).

В 1924—1934 гг. всю работу по национальному строительству на Севере возглавлял Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), организованный при ВЦИК РСФСР. Основной задачей Комитета являлось содействие планомерному устроению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административном и культурно-санитарном отношении, вовлечение народностей Севера в строительство социалистического общества путем организации советских форм управления. Однако для осуществления этих задач требовался особый подход и выявление таких путей вовлечения, которые оказались бы наиболее доступными для понимания при отсталом культурно-бытовом укладе и соответствовали бы практическим нуждам (Сергеев, 1955, стр. 224—225, 227). С целью изучения хозяйственного и культурного положения коренного населения были организованы экспедиции, проведена специальная перепись (1926—1927 гг.). Результаты этих начинаний явились основой для решения таких важнейших задач социалистического переустройства, как советизация, землеустройство, национальное районирование и т. д. (Сергеев, 1955, стр. 27). На местах национальным строительством в это десятилетие руководили местные комитеты содействия народностям северных окраин, созданные при губернских исполкомах, в том числе Красноярский комитет.

Установление Советской власти. Установление Советской власти на Енисейском Севере проходило в сложной обстановке из-за малочисленности большевистских организаций, рабочего класса, солдатских гарнизонов; сказывалась также отрезанность края, плохая связь с центральными районами. Только в начале марта 1917 г. большевики села Монастырского (Туруханска) узнали о революционных событиях в Петрограде, о создании Советов рабочих и солдатских депутатов в Красноярске и Енисейске (Сафронов, 1962, стр. 479; Борьба за власть Советов. . ., 1958, стр. 34).

Кадры большевиков состояли в значительной степени из бывших политических ссыльных.[3] Из их числа в Монастырском сразу же был избран революционный Исполнительный комитет, объявивший о свержении царизма и утверждении власти Советов в крае.[4]

В число первых задач, стоящих перед новой властью, входило установление связи с отдаленными участками и решение продовольственного вопроса.

Уже в первые месяцы был произведен учет продовольственных запасов и товаров, находящихся на складах и у торговых фирм, введены ограничения в снабжении населения. От местных торговцев потребовали снижения цен на муку, у купцов, чтобы прекратить спаивание коренного населения, конфисковали спирт, началась борьба с самогоноварением. В отдаленные районы были направлены большевики для ознакомления населения с политическим положением в стране, а также организованы санные поезда с продуктами и товарами для голодающего коренного населения (ГАКК, ф. 1303, оп. I, д. 38, лл. 22—23; Борьба за власть Советов. . ., 1958, стр. 36—37).

Начавшееся советское строительство летом 1918 г. прервала военная интервенция и гражданская война. Только в начале 1920 г. после освобождения Красноярска от колчаковцев частями Красной Армии и партизанскими отрядами власть Советов постепенно восстановилась на всей территории Енисейской губернии.

В декабре 1920 г. вместо ревкома в Туруханском крае начал действовать первый крайисполком и была введена система уполномоченных комиссаров на отдельных станках (ГАКК, ф. 49, оп. I, д. 511, л. 34; ф. 1303, оп. I, д. 38, л. 3).

Первый период советского строительства был очень трудным. В туруханскую тайгу и тундру бежали остатки белогвардейцев, разгромленных в южных районах Сибири. Они грабили и убивали население, отбирали продовольствие, оленей, оружие, транспортные средства. Еще в январе 1921 г. сымские эвенки и кеты вынуждены были отогнать оленей и уйти на отдаленные угодья из-за объявившегося на Сыму отряда колчаковцев (ГАКК, ф. 49, оп. I, д. 823, л. 3).

С начала империалистической войны прекратилось снабжение важнейшими товарами и продуктами. Товарным голодом воспользовались местные торговцы, резко поднявшие цены на продовольствие, боеприпасы и другие предметы, необходимые корен-

---

[3] К числу политических ссыльных края принадлежали Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин. Многие из революционеров имели неоднократный личный контакт с кетами. Районной газетой «Маяк Севера» был опубликован очерк с воспоминаниями кета Н. Ламбина о встречах его семьи с Я. М. Свердловым (Маяк Севера, март 1966 г., №№ 18—20, 24).

[4] Возглавил комитет А. А. Масленников, в его составе были Я. Е. Боград, Д. П. Долбешкин, К. Т. Свердлова-Новгородцева.

ному населению. В результате разразился голод и резко упали все основные отрасли северного хозяйства — охотничий и рыболовный промысел, оленеводство. Крайисполком обратился в губернский продовольственный комитет с ходатайством о снабжении коренного населения хлебом (ГАКК, ф. 1303, оп. I, д. 38, л. 17).

До начала 20-х годов волисполкомы (в 1921 г. их было три: Верхне-Имбатский, Монастырский и Дудинский) фактически не имели постоянной связи с коренным населением (ГАКК, ф. 49, оп. I, д. 832, л. 65). Для установления таковой, а также для выявления численности и материального положения северных народов на места выезжают уполномоченные. Отчеты первых советских работников, побывавших у кетов, полны таких сообщений: «Остяки совершенно голы. Нет как верхней одежды, так и нижней . . . Нет обуви . . . Чувствуется большой недостаток в постелях и камусе . . . Белки в этом году было много, но промысел не мог развернуться . . . из-за недостатков пистонов. Вместо них употребляли спички» (ЕГА, ф. 242, оп. I, д. 4, лл. 10—11). «Население почти не имеет сколько-нибудь сносных орудий промысла, невода развалились, пущальни, переметы, самоловы погнили, ружья частью поломаны, частью разгромлены колчаковцами, одежды, обуви у многих совершенно нет. . .» (ГАКК, ф. 49, оп. I, д. 511, л. 32).

Трудности первых лет советского строительства в Туруханском крае усугублялись разбросанностью населения, почти полным отсутствием связи как с центром, так и с отдельными районами, неграмотностью и случайным подбором выборных лиц, саботажем местного кулачества и белогвардейских элементов, окопавшихся, в частности, в некоторых торговых организациях (там же, д. 832, лл. 62—65).

Кооперативное и советское строительство. Приобщение коренного населения Туруханского края к советскому строю и перестройка его хозяйства проходили постепенно. Были использованы наиболее доступные пониманию формы, прежде всего кооперативное строительство.[5]

Кооперативная система в крае возникла в 1916 г. благодаря усилиям политических ссыльных (Юртаева, 1964б, стр. 227). Одной из первых торгово-заготовительных организаций явился Енисейский союз кооперативов — Енсоюз (Тарасенков, 1930). Именно он сразу после установления Советской власти повел наступление на частную торговлю. При Енсоюзе был создан Инородческий отдел для обслуживания организационных нужд кооперируемых тунгусов и остяков Туруханского края.

[5] Первым мероприятиям Советской власти по созданию органов государственной торговли на Енисейском Севере и роли кооперации в переустройстве жизни северных народов посвящена интересная работа В. И. Юртаевой (1964б).

Енсоюз являлся одним из главных поставщиков продовольствия; на первом этапе он стремился приблизить снабжение продовольствием и товарами к местожительству коренного населения, организуя на отдаленных угодьях фактории и лавки.

Вовлечение коренного населения в кооперативную торговлю происходило, однако, медленнее, чем могло бы, в силу особого обстоятельства. В голодные годы гражданской войны именно Енсоюз проводил распределение продуктов, принимал меры по ограничению торговли, и коренное население привыкло видеть в нем виновника своего тяжелого положения. Среди кетов долго сохранялось название фактории союза — «норма-место», «норма-лавка».

Такому отношению способствовала пропаганда местных купцов, прежних «благодетелей» туземцев, а также обман и спаивание последних некоторыми враждебно настроенными к Советской власти лицами, пробравшимися в аппарат Енсоюза. В 1922 г. Туруханский крайисполком принял специальное постановление, согласно которому на территории края запрещалась торговля спиртом и спиртными напитками (ГАКК, ф. 1303, оп. I, д. 129, л. 6).

Контроль за соблюдением интересов коренного населения в торговле осуществляли партийные и советские организации. Так, инструктор Туруханского отделения Енсоюза докладывал в 1923 г.: «Правление распустило весь стрихнин, нитку, большинство оленного сырья русскому населению . . . а без них остяки обойтись не могут. Пришлось покупать у русских, переплачивать в 3 раза. Например, в Обществе потребителей нитку можно было купить за 8 белок, а у частного покупателя за 25—30 белок» (ГАКК, ф. 127, оп. I, д. 421, л. 17).

В факториях практиковался натуральный обмен: за полученные в кредит товары и продовольствие население сдавало пушнину, разница выплачивалась деньгами. Эта система точного расчета с доплатой производила огромное впечатление и являлась лучшим агитатором за государственную торговлю.

Уже весной 1920 г. уполномоченный Енисейского губернского продовольственного комитета в Туруханском крае отмечает, что елогуйские кеты отдают предпочтение кооперации, а не торговле с купцами на традиционной ярмарке: «До запрета частной торговли ярмарка была шумная и многолюдная как инородцами, так и русскими . . . В этом году было всего 24 хозяйства . . . На месте ярмарки они сдали только часть пушнины, большую же часть повезут в факторию, где и сдадут в обмен на товар . . . Пушнину сдают всю и получают из кооператива, который явно предпочитают частным купцам» (ЕГА, ф. 242, оп. I, д. 1, лл. 10, 11).

Чтобы оградить коренное население от произвола частных торговцев, в 1922 г. был поставлен вопрос об организации нацио-

нальных потребительских обществ и участии в управлении факториями выборных представителей из северян (ГАКК, ф. 1303, оп. 1, д. 38, л. 17). Появлению обществ предшествовало первое хозяйственно-экономическое обследование отдельных районов (Доброво-Ядринцева, 1925).

Создание национальных обществ потребителей в крае относится к 1923—1925 гг. К этому времени работники факторий уже располагали некоторым активом среди коренного населения и постепенно привлекали его к работе. Последнему способствовало и периодическое проведение общих собраний (сугланов), на которых обсуждались наиболее насущные вопросы. При этом не ограничивались только сферой снабжения и сбыта. Так, летом 1923 г. на собрании Верещагинского общества потребителей, где, кроме русских, присутствовали кеты (32 семьи), обсуждался вопрос об обучении детей. Собравшиеся признали необходимым открыть в Монастырском национальную школу и выделили первых учеников: кета М. Бердикова, «сургута» (селькупа, — *Е. А.*) Н. Ирикова и эвенка А. Боякина (ГАКК, ф. 127, оп. I, д. 421, л. 17; Юртаева, 1964б, стр. 240).

Первоначально правления обществ были смешанными по составу, представители северных народов в них не имели определенных обязанностей, но постепенно они вовлекались в практическую работу. Одновременно русские (счетоводы и инструкторы) вели с ними занятия (обучали чтению, письму, арифметике, умению считать на счетах и т. д.). При оформлении обществ (например, кетского Черноостровского общества потребителей) сразу же начиналась работа по ликвидации неграмотности (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 8, л. 41; д. 69, л. 48).

В 1923 г. с целью подготовки кооперативных работников из среды коренного населения были открыты 3 специальные «инородческие школы» (Юртаева, 1964а, стр. 240).

В 1926 г. в Туруханском крае имелось 6 чисто национальных потребительских обществ, которые управлялись коренными жителями. Кеты вошли в состав трех из них: Черноостровского, «Остяцкого» (Суломай) и Сымского; в последнее — вместе с эвенками (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 88, л. 27; Лебедев, 1926). И. М. Суслов, обследовавший работу Черноостровского общества потребителей (1928—1929 гг.), писал: «Члены правления (остяки) на все вопросы давали вполне исчерпывающие ответы, это доказывает их повседневное участие в работе Общества и вполне сознательное участие в общем водовороте рынка. Это общество существует только 1 год, имея около 100 семей пайщиков, причем за год у них образовался собственный капитал в 14 000 руб., значение которого они правильно понимают и стремятся скорее увеличить его, желая быть самостоятельными, свободными от кредитов Енсоюза. . .».[6]

[6] И. М. Суслов отметил также интересный момент, в котором, как представляется, можно усмотреть положительное проявление общинных традиций

Проведению кооперативной политики среди коренного населения мешало большое количество конкурирующих торгово-заготовительных организаций. Их число особенно увеличилось с началом нэпа: в 1922—1923 гг. их было более 10 (Юртаева, 1964а, стр. 242). Единственная цель этих организаций — максимальный сбор пушнины, «погоня за хвостами», а средство достижения цели — широкое кредитование промысловиков. Фирмы переманивали своих клиентов из национального населения, используя завышенные кредиты и расценки на шкурки. Товарные ценности, доставленные заготовителями на туруханский рынок, превышали в 2 раза его возможную продукцию. Такое положение не способствовало развитию промыслов, вело к увеличению долгов, подрывало уже завоеванное доверие к кооперативным организациям. В 1925 г., например, в центре охотничьих угодий кетов, на водоразделе левобережных притоков рек Сургутихи и Елогуя, отделение Всероссийского сельскохозяйственного союза (Сельскосоюз) приступило к постройке торговых помещений, заброске товаров с целью создания здесь промысловой артели. Одновременно Черноостровское общество потребителей, находящееся в ведении Енсоюза, вело подготовку к открытию здесь второго общества потребителей. Каждый из уполномоченных доказывал преимущества своей организации, причем особенно сложное положение оказалось у представителей Енсоюза из-за недоброй славы последнего как «нормы-лавки».

Партийные и советские органы края совместно с Комитетом Севера и Комитетом рабоче-крестьянской инспекции провели большую работу, чтобы кооперирование на Туруханском Севере было централизовано. В июле 1924 г. Совнарком издал постановление «О порядке снабжения населения Красноярского Севера продовольственными товарами и предметами потребления». На случай стихийных бедствий, эпидемий и неурожаев в 1927—1929 гг. были созданы хлебозапасные пункты, в том числе на Елогуе, в верховьях Таза (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 17, л. 6.). В крае постепенно устанавливалась планомерная торговля и снабжение с учетом специфики нужд коренного населения.[7]

Несмотря на значительные трудности, ошибки и промахи, значение деятельности кооперативной организации по оказанию помощи северянам на первом этапе социалистического переустройства было очень велико. Работники торговых организаций

кетов: прибыль, получаемую при окончательном расчете за каждую сданную в предыдущий год белку (всего около 5000 руб.), они причисляли к общему капиталу, в то время как в русских обществах по требованию пайщиков ее отдавали на руки (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 88, л. 1).

[7] При отправке муки, например, предлагалось принимать во внимание ее сортность, так как лепешки, выпекаемые коренным населением в золе из ржаной муки, получались жесткими, тяжелыми для желудка (ГАИО, ф. 602, оп. I, д. 6, л. 162).

в этот период иногда являлись для них единственными представителями Советской власти (Юртаева, 1964б, стр. 226).

С конца 1927 г. кооперативное строительство в крае возглавил Туруханский интегральный союз кооперативов (Турухансоюз). Если прежде основное внимание уделялось потребительским и сбытовым нуждам населения, то теперь основу кооперативной работы составляет вопрос развития промыслового хозяйства.

Прежние общества потребителей и фактории были организованы в кооперативы. К 1928—1929 гг. большинство кетского населения входило в следующие интегральные кооперативы Турухансоюза: Суломайский (53 хоз.), Елогуйский (70 хоз.), Сургутинский (79 хоз.), Черноостровский (70 хоз.), Артюгинский (70 хоз., преимущественно селькупы), Сымский (22 хоз., преимущественно эвенки) (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 291, л. 3).[8] В первых четырех правление состояло целиком из кетов (председатель, члены правления, ревизионная комиссия — всего 5—6 чел.) (там же, д. 21, л. 157). Именно они являлись застрельщиками и распространителями многих начинаний: первыми отдавали своих детей в школу, включались в работу по ликвидации неграмотности, перестройке быта и т. д.

Постепенно коренное население все больше стало видеть в кооперативах свою организацию, заботящуюся о их нуждах, «а не только лавку, заинтересованную исключительно в покупке пушнины и продаже товаров» (там же, д. 205, л. 152). Тому способствовал и ряд конкретных мероприятий.

В 1928 г. Турухансоюз выделил средства елогуйскому кооперативу на приобретение и распространение среди коренного населения 160 оленей (там же, д. 21, л. 157). В 1929 г. была окончательно ликвидирована торговля на елогуйской и подкаменно-тунгусской ярмарках, которые еще сохраняли свои отрицательные черты: специфический («туземный») ассортимент товаров, самогоноварение и т. д. Для подготовки кооперативных работников из числа коренного населения в Туруханске создаются специальные курсы, программа которых включала, кроме общеобразовательных предметов, основы охотоведения, рыболовства, звероводства, оленеводства (там же, д. 205, л. 152).

Всей работой интегральных кооперативов Турухансоюза руководил Комитет Севера. Цель ее — максимальное приближение кооперации к действительным потребностям коренного населения и использование ее для развития хозяйства и культуры малых народов.

Интегральная форма кооперации подготовила базу для колхозного строительства в Туруханском крае.

---

[8] Кроме того, отдельные кетские семьи вошли вместе с русскими в кооперативы: Нижне-Тунгусский (5 хоз.), Бахтинский (5 хоз.), Чулковский (4 хоз.), Верещагинский (3 хоз.), Комсинский (2 хоз.).

Одна из важнейших задач Советской власти — государственное устройство малых народов, организация советов на местах. В Туруханском крае эта работа началась с конца 1922 г. На основании учения В. И. Ленина о том, что Советы для отсталых народов должны быть приспособлены к условиям их докапиталистического общественного строя (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 245—246) в первые годы советского строительства создавались родовые национальные советы. Первые такие советы были организованы среди тазовских селькупов и эвенков, т. е. там, где имелось большое число коренного населения и где оно расселялось сравнительно недалеко от Туруханска. В эти же советы предполагалось привлечь баишенских селькупов и кетов, елогуйских эвенков (ГАКК, ф. 49, оп. I, д. 823, л. 9). В том же 1922 г. при Туруханском исполкоме был создан Отдел по делам инородцев во главе с эвенком Н. Аркадьевым. В 1923 г. Енисейский губисполком разработал «Положение об управлении туруханских туземных племен», на основе которого развернулась советизация коренного населения. Положение предусматривало организацию у них родовых советов и созыв съездов советов. Советы наделялись правами и обязанностями волостных исполнительных комитетов и сельских советов. На основе положения определялось судебное устройство: первой инстанцией назначался суд родового совета, второй — окончательный народный суд с привлечением двух заседателей из коренного населения. Основой судопроизводства признавалось обычное право (ГАКК, ф. 458, оп. I, д. 27, л. 7).

Положение 1923 г. сохраняло свое значение до 1926 г., когда Комитетом Севера было разработано общее для всех малых народов «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». Положение закрепляло территориально-родовой принцип государственного устройства северных народов, причем большое внимание уделялось изучению традиций землепользования и распределения промысловых угодий.

Кетские родовые советы с самого начала не были таковыми в буквальном смысле слова. Они преимущественно объединяли локальные группы прежней волости (управы), т. е. являлись территориальными объединениями, значительная часть населения которых была связана родственными отношениями. Так, кеты бывшей Нижне-Инбатской волости, объединявшей несколько групп, различавшихся по территории и по центрам экономического тяготения, составили соответственно три родовых совета: Усть-Курейский, Монастырский и Чернооостровский (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 39, л. 24). Из бывшей Верхне-Инбатской волости выделились собственно Верхне-Имбатский, Елогуйский и Верхнетазовский родовые советы. Кеты бывшей Подкаменнотунгусской волости, расселявшиеся более компактно, вошли в один Подкаменнотунгусский (Суломайский) совет.

Следует отметить, что в состав этих советов входили не только кеты, но и представители соседних северных народов — отдельные группы селькупов, эвенков, издавна связанные с кетами родственными и экономическими (обменными) отношениями. Кетское население во всех этих советах преобладало; наибольшее количество селькупов имелось в составе Черноостровского и Елогуйского советов, эвенков — в составе Усть-Курейского. Исключительно кетским был Подкаменнотунгусский совет. Объединенные в советы разные национальные группы теперь уже были постоянно связаны общими интересами хозяйственного и культурного переустройства, что в конечном итоге не могло не отразиться на характере их этнического развития.

Совет (в составе председателя, заместителя и двух членов) стоял во главе объединения. Выборы осуществлялись на общих собраниях (сугланах). Таким образом, при создании советов были использованы наиболее привычные и понятные коренному населению формы управления (внешне аналогичные волостному), но с учетом экономической и административной целесообразности.

Кетские родовые советы не объединялись в туземные райисполкомы, а оставались в непосредственном подчинении Туруханскому исполкому подобно в основном селькупскому Верхнетазовскому и в основном эвенкийскому Сымско-Касскому советам (там же). В 1934 г. в эти советы были избраны 21 кет, 6 эвенков, 3 селькупа и 2 русских, из них 26 мужчин и 6 женщин (ЕГА, ф. 183, оп. I, д. 287, л. 40).[9]

Женщины впервые приняли участие в выборах в советы в 1929 г. С этого времени их активность резко возросла. На сугланах женщины выступали застрельщиками создания школ, лечебных пунктов, перехода на оседлость и т. д. (там же, д. 104, л. 204). Участницы общего собрания женщин Черноостровского родового совета, например (1933 г.), очень активно выступили против одного случая насильственного брака несовершеннолетних (10—12 лет). Собрание усмотрело в нем стремление отца мальчика (зажиточная семья) приобрести бесплатную рабочую силу, а также возможность снять сына с учебы на промысел и потребовало вернуть девочку ее родителям. Так с ростом сознательности пересматривались традиционные нормы, становилась понятней их социальная сущность. На этом же собрании женщины высказались против угнетенного положения в семье мужа, за организацию пункта ликвидации неграмотности и т. д. (там же, л. 167).

---

[9] Отражением процесса стягивания отдельных групп к одному экономическому центру явилось последующее объединение некоторых советов. Пять кетских советов: Усть-Курейский, Сургутинский, Черноостровский, Елогуйский и Подкаменнотунгусский были в 30-х годах переименованы в кочевые, а затем по мере проведения коллективизации и постройки центральных усадеб-поселков — в сельские. Все они (Черноостровский ныне слился с Баклановским) существуют и в настоящее время.

Протоколы собраний советов свидетельствуют о постепенном росте общественного сознания и расширения деятельности кетов. Чернoостровские кеты (1933 г.) критикуют свое правление за оторванность от рядовой массы населения, ставят вопрос об организации рыболовецкой артели, требуют, чтобы секретарями советов (как правило, они были из числа русских) посылали коммунистов, «так как туземное население больше верит коммунисту. . .» (там же, л. 64).

Елогуйские кеты на совете (1933 г.) ставили вопрос об отправке к ним опытного учителя, о помощи школе в борьбе с шаманством, об открытии лечебницы и организации рыболовецкой артели (там же, л. 110). В сферу деятельности Уть-Курейского совета входили и такие каждодневные дела, как правила запряжки собак, запрещение азартных игр, санитарное содержание жилищ и обязательное оспопрививание (там же, л. 112).

Советские работники 30-х годов отмечают большое уважение коренного населения к решениям своего совета (там же, д. 287, л. 12), в чем безусловно проявлялись общинно-родовые традиции, облегчавшие в данном случае работу советов.

Однако следует отметить, что многие начинания советов оставались только на бумаге. Долгое время значительная часть населения не входила вообще в сферу их влияния. Слабость советов заключалась прежде всего в недостатке опытных и грамотных руководящих кадров, особенно секретарей. В 1931 г. вместо 57 требующихся в крае секретарей работало только 5. Роль же секретаря при почти повсеместно неграмотном или малограмотном председателе из коренного населения была очень велика. Авторитет руководителей советов для кетов становился авторитетом Советской власти. Отрицательно сказывался недостаток инструкторов, удаленность районных организаций. При отсутствии радиосвязи и телеграфа связь с отдаленными советами осуществлялась иногда не более двух-четырех раз в год (ГАИО, ф. 610, оп. I, д. 1, л. 15). Необходимо также отметить и противодействие советам (особенно их культурным начинаниям) со стороны бывших князцов, шаманов — и в этом случае родовые традиции являлись тормозом на пути приобщения кетов к новому.

Постепенно по мере укрепления советов возрастала и их роль как средства формирования общественного сознания народа.

Начало хозяйственной реконструкции, коллективизация. Реконструкция промыслового хозяйства коренного населения началась в конце 20-х годов, до этого основной проблемой оставалось снабжение его продовольствием и орудиями труда, восстановление разрушенного в годы империалистической и гражданской войн хозяйства. Возглавил всю работу Красноярский комитет Севера, осуществлял ее непосредственно сначала Енсоюз, а затем интегральный Турухансоюз.

В 1928 г. в бюджете всего коренного населения края, в том числе и кетов, охотничий промысел занимал первое место и составлял 61% всех доходов. Продукция рыболовства и оленеводства шла почти исключительно на удовлетворение внутренних нужд.

На развитие охотничьего промысла в первые годы реконструкции отрицательно сказался «неурожай» белки (1927—1929 гг.). В связи с этим были предприняты меры, облегчающие положение коренного населения: повышение норм и расширение ассортимента кредитования; снабжение охотников не только продовольствием, боеприпасами, но и оленьим сырьем, одеждой (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 291, л. 14). Первые меры в организации промысла заключались в установлении сроков и пропаганде способов охоты в соответствии с биологическими особенностями объекта промысла.

Работу на местах проводили родовые советы и кооперативы. В 1928 г. развернулась организация запрещенных для промысла угодий — заказников. Появились они и на кетской периферии. В ноябре 1928 г. собрание членов Черноостровского кооператива принимает решение об организации заказника: «Для того чтобы зверь плодился, организовать заказник по левой стороне Енисея, вершине р. Баихи, между дорогами: по правой стороне Тазовской, по левой стороне Баклановской (лесовые выходят по ней на станок Бакланиху). По нижней стороне заказник начинается по самый край тундры, по верхней его огибает Тазовская дорога... Длина заказника 1 аргиш (15 верст), ширина столько же... От станка Черноостровска заказник на расстоянии 6 зимних аргишей... Поручается правлению кооператива возбудить ходатайство перед Туруханским РИКом об утверждении заказника; согласие председателя родового совета имеется. Избрать для наблюдения за заказником Максунова А. И., Дибикова В. Я. и Ирикова В. З.» (там же, д. 21, л. 151).

Большим стимулом интенсификации пушного промысла явилось ежегодное повышение цен на белку (там же, д. 228, л. 105).

Верхне-имбатские, нижне-имбатские и подкаменнотунгусские кеты к 1930 г. увеличили добычу белки по сравнению с 1911—1913 гг. в 29 раз, добыча белки русскими за тот же период возросла в 5 раз (там же). С 1932 г. на кетских угодьях началось разведение нового промыслового зверька — ондатры (ЕГА, ф. 183, оп. II, д. 62, л. 109).

Несмотря на некоторое улучшение, к началу 30-х годов организация охотничьего промысла в целом оставалась на низком уровне. Охотники продолжали пользоваться шомпольно-кремневыми ружьями, сохранял свое значение лук (главным образом при охоте на дичь). Такое положение объяснялось тем, что завозимые ружья были тяжелы, дороги, быстро ломались (ГАИО, ф. 610, оп. I, д. 1, лл. 1, 13—14). Повсеместно требовалось даль-

нейшее охотоустройство, и прежде всего четкое распределение промысловых угодий, расширение сети заказников, проведение охотоведческой работы.

Недостаточный ввоз в течение длительного срока материалов, необходимых для рыбного промысла, вызвал резкое сокращение промыслового оборудования у русского и особенно у коренного населения Туруханского края. Количество неводов по сравнению с 1912 г. к 1925 г. сократилось с 1113 до 768, сетей-пущален [10] — с 15 535 до 3646, самоловов — с 9272 до 7982 (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 88, л. 55). Еще к началу 30-х годов коренное население было обеспечено промысловым инвентарем в 5 раз слабее, чем русское (ГАИО, ф. 610, оп. I, д. 91, лл. 2, 14).

У кетов к началу реконструкции хозяйства рыболовство сохраняло почти исключительно потребительское значение. Необходимо было приобщение их к товарному лову. Требовалась работа по выявлению необходимых угодий, организации труда, снабжению промысловыми орудиями, и в основном большими неводами (особенно северных, курейских, кетов), обучению способам обработки рыбы и т. д.

Немногочисленное кетское оленеводство за годы войны и разрухи пришло в катастрофическое состояние. Продовольственные неурядицы и недостаточное снабжение являлись основными причинами забоя оленей. В крае неоднократно вспыхивали эпизоотии (особенно чесотка). В целом, по данным РКИ, в конце 20-х годов в Туруханском крае ежегодно гибло более 5000 голов (там же, д. 22, л. 11). В первую очередь советские, партийные и хозяйственные организации края уделяли внимание тундровым районам с многочисленным оленеводством (Илимпийская и Тазовская тундры), они разработали проекты и сделали попытки организации оленных питомников (в районе Норильска—Караула), куда направлялись первые врачи-ветеринары. Кетские районы до середины 20-х годов оставались в ветеринарном отношении неисследованными (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 69, л. 21), был проведен только учет поголовья. Оно оказалось явно недостаточным для развития пушного промысла.[11]

С целью приобретения оленей безоленными и малооленными группами государством были выделены ссуды, в результате чего Сургутинский кооператив приобрел 47 оленей, Елогуйский — 85 (там же, д. 291, л. 16).

Однако эти меры не решали проблемы. Кооперативы не всегда

---

[10] Пущальни являлись основным орудием рыболовства большинства кетов.

[11] На 158 обследованных кетских хозяйств в 1929—1930 гг. приходилось 602 оленя, т. е. 3.8 головы на хозяйство; распределялись они следующим образом: от 1 до 10 оленей имели 32 хозяйства, от 11 до 25 голов — 11 хозяйств, от 25 до 50 — 4 хозяйства и свыше 50 — одно хозяйство (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 228, л. 92).

имели возможность использовать ссуду по назначению. Количество распределяемых оленей (в основном 2—4 на хозяйство) не могло существенно изменить положение. К тому же не всегда учитывались особенности таежного оленеводства: закупленные районом низкорослые тундровые олени (например, якутские) оказывались малопригодными в условиях тайги (там же, д. 205, л. 146). Трудности усугублялись периодическими карантинами в соседних областях (например, в Зауралье), где можно было бы закупить оленей, отсутствием пастбищ на возможных путях перегона и т. д.

До 1928 г. земледелия в Туруханском крае севернее станка Осиновского не было совсем. В 1928 г. появились первые опытные посевы зерновых культур (овса, ячменя). Одновременно возникают первые огородные коллективы. В 1929 г. была сделана попытка создания таких коллективов при Остяцко-Суломайском кооперативе, Сургутинском и Елогуйском. На огородах выращивали репу, брюкву, морковь, свеклу, капусту, сажали картофель (там же, д. 291). Однако возникновение огородничества как отрасли хозяйства (кстати, не всегда имевшей положительное значение для коренного населения) относится к более позднему периоду, когда происходит организация кетов в коллективные комплексные хозяйства.

Большое значение в деле реконструкции хозяйства, а затем и коллективизации коренного населения имело начатое в 1927 г. землеводоустройство в крае. Комитетом Севера в 1928—1929 гг. были организованы экспедиции по обследованию промысловых угодий кетов на Подкаменной Тунгуске и по Енисею до Туруханска, а также в верховьях Елогуя и Таза (там же, д. 206, лл. 88, 124, 134). Целью землеводоустроительных работ являлось выявление на собраниях родовых советов фактически осваиваемых ими охотничьих и рыболовных угодий, пастбищ, изучение этих угодий с точки зрения их необходимости для данного района, подсчет количества населения, определение центров экономического тяготения, взаимоотношений между соседними группами населения и т. д. (там же, д. 228, л. 86). Маршрут экспедиций был неслучаен, так как из кетских советов поступали сигналы о территориальных разногласиях между елогуйскими кетами и коренным населением Верхнего Таза, тымскими селькупами. Подкаменно-тунгусские кеты жаловались на вторжение в пределы их традиционных угодий («дорог») русских крестьян из деревень Осиново, Сумароково, Подкаменная Тунгуска, на случаи обмана и насилия со стороны последних (там же, д. 206, л. 88, 124, д. 21, л. 29), а позднее — на столкновение с эвенками Северо-Енисейского района и Эвенкийского национального округа (ЕГА, ф. 183, оп. II, д. 184, л. 24). Трения имели место и между отдельными кетскими группами, например, из-за общей заинтересованности в одних и тех же угодьях между сургутинскими и черноостровскими ке-

тами, входившими в ту пору и в один родовой совет (ЕГА, ф. 236, оп. I, д. 98, л. 69).

Одновременно перед участниками экспедиции стояли задачи исследования рек (Подкаменной Тунгуски, Елогуя, Сыма) с точки зрения их использования при перевозке грузов для коренного населения.

В 1936—1937 гг. в районе работали 5 отрядов Туруханской землеустроительной экспедиции (землеустроители, агрономы, охотоведы, экономисты, зоотехники и геоботаники). Были обследованы территории сельских и кочевых советов, в том числе кетские.[12]

Начатые землеводоустроительные работы в крае дали ценный материал для будущего колхозного строительства (разграничение угодий, определение места центральных усадеб, разработка хозяйственного плана), однако они так и не были завершены.

Новый этап в реконструкции хозяйства коренного населения Туруханского края связан с началом колхозного строительства. Коллективизация явилась дальнейшим развитием уже сложившихся форм хозяйства, ее подготовило кооперативное строительство. Первоначально были использованы простейшие формы производственных объединений (ППО) — товарищества по совместному использованию угодий и орудий производства на определенный промысловый сезон. Появление первых кетских коллективных хозяйств относится к 1929 г. Большинство из них поначалу представляло собой рыболовческие объединения. В 1929 г. сургутинские кеты из числа членов интегрального кооператива организовали рыболовецкие товарищества «Заря»; 17 хозяйств подкаменно-тунгусского кооператива в том же году объединилось в простейшие производственные рыболовецкие товарищества (ППРТ) «Кэто» и «Сулемкай» (ЕГА, ф. 183, оп. II, д. 184, л. 4). В 1933 г. участники этих товариществ объединились в одно ППО (также на базе рыболовства). В 1935 г. было коллективизировано уже 26 хозяйств этой группы, а в 1936 г. число их увеличилось до 52 (ЕГА, ф. 220, оп. I, д. 53, лл. 1—6; ф. 183, оп. II, д. 184, л. 4). Елогуйский совет в 1933 г. принял решение об организации рыболовецкого и (опытного) оленеводческого коллективов; последнего на время летнего выпаса (ЕГА, ф. 183, оп. II, д. 104, л. 110). В том же году Черноостровский национальный совет поставил вопрос о переходе на устав сезонной рыболовецкой артели и о постепенной организации сложного комплексного коллективного хозяйства (там же, л. 64). В 1935 г. на устав рыболовецкой артели «За новый быт» перешла часть курейских кетов, впоследствии из их числа было образовано смешанное товарищество

[12] Несколько томов материалов экспедиции (в том числе содержащие очень ценные сведения по хозяйственно-культурному положению кетов того времени) хранится в архиве районной сельхозинспекции Туруханска (далее: АРСТ).

«Советский путь». Интересно, что второе объединение курейских кетов — простейшее производственное рыболовецкое товарищество «Заря» — составили в том же году исключительно представители родовой группы Ольгыт (Серковы). Несколько родственных семей объединяло на время промысла свой рыболовецкий инвентарь — сети, снасти и лодки (табл. 2) (ЕГА, ф. 220, оп. I, д. 43, л. 14; д. 61, л. 1).

Таблица 2

Глава семьи	Объединенный инвентарь				Общая стоимость инвентаря (руб.)
	пущальни	невода	лодки	ветки	
Серков А. А. . .	13	3	1	1	900
Серков П. И. . .	9	1	1	—	515
Серков Н. П. . .	13	1	2	1	715
Серков Ф. А. . .	18	1	1	1	570

Объединение по родственному признаку в данном случае соответствовало устойчиво сохранявшимся у них коллективным формам труда, использования угодий и средств производства. Бригады во всех кетских объединениях, как правило, тоже создавались по родовому принципу (каждую составляло несколько родственных семей), распределение угодий между ними обусловливалось традиционным землепользованием («своими дорогами»).

В результате первого этапа коллективизации изменилось соотношение хозяйственных отраслей у кетов, в частности появилось (или значительно возросло) товарное рыболовство.

В 1931—1932 гг. появились государственные промыслово-охотничьи станции: ПОС, ППС (Келлог, Суломай). Цель их — реорганизация охотничьего промысла. Станции оказывали непосредственную помощь колхозам (Сергеев, 1955, стр. 346).

Развитие процесса коллективизации у кетов проходило по линии постепенного перерастания простейших производственных объединений в более высокую форму — артельную, где кооперирование труда распространялось уже не на одну, а на все отрасли комплексного хозяйства народа.

Организация колхозов (особенно в первые годы) была встречена выжидательно частью населения, имелись случаи и прямых враждебных выступлений шаманов (Суслов, 1931, стр. 91). Развертыванию работы мешали также и некоторые допущенные ошибки: обобщение личных средств производства (Сергеев, 1955, стр. 346), механическое применение форм выявления и ограничения «кулацкого элемента», характерных для районов сплошной коллективизации, на кетское население, в основном однородное по социальному составу и материальной обеспеченности.

Таблица 3

Категория	Трудоспособные (от 16 лет)	Олени	Собаки	Лодки		Лыжи	Нарты	Невода (кв. саж.)		Сети пуцальные	Огнестрельное оружие			Чернаны	Капканы	Пальма
				дощаники	долбленки			частые	редкие		берданки	шомпольные	винтовки			
Кулацкое	7	11	2	2	1	3	3	30	70	15	2	1	—	40	11	1
Середняцкое	5	—	3	1	—	2	5	75	30	9	1	1	1	15	19	4
Бедняцкое	2	—	1	1	1	1	1	—	30	2	2	—	1	15	5	—

Это хорошо видно из табл. 3, где показано распределение основных средств производства в трех хозяйствах курейских кетов (1930 г.), записанных «кулацким», «середняцким» и «бедняцким» (ЕГА, ф. 183, оп. I, д. 286, л. 7).

«Кулацкими» в 30-х годах нередко объявлялись хозяйства, лучшая обеспеченность которых по сравнению с другими объяснялась наличием в семье нескольких трудоспособных членов. Обычно это была большая семья, где взрослые сыновья вели общее с отцом хозяйство. Естественно, что в распоряжении такой семьи находилось большее количество оленей, нарт, орудий промысла по сравнению с малочисленными семьями.

Непонятными коренному населению оставались длительные правовые ограничения по отношению к членам семей, объявленных «кулацкими» (ЕГА, ф. 183, оп. 2, д. 184, л. 10).

Ликвидация ошибок и перегибов способствовала дальнейшему постепенному вовлечению кетов в коллективное производство. Состояние этого процесса к 1936 г. показывает табл. 4. [13]

Завершение процесса коллективизации и организации пяти национальных кетских колхозов с комплексным хозяйством относится к послевоенному периоду.[14] Однако уже к 1939—1940 гг. кетские колхозы достигли больших хозяйственных успехов. Луч-

[13] Материалы Туруханской землеустроительной экспедиции, т. 1 (см.: АРСТ).

[14] Кеты составили основное население следующих колхозов: им. Ленина (Елогуй), «Красное знамя» (Сургути-

Таблица 4

Наименование совета	Коллективизировано		Единоличников	
	число хозяйств	всего населения	число хозяйств	всего населения
Елогуйский	10	36	71	302
Сургутинский	20	74	1	3
Черноостровский . . .	35	135	—	—
Усть-Курейский . . .	30	140	—	—
Суломайский	20	83	43	190

шие кеты-колхозники (К. В. Хальвин и В. А. Коротких из Келлога, М. М. Дибиков из Пакулихи) были участниками ВСХВ (ЕГА, ф. 183, оп. I, д. 220, л. 29). Отчисления неделимого фонда позволили улучшить техническую оснащенность, построить хозяйственные помещения и приступить к созданию поселков — центральных усадеб колхозов.

Культурное строительство и здравоохранение. В начале первого десятилетия XX в. на весь огромный Туруханский край приходилось 2 двухклассные церковно-приходские школы. В 1910 г. открылось одно духовное училище (ГАКК, ф. 117, оп. I, д. 282, л. 12). Кетское население к началу социалистического переустройства полностью оставалось неграмотным.

В 1921 г. была организована национальная школа в Туруханске. К весне 1925 г. всего в крае имелось 12 школ, в них работало 19 учителей; из 353 учеников 23 принадлежали к северным народам. Дети коренного населения учились в русских школах, расположенных в приенисейских поселках; кеты, например, учились, в верхне-имбатской, туруханской, подкаменнотунгусской и черноостровской школах (ГАКК, ф. 49, оп. I, д. 670, л. 562).

На начальном этапе школьное строительство было сопряжено со значительными трудностями. Родители неохотно соглашались отдать детей в школу, тем более что многие из них (переростки) уже активно участвовали в хозяйственной жизни семьи, и она, таким образом, лишалась дополнительных рабочих рук. Из-за удаленности школ дети на длительный срок оказывались в отрыве от родителей. Сложно обстояло дело с учительскими кадрами, школьными помещениями и их оборудованием. В открывшейся в 1933 г. национальной елогуйской школе (до того небольшое число детей обучалось в русской школе Верхне-Имбатского) было «только 10 рабочих столов и одна классная доска, да одна карта Восточно-Сибирского края» (ЕГА, ф. 221, оп. I,

ха), «Большевик» (Пакулиха), «Новая жизнь» (Курейка), «Дружба» (Подкаменная Тунгуска).

д. 29, л. 22). Большинство детей курейских кетов еще в начале 1940 г. оставалось вне системы обучения, так как родители не хотели отпускать их в русский поселок Горошиху, а местной школы не имелось (ЕГА, ф. 183, оп. II, д. 247, л. 2). Каждый случай заболевания школьников мог послужить поводом, чтобы не отдать или забрать ребенка из школы. Только постепенное улучшение школьной работы и особенно создание школ-интернатов на периферии, где родители могли относительно часто видеть своих детей и лично убедиться, что они одеты и питаются значительно лучше, чем в семье, позволило со временем перейти ко всеобщему начальному обучению.

К 1928—1929 гг. относится и начало массовой работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Обучение грамоте, как уже отмечалось, проводили кооперативные организации, большое внимание этому вопросу уделяли родовые советы. При них создавались «книжные полки», красные уголки. Недостатком работы являлось то обстоятельство, что, пройдя курс обучения, кеты быстро теряли полученные навыки из-за отсутствия постоянной практики. Однако часть из них (работники советов, правлений кооперативов и т. д.) приобщалась и в дальнейшем к основам грамоты. Наиболее подготовленные продолжали обучение на организованных в Туруханске туземных курсах, а также вошли в число первых рабфаковцев в Ленинграде, Томске.

Летом 1929 г. многие из кетов впервые увидели кино, а зимой того же года на факториях Елогуй, Артюгино работали стационарные установки.

Новой формой культурной работы среди коренного населения явились красные чумы. В 1930 г. был организован первый передвижной красный чум, проехавший, в частности, по местам расселения кетов. Работники его проводили беседы, устраивали коллективные читки книг, журналов и газет, снабжали население медикаментами. Позднее красные чумы были организованы во всех кетских поселках с целью регулярного культурного обслуживания промыслового населения.

Медицинскому обслуживанию северного населения уделялось большое внимание с самого начала советского строительства. В марте 1923 г. Наркомнац вынес специальное решение о необходимости принятия неотложных мер по охране здоровья малых народов. В соответствии с этим постановлением Сибирский отдел Российского Общества Красного Креста приступил к оказанию медицинской помощи в Туруханском крае (Юртаева, 1964 а, стр. 211—212). Были созданы первые медицинские пункты и организованы передвижные отряды, проводившие обследование коренного населения. Врачи сразу же отметили полное отсутствие иммунитета у северных народов даже по отношению к самым элементарным заболеваниям. Эпидемии кори, гриппа

сопровождались большой смертностью. Наследием дореволюционного прошлого оставались социальные болезни Севера: туберкулез, трахома, алкоголизм.[15] Особенно большое количество трахоматозных больных было зарегистрировано среди елогуйской группы (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 203, л. 43).

Летом 1926 г. у подкаменнотунгусских и елогуйских кетов, а также на Сыму работал медицинский отряд Д. А. Кытманова (Кытманов, 1927). В 1928 г. в Туруханский район выехала женская консультация-передвижка. Вот что писала врач М. М. Савина о работе среди подкаменнотунгусской группы: «На следующий день, 12 июня, мы отправились к остякам ... спросили родовой совет, и к нам явились трое представителей его остяков. В цветных, никогда не мытых одеждах, с космами черных, жестких, сбившихся волос, с трубочками во рту, остяки внимательно слушали, поддакивали, на все соглашались, обещали оповестить своих жен и отвести отдельный чум для приема. 13 июня делали первый прием в чуме. Первых 2—3 ребенка к нам принесли неохотно, потом же дело наладилось. Дети остяков невероятно грязны, родятся они с помощью бабушки в чуме в самых антисанитарных условиях. После рождения некоторых моют, а большинство, имея полтора-два года от рождения, еще ни разу не купалось ... Детей рожают по 13—14 чел., из них половина вымирает в младенческом возрасте ... На прием приходили целой семьей — муж, жена и дети. Мы беседовали с ними на общие санитарно-гигиенические темы и давали советы, наиболее подходящие к условиям их быта, как-то: чаще мыть тело, платье, стричь волосы, не плевать в чуме, не кормить детей сырой рыбой ... Возвращались мы в деревню Подкаменная Тунгуска 4 июля. Остяки еще не ушли, и мы пошли к ним. На этот раз были приятно удивлены тем, что остячки, которые были у нас раньше, уже грязных ребят к нам не принесли, а предварительно их вымыли» (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 143, лл. 17—19).

Консультация обследовала также елогуйскую группу и кетов, живших на побережье Енисея до Туруханска, в частности в течение семи дней оказывалась помощь черноостровским кетам. Кроме разъездных отрядов, медицинское обслуживание кетов в 1928—1929 гг. проводила туруханская больница (20 коек, 3 врача, 3 фельдшера и акушерка), а также фельдшерские пункты в поселках Ярцево, Ворогово, Подкаменная Тунгуска и Верхне-Имбатском.[16] Ежегодно на организацию здравоохранения расхо-

---

[15] Миф о широком распространении венерических заболеваний среди северного населения был вскоре развеян. Из 299 обследованных в 1926 г. кетов больных сифилисом оказалось всего 2.4%, и то среди обруселых ярцевских кетов (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 228, л. 113).

[16] В 1913 г. расходы на медицинское обслуживание составляли всего 8301 руб. В крае насчитывалось 3 медицинских пункта с 5 койками, на один медицинский пункт приходилось до 5000 человек.

довалось 178 тыс. руб. (там же, д. 228, л. 112; д. 203, л. 3). В 1930 г. был поставлен особо вопрос о медицинском обслуживании елогуйских и подкаменнотунгусских кетов. Обязанностью медицинских работников являлась не только лечебная работа, но и санитарно-просветительная, а также изучение условий быта, питания, рождения и смертности, подверженности эпидемическим заболеваниям и т. д. Главое внимание уделялось здравоохранению детей (там же, д. 190, лл. 151—152).

Однако амбулаторное лечение на станках не удовлетворяло коренное население, проводившее большую часть года на промыслах. Елогуйский кочевой совет в 1933 г. поднимает вопрос об организации в центре их угодий постоянного лечебного пункта. Вообще активность кочевых советов по вопросу медицинского обслуживания была особенно велика. Они, в частности, оказывали большую помощь медикам в период эпидемий. Так, в ноябре 1936 г. во время вспыхнувшей эпидемии оспы Сургутинский кочевой совет объявил об организации чрезвычайной полномочной тройки и принятии мер борьбы с заболеванием. Члены ее следили, чтобы в эти дни в Сургутиху не приезжали люди с отдаленных угодий (Налимьего озера, Таза), запрещали массовые сборища, «гостевание» по чумам и т. д. (ЕГА, ф. 183, оп. I, д. 182, л. 12).

Запрещение ввоза спиртных напитков, улучшение питания, активизация лечебной работы не могли не сказаться благоприятно. Однако и в конце 30-х годов была велика смертность детей в возрасте до одного года, при общем приросте населения ненормальным оставалось соотношение полов (на 100 мужчин 92.8 женщин), тяжелым наследием — туберкулез (ГАКК, ф. 1845, оп. I, д. 228, л. 84).

На повестке дня стоял вопрос о создании медицинских пунктов во всех поселках с коренным населением, фтизиатрического отделения при районной больнице, санаторной школы для детей, но осуществление этих планов относится уже к 50-м годам.

Культурное и хозяйственное преобразование жизни кетов было прервано Великой Отечественной войной. Кеты, как и другие народы страны, приняли участие в защите Родины от врага. Большинство ушедших на фронт вошло в состав снайперских подразделений. Многие из них не вернулись с войны. Среди бывших воинов кетов есть орденоносцы, прошедшие боевой путь до Берлина.

Война подорвала экономику кетских колхозов, тяжело отразилась на положении коренного населения. Это продолжало сказываться и в первое послевоенное десятилетие.

Значительные успехи в хозяйственном и культурном строительстве были достигнуты во второй половине 50-х годов.

В настоящее время на базе земель и общественного имущества бывших колхозов в Туруханском районе организованы два

госпромхоза — Южно-Туруханский (центр в Верхне-Имбатском) и Северо-Туруханский (с центром в Туруханске). Позднее из Южно-Туруханского был выделен Вороговский госпромхоз (пос. Ворогово). Бывшие колхозы стали участками госпромхозов, а колхозники зачислены в штат в качестве постоянных рабочих.

В числе прочего населения в Южно-Туруханский промхоз вошли кеты елогуйские и живущие в поселках Кангатово, Алинском, Бахте, Лебеде, Чулково и др.; пакулинская (ныне баклановская) и курейская группы кетов, селькупы из пос. Фарково, эвенки из Советской Речки работают в Северо-Туруханском промхозе. Несколько кетских семей включено в Вороговский промхоз. Подкаменнотунгусские кеты (колхоз «Дружба») сохраняют свою прежнюю организацию.

Промхозы представляют собой комплексные объединения, построенные на хозрасчете. Основу их хозяйства составляют промысловые отрасли: добыча пушно-мехового сырья, дичи, мяса диких копытных животных, рыбы, кедровых орехов, ягод, грибов. Деятельность промхозов предусматривает также развитие звероводства, в качестве подсобной отрасли сохраняется сельское хозяйство, а на участках с преобладанием коренного населения — оленеводство как транспортное средство. Кроме промыслового освоения угодий, в задачи промхозов входит осуществление мероприятий по воспроизводству охотничье-промысловой фауны и рыбных запасов.

Коренное население, в том числе и кеты, по-прежнему занято в традиционных отраслях, пока что не изменилась и организационная сторона промысловой деятельности (распределение угодий, звеньевая система и т. д.).

Включение кетов в промхозы позволяет им, как и другим рабочим и служащим, пользоваться северными надбавками, отпускными льготами, оплатой по временной нетрудоспособности и т. д. Но сама по себе реорганизация колхозов в промхозы не устраняет всех трудностей, характерных для прошлых лет, как экономических (например, нерентабельность карликовых зверопитомников), так и организационных (недостаток кадров специалистов, техники), а также такого биологического фактора, как возможные «неурожаи» пушных животных и т. д. Прошедшие годы существования промхозов были наиболее трудными в финансовом и организационном отношении, поэтому для объективной оценки положения кетов в промхозах необходимо, чтобы прошел более длительный срок. Коренному населению еще предстоит многое перестроить в сознании в соответствии с новой организацией труда (в отношении к нормированному рабочему дню, распределении ежемесячного заработка и т. д.), и это необходимо учитывать руководству промхозов. Очень важно и при новой организации максимально использовать промысловые навыки кетов и специализировать их труд главным образом в про-

мысловом направлении. На участках, где этому моменту придавалось значение, за зимний охотничий сезон 1966 г. были достигнуты значительные успехи.

В настоящее время намечаются большие сдвиги в научном изучении экономики района и его биологических ресурсов,[17] освоении опыта других северных районов страны.[18]

Рост благосостояния коренного населения связан со специализацией промхозов в промысловом направлении, прежде всего — в охоте, возможности которой в настоящее время используются далеко не полностью. Очень перспективен в районе соболиный промысел. В настоящее время ежегодно государство получает 3—4 тысячи туруханских соболей (рис. 31). По мнению специалистов, добыча соболя без ущерба для воспроизводства поголовья может быть удвоена уже сейчас, а в ближайшее время — утроена. Ни один район Красноярского края не располагает такими благоприятными условиями для промысла ондатры, как Туруханский. Ондатра здесь занимает третье место после соболя и белки. Для развития охотничьего промысла необходимо выявление новых наиболее ценных угодий, прокладывание к ним дорог, создание специализированных бригад и закрепление за ними в постоянное пользование угодий, постройка на местах лова бригадных станов (избушка, лабаз, баня). Большие перспективы может открыть развитие самоловного способа (наряду с ружейным). Он обеспечивает ряд серьезных преимуществ, в том числе и в решении проблемы культурно-бытового обслуживания во время промысла, так как не требует постоянных передвижений.

В рыболовном промысле предстоит дальнейшее исследование угодий, применение новых орудий труда, рефрижераторов, полное обеспечение моторизованным транспортом. Для подъема оленеводства промхозы предполагают закупку оленей в Эвенкии, улучшение ветеринарной работы (рис. 32).

Дальнейшую реорганизацию промысла нельзя представить без внедрения новой техники передвижения, приспособленной к местным условиям (на снегоболотоходы промхозы уже сделали заявки), без удешевления стоимости авиаперевозок и т. д. Улучшение быта населения на промысле связано с созданием и внедрением в жизнь нового походного снаряжения, легких утепленных

[17] В течение нескольких лет в районе работала экспедиция Института географии АН СССР и Главного управления охотничьего хозяйства. Результаты обследования опубликованы в книге Е. Е. Сыроечковского (1965). В ней, в частности, поднимается важный вопрос о неравномерности в использовании отдельных угодий, недостаточном освоении глубинных участков, а также рекомендуется наиболее целесообразное соотношение отраслей хозяйства в разных местах района.

[18] Северо-Туруханский промхоз, например, приступил к массовому изготовлению ловушек на ондатру по образцу якутских морд. Первое же применение их в туруханских условиях оказалось очень эффективным.

Рис. 31. Охотники с добытой пушниной.

Рис. 32. Ветеринарный осмотр оленей.

переносных жилищ, специальной одежды и обуви и т. д.[19] Эти проблемы могут быть решены только в общегосударственном масштабе.

Огромные перемены в результате социалистического переустройства произошли в культурном положении народа, и особенно заметными эти изменения стали за последние 10 лет.

Большое культурное воздействие оказало создание поселков, бывших на первом этапе центрами культурной и общественной

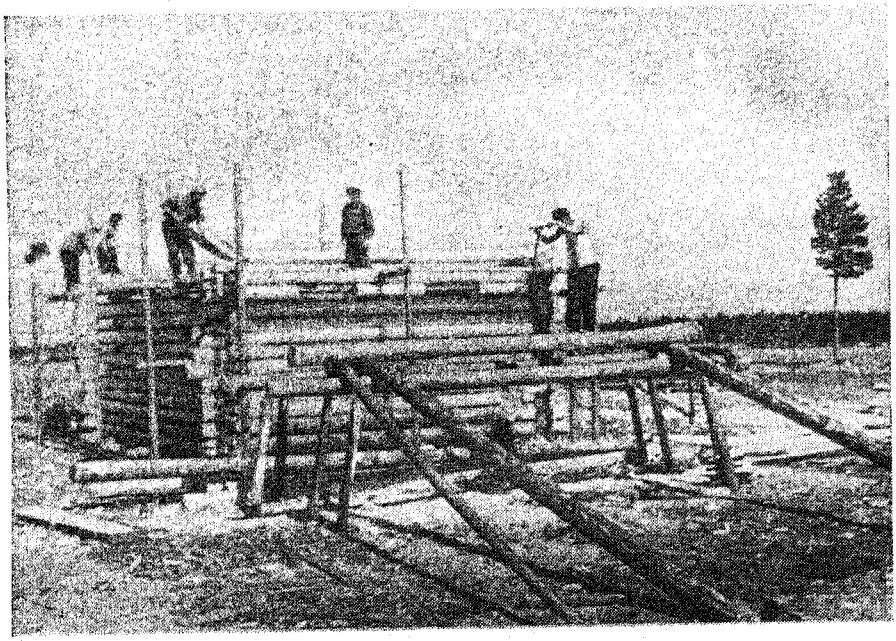

Рис. 33. Строительство нового дома бригадой кетов.

жизни кетов, а теперь ставших и местом их постоянного жительства. Современные кетские поселки ничем не отличаются от других сельских населенных пунктов нашей страны: кроме жилых домов, в них построены правление, сельсовет, школа-интернат, медпункт или больница, клуб (красный чум), магазин, почта, баня, хозяйственные помещения и т. д. Поселки радиофицированы, в некоторых проведено электричество. Все они связаны с Туруханском авиалинией или речным транспортом.

[19] Описание жилищ новых конструкций для северных народов см. в работах: Долгих и Файнберг, 1960; Васильев, Симченко, Соколова, 1966. Имеющиеся проекты пока еще не удовлетворяют особым условиям таежной зоны: жилища тяжелы, требуют для перевозки большого количества оленей и т. д.

В поселках основная масса кетов живет в межпромысловые сезоны, постоянно в них находятся лишь лица, занятые в непромысловых отраслях. За последнее время число постоянного поселкового населения возрастает за счет нетрудоспособных стариков, многодетных матерей, предпочитающих оставаться здесь на зиму.

Интенсивное строительство жилых домов для коренного населения особенно развернулось за последние годы, чему очень способствовало предоставление льготных государственных ссуд.

Рис. 34. Школа-интернат (пос. Келлог).

В некоторых поселках возникли строительные бригады из числа самих кетов (рис. 33). Так было, например, в Келлоге, где сейчас каждая кетская семья имеет дом. По нескольку домов выстроено в поселках Бакланихе, Суломае, Мадуйке (участок курейских кетов).[20]

Однако жилищная проблема решена еще не везде. Одной из неотложных задач является постройка домов для курейских кетов, постоянно живущих в районе Мундуйского озера (пос. Мадуйка), нехватка жилья ощущается в Сургутихе и т. д.

[20] Весной 1966 г. во время паводка сильно пострадали кетские постройки в Бакланихе и Суломае, однако краевая комиссия в предельно короткие сроки создала бригады печников и плотников, изыскала строительный материал, и последствия стихийного бедствия были ликвидированы.

Активным средством культурного переустройства малых народов Севера с самого начала национального строительства было школьное и медицинское обслуживание, на настоящем этапе его уровень неизмеримо возрос.

Сейчас все дети кетов школьного возраста учатся, многие из них получают среднее образование. Только с начала 1966 г. на строительство новых и переоборудование прежних школьных зданий и интернатов было отпущено 40 тыс. руб. За это время в Келлоге выстроена санаторная школа-интернат для детей коренного населения (рис. 34); верхне-имбатская средняя школа, где, в частности, продолжают обучение дети из елогуйской, сургутинской и других групп, переустроена, в ней введено паровое отопление. Расширены интернаты в Сургутихе и Горошихе (в последней обучаются курейские школьники по окончании своей начальной школы). Окончившие школы продолжают обучение в Ленинграде (Педагогический институт им. А. И. Герцена), Красноярске (медицинский институт), Игарке (педагогическое училище, зооветеринарная школа), Минусинске (культурно-просветительное училище) и т. д. Во время обучения от первого класса и до окончания института кеты, как и другие северные народы, находятся на полном государственном обеспечении. В последние годы в поселках появились новые кадры кетской интеллигенции: учителя и воспитатели в школах (Т. Серкова, О. Коротких, В. Ламбина), зоотехники (И. Тыганов, Г. Бальдина), фельдшеры (О. Тыганова), работники красных чумов (Б. Бальдин) и т. д. Кеты — специалисты и грамотная молодежь принимают активное участие в общественной жизни поселков. Среди них есть депутаты сельских и районных Советов, коммунистка А. Я. Кусамина (селькупская фамилия по мужу) была избрана депутатом краевого Совета.

На высокий уровень в настоящее время поставлено медицинское обслуживание. В каждом поселке есть фельдшерский пункт со стационаром, а в наиболее населенном поселке — Келлоге функционирует больница. Медицинские работники во время промысла периодически выезжают на угодья к охотникам и рыбакам. Широкое распространение получила такая форма медицинского обслуживания, как выезды врачей из Туруханска по санитарным заданиям. Только за 5 месяцев 1966 г. было сделано 35 срочных вылетов. Больным оказывается помощь на местах или их отправляют в больницы. Врачи районной больницы периодически практикуют выезды комплексных медицинских бригад. С января и до июня 1966 г. такие бригады работали в поселках Верхне-Имбатском, Келлоге, Кангатово, Бахте и других пунктах. Регулярно проводится обследование детей школьного и дошкольного возраста.

Во всех поселках действуют бесплатные ясли и детсады. Теперь уже не приходится, как 10 лет назад, доказывать их пре-

имущества — повсеместно встает проблема недостаточного количества мест. Уже давно забыты эпидемии, ликвидирована трахома, сократилось число туберкулезных больных, особенно среди детей. Большим достижением является почти полное прекращение детской смертности.[21]

Хозяйственная и культурно-бытовая реконструкция, результаты которой значительно возросли за последнее десятилетие в связи с усиленным вниманием партии и государства к положению малых народов, коренным образом изменила жизнь кетов, одной из самых отсталых северных народностей, обреченных до победы Октябрьской революции на полное вымирание, сделала их равноправными членами братской семьи народов Советского Союза.

---

[21] По данным Суломайского сельского совета, за период с 1 января 1955 по 1 января 1966 г. родился 81 человек, 57 из них — кеты. Случаев детской смертности за это время было только 5 [Сов. Эвенкия, 1966, № 17 (3728)].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная национальная культура кетов являет собой пример взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения культур, характерный для этнического развития в наше время. Эти процессы обусловлены как историческими связями кетов с соседним коренным (селькупы, эвенки) и русским населением, так и особенно периодом социалистического переустройства.

Создание кооперативов, а затем колхозов, строительство школ, магазинов, медицинских пунктов способствовало стягиванию жителей мелких окрестных стойбищ к единому центру и объединению их общими интересами хозяйственного и культурного строительства.

Процессами взаимовлияния объясняются особенности современного состояния языка, родственных связей и культуры народа. В настоящее время почти все кеты двуязычны. При сохранении в быту родного языка, большинство из них хорошо владеет русским. Не говорят по-русски лишь немногие очень пожилые женщины. Овладение русским языком идет естественным путем, дети усваивают его с раннего возраста, так как в поселках они постоянно находятся в окружении своих русских сверстников. Несколько медленнее этот процесс проходит там, где семьи длительное время находятся на угодьях, в таком случае усвоение русского языка начинается только в школе, что затрудняет обучение в первые годы.[1] Имеются случаи, когда в семье специально обучают ребенка русскому языку, чтобы в дальнейшем ему было легче учиться. Часть кетов (в основном молодежь

[1] Еще в 1956 г. вопрос о преподавании в подготовительном классе на родном языке был актуальным для елогуйской группы, сейчас там все дети поступают в школу, понимая русскую речь.

после обучения или живущие в русских населенных пунктах) полностью перешла на русский язык. Этот момент отразила и последняя перепись — 20.6% кетов назвали своим родным языком русский (Исупов, 1960, стр. 40). Русский язык преобладает (временно или постоянно) в смешанных семьях, а также используется в качестве межнационального среди кетов, селькупов и эвенков (в основном лиц молодого и среднего поколения, так как многие пожилые кеты хорошо владеют селькупским и эвенкийским языками). Изменения происходят и в развитии самого кетского языка. Лингвисты констатируют большую смешанность различных говоров, вызванную перемещением их носителей. Лексика значительно расширилась за счет заимствований из русского, к числу их относится терминология, связанная с новыми преобразованиями жизни народа: образованием, медициной, техникой, земледелием, общественно-политической жизнью и т. д.[2]

Много слов и выражений заимствовано кетами из селькупского и эвенкийского языков, влияние последних сказалось также в некоторых фонетических и морфологических изменениях (Дульзон, 1964б, стр. 12).

Постоянные связи кетов с русским, селькупским и эвенкийским населением внутри отдельных групп при определенной устойчивости экзогамных норм и ослаблении контактов с другими группами своих соплеменников[3] явились причиной увеличения смешанных браков. В качестве примера можно привести данные о двух группах — курейской и пакулинской (баклановской).

По материалам посемейных списков курейской группы на 1 января 1937 г., из 27 семей 5 было смешанных, из них 3 семьи кетско-русские, 1 кетско-эвенкийская и 1 кетско-селькупская. На 1 января 1958 г. из 26 семей смешанных уже было 12, из них 3 семьи кетско-русские (в том числе 2 — Тарасеевых и Шадриных — совершенно обруселые), 3 кетско-селькупские, 3 кетско-эвенкийские, 2 кетско-немецкие и 1 кетско-якутская.

В 1937 г. из 42 семей, составивших впоследствии основное население пакулинской группы, смешанных было 7, из них 4 кетско-эвенкийские, 2 кетско-селькупские и 1 кетско-русская. В конце 50-х годов на 24 обследованных семьи приходилось 8 смешанных браков, из них кетско-эвенкийских 3, кетско-селькупских 3, кетско-русских 1 и кетско-литовских 1. В целом первое место в общем количестве смешанных браков занимают кетско-селькупские, второе — кетско-русские (смешение с русскими усиливается в последнее время за счет молодежи), третье — кетско-

[2] А. П. Дульзон насчитывает не менее тысячи таких заимствований (Дульзон, 1964б, стр. 7).

[3] В прошлом, как говорилось, для сватанья выезжали на ярмарки, где собиралось население из разных территориальных групп, или отправлялись на илимке в пределы какой-нибудь группы.

эвенкийские.[4] Приток нового населения отразился на появлении единичных нехарактерных браков. Наиболее устойчивой в национальном отношении оказалась подкаменнотунгусская группа. В настоящее время она административно входит в состав Эвенкийского национального округа.

Теми же процессами культурного взаимовлияния (и прежде всего влиянием русского населения) отмечен бытовой уклад кетов на современном этапе.

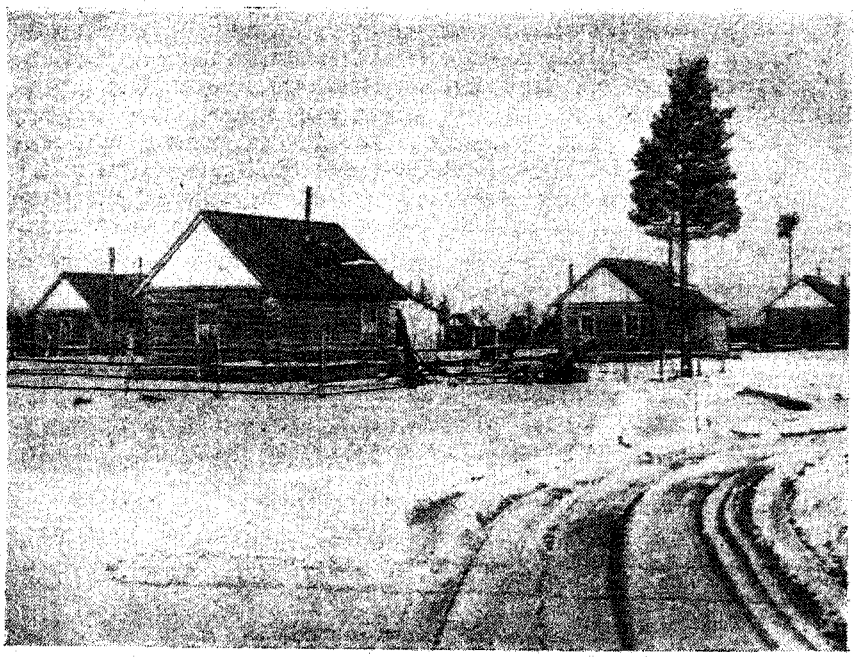

Рис. 35. Новые дома кетов (пос. Келлог).

В поселках семьи живут в выстроенных по типовому проекту домах, не отличающихся от жилища русских (рис. 35). Переход из чума в дом в настоящее время сопровождается коренными бытовыми изменениями: отказом от старой утвари, приобретением новых вещей, мебели. Внутреннее оборудование многих домов, где живут кеты, не отличается от такового в домах местных рус-

[4] Характерно, что в брак с кетами вступают главным образом определенные группы селькупов (Ириковы) и эвенков (Баякины). Эти фамилии распространены как среди коренного населения Верхнего Таза, с которыми у предков современных сургутинских, пакулинских и елогуйских кетов издавна были отношения взаимного обмена и родства, так и среди остального коренного населения самих кетских поселков.

ских. Интересна следующая закономерность: семьи, поселившиеся в домах даже 6—8 лет назад, в значительной степени сохраняли черты старого быта. Особенно заметно это проявилось на примере пакулинской группы. В 1958 г. жившие в пос. Пакулихе семьи почти повсеместно в домах пользовались низкими столиками, спали на полу, на подстилке из оленьей шкуры, санитарно-гигиеническое состояние жилищ было невысоким. С переводом центра в пос. Бакланиху и поселением в новых домах произошли разительные перемены: почти везде имеется необходимая

Рис. 36. Новый быт.

мебель и другая обстановка, женщины белят стены, красят полы, поддерживают чистоту (рис. 36). Здесь сказывается положительное влияние увеличившегося русского окружения и возрастание общего культурного уровня народа. Так же отличаются изменившие за последнее десятилетие свой домашний быт елогуйские кеты (пос. Келлог) от сургутинских соседей, где эта проблема еще стоит очень остро.

Некоторые черты традиционного бытового уклада сохраняются у кетов в период жизни семей вне поселка, на местах промысла. Во время летнего рыболовного сезона большинство из них живет в чуме. В зимнее время чум ставят уже редко, его заменяет самодельная матерчатая палатка (рис. 37). На рыбалке, во время сенокоса местами еще используются как временное жилище сводчатые шалаши из тальниковых прутьев; изредка на временных остановках в пути при одной-двух ночевках еще ставят полуучум.

Только у кетов, живущих в поселках Кангатово и Алинском, до недавнего времени сохранялось несколько крытых лодок-илимок. Для жилья их уже не использовали, в крытой части лодок хранили имущество.

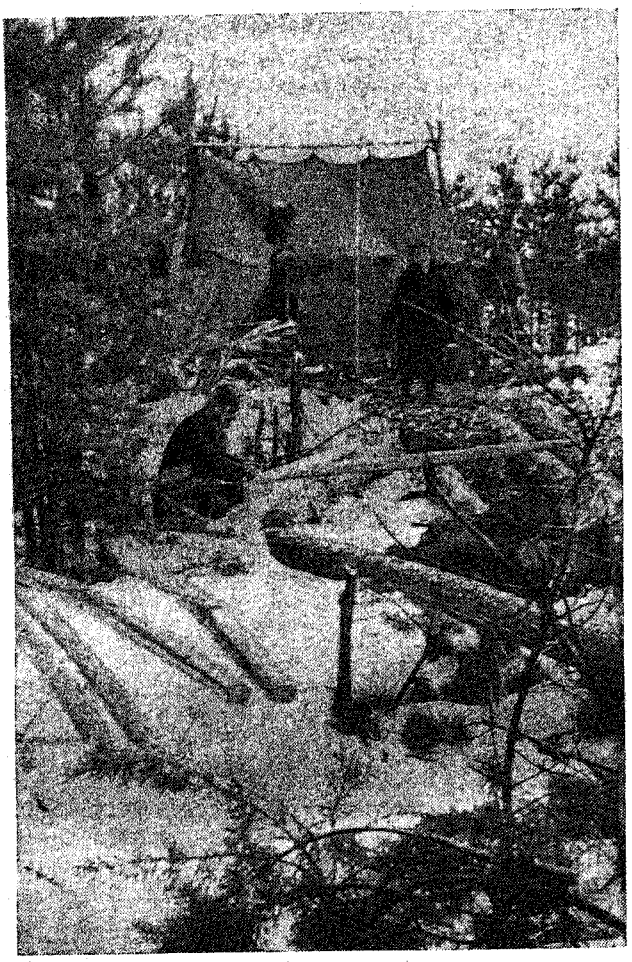

Рис. 37. Палатка охотника.

В период жизни на промысле наряду с покупными хозяйственными товарами кеты продолжают частично пользоваться традиционной домашней утварью. Широко распространены изделия из бересты (чуманы, тойолы и т. д.), низкие столики, самодельные колыбели. Из деревянной посуды бытуют только блюда (сык) для замешивания теста, поварешки. По-прежнему кеты ши-

роко пользуются самодельными ножами. Ножами кетской работы, как и многими другими орудиями труда, пользуются местные русские.

Мясо и рыба, как и раньше, являются основной пищей кетов, но большое место в каждодневном рационе занимают и покупные продукты — чай, сахар, сливочное масло, крупа, молочные консервы. Покупают они и овощи (картофель, капусту, лук), преимущественно в сухом виде, так как огороды имеются пока только у немногих семей, не связанных с промысловой деятельностью. Хлеб кеты покупают и выпекают сами (на промысле) в виде традиционных лепешек (нань), пресных и на закваске. Пекут лепешки на сковороде на жире или сливочном масле. Традиционная малоразнообразная кухня кетов пополнилась новыми блюдами. Обычным стало жарение мяса и рыбы на сковороде, приготовление мясных котлет, супов, заправленных крупами, овощами и т. д.

Большие изменения произошли в национальной одежде. В настоящее время повсеместно распространена современная одежда, покупная или сшитая из покупных тканей. Многие женщины сами шьют, заимствуя фасоны у русских. Если в качестве летней и выходной зимней используют покупную, то незаменимой будничной зимней остается одежда из оленьей шкуры — парка, сокуй, камусная обувь, обувь с суконными голенищами, рукавицы, меховые головные уборы (курейские кеты). Эта одежда сохраняется у всех, кто занимается охотничьим промыслом. Меховую обувь и рукавицы носят и многие постоянные жители поселков (рис. 38, 39). Местные русские, связанные по работе с разъездами на оленях, пользуются глухой одеждой, камусной обувью, рукавицами. Произошли изменения в самом покрое традиционной одежды. Парки из одной «постели» (без боковых конструктивных швов) сейчас встречаются только у мужчин-охотников (елогуйские, подкаменнотунгусские), да и то редко. Более распространены мужские и женские парки из нескольких (обычно двух) «постелей», при шитье которых отдельно выкраивают спинку, прилегающую в талии, полки. Меховую парку стараются сделать более красивой, похожей на современное пальто: шьют точно по фигуре, вводят воротники (отложные, шалькой), манжеты, карманы и т. д. В современной парке сохраняется характерный запах пол на левую сторону. Сходные по покрою парки носят и живущие в кетских поселках селькупы, эвенки.[5]

Летняя распашная одежда из сукна(котлам) вышла из употребления; стеганый бесем шьют детям дошкольного возраста и редко старикам. В качестве подклада в детском бесеме используют, кроме заячьих, лебединые шкурки. Одежду взрослых простеги-

[5] Женские селькупские парки двойные; верхняя и внутренняя части их сшиты одинаково, из трех «постелей» каждая.

вают на вате. В покрое бесема у одних групп (например, елогуйские) еще сохраняются специфические особенности национальной распашной одежды (отсутствие боковых конструктивных швов и запах пол на левую сторону), у других (курейские), как и при шитье парки, полки и спинку одежды выкраивают отдельно.[6] Глухая одежда (сокуй) распространена у всех кетов (исключая безоленных подкаменнотунгусских), ее надевают мужчины при переездах на оленях. Сокуи сейчас кеты редко шьют сами, их доставляют заготовители пушнины из Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа. Некоторые особенности нижней одежды кетов (отрезной характер, сборки и прямой разрез у ворота) еще можно увидеть в платьях пожилых женщин. В качестве белья их уже не используют. Белье шьют или покупают готовым. Обувь с камусной головкой и суконными голенищами носят все охотники, в том числе селькупы, эвенки. Более широко, чем прежде, сейчас распространена обувь, сшитая целиком из камусов. Эту обувь, как и глухую одежду, рукавицы, кеты покупают у заготовителей или шьют сами по образцу покупных. В зависимости от особенностей покроя кеты выделяют «эвенкийский» и «ненецкий» типы камусной обуви. Летнюю ровдужную обувь носят в основном женщины, старики и дети.

Полностью сохраняют свое значение кетские транспортные средства — ручные и оленьи нарты, лодки-долбленки (рис. 40), лыжи. Ими широко пользуется и местное русское население (обычно заказывают их изготовление кетам). Ничем не отличаются от кетских и средства передвижения селькупов, эвенков, живущих вместе с кетами.

Устойчивость формы и длительность бытования некоторых элементов материальной культуры объясняются их приспособленностью к местным условиям, а также отсутствием еще иных, более удобных, видов жилища, одежды, транспортных средств.

Отмечая неодолимый рост общей культуры кетов, следует в то же время отметить сохранение среди части населения пережитков прежней религиозной идеологии. Одни из них в современных условиях превратились скорее в национальную традицию. Другие сохраняются формально, утратив религиозное осмысление. Первое касается главным образом промысловых примет, народных способов лечения, отдельных обрядовых действий. Характерно в этом отношении проявление древнего культа медведя (медвежьего праздника), принявшего форму бытового развлечения, своеобразной производственной традиции. Религиозные верования в качестве пережитков сохранились в основном среди пожилых людей. Наиболее живучими оказываются те представления, которые сильнее связаны с эмоциональным состоянием

[6] Покупные ватники кеты иногда надставляют по нижнему краю широкой полосой простеганного на вате материала; одежду эту называют бесемом, носят ее преимущественно пожилые женщины.

Рис. 38. Женщина в зимней одежде.

Рис. 39. Оленевод в зимней одежде.

человека (беспокойство за благополучие семьи, здоровье детей и близких, страх перед болезнью, смертью, стихией удачи-неудачи и т. д.). В связи с этим более всего проявляются пережитки прежних семейно-родовых и погребального культов (почитание домашних покровителей, обряды при погребении и др.). Если по отношению к Хоседам еще в какой-то степени сохраняется суеверный страх (стараются не вспоминать о ней, не называть ее имени и т. д.), поскольку ее считают распорядительницей

Рис. 40. Лодка-долбленка.

жизни человека, то других сверхъестественных существ, добрых и злых, равно как и легендарных шаманов, воспринимают уже как сказочных персонажей.

Пережитки религиозной идеологии исчезают по мере проникновения в жизнь кетов основ культуры и науки, однако требуется еще большая работа по их преодолению, так как они тормозят дальнейшее культурное развитие народа. Есть, впрочем, и такие факты, которые, как бы единичны они ни были, требуют самого активного вмешательства и разъяснительной работы сельской интеллигенции: случаи морального давления и угнетения со стороны лиц, считающихся шаманами (на Елогуе, например, были жалобы такого рода в сельсовет); результатом соблюдения

традиционных правил питания при беременности являются заболевание женщин от истощения, выкидыши и т. д.

Самобытное изобразительное искусство (резьба по дереву, бересте, вышивка подшейным волосом и т. д.), слабо развитое и прежде, сейчас почти отсутствует совсем. Частично сохраняется традиция украшать резьбой берестяные двери чума, коробки, а также мелкие деревянные и костяные предметы: ножны, рукояти ножа (рис. 41, 42). Очень устойчивыми оказались орнаментальные мотивы. Частично сохраняется обычай украшать мужские подвязки и клапаны рукавиц аппликацией. С распространением камусной обуви кеты усвоили новый для них способ

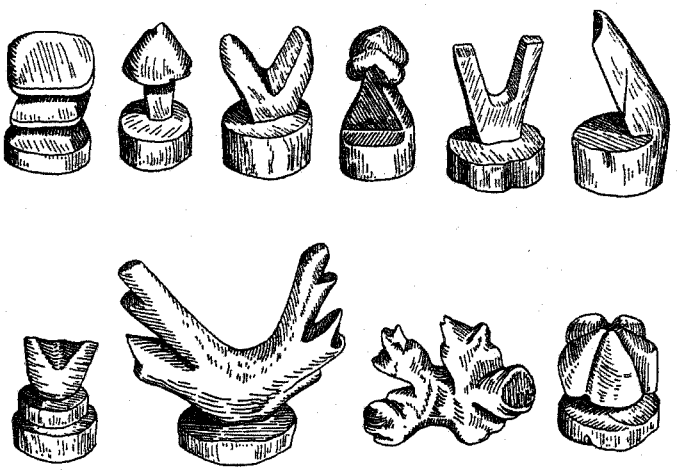

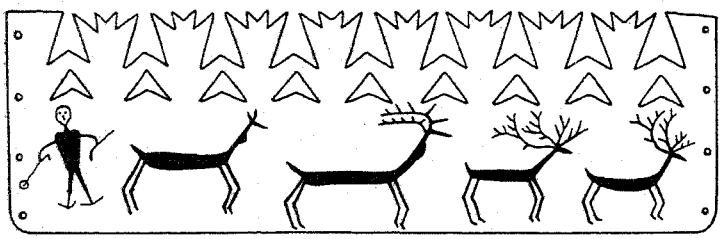
Рис. 41. Кетские шашки.

меховой мозаики. Использование бисера очень редко, им расшивают главным образом детскую обувь. Новыми для кетов явились навыки вышивки по канве; рисунки обычно заимствуются у местных русских.

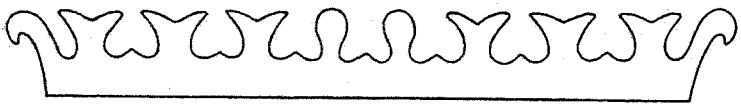
В большей степени, чем изобразительное искусство, сохраняется устное, в том числе песенное народное творчество. Не только старики, но и молодежь знает свои предания, сказки;[7] многие из них талантливые рассказчики. Свои песни поют преимущественно лица старшего поколения. Молодежь, отличающаяся хорошим слухом, знает и поет русские народные и современные советские песни.

В заключение следует сказать несколько слов о некоторых особенностях национального характера кетов, также являющихся результатом исторического развития народа.

[7] Об этом свидетельствует, в частности, разновозрастной состав информаторов, список которых приведен А. П. Дульзоном в его последней публикации кетского фольклора (1966а, стр. 157—160).

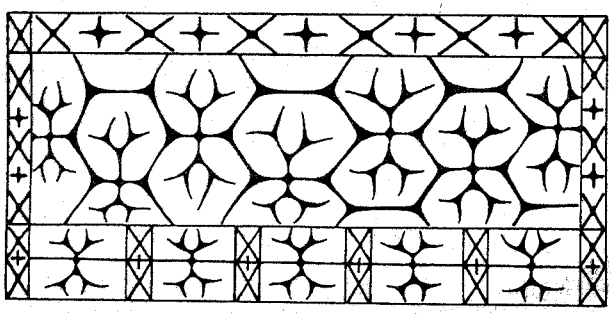
1

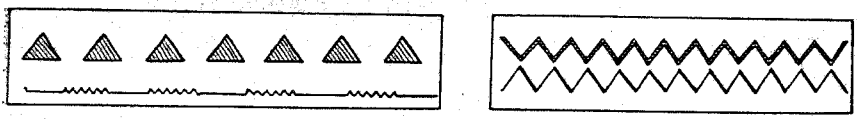
2

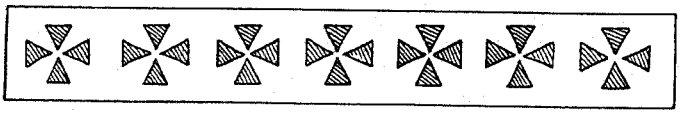
3

4

5

6

Рис. 42. Кетский орнамент.

1, *2* — резьба по дереву; *3*, *4* — краска по дереву; *5*, *6* — резьба по бересте.

Прежде всего следует отметить очень развитое чувство родственной солидарности, уважения к старшим. Взаимопомощь и помощь нуждающимся, гостеприимство являются обычными нормами. При всей сложности этнического развития на современном этапе у основной массы народности устойчиво сохраняется чувство национального самосознания, одной из форм проявления которого является повсеместный интерес к прошлому своего народа, его культуре.

* * *

В традиционной культуре кетов в конце XIX—начале XX в. преобладали черты древнего хозяйственно-культурного комплекса пешего охотничьего и рыболовческого населения таежной зоны.[8] Особенности производства (т. е. способы добычи животных и орудия труда), характерные элементы материальной культуры (землянка, чум, одежда из одной шкуры, ручная нарта, волокуша, широкое использование мяса и шкур таежных животных, рыбы, птиц, а также местного материала — бересты, дерева, рога), специфическая направленность календаря и идеологии промыслового населения — вот что определяет этот комплекс. В основе своей он сложился еще до переселения предков современных кетов на Енисейский Север, о чем свидетельствуют многочисленные сравнительные лингвистические, этнографические и исторические данные. Ареал таежных историко-культурных и этнических связей кетов, уходящих в глубокую древность, охватывает обширную территорию Южной и Юго-западной Сибири и широкий круг народов, современных или прежних жителей этой территории.

В условиях Енисейского Севера в результате взаимодействия с соседним самодийскоязычным населением у кетов (кроме подкаменнотунгусских) появилось таежное оленеводство и связанные с ним новые элементы материальной культуры (глухая одежда, камусная обувь, нарты и т. д.). Новая отрасль была приспособлена к прежнему хозяйственно-бытовому укладу и не вызвала в нем существенных изменений.

Этнографическое изучение кетов обнаруживает давнее культурное единство народности (общность конструкции жилища, покроя одежды и обуви, терминологии у различных групп). Все локальные различия (особенности в устройстве каркаса землянок, некоторая специфика материальной культуры курейской группы и т. д.) связаны с поздним влиянием соседнего эвенкийского и селькупского населения.

Характерной чертой этнического развития всех групп кетов в конце XIX—начале XX в. было сближение с русской

[8] В некоторых особенностях культуры народа усматриваются следы знакомства предков кетов со скотоводством.

культурой. С другой стороны, выработанные веками и наиболее приспособленные к местным условиям элементы культуры кетов (производственные навыки, транспортные средства, отдельные виды одежды и т. д.) стали достоянием соседних жителей, в том числе и русских.

Процессы сближения и взаимовлияния культуры кетов и окружающего населения особенно усилились в период социалистического переустройства и в настоящее время определяют пути этнического развития кетов, равноправного народа нашей многонациональной Родины.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон С. М. 1946. К семантике киргизских этнонимов. СЭ, № 3.

Абрамова З. А. 1966. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.—Л.

Александров В. А. 1960. Русское население Мангазейско-Туруханского края в XVII—первой четверти XVIII века. КСИЭ, 35.

Александров В. А. 1961. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. ИЗ, № 71.

Александров В. А. 1962а. Происхождение русского населения Енисейского края в XVII в. Сиб. этногр. сб., IV.

Александров В. А. 1962б. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края. В сб.: Материалы по истории Сибири. Сибирь XVII—XVIII вв., вып. I, Новосибирск.

Александров В. А. 1964. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М.

Алексеев В. П. 1955. К краниологии нганасанов. КСИЭ, XXIV.

Алексеенко Е. А. 1960. Культ медведя у кетов. СЭ, № 4.

Алексеенко Е. А. 1961. Средства передвижения кетов. Сиб. этногр. сб., III.

Алексеенко Е. А. 1962. Материалы по культуре и быту курейских кетов. (Колхоз «Новая жизнь»). Сиб. этногр. сб., IV.

Алексеенко Е. А. 1963. Старинные обычаи кетов, связанные с рождением ребенка. КСИЭ, XXXVIII.

Андреев А. И. 1936. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. СЭ, № 6.

Антропова В. В. 1953. Лыжи народов Сибири. СМАЭ, XIV.

Анучин В. И. 1914. Очерк шаманства у енисейских остяков. СМАЭ, II, вып. 2.

Аристов Н. А. 1896. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. ЖС, вып. 3—4.

Бахрушин С. В. 1955. Очерки из истории колонизации Сибири в XVI и XVIII вв. (1927). НТ, III, М.

Близняк Е. В. 1914. Заметки о Нижнем Енисее. ИРГО, т. 50, вып. 7.

Богораз В. Г. 1926. Миф об умирающем и воскресающем звере. ХФ, № 1.

Богораз В. Г. 1927а. Кастрен — исследователь палеоазиатов. В сб.: Памяти Кастрена, Л.

Богораз В. Г. 1927б. Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке. СМАЭ, VI.
Богораз В. Г. 1928а. Работа Г. Н. Прокофьева среди остяко-самоедов. Этнография, № 2.
Богораз В. Г. 1928б. Новые данные к вопросу о протоазиатах. ИЛГУ, т. I.
Богораз В. Г. 1939. Чукчи, ч. II. Л.
Борьба за власть Советов в Енисейской губернии. (Сб. статей, напечатанных в газете «Красноярский рабочий» к 40-летию Великого Октября). 1958. Красноярск.
Буцинский П. Н. 1893. Мангазея и Мангазейский уезд. ЗХУ, кн. 1.
Вайнштейн С. И. 1951а. Культура и быт кетского колхоза им. Сталина. КСИЭ, XI.
Вайнштейн С. И. 1951б. К вопросу об этногенезе кетов. КСИЭ, XIII.
Вайнштейн С. И. 1954. Чум подкаменнотунгусских кетов. КСИЭ, XXI.
Вайнштейн С. И. 1958. Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев. КСИЭ, XXIX.
Вайнштейн С. И. 1959. Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX—начало XX в.). СЭ, № 6.
Вайнштейн С. И. 1960. К вопросу о саянском типе оленеводства. КСИЭ, XXXIV.
Вайнштейн С. И. 1961. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.
Вайнштейн С. И. 1964. Тувинское шаманство. (VII МКАЭН). М.
Васильев В. И. 1962а. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение. КСИЭ, XXXVII.
Васильев В. И. 1962б. Проблема происхождения орудий запорного рыболовства обских угров. Сиб. этногр. сб., IV.
Васильев В. И., Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова. 1966. Проблема реконструкции быта малых народов Крайнего Севера. СЭ, № 3.
Василевич Г. М. 1930. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. Этнография, № 3, кн. II.
Василевич Г. М. 1931. Сымские тунгусы. СС, № 2.
Василевич Г. М. 1958. Эвенкийско-русский словарь. М.
Василевич Г. М. 1959. Ранние представления о мире у эвенков. ТИЭ, нов. сер., т. LI.
Василевич Г. М. 1962. Эвенки Катангского района. Сиб. этногр. сб., IV.
Василевич Г. М. 1963. Типы обуви народов Сибири. СМАЭ, XXI.
Василевич Г. М. и М. Г. Левин. 1951. Типы оленеводства и их происхождение. СЭ, № 1.
Вдовин И. С. 1954. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л.
Вербицкий В. 1893. Алтайские инородцы. М.
Вербов Г. Д. 1936. Лесные ненцы. СЭ, № 1.
Вернер Г. К. 1965. Система вокализма сымского наречия кетского языка. УЗТГПИ, т. XXII.
Вернер Г. К. 1966а. Основные варианты гласных фонем сымского диалекта кетского языка. ЯТС, I, Томск.
Вернер Г. К. 1966б. Фонетические процессы в системе консонантизма сымского диалекта кетского языка. ЯТС, I, Томск.
Вернер Г. К. 1966в. Звуковая система сымского диалекта кетского языка. Автореф. канд. дисс., Томск.
Воблов И. К. 1952. Эскимосские праздники. Сиб. этногр. сб., I.
Воробьев Т. Н. 1964. Изучение Восточной Сибири участниками 3-й Камчатской экспедиции. СГ, 3, М.—Л.
Георги И. Г. 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, чч. III, IV. СПб.

Гохман И. И. 1963. Материалы к антропологии елогуйских кетов. КСИЭ, XXXVIII.
Грум-Гржимайло Г. Е. 1909. Белокурая раса в Средней Азии. ЗРГО, т. 34.
Грум-Гржимайло Г. Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край, II. Л.
Дебец Г. Ф. 1947. Селькупы (антропологический очерк). ТИЭ, нов. сер., т. II.
Деникер М. 1902. Человеческие расы. СПб.
Доброво-Ядринцева Л. Н. 1925. Туземцы Туруханского края. Опыт исследования экономического положения. Новониколаевск.
Долгих Б. О. 1934. Кеты. Иркутск.
Долгих Б. О. 1949а. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири. КСИЭ, V.
Долгих Б. О. 1949б. Племена Средней Сибири в XVII в. КСИЭ, VIII.
Долгих Б. О. 1950. Родо-племенной состав и расселение кетов. ДСИМФГУ, вып. 9.
Долгих Б. О. 1952а. Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска. СЭ, № 2.
Долгих Б. О. 1952б. Некоторые данные о заключении брака и свадебном обряде у кетов в прошлом. КСИЭ, XVI.
Долгих Б. О. 1952в. Племена Средней Сибири в XVII в. КСИЭ, XVI.
Долгих Б. О. 1954. Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени. КСИЭ, XX.
Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. ТИЭ, нов. сер., LV.
Долгих Б. О. 1961. О похоронном обряде кетов. СА, № 3.
Долгих Б. О. и Л. А. Файнберг. 1960. Таймырские иганасаны. ТИЭ, т. LVI.
Дульзон А. П. 1950. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. УЗТГПИ, т. VI.
Дульзон А. П. 1952. Чулымские татары и их язык. УЗТГПИ, т. IX.
Дульзон А. П. 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. УЗТГПИ, т. X.
Дульзон А. П. 1954. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья. УЗТГПИ, т. XI.
Дульзон А. П. 1956. Археологические памятники Томской области. ТТКМ, т. V.
Дульзон А. П. 1957. О категории рода в кетском языке. Доклады VII научной конференции ТГУ, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, вып. 1.
Дульзон А. П. 1959а. Термины родства и свойства енисейских кетов. СЭ, № 6.
Дульзон А. П. 1959б. Кетские топонимы Западной Сибири. УЗТГПИ, т. XVIII.
Дульзон А. П. 1961а. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. УЗТГПИ, т. XIX, вып. 2.
Дульзон А. П. 1961б. Дорусское население Западной Сибири. В сб.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск.
Дульзон А. П. 1962а. Былое расселение кетов по данным топонимики. ВГ, № 58.
Дульзон А. П. 1962б. Древние передвижения кетов по данным топонимики. ИВГО, т. 94, вып. 6.
Дульзон А. П. 1962в. Кетские наречия XVIII в. ТТКМ, т. VI, вып. 2.
Дульзон А. П. 1962г. Общее название реки у кетоязычных народов. УЗДГУ, вып. 5.
Дульзон А. П. 1962д. Аффиксация как метод передачи грамматических значений. Томск.

Дульзон А. П. 1962е. Гидронимический ареал — ман в южной части Сибири. ТВ.
Дульзон А. П. 1962ж. Кетские сказки и другие тексты. (К исследованию кетского языка). УЗТГПИ, т. XX.
Дульзон А. П. 1963. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. Тр. XXV МКВ, т. III, М.
Дульзон А. П. 1964а. Кетские сказки и другие тексты. (К исследованию кетского языка. С приложением текстов кетских сказок). УЗТГПИ, т. XXI, вып. 1.
Дульзон А. П. 1964б. Очерки по грамматике кетского языка. Томск.
Дульзон А. П. 1965. Топонимы Средней Сибири. ИСОАН, 5, сер. обществ. наук, вып. 2.
Дульзон А. П. 1966а. Кетские сказки. Томск.
Дульзон А. П. 1966б. Кетские тексты. УЗТГУ, № 59.
Дульзон А. П. 1966в. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков. УЗТГУ, № 57.
Дыренкова Н. П. 1937. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. В сб.: Памяти В. Г. Богораза, Л.
Еленев А. С. 1893. Естественно-географический очерк р. Енисея от г. Енисейска до г. Туруханска с некоторыми сведениями по этнографии этой местности. ИВСОГО, т. XXIV, № 3—4.
Зеленин Д. К. 1929. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. СМАЭ, VIII.
Золотарев А. М. 1939. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.
Иванов С. В. 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. ТИЭ, нов. сер., т. XXII.
Иванов В. В. и В. Н. Топоров. 1962а. К вопросу о реконструкции кетского эпоса и его мифологических основ. ССИЗС. Тезисы докладов. М.
Иванов В. В. и В. Н. Топоров. 1962б. Кетская модель мира. ССИЗС. Тезисы докладов. М.
Иванов В. В. и В. Н. Топоров. 1964. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения их в циркумполярную область. (VII МКАЭН). М.
Исаченко В. Л. 1915. Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении, вып. IX. Инородцы Туруханского края, выходящие на берега р. Енисея в районе с. Дудинка — ст. Осиновый, и их рыбный и другие промыслы. Красноярск.
Историко-этнографический атлас Сибири. 1961. М.—Л.
Исупов А. А. 1964. Национальный состав населения СССР. М.
Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. 1963. М.
Каргер Н. К. 1930. Оленеводство у енисейцев (кетов). СС, № 6.
Каргер Н. К. 1934. Кетский язык. ЯПНС, ч. III.
Каруновская Л. Э. 1927. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. СМАЭ, VI.
Кастрен М. А. 1860. Путешествие в Сибирь 1845—1849 гг. МЗП, т. VI, СПб.
Керцелли С. В. 1921. Материалы к изучению оленеводства. Тр. сев. научно-промысл. экспед., вып. 13, Пгр.
Керцелли С. В. 1933. Избенное оленеводство в сельском хозяйстве. Л.
Коммунистическая партия в период упрочения Советской власти (октябрь 1917—1918 гг.). 1960. Документы и материалы. М.
Корсаков Г. М. 1941. Кеты Подкаменной Тунгуски. СС, № 5.
Косвен М. О. 1953. Очерки истории первобытной культуры. М.
Костров Н. А. 1857. Очерки Туруханского края. ЗСОРГО, IV.
Крейнович Е. А. 1958. Юкагирский язык. М.
Крейнович Е. А. 1961. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке. ВЯ, № 2.

Крейнович Е. А. 1963а. О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке. В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л.
Крейнович Е. А. 1963б. К типологической характеристике кетского языка. Совещание по типологии восточных языков. Тезисы докладов. М.
Крейнович Е. А. 1965. О прерывных глагольных основах в кетском языке. ВЯ, № 3.
Кривошапкин М. Ф. 1865. Енисейский округ и его жизнь. СПб.
Кытманов Д. А. 1927. Туземцы Туруханского края. СА, № 2—3.
Латкин Н. В. 1892. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.
Лебедев М. В. 1926. Кооперирование русского и туземного населения в Туруханском крае. Жизнь Сибири, № 5—6.
Левин М. Г. 1940. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. В сб.: Проблемы происхождения эволюции и породообразования домашних животных, т. I.
Львов А. К. 1931. Поездка к енисейцам-кето Елогуйского рода. Сов. Азия, № 1—2.
Максимов А. Н. 1929. Происхождение оленеводства. УЗРАНИОН, т. 6, М.
Марр Н. Я. 1926. От шумеров и хеттов к палеоазиатам. ДАН СССР, сер. В.
Мартынов А. И. 1963. Из истории идеологии тагарской культуры. ИСОАН, сер. обществ. наук, вып. 9.
Миддендорф А. Ф. 1869. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб.
Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири, кн. I. М.—Л.
Миллер Г. Ф. 1941. История Сибири, кн. II. М.—Л.
Морган Л. 1934. Древнее общество. Л.
Мордвинов А. 1860. Инородцы, обитающие в Туруханском крае. ВРГО, XXVIII.
Мошинская В. И. 1953. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. МИА, № 35.
Мягков И. М. 1927. Находки на горе Кулайке. ТТКМ, т. I.
Мягков И. М. 1929. Древности Нарымского края. ТТКМ, т. II.
Народы Америки, т. I. 1959. М.
Народы Сибири. 1956. М.—Л.
Николаев Р. В. 1958. Археолого-этнографическая работа в Красноярском крае в 1957—58 гг. УЗКПИ, 13, сер. ист.-филол., вып. 2.
Николаев Р. В. 1959. Карасукская культура на севере Красноярского края. В сб.: Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири, Томск.
Николаев Р. В. 1960а. Археологические находки на севере Красноярского края. СЭ, № 1.
Николаев Р. В. 1960б. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского Севера. КСИЭ, XXXIV.
Николаев Р. В. 1962. Некоторые вопросы кетского этногенеза и динлинская проблема. ИКОВГО, вып. 2.
Николаев Р. В. 1963а. Древние жилища у с. Маковского. МИАЭИКК, Красноярск.
Николаев Р. В. 1963б. Курганы тагарской эпохи у г. Красноярска. МИАЭИКК, Красноярск.
Николаев Р. В. 1963в. Материалы к археологической карте севера Красноярского края. МИАЭИКК, Красноярск.
Новлянская М. Г. 1962. Д. Г. Мессершмидт и его дневники путешествия по Сибири. ИВГО, т. 94, вып. 3.
Новлянская М. Г. 1966. Филипп Иоганн Страленберг. М.—Л.
Нумеров К. Д. и П. Н. Павлов. 1962. Пушные богатства Красноярского края в прошлом и настоящем. ИКОВГО, вып. 2, Красноярск.

Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. 1929. Тр. комиссии АН СССР по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, 17, Л.
Окладников А. П. 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18.
Окладников А. П. 1955. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I. М.—Л.
Окладников А. П. 1957. Из истории этнических и культурных связей. СА, № 1.
Паллас П.-С. 1787. Сравнительный словарь всех языков и наречий, ч. I. СПб.
Паллас П.-С. 1789. Сравнительный словарь всех языков и наречий, ч. II. СПб.
Паллас П.-С. 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III. СПб.
Патканов С. К. 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. I. СПб.
Пелих Г. И. 1962. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края. Сиб. этногр. сб., IV.
Передольский В. В. 1908. По Енисею. Быт енисейских остяков. СПб.
Пестов И. 1833. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири (1831). М.
Плотников А. Ф. 1901. Нарымский край. СПб.
Попов А. А. 1944. Енисейские ненцы (юраки). ИВГО, т. LXXVI, вып. 2—3.
Попов А. А. 1946. Семейная жизнь у долган. СЭ, № 4.
Попов А. А. 1948. Нганасаны, вып. 1. Материальная культура. М.—Л.
Попов А. А. 1949. Старинная якутская берестяная юрта. СМАЭ, X.
Попов А. А. 1958. Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии. СМАЭ, XVIII.
Потапов Л. П. 1936. Очерки по истории Шории. М.—Л.
Потапов Л. П. 1951. Одежда алтайцев. СМАЭ, XIII.
Потапов Л. П. 1952. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан.
Потапов Л. П. 1953а. Очерки по истории алтайцев. М.—Л.
Потапов Л. П. 1953б. Пища алтайцев. СМАЭ, XII.
Потапов Л. П. 1957. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан.
Потапов Л. П. 1966. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика. ТТКАЭЭ, II.
Прокофьев Г. Н. 1928. Остяко-самоеды Туруханского края. Этнография, № 2.
Прокофьев Г. Н. 1940. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. СЭ, № 3.
Прокофьева Е. Д. 1946. Древние жилища на рр. Тым и Кеть. СЭ, № 2.
Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов. Сиб. этногр. сб., I.
Прокофьева Е. Д. 1953. Материалы по религиозным представлениям энцев. СМАЭ, XIV.
Протоколы Русского антропологического общества за 1897—1898 гг., 2. 1898. СПб.
Прыткова Н. Ф. 1953. Одежда хантов (XVII—XX вв.). СМАЭ, XV.
Радлов В. В. 1884. Древние аборигены Сибири. ЖР, т. XI, СПб.
Радлов В. В. 1888. Сибирские древности, т. I, вып. I. СПб.
Руденко С. И. 1955. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л.
Русско-Тувинский словарь. 1953. М.
Рычков К. М. 1916. Береговой род юраков. ИРГО, т. 38.

Сафронов В. 1962. Октябрь в Сибири. Красноярск.
Семенов Б. С. 1919. Енисейские остяки. (Путевые впечатления). СР, № 5.
Сергеев М. А. 1955. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. ТИЭ, XVII.
Сериков И. А. 1962. Город Мангазея (к 360-летию от основания). ИКОВГО, вып. 2.
Симченко Ю. Б. 1965. Тамги народов Сибири XVII в. М.
Синельников Н. А. 1911. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В. И. Анучина. ТАООЛЕАЭ, т. XXVII, вып. 1.
Скалон В. 1930. В тундре Верхнего Таза. СС, № 3.
Соколова З. П. 1957. К истории жилища обских угров. СЭ, № 2.
Соколова З. П. 1960. К вопросу о развитии обско-угорской землянки. ЕТОКМ, вып. 1, Тюмень.
Соколова З. П. 1962. Заметки об эвенках бассейна Кети. Сиб. этногр. сб., IV.
Соколова З. П. 1963. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров. Сиб. этногр. сб., V.
Степанов А. П. 1835. Енисейская губерния, ч. II. СПб.
Суслов И. М. 1931. Шаманство и борьба с ним. СС, № 3—4.
Сыроечковский Е. Е. 1965. Биологические ресурсы Енисейского Севера. Красноярск.
Тарасенков Г. Н. 1930. Туруханский край. Экономический обзор с историческим очерком. Красноярск.
Терешкин Н. И. 1961. Очерки диалектов хантыйского языка, ч. 1. М.—Л.
Токарев С. А. 1958. Этнография СССР. М.
Токарев С. А. 1961. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита. СА, № 2.
Токарев С. А. 1964. Ранние формы религии и их развитие. М.
Третьяков П. И. 1869. Туруханский край, его природа и жители. ЗРГО, т. II.
Троицкая Г. Н. 1963. К вопросу о культе медведя в Приобье. ИСОАН, сер. обществ. наук, вып. 9.
Тугаринов А. Я. 1924. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. ИКОВГО, т. III, вып. 2.
Тугаринов А. Я. 1927. Туземцы приенисейского Севера. Красноярск.
Туголуков В. А. 1964. Новые сведения о народах Нижнего Енисея, относящиеся к середине XIX в. СЭ, № 3.
Увачан В. Н. 1958. Переход к социализму малых народов Севера. М.
Увачан В. Н. 1963. Ленинская национальная политика и малые народы Севера. СЭ, № 3.
Ураев Р. А. 1956. Кривошеинский клад. ТТКМ, т. V.
Файнберг Л. А. 1962. Терминология родства нганасан как исторический источник. Сиб. этногр. сб., IV.
Финдейзен Х. 1929. Из поездки к кэто (енисейским остякам) в 1927—1928 гг. Сев. Азия, № 2.
Фишер И. Е. 1774. История Сибирская. СПб.
Формы погребения у современных и древних народов Восточной России. 1892. ИОАИЭ, т. X. вып. 1, Казань.
Харузин Н. Н. 1890. Русские лопари. М.
Хомич Л. В. 1961. Оленьи нарты и упряжь у ненцев. СМАЭ, XX.
Хомич Л. В. 1966. Ненцы. М.—Л.
Чернецов В. Н. 1936. Термины средств передвижения в мансийском языке. В сб.: Памяти В. Г. Богораза, М.—Л.
Чернецов В. Н. 1941. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, IX.
Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58.
Чернецов В. Н. 1959. Представление о душе у обских угров. ТИЭ, нов. сер., т. LI.

Чернецов В. Н. 1963. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. Congressus Internationalis Finno-Ugristarum, Budapest.
Чудновский С. 1885. Енисейская губерния. Красноярск.
Шатилов М. Б. 1931. Ваховские остяки, ТТКМ, IV.
Шибаева Ю. А. 1959. Одежда хакасов. Душанбе.
Юртаева В. И. 1964а. Возникновение органов государственной торговли и кооперации у малых народов Енисейского Севера (1917—1923 гг.). УЗГГУ, сер. ист.-филол., вып. 65.
Юртаева В. И. 1964б. К вопросу о структуре национальных отделов партийных и советских органов Сибири и их первых мероприятиях по национальному строительству у народностей Севера. УЗГГУ, сер. ист., вып. 70.

Ahlquist A. 1880. Über die Sprachen der Nordostjaken, I Abt. Helsingfors.
Bouda K. 1937. Das Kottische Verbum. ZDMG, Bd. XII, H. 4, Leipzig.
Bouda K. 1957. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. Anthropos, Bd. 52.
Bouda K. 1960. Die Verwandtschaftsverhältnisse des Giljakischen. Anthropos, Bd. 55.
Castren M. A. 1855. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, Bearbeitet von Anton Schiefner. St. Petersburg.
Castren M. A. 1858. Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg.
Collins H. 1954. Arctic Area. Programm of the History of America. Indigenous Period 1. Mexico.
Donner K. 1916—1920. Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken. JSFO, XXXVII, Helsinki.
Donner K. 1930. Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache. JSFO, XLIV, Helsinki.
Donner K. 1933. Ethnological notes about the Jenisey-ostyak. Helsinki.
Donner K. 1955. Ketica Materialien aus dem Ketischen oder Jenisseiostjakishen. Aufgezeichnet von Kai Donner. Bearbeitet und Herausgegeben von Aulis J. Joki. MSFO, 108, Helsinki.
Donner K. 1958. Ketica. Supplement. Helsinki.
Findeisen H. 1929a. Von Berlin in den sibirischen Norden. Völkerkunde, H. 1—3. Wien.
Findeisen H. 1929b. Reisen und Forschungen in Nordsibirien. Berlin.
Findeisen H. 1931. Der Mensch und seine Teile in der Kunst der Jenissejer (keto). ZE, H. 5—6.
Findeisen H. 1937—1938. Die Keto. Forschungen über ein nordsibirischen Volk. SS, H. 1.
Findeisen H. 1940. Indochinesen in Nordsibirien. Beobachtungen und Studien bei den Keto der Steinigen Tunguska. Atlantis, № 2.
Findeisen H. 1941. Zwei ketische (jenissej-ostjakische) Erzählungen von der Steinigen Tunguska (Westsibirien). MAW, № 71.
Gmelin J. 1751—1752. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, H. 1—4. Göttingen.
Hamp E. P. 1960. Notes on Ket Phonemies. UAJ, Bd. XXXII, H. 1—2.
Hajdu P. 1953. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojeden und den jenisseischen Völkern. AO, t. 3, fasc. 1—2, Budapest.
Jakobson R., G. Hüttl-Worth, J. F. Beebe. 1957. Paleosiberian peoples and Languages. New Haven.
Joki A. J. 1946. Indochinesische Lehnwörter im Samojedischen FUF, Bd. XXIX, H. 1—3.
Klaproth J. 1823. Asia Polyglotta. Paris.
Levy E. 1933. Zum Jenissei-Ostjakischen. UJ, Bd. XIII, Berlin-Leipzig

Ligeti L. 1950. Mots de civilisation de Haute Asie eh transcription Chinoise. AO, t. 1, fasc. 1, Budapest.
Messerschmidt D. G. 1964. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723—Mai 1724. Berlin.
Pallas P.-S. 1776. Reise durch verschiedene Provinzen des Russichen Reichs, Th. III. St. Petersburg.
Pallas P.-S. 1782. Neue Nordische Beiträge, Bd. 3. SPb.
Paproth H. I. R. 1962. Das Bärenfest der Keto in Nordsibirien. Anthropos, Bd. 57.
Paulson I. 1959. Die Tierknochen in Jagdritual des nordenrasischen Völker. ZE, Bd. 84, H. 2, Braunschweig.
Paulson I. 1961. Schutzgeister und Gottheiten des Wildes (der Jagdtiere und Fische in Norder Asien). AUSSSR, Uppsala.
Paulson I. 1962. Weltbild und Natur in der Religion der nordsibirischen Völker. UAJ, Bd. XXXIV, H. 1—2.
Potapov L. P. 1957. Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Mottoren. JSFO, LIX, Helsinki.
Pulleyblank E. G. 1963. The consonantal System of Old Chinese. Appendix. The Hsiung-nu Language. AM, new. ser., vol. IX, pt. 2, London.
Radloff W. 1884. Aus Sibirien, Bd. I—II. Leipzig.
Ramstedt G. J. 1907. Über den Ursprung der sogenannten Jenissei Ostjaken. JSFO, XXIV, Helsingfors.
Sirelius U.-T. 1910. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Helsingfors.
Strahlenberg Ph. J. 1730. Das nord und östlichen Theil von Europa und Asia. Stockholm.
Tailleur O. G. 1957. Un ilot basco-caucasien en Siberie. Orbis. Louvain, t. 7.
Werbow G. D. 1963. Bestattungsriten bei den Enzen (Jenissei-Samojeden). GFSV, Budapest.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЭ	— Архив Института этнографии Академии наук СССР.
ВГ	— Вопросы географии.
ВРГО	— Вестник Русского географического общества.
ВЯ	— Вопросы языкознания.
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области.
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края.
ГМЭ	— Государственный музей этнографии.
ДАН СССР	— Доклады Академии наук СССР.
ДСИФМГУ	— Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета.
ЕГА	— Енисейский государственный архив.
ЕТОКМ	— Ежегодник Томского областного краеведческого музея.
ЕТЮКМ	— Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея.
ЖР	— Живописная Россия.
ЖС	— Живая старина.
ЗРГО	— Записки Русского географического общества.
ЗЗСОРГО	— Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.
ЗСОРГО	— Записки Сибирского отдела Русского географического общества.
ЗХУ	— Записки Харьковского университета.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества.
ИВСОГО	— Известия Восточно-Сибирского отдела географического общества.
ИЗ	— Исторические записки.
ИКОВГО	— Известия Красноярского отдела Всесоюзного географического общества.
ИЛГУ	— Известия Ленинградского государственного университета.
ИОАИЭ	— Известия общества археологии, истории и этнографии.
ИРГО	— Известия Российского географического общества.
ИС	— Институт славяноведения Академии наук СССР.
ИСОАН	— Известия Сибирского отделения Академии наук СССР.
ИЭ	— Институт этнографии.
ККМ	— Красноярский краеведческий музей
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.
МЗП	— Магазин землеведения и путешествий.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАЭИКК — Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края.
МКВ — Международный конгресс востоковедов.
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
НТ — Научные труды.
СА — Советская археология.
СВ — Сибирский вестник.
СГ — Сибирская география.
СД — Сибирские древности.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.
СР — Сибирский рассвет.
СС — Советский Север.
ССИЗС — Симпозиум по структурному изучению знаковых систем.
СЭ — Советская этнография.
ТАООЛЕАЭ — Труды антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии.
ТВ — Топонимика Востока.
ТГУ — Томский государственный университет.
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт.
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР.
ТТГУ — Труды Томского государственного университета.
ТТКМ — Труды Томского областного краеведческого музея.
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
УЗГГУ — Ученые записки Горьковского государственного университета.
УЗДГУ — Ученые записки Дальневосточного государственного университета.
УЗКПИ — Ученые записки Красноярского педагогического института.
УЗРАНИОН — Ученые записки Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
УЗТГПИ — Ученые записки Томского государственного педагогического института.
УЗТГУ — Ученые записки Томского государственного университета.
ХФ — Художественный фольклор.
ЯПНС — Языки и письменность народов Севера.
ЯТС — Языки и топонимия Сибири.

AM — Asia Major.
AO — Acta Orientalia.
AUSSR — Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm. Studies in comparative Religion.
FUF — Finnisch-ugrischen Forschungen.
GFSV — Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker.
JSFO — Journal de la Societe Finno-ougrienne.
MAW — Mitteilungen der Anthropologesellschaft in Wien.
MSFO — Memoires de la Societe Finno-ougrienne.
SS — Sinica-Sonderausgabe.
UAJ — Ural-Altaische Jahrbücher.
UJ — Ungarische Jahrbücher.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
ZE — Zeitschrift für Ethnologie.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение 3

ЧАСТЬ I

Кеты в конце XIX—начале XX в. 23

Краткие исторические сведения 23

Хозяйство и социально-экономические отношения 37

Материальная культура 80

Семейный быт 156

Религиозные верования 169

ЧАСТЬ II

Социалистические преобразования хозяйства, культуры и быта кетов после Великой Октябрьской социалистической революции 210

Заключение 238

Литература 251

Список сокращений 260

Евгения Алексеевна Алексеенко

КЕТЫ

Историко-этнографические очерки

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректоры *Р. Г. Гершинская, Л. Я. Комм* и *А. И. Кац*

Сдано в набор 21/IX 1967 г. Подписано к печати 28/XI 1967 г. РИСО АН СССР № 148-114В. Формат бумаги 60×90 1/16. Бум. л. 8 3/8. Печ. л. 16 1/2+2 вкл. (1/4 печ. л.) = 16 3/4 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.75. Изд. № 3546. Тип. зак. № 559. М-61011. Тираж 1600. Бумага типографская № 1. *Цена 1 р. 32 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. изд. «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

Андрианов Б. В. Население Африки. (Приложение к карте народов Африки). 1960. 79 стр. *Цена 40 к.*

Вдовин И. С. Чукчи. Очерки истории этнографии чукчей. 1965. 403 стр. *Цена 1 р. 82 к.*

Восточноазиатский этнографический очерк.

Том 1. (Тр. Ин-та этнографии. Т. 60). 1960. 272 стр. *Цена 40 к.*

Том 2. (Тр. Ин-та этнографии. Т. 73). 1961. 354 стр. *Цена 2 р.*

Иванов М. С. Племена фарса. Кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани. Тр. Ин-та этнографии. Т. 68. 1961. 172 стр. *Цена 1 р.*

Индийский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии. Т. 65. 1961. 203 стр. *Цена 1 р. 13 к.*

Ларькин В. Г. Орочи. Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. 1964. 176 стр. *Цена 52 к.*

Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. Тр. Ин-та этнографии. Т. 57. 1960. 317 стр. *Цена 1 р. 79 к.*

Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. Тр. Ин-та этнографии. Т. 48. 1961. 198 стр. *Цена 1 р. 60 к.*

Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. 1963. 779 стр. *Цена 4 р. 76 к.*

Народы Южной Азии. (Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова). 1963. 964 стр. *Цена 5 р. 10 к.*

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезис культуры. 1965. 264 стр. *Цена 1 р. 28 к.*

Происхождение и этническая история русского народа. (По антропологическим данным). Тр. Ин-та этнографии. Т. 88. 1965. 415 стр. *Цена 2 р. 33 к.*

Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. 1965. 227 стр. *Цена 82 к.*

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. Этнографический очерк. 1965. 224 стр. *Цена 1 р. 06 к.*

Заявки на книги издательства «Наука»
направляйте в магазины конторы «Академкнига»

Адреса магазинов:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12,
«Академкнига», магазин «Книга — почтой»;
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
«Академкнига», магазин «Книга — почтой»

Заказы выполняются наложенным платежом